

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XIII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XIII

МИРОВАЯ ВОЙНА

1914 — 1916 г.г.

(71 — 91 тысяча).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.

ТИПОГРАФИЯ
„КОМИНТЕРН“
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЛЕНИНГРАД
Екатерингофский пр., 87.

ВОЙНА 1914—1916 г. г.

1914 ГОД.

Война и Российская социал-демократия.

Европейская война, которую в течение десятилетий подготавливали правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата—таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакеиствую перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои

усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и разрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые», демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одной другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно, гражданской войны против буржуазии, как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разъединить рабочих и направить их друг на друга, тем свирепее применяется для этой возвышенной цели система

военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага), — тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказываться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий — в особенности немецкой — граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительства, а призывали рабочий класс слить свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких соц.-дем., которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем простым софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел

российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Ие далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать в России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить ее отказаться от каких бы то ни было революционных действий, — то и в этом случае нельзя было присоединяться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских социал-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая Партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство — Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция в Гос. Думе — сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседаний Думы для еще более энергического выражения своего протesta, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистскую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи рабочие в России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной социал-демократии в лице меньшинства немецких с.-д. и лучших с.-д. в нейтральных странах испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партий раздаются и в Англии и во Франции; если оппортунисты в лице, например, германского «Социалистического Ежемесячника» (*«Sozialistische Monatshefte»*), давно стоящие на национал-либеральной позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом—то наихудшую услугу пролетариату оказывают те колеблющиеся между оппортунизмом и революционной социал-демократией (подобно «центру» в германской с.-д. партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штуттгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов¹), обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (т. наз. «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом;—отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов;—проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества;—ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сантиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран;—превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности не-

легальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное «дополнение» оппортунизма,—столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т.-е. марксистской точке зрения,—анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско.

Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм («кадеты») и частью народников, вплоть до с.-р. и «правых» с.-д. (В особенности обязательно заклеймить шовинистские выступления, например, Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-«патриотической» печатью.)

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской *).

---

*) Требование Соединенных Штатов Европы, как его выдвинул манифест Ц. К., сопроводивший его призывом к низвержению монархии России, Австрии, Германии,—отличается от пасифистского толкования этого лозунга Каутским и другими. В № 44 Центрального Органа нашей партии: «Социал-Демократ» помещена редакционная статья, в которой доказана экономическая неправильность лозунга «Соединенных Штатов Европы». Либо это—требование, неосуществимое при капитализме, предпо-

В России задачами с.-д. ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть по прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма. Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты «берегут» легальные организации ценой измени своим убеждениям,—революционные с.-д. используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительства и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от си-

---

лагающее установление планомерности мирового хозяйства при разделении колоний, сфер влияния и проч. между отдельными странами. Либо это— лозунг реакционный, означающий временный союз великих держав Европы для более успешного угнетения колоний и ограбления более быстро развивающихся Японии и Америки. Прим. ред. «Социал-Демократ»,

«стематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

«Социал-Демократ» № 33
от 1 ноября 1914 г.

Положение и задачи социалистического Интернационала.

Тяжелее всего в теперешнем кризисе—победа буржуазного национализма, шовинизма над большинством официальных представителей европейского социализма. Не даром буржуазные газеты всех стран то издеваются над ними, то снисходительно похваливают их. И нет задачи важнее для того, кто хочет оставаться социалистом, как выяснение причин социалистического кризиса и анализ задач Интернационала.

Есть люди, которые боятся признать ту истину, что кризис, вернее, крах II Интернационала есть крах оппортунизма.

Ссылаются на единодушие, например, французских социалистов, на полную будто бы перетасовку старых фракций в социализме по вопросу об отношении к войне. Но эти ссылки неправильны.

Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой горячке зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя «широкие массы населения» (читай: мелкую буржуазию)—таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма. Именно на

этой почве и выросло теперешнее шовинистское, патриотическое настроение большинства вождей II Интернационала. Фактическое преобладание оппортунистов среди них давно отмечалось с самых различных сторон, различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и остро действительные размеры этого преобладания. Что необычайная острота кризиса вызвала ряд перетасовок в старых фракциях,—это не удивительно. Но в общем и целом эти перетасовки коснулись только личностей. Направления внутри социализма остались прежние.

Среди французских социалистов нет полного единодушия. Сам Вальян, ведущий шовинистскую линию вместе с Гэдом, Плехановым, Эрвэ и др., вынужден признать, что он получает ряд писем от протестующих французских социалистов, указывающих, что война есть империалистская война, что французская буржуазия не менее других повинна в ней. Не надо забывать, что такие голоса заглушают не только восторжествовавший оппортунизм, но и военная цензура. У англичан группа Гайндмана (английские социал-демократы—«Британская социалистическая партия») вполне скатилась к шовинизму, как и большинство полулиберальных вождей трэд-юнионов. Отпор шовинизму дают Макдональд и Кейр-Гарди из оппортунистической «Независимой Рабочей Партии». Это—действительно исключение из правила. Но некоторые революционные социал-демократы, давно боровшиеся с Гайндманом, вышли теперь из рядов «Британской социалистической партии». У немцев картина ясна: оппортунисты победили, они ликуют, они «в своей тарелке». «Центр» с Каутским во главе скатился к оппортунизму и защищает его особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами. Из среды революционных социал-демократов раздаются протесты—Меринга, Паннекука, К. Либкнехта, ряд безыменных голосов в Германии и в немецкой Швейцарии. В Италии тоже ясна группировка: крайние оппортунисты, Биссолати и К-о, за «отчество», за Гэда—Вальяна—Плеханова—Эрвэ. Революционные социал-демократы («социалистическая партия») с «Avanti» во главе борются с шовинизмом и разоблачают буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих. В России крайние оппортунисты из лагеря ликвидаторов уже подняли свой голос в защиту шовинизма на рефератах и в печати. П. Маслов и Е. Смирнов защищают царизм под предлогом защиты отечества.

(Германия, видите ли, грозит «силой меча» навязать «нам» торговые договоры, тогда как царизм, должно быть, не силой меча, кнута и виселицы душил и душит экономическую, политическую и национальную жизнь $\frac{9}{10}$ населения России!) и оправдывают вступление социалистов в буржуазно-реакционные министерства и голосование сегодня за военные кредиты, завтра за новые вооружения!! К национализму скатился Плеханов, прикрывая свой русский шовинизм французофильством, и Алексинский. Мартов, если судить по парижскому «Голосу», держится всех приличнее из этой компании, давая отпор шовинизму и германскому и французскому, восставая и против «Vorwärts'a», и против г. Гайндмана, и против Маслова, но боясь объявить решительную войну всему международному оппортунизму и его «влиятельнейшему» защитнику, «центру» немецкой социал-демократии. Попытки представить волонтерство, как осуществление социалистических задач (см. декларацию группы русских волонтеров в Париже, социал-демократов и социал-революционеров, а также польских социал-демократов, Ледера и др.), встретили защиту только Плеханова. Большинство Парижской секции нашей Партии осудило эти попытки. Позицию Центрального Комитета нашей Партии читатели видят из передовой статьи настоящего номера *). К истории того, как сложилась формулировка взглядов нашей Партии, мы должны—во избежание недоразумений—установить следующие факты: группа членов нашей Партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала сначала «тезисы» и 6—8 сентября нового стиля пустила их в обращение между товарищами. Затем она передала их через швейцарских социал-демократов двум членам итalo-швейцарской конференции в Лугано (27 сентября). Только в половине октября удалось восстановить связи и сформулировать точку зрения Центрального Комитета Партии. Передовая статья этого номера есть окончательная редакция «тезисов».

Таково, вкратце, положение дел в европейской и российской социал-демократии. Крах Интернационала на-лицо. Полемика в печати между французскими и немецкими социалистами окончательно доказала это. Не только левые социал-демократы (Меринг и «Bremer Bürger Zeitung»), но и умеренные

*) См. выше, 5—12 стр. этого тома. Ред.

швейцарские органы («Volksrecht») признали это. Попытки Каутского затушевать этот крах—трусливая увертка. И этот крах есть именно крах оппортунизма, оказавшегося в плену у буржуазии.

Позиция буржуазии ясна. Не менее ясно и то, что оппортунисты просто повторяют слепо ее доводы. К сказанному в передовице остается разве добавить простое указание на издевательские речи «Neue Zeit», будто интернационализм состоит как раз в стрельбе рабочих одной стороны против рабочих другой во имя защиты отечества!

Вопрос об отечестве—ответим мы оппортунистам—нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Эта война империалистская, т.-е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи конца капитализма. Рабочий класс должен сначала «устроиться в пределах наций»—говорит «Коммунистический Манифест», указывая при этом границы и условия нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а следовательно, и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение нефеодализма, а капитализма, ясно и определенно говорит Карл Маркс: «рабочие не имеют отечества». Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс в связи национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превра-

шения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен Штуттгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о «защите отечества», а об «ускорении краха капитализма», об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено «по желанию» отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении должны вести свою работу социалисты. Не ватировать военных кредитов, не потакать шовинизму «своей» страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом «своей» буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность,—вот та линия работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара.

Война—не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по «народному» течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по-военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, вздохание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сантиментальные и глупенькие вздохания о «мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны! Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие

войны—сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология» (по верному выражению «Голоса»). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,— не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полу proletариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от «перебежчиков» (как желает «Голос»), но и от оппортунизма III-й Интернационал!

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма.

«Социал-Демократ» № 33
от 1 ноября 1914 г.

Один немецкий голос о войне.

«...За одну ночь картина мира переменилась... Каждый сваливает вину на соседа. Каждый объявляет себя защищающимся, действующим только в состоянии необходимой обороны. Все защищают, изволите ли видеть, лишь свои самые священные блага, свой очаг, свою родину... Национальное тщеславие и национальный задор торжествуют... Даже великий интернациональный рабочий класс... повинуется национальному приказу и избивает друг друга на полях битв... Наша цивилизация обанкротилась... Писатели с европейской славой не стыдятся выступать яростно слепыми шовинистами... Мы слишком верили

тому, что империалистское безумие может быть укрошено боязью экономического разорения... Мы переживаем голую империалистскую борьбу за гегемонию на земле. Нигде и следа нет того, чтобы дело шло о великих идеях, разве что, может быть, о свержении русского минотавра, ... царя и его великих князей, отдававших палачам благороднейших людей своей страны... Но не видим ли мы, как благородная Франция, носительница идеалов свободы, становится союзником царя-палача? как честная Германия... нарушает свое слово и душит несчастную нейтральную Бельгию?.. Чем это кончится? Если нищета станет чересчур велика, если отчаяние возьмет верх, если брат узнает брата в военном мундире врага,—может быть, наступит еще нечто весьма неожиданное, может быть, оружие обратят против тех, кто втравливает в войну, может быть, народы, которым навязали ненависть, забудут ее, объединившись внезапно. Мы не хотим заниматься пророчествами, но если европейская война приблизит нас на шаг к европейской социальной республике, то эта война все-таки была не так бессмысленна, как теперь кажется».

Чей это голос? Может быть, немецкого социал-демократа?

Куда им! Они стали теперь, с Каутским во главе, «жалкими контр-революционными болтунами», как звал Маркс тех немецких социал-демократов, которые сейчас после издания закона против социалистов держали себя «по-нынешнему», подобно Гаазе, Каутскому, Зюдекуму и К-о в наши дни.

Нет, наша цитата взята из журнала мещанских христианских демократов, издаваемого компанией добрых попиков в Цюрихе («*Neue Wege, Blätter für religiöse Arbeit*», 1914, September). Вот до какого позора мы дожили: верующие в бога филистеры договариваются до того, что недурно бы обратить оружие против «втравливающих в войну», а «авторитетные» социал-демократы, как Каутский, «научно» защищают подлейший шовинизм или, как Плеханов, объявляют проповедь гражданской войны против буржуазии вредной «утопией»!!

Да, если подобные «социал-демократы» желают быть в большинстве и составлять официальный «Интернационал» (=союз для интернационального оправдания национального шовинизма), то не лучше ли отказаться от запачканного и униженного ими названия «социал-демократов» и вернуться к старому марксистскому названию коммунистов? Каутский грозил сделать это, когда

бернштейнианцы-оппортунисты подходили как будто к официальному завоеванию немецкой партии. То, что в его устах было пустой угрозой, станет, пожалуй, делом для других.

«Социал-Демократ» № 34
от 5 декабря 1914 г.

Мертвый шовинизм и живой социализм.

Как восстановить Интернационал?

Для социал-демократии России, несколько больше даже, чем для социал-демократии всего мира, образцом была в течение последних десятилетий немецкая социал-демократия. Понятно поэтому, что нельзя отнестись сознательно, т.-е. критически, к царящему теперь социал-патриотизму или «социалистическому» шовинизму без самого точного выяснения своего отношения к ней. Чем она была? что она есть? чем она будет?

На первый вопрос ответ может дать изданная в 1909 г. и переведенная на многие европейские языки брошюра К. Каутского: «Путь к власти», самое цельное, самое благоприятное для немецких социал-демократов (в смысле подаваемых ими надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи, принадлежащее перу самого авторитетного во II Интернационале писателя. Напомним поподробнее эту брошюру; это будет тем полезнее, чем чаще теперь позорно отбрасывают «забытые слова».

Социал-демократия есть «революционная партия» (первая фраза брошюры) не только в том смысле, в каком революционна паровая машина, но «еще в другом смысле». Она стремится к завоеванию политической власти пролетариатом, к диктатуре пролетариата. Осыпая насмешками «сомневающихся в революции», Каутский писал: «Разумеется, при всяком значительном движении и восстании мы должны считаться с возможностью поражения. Перед борьбой только дурак может считать себя вполне уверенным в победе». «Прямой изменой нашему делу» был бы отказ считаться с возможностью победы. Революция в связи с войной возможна и во время войны и после нее. Когда именно обострение классовых противоречий приведет к революции, определить невозможно, но «я могу совершенно определенно утверждать, что революция, которую несет с собой война, разразится или во время войны, или непосредственно после нее»:

нет ничего пошлее теории «мирного врастания в социализм». «Нет ничего ошибочнее мнения, будто познание экономической необходимости означает ослабление воли». «Воля, как желание борьбы, определяется: 1) ценой борьбы; 2) чувством силы и 3) действительной силой». Когда знаменитое предисловие Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» пробовали (между прочим в «Vorwärts») истолковать в смысле оппортунизма, то Энгельс возмущался и называл «позорным» допущение, что он «мирный поклонник законности во что бы то ни стало». «Мы имеем все основания думать, что мы вступаем в период борьбы за государственную власть»; борьба эта может тянуться десятилетия, это нам неизвестно, но «по всей вероятности она приведет в недалеком будущем к значительному усилению пролетариата, если не к диктатуре его в Западной Европе». Революционные элементы растут: в 1895 году из 10 миллионов избирателей Германии было 6 миллионов пролетариев и $3\frac{1}{2}$ миллиона заинтересованных в частной собственности. В 1907 году число последних возросло на 0,03 миллиона, а первых на 1,6 миллиона! И «теми движениями вперед сразу становится очень быстрым, когда наступают времена революционного брожения». Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются, растет дороговизна, неистовствует империалистское соревнование, милитаризм. Близится «новая эра революции». Сумасшедший рост налогов «давно уже привел бы к войне, как единственной альтернативе революции... если бы именно эта альтернатива революции за войной не стояла еще ближе, чем за вооруженным миром». «Всемирная война становится угрожающе близкой; а война означает также и революцию». Еще в 1891 г. Энгельс мог бояться преждевременной революции в Германии, но с тех пор «положение сильно изменилось». Пролетариат «не может уже говорить о преждевремениной (курсив Каутского) революции». Мелкая буржуазия очень ненадежна и все более враждебна пролетариату, но в эпоху кризиса она «способна массами перейти к нам». Все дело в том, чтобы социал-демократия «оставалась непоколебимой, последовательной, непримиримой». Несомненно, что мы вступили в революционный период.

Вот как писал Каутский в давно-давнoproшедшие времена, целых пять лет тому назад. Вот чем была или, вернее, обещала быть немецкая социал-демократия. Вот какую социал-демократию можно и должно было уважать.

Посмотрите, что пишет теперь сей Каутский. Вот важнейшие заявления из его статьи: «Социал-демократия во время войны» («Neue Zeit» № 1, 2/X 1914): «Наша партия гораздо реже обсуждала вопрос о том, как вести себя во время войны, чем о том, как помешать войне»... «Никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны». «Военное время всего менее удобно для спокойного обсуждения». «Практический вопрос теперь: победа или поражение собственной страны». Соглашение между партиями в воюющих странах о действии против войны? «Практически что-либо подобное никогда еще не было испытано. Мы всегда оспаривали возможность этого»... Расхождение между французскими и немецкими социалистами «не принципиальное» (и те и другие защищают отчество)... «Социал-демократы всех стран имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества: ни одна нация не должна упрекать за это другую»... «Интернационал обанкротился»? «Партия отказалась от прямой защиты своих партийных принципов во время войны»? (Слова Меринга из того же номера.) Ошибочное мнение... Нет никаких оснований к такому пессимизму... Расхождение не принципиальное... Единство принципов остается... Неповинование законам военного времени повело бы «просто к запрещению нашей прессы». Повинование этим законам «так же мало означает отказ от защиты партийных принципов, как подобная же работа нашей партийной печати под дамокловым мечом исключительного закона против социалистов».

Мы нарочно привели подлинные цитаты, ибо нелегко поверить, что подобные вещи могли быть написаны. Нелегко найти в литературе (кроме разве «литературы» прямых ренегатов) такой самодовольной пошлости, такого постыдного... уклонения от истины, таких некрасивых уверток для прикрытия самого явного отречения и от социализма вообще, и от точных международных решений, принятых единогласно (например, в Штутгарте и особенно в Базеле) как раз в виду европейской войны именно теперешнего характера! Было бы неуважением к читателю, если бы мы стали брать «всерьез» доводы Каутского и пробовать «анализировать» их: ибо если европейская война во многом не похожа на простой и «маленький» еврейский погром, то «социалистические» доводы в защиту участия в этой войне в полне похожи на «демократические» доводы в защиту уча-

стия в еврейском погроме. Доводов в защиту погрома не разбирают: на них лишь указывают, чтобы выставить их авторов к позорному столбу перед всеми сознательными рабочими.

Но как могло случиться, спросит читатель, чтобы крупнейший авторитет II Интернационала, чтобы писатель, защищавший приведенные в начале статьи взгляды, опустился до такого положения «хуже ренегатского»? Это непонятно, ответим мы, лишь для того, кто—может быть бессознательно—стоит на той точке зрения, что в сущности ничего особенного не случилось, что не трудно «помириться и забыть» и т. д., т.-е. именно на ренегатской точке зрения. Но, кто серьезно и искренно исповедывал социалистические убеждения и разделял взгляды, изложенные в начале статьи, тот не удивится тому, что «умер» «Vorwärts» (выражение Л. Мартова в парижском «Голосе») и «умер» Каутский. Крах отдельных лиц не диковинка в эпохи великих всемирных переломов. Каутский, несмотря на свои громадные заслуги, никогда не принадлежал к тем, кто во время больших кризисов сразу занимал боевую марксистскую позицию (вспомним его колебания по вопросу о мильеранизме)..

А мы переживаем именно такую эпоху. «Стреляйте первыми, г.г. буржуа!» писал в 1891 г. Энгельс, защищая (и вполне справедливо) использование нами, революционерами, буржуазной легальности в эпоху так называемого мирного конституционного развития. Мысль Энгельса была яснее ясного: мы, сознательные рабочие, будем стрелять вторыми, нам выгоднее теперь использовать для перехода от избирательного бюллетеня к «стрельбе» (т.-е. к гражданской войне) момент нарушения самой буржуазией того легального базиса, который ею создан. И Каутский выражал в 1909 г. бесспорные мнения всех революционеров социал-демократов, когда говорил, что *прежде временной* революция теперь в Европе быть не может и что война означает революцию.

Но десятилетия «мирной» эпохи не прошли бесследно: они создали неизбежно оппортунизм во всех странах, обеспечив ему преобладание среди «вождей» парламентских, профессиональных, журналистских и т. д. Нет ни одной страны в Европе, где бы не шла долгая и упорная борьба, в той или иной форме, против оппортунизма, который вся буржуазия поддерживала миллионами путей для разворачивания и обесценивания революционного пролетариата. Тот же самый Каутский писал 15 лет тому назад.

в начале бернштейниады, что, если бы оппортунизм из настроения стал направлением, раскол стал бы на очередь дья. А у нас в России создавшая Социал-Демократическую Партию рабочего класса старая «Искра» писала в № 2, в начале 1901 года, в статье «На пороге XX века», что революционный класс XX века имеет (подобно революционному классу XVIII века, буржуазии) свою Жиронду и свою Гору².

Европейская война означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты. (В этом, в скобках сказать, состоит благодетельное и прогрессивное действие всяких кризисов, непонятное только тупым поклонникам «мирной эволюции».) II Интернационал, успевший за 25—45 лет (смотря по тому, считать ли с 1870 или 1889 года) сделать чрезвычайно важную и полезную работу распространения социализма в ширь и подготовительной, первоначальной, простейшей организации его сил, сыграл свою историческую роль и умер, побежденный не столько фон-Клюками³), сколько оппортунизмом. Пусть теперь мертвые хоронят мертвых. Пусть пустые хлопотуны (если не интригантские лакеи шовинистов и оппортунистов) «трудятся» теперь над тем, чтобы свести Вандервельдов и Самба с Каутским и Гаазе, как будто бы перед нами был Иван Иванович, сказавший «гусака» Ивану Никифоровичу и нуждающийся в приятельском «подталкивании» к противнику. Интернационал состоит не в том, чтобы сидели за одним столом и писали лицемерную и крючкотворскую резолюцию люди, которые считают истинным интернационализмом, когда немецкие социалисты оправдывают призыв немецкой буржуазии стрелять во французских рабочих, а французские—призыв французской стрелять в немецких «во имя защиты отечества»!!! Интернационал состоит в том, чтобы сближались между собой (сначала идеино, а потом, в свое время, и организационно) люди, способные в наши трудные дни отстаивать социалистический интернационализм на деле, т.-е. собирать свои силы и «стрелять вторыми» против правительств и командующих классов каждый с в о е г о «отечества». Это—не легкое дело, которое потребует немалой подготовки, больших жертв, не обойдется без поражений. Но именно потому, что это не легкое дело, надо делать его только с теми, кто

хочет его делать, не боясь полного разрыва с шовинистами и защитниками социал-шовинизма.

Больше всего делают для искреннего, а не для лицемерного, восстановления социалистического, а не шовинистского, интернационала такие люди, как Паннекук, написавший в статье «Крах Интернационала»: «если вожди съедутся и попытаются склеить разногласия, это не будет иметь никакого значения».

Скажем открыто то, что есть: война все равно заставит не завтра, так послезавтра сделать это. Есть три течения в международном социализме: 1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма; 2) последовательные враги оппортунизма, которые во всех странах уже начинают заявлять о себе (оппортунисты разбили их большую частью на-голову, но «разбитые армии хорошо учатся») и которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами и приносят пролетариату больше всего вреда лицемерными попытками почти научно и марксистски (не шугите!) оправдать оппортунизм. Часть гибнущих в этом третьем течении может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, «защиту отечества», «подчинение законам военного времени», удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны. Только тот, кто ведет эту политику, на деле строит Интернационал социалистический. Мы, со своей стороны, установив сношения с русской коллегией Центрального Комитета и с руководящими элементами питерского рабочего движения, обменявшиеся мыслями с ними и убедившись, что есть солидарность в основном, можем, как редакция Центрального Органа, заявить от нашей Партии, что только в таком направлении ведомая работа есть партийная и социал-демократическая работа.

Раскол немецкой социал-демократии кажется мыслью, которая слишком пугает многих своей «необычайностью». Но объективное положение ручается за то, что либо произойдет это необычайное (заявили же Адлер и Каутский на последнем заседании Международного Социалистического Бюро в июле 1914 года, что они не верят в чудеса и потому не верят в европейскую войну!); либо мы будем свидетелями мучительного гниения того, что

было некогда немецкой социал-демократией. Тем, кто чересчур привык «верить» в (бы в ш у ю) немецкую социал-демократию, мы напомним еще только в заключение, как люди, много лет бывшие нашими противниками по целому ряду вопросов, подходят к мысли о таком расколе;—как Л. Мартов писал в «Голосе»: «умер «Verwärts»; «социал-демократия, объявляющая об отказе от классовой борьбы, лучше бы сделала, если бы открыто признала то, что есть, временно распустила свою организацию, закрыла свои органы»;—как Плеханов, по отчету «Голоса», говорил на реферате: «я большой противник раскола, но если из-за целости организации жертвуют принципами, тогда лучше раскол, чем фальшивое единство». Плеханов сказал это про немецких радикалов: он видит сучек в глазу немцев и не видит бревна в своем собственном глазу. Это его индивидуальная особенность, к которой мы все слишком привыкли за последние 10 лет Плехановского радикализма в теории и оппортунизма на практике. Но если даже люди с такими индивидуальными... странностями заговаривают о расколе у немцев, то это—знамение времени.

«Социал-Демократ» № 35
от 12 декабря 1914 г.

О национальной гордости великороссов.

Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна «передовых» публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и «марксистских») писак России—все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость «родины», величие принципа национальной самостоятельности. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача—Николая Романова, или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идеиное течение, корни которого весьмаочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов велико-державных наций. На пропаганду выгодных этим классам

идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год; мельница немалая, берущая воду отовсюду, начиная от убежденного шовиниста Меньшикова и кончая шовинистами по оппортунизму или по бесхарактерности, Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Кропоткиным и Бурцевым.

Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить свое отношение к этому идейному течению. Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса;—особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»;—в такое время, когда именно на дальнем востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций;—в такой момент, когда царская монархия поставила под ружье миллионы великороссов и «инородцев», чтобы «решить» целый ряд национальных вопросов сообразно интересам совета объединенного дворянства и Гучковых с Крестовинковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми.

Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудащиеся массы (т.-е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам большее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу—все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее

мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душить Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей. Никто не винен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам.

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата. И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий. Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке, в Европе, хотя бы и дальневосточной Европе, «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т.-е. худших врагов нашей родины;—нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для $\frac{9}{10}$ населения Великороссии, ибо царизм не только угнетает эти $\frac{9}{10}$ населения экономически и политически, но и деморализует, уни-

жает, обесчечивает, проституирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами.

Нам возразят, может быть, что кроме царизма и под его крыльшком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области. Но такое возражение не оправдывает, а еще сильнее обвиняет наших социалистов-шовинистов, которых надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (как Маркс назвал лассалеанцев королевско-прусскими социалистами). Допустим даже, что история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма против ста и одной маленькой нации. Это не невозможно, ибо вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций; мы безусловно, при прочих равных условиях, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений. Однако даже в таком случае, во-первых, не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душить Украину и т. д. Бисмарк сделал по-своему, по-юнкерски, прогрессивное историческое дело, но хорош был бы тот «марксист», который на этом основании вздумал бы оправдывать социалистическую помощь Бисмарку! И притом Бисмарк помогал экономическому развитию, объединяя раздробленных немцев, которых угнетали другие народы. А экономическое просвещение и быстрое развитие Великороссии требует освобождения страны от насилия великороссов над другими народами—этую разницу забывают наши поклонники истинно-русских почти-Бисмарков.

Во-вторых, если история решит вопрос в пользу великорусского великодержавного капитализма, то отсюда следует, что тем более великой будет социалистическая роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом. А для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе полнейшего национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, сме-

шого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал на половину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих.

Наши же доморощенные социалистические шовинисты, Плеханов и проч. и проч., в том последнем и предположительном случае, который мы рассматривали, окажутся изменниками не только своей родине, свободной и демократической Великороссии, но и изменниками пролетарскому братству всех народов России, т.-е. делу социализма.

«Социал-Демократ» № 35
от 12 декабря 1914 г.

Что же дальше?

(О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму.)

Величайший кризис, который вызвала всемирная война в европейском социализме, породил сначала (как и полагается при больших кризисах) громадную растерянность, затем наметил целый ряд новых группировок среди представителей разных течений, оттенков и взглядов в социализме, наконец, постановил с особенной остротой и настойчивостью вопрос о том, какие именно изменения в основах социалистической политики вытекают из кризиса и требуются им. Эти три «стадии» пережиты с августа по декабрь 1914 г. особенно наглядно и социалистами России. Все мы знаем, что в начале растерянность была немалая и что она усугублялась преследованиями царизма, поведением «европейцев», переполохом войны. Месяцы сентябрь и октябрь были тем периодом, когда в Париже и в Швейцарии, где было всего больше эмигрантов, всего больше связей с Россией и всего больше свободы, наиболее широко и полно шли дискуссиях, на рефератах и в газетах новая размежевка по

вопросам, поднятым войной. Можно с уверенностью сказать, что не осталось ни одного оттенка взглядов ни в едином течении (и фракции) социализма (и почти-социализма) в России, которые бы не нашли себе выражения и оценки. Все чувствуют, что пришла пора точных, положительных выводов, способных служить основой для систематической практической деятельности, пропаганды, агитации, организации: положение определилось, все высказались; разберемся же наконец, кто скем и кто куда?

23 ноября нового стиля, на другой день после того, как в Питере было опубликовано правительственные сообщение об аресте Р. С.-Д. Р. Фракции, на съезде шведской социал-демократической партии в Стокгольме произошел случай, который окончательно и бесповоротно поставил на очередь дня именно эти два, подчеркнутые нами, вопросы. Читатели найдут ниже описание этого случая, именно: полный перевод с официального шведского социал-демократического отчета как речей Беленина (представителя Ц. К.) и Ларина (представителя О. К.), так и прений по вопросу, поднятому Брантингом.

Впервые после войны на конгрессе социалистов нейтральной страны встретились представитель нашей партии, ее Ц. К. и представитель ликвидаторского О. К. Чем отличались их выступления? Беленин занял вполне определенную позицию по больным, тяжелым, но зато и великим вопросам современного социалистического движения и, сославшись на Ц. О. партии «Социал-Демократ», выступил с самым решительным объявлением войны оппортунизму, назвал поведение немецких социал-демократических вождей (и «многих других») изменою. Ларин никакой позиции не занял и суть дела совершенно обошел молчанием, отдавшись теми шаблонными, пустыми и гнилыми фразами, которым обеспечены хлопки со стороны оппортунистов и социал-шовинистов всех стран. Зато Беленин совершенно промолчал о нашем отношении к другим социал-демократическим партиям и группам в России: наша позиция, дескать, такова, а о других помолчим, подождем, как они определятся. Наоборот, Ларин развернул знамя «единства», пролил слезу по поводу «горьких плодов раскола в России», обрисовал пышно-яркими красками «объединительную работу» О. К., объединившего и Плеханова, и кавказцев, и бундистов, и поляков и так далее. О том, что мог здесь иметь в виду Ларин, будет речь особо (см.

ниже заметку: «Какое единство провозгласил Ларин?»). Сейчас нас интересует принципиальный вопрос об единстве.

Перед нами два лозунга. Один: война оппортунистам и социал-шовинистам, они—изменники. Другой: единство в России, в частности с Плехановым (который, в скобках заметим, зедет себя у нас совершенно так же, как Зюдекум *) у немцев, Гайндман у англичан и т. д.). Не ясно ли, что Ларин, боясь назвать вещи своим именем, выступил по сути дела за оппортунистов и социал-шовинистов?

Но рассмотрим вообще значение лозунга «единство» в свете современных событий. Единство пролетариата есть величайшее тружие его в борьбе за социалистическую революцию. Из этой бесспорной истины столь же бесспорно вытекает, что, когда к пролетарской партии примыкают в значительном числе мелко-буржуазные элементы, способные мешать борьбе за социалистическую революцию, единство с такими элементами вредно и губительно для дела пролетариата. Современные события показали как раз, что, с одной стороны, назрели объективные условия империалистической (т.-е. соответствующей высшей, последней стадии капитализма) войны, а с другой стороны десятилетия так называемой мирной эпохи накопили во всех странах Европы массу мелко-буржуазного, оппортунистического навоза в нутри социалистических партий. Уже около пятнадцати лет, со времени знаменитой «бернштейниады» в Германии,—а во многих странах и раньше—вопрос об этом оппортунистическом, чуждом, элементе в пролетарских партиях стал на очередь дня, и едва ли найдется хоть один видный марксист, который бы не признавал много раз и по разным поводам, что оппортунисты—действительно враждебный социалистической революции, непролетарский элемент. Особенно быстрый рост этого социального элемента за последние годы не подлежит сомнению: чиновники легальных рабочих союзов, парламентарии и прочие интеллигенты, удобно и спокойно устроившиеся при массовом легальном движении, некоторые слои наилучше оплачиваемых рабочих, мелких служащих и т. д. и т. п. Война показала наглядно, что в момент кризиса (а эпоха империализма неизбежно бу-

---

*) Только что полученная нами брошюра Плеханова «О войне» (Париж 1914) особенно наглядно подтверждает сказанное в тексте. К этой брошюре мы еще вернемся.

дет эпохой всяких кризисов) внушительная масса оппортунистов, поддерживаемая и частью прямо направляемая буржуазией (это особенно важно!), перебегает на ее сторону, изменяет социализму, вредит рабочему делу, губит его. При всяком кризисе буржуазия всегда будет помогать оппортунистам, подавлять—ни перед чем ни останавливаясь, самыми беззаконными, жестокими военными мерами подавлять—революционную часть пролетариата. Оппортунисты, это—буржуазные враги пролетарской революции, которые в мирное время ведут свою буржуазную работу тайком, юясь внутри рабочих партий, а в эпохи кризиса сразу оказываются открытыми союзниками в сей объединенной буржуазии, от консервативной до самой радикальной и демократической, от свободомыслящей до религиозной и клерикальной. Кто не понял этой истины после переживаемых нами событий, тот безнадежно обманывает и себя и рабочих. Личные переметывания при этом неизбежны, но надо помнить, что значение их определяется существованием слоя и течения мелко-буржуазных оппортунистов. Социал-шовинисты Гайндман, Вайдервельде, Гэд, Плеханов, Каутский не имели бы никакого значения, если бы их бесхарактерные и пошлые речи в защиту буржуазного патриотизма не подхватывались целыми общественными слоями оппортунистов и целыми тучами буржуазных газет и буржуазных политиков.

Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособлявшийся к революционным рабочим, перенявший у них их марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной разметежки. Этот тип пережил себя. Если война кончится в 1915 году, то найдутся ли среди социалистов с головой охотники в 1916 году начать снова восстановлять рабочие партии вместе с оппортунистами, зная по опыту, что при следующем кризисе какого бы то ни было рода они поголовно (плюс еще все бесхарактерные и растерявшиеся люди) будут за буржуазию, которая непременно найдет предлог для запрещения разговоров о классовой ненависти и классовой борьбе?

В Италии партия была исключением для эпохи II Интернационала: оппортунисты с Биссолати во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались провосход-

ны: люди разных направлений не обманывали рабочих, не засоряли им глаза пышными цветами красноречия о «единстве», а шли каждый своей дорогой. Оппортунисты (и перебежчики из рабочей партии вроде Муссолини)⁴) упражнялись в социал-шовинизме, прославляя (подобно Плеханову) «героическую Бельгию» и прикрывая этим политику не героической, а буржуазной Италии, желающей ограбить Украину и Галицию... то-бишь Албанию, Тунис и т. д. и т. п. А социалисты против них вели всюю с войной, подготовку гражданской войны. Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистической партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный факт, что рабочие большинства европейских стран оказались обмануты фактами и единством оппортунистов и революционеров, и что Италия есть счастливое исключение—страна, где в данное время такого обмана нет. То, что было счастливым исключением для II Интернационала, должно стать и станет правилом для III-его. Пролетариат всегда будет находиться,—пока держится капитализм,—по соседству с мелкой буржуазией. Неумно отказываться иногда от временных союзов с ней, но единство с ней, единство с оппортунистами могут теперь защищать только враги пролетариата или одураченные рутинеры пережитой эпохи.

Единство пролетарской борьбы за социалистическую революцию требует теперь, после 1914 года, безусловного отделения рабочих партий от партии оппортунистов. Что именно мы понимаем под оппортунистами, это ясно сказано в Манифесте Ц. К. (№ 33 «Война и Росс. соц.-дем.»)*).

А что мы видим в России? Полезно или вредно для рабочего движения нашей страны единство между людьми, которые так или иначе, более или менее последовательно, борются с шовинизмом—и пуриньевичевским, и кадетским—и людьми, которые подпсвают этому шовинизму, подобно Маслову, Плеханову, Смирнову? Между людьми, которые противодействуют войне, и людьми, которые заявляют, что не противодействуют ей, подобно влиятельным авторам «документа» (№ 34)? Затрудниться в ответе

*) См. выше 5—12 стр. этого тома. Ред.

на этот вопрос могут только люди, которые хотят закрывать глаза.

Нам возразят, пожалуй, что в «Голосе» Мартов полемизировал с Плехановым и, вместе с рядом других друзей и сторонников О. К.⁵⁾, воевал с социал-шовинизмом. Мы не отрицаем этого и в № 33 Ц. О. выразили прямо приветствие Мартову. Мы были бы очень рады, если бы Мартова не «поворачивали» (см. заметку «Поворот Мартова»), мы очень желали бы, чтобы решительно анти-шовинистская линия стала линией О. К. Но дело не в наших и не в чьих бы то ни было желаниях. Каковы объективные факты? Во-первых, официальный представитель О. К., Ларин, почему-то молчит о «Голосе», но называет социал-шовиниста Плеханова, называет Аксельрода, написавшего одну статью (в «Berner Tagwacht»), чтобы не сказать ни единого определенного слова. А Ларин, кроме своего официального положения, находится не в одной только географической близости к влиятельному ядру ликвидаторов в России. Во-вторых, возьмем европейскую прессу. Во Франции и Германии газеты молчат о «Голосе», но говорят о Рубановиче, Плеханове и Чхеидзе («Hamburg. Echo»—один из самых шовинистских органов шовинистской «социал-демократической» печати Германии—в номере от 12 декабря называет Чхеидзе сторонником Маслова и Плеханова, на что намекали и некоторые газеты в России. Понятно, что все сознательные друзья Зюдекумов вполне оценивают идеиную поддержку, которую оказывает Зюдекумам Плеханов). В России миллионы экземпляров буржуазных газет разнесли «народу» весть о Маслове-Плеханове-Смирнове и никаких вестей о течении «Голоса». В-третьих, опыт легальной рабочей прессы 1912—1914 г.г. вполне доказал тот факт, что источник известной общественной силы и влияния ликвидаторского течения коренится не в рабочем классе, а в слое буржуазно-демократической интеллигенции, который выделил основное ядро легалистов-писателей. О национал-шовинистском настроении этого слоя, как сказали, свидетельствует вся пресса России в согласии с письмами питерского рабочего (№№ 33—35 «Социал-Демократа») и «документом» (№ 34). Очень возможны большие личные перегруппировки внутри этого слоя, но совершенно невероятно, чтобы, как слой, он не был «патриотическим» и оппортунистическим.

Таковы объективные факты. Считаясь с ними и вспоминая, что всем буржуазным партиям, желающим влиять на рабочих,

очень выгодно иметь показное левое крыло (особенно если оно не официально), мы должны признать мысль о единстве с О. К. вредной для рабочего дела иллюзией.

Политика О. К., который в далекой Швеции выступает 23/XI с заявлением о единстве с Плехановым и с речами, приятными сердцу всех социал-шовинистов, а в Париже и Швейцарии ни с 13/IX (день выхода «Голоса»), по 23/XI, ни с 23/XI по сие число (23/XII) не дает о себе знать ровнехонько ничем, очень похожа на худшее политикачество. А надежды на партийно официальный характер обещанных «Откликов» в Цюрихе разрушаются прямым заявлением в «Berner Tagwacht» (от 12/XII), что такого характера эта газета носить не будет... (Кстати: в № 52 «Голоса» редакция его заявляет, что было бы худшим «национализмом» продолжение теперь раскола с ликвидаторами; эта фраза, лишенная грамматического смысла, имеет лишь тот политический смысл, что редакция «Голоса» предпочитает единство с социал-шовинистами сближению с людьми, которые относятся к социал-шовинизму непримиримо. Плохой выбор сделала редакция «Голоса».)

Нам остается, для полноты картины, сказать пару слов об с.-р. «Мысли» в Париже, которая тоже воспевает «единство», прикрывает (сравни «Социал-Демократ» № 34) социал-шовинизм своего партийного вождя Рубановича, защищает бельгийско-французских оппортунистов и министериалистов, умалчивает о патриотических мотивах речи Керенского, одного из самых левых среди русских трудовиков, и печатает невероятно избитые мелко-буржуазные пошлости о пересмотре марксизма в народническом и оппортунистическом духе. Сказанное об с.-р. в резолюции Летнего совещания Р. С.-Д. Р. П. 1913 года⁶⁾ вполне и сугубо подтверждается этим поведением «Мысли».

Некоторые русские социалисты, видимо, думают, что интернационализм состоит в готовности принять с распростертыми объятиями ту резолюцию об интернациональном оправдании социал-национализма всех стран, которую готовятся составить Плеханов с Зюдекумом, Каутский с Эрве, Гэд с Гайндманом, Вандервельде с Биссолати и т. д. Мы позволяем себе думать, что интернационализм состоит только в недвусмысленном интернационалистской политике внутри самой партии. Вместе с оппортунистами и социал-шовинистами нельзя вести действительно интернацио-

нальной политики пролетариата, нельзя проповедывать противодействие войне и собирать силы для этого. Отмалчиваться или отмахиваться от этой горькой, но необходимой для социалиста истины вредно и гибельно для рабочего движения.

«Социал-Демократ» № 36
от 23 декабря 1914 г.

1915 ГОД.

Русские Зюдекумы.

Слово «Зюдекум» приобрело нарицательное значение: тип самодовольного, бессовестного оппортуниста и социал-шовиниста. Это хороший признак, что все с презрением говорят о Зюдекумах. Но есть только одно средство не впадать при этом самому в шовинизм. Это средство—помогать, по мере сил, разоблачению русских Зюдекумов.

Во главе их окончательно поставил себя Плеханов своей брошюркой «О войне». Рассуждения его—сплошная замена диалектики софистикой. Софистически обвиняется немецкий оппортунизм для прикрытия оппортунизма французского и русского. В итоге получается не борьба с международным оппортунизмом, а поддержка его. Софистически оплакивается судьба Бельгии при умолчании о Галиции. Софистически смешивается эпоха империализма (т.-е. эпоха, когда по общему признанию марксистов созрели уже объективные условия крушения капитализма и когда имеются на-лицо массы социалистического пролетариата) с эпохой буржуазно-демократических национальных движений; эпоха назревшего уже разрушения буржуазных отечеств интернациональной революцией пролетариата с эпохой их зарождения и сплочения. Софистически обвиняется в нарушении мира буржуазия Германии и замалчивается длительная и упорная подготовка войны против нее буржуазией «тройственного согласия». Софистически обходится резолюция Базельская. Софистически подменяется социал-демократизм национал-либерализмом: желание победы царизму мотивируется интересами экономического развития России, при чем даже не затрагиваются вопросы ни о национальностях России, ни о задержке ее экономического развития царизмом, ни о сравнительно неизмеримо более быстрым и успешном росте производитель-

ных сил в Германии и т. д. и т. п. Разбор всех софизмов Плеханова потребовал бы ряда статей, и еще неизвестно, стоит ли разбирать многие из его смешных нелепостей. Остановимся только на одном якобы доводе. Энгельс писал Марксу в 1870 г., что В. Либкнехт ошибочно делает себе единственный руководящий принцип из анти-бисмаркизма. Плеханов обрадовался, найдя эту цитату: у нас-де то же самое с анти-царизмом! Но попробуйте заменить софистику (т.-е. выхватывание внешнего сходства случаев вне связи событий) диалектикой (т.-е. изучением всей конкретной обстановки события и его развития). Объединение Германии было необходимо, и Маркс как перед 1848 г., так и после него всегда признавал это. Энгельс еще в 1859 году прямо звал немецкий народ на войну ради объединения. Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контр-революционно, по-юнкерски. Анти-бисмаркизм, как единственный принцип, стал нелепостью, ибо завершение необходимого объединения стало фактом. А в России? Имел ли наш храбрый Плеханов мужество провозглашать заранее, что для развития России необходимо завоевать Галицию, Царьград, Армению, Персию и т. п.? Имеет ли он мужество теперь сказать это? Подумал ли он о том, что Германии надо было перейти от раздробления немцев (угнетаемых и Францией и Россией две первые трети XIX века) к объединению их, а в России великороссы не столько объединили, сколько придали ряд других наций? Плеханов, не подумав об этом, просто прикрывает свой шовинизм, извращая смысл цитаты из Энгельса 1870 г., как Зюдекум извращает цитату из Энгельса 1891 г., когда Энгельс писал о необходимости для немцев бороться не на жизнь, а на смерть против союзных войск Франции и России.

Другим языком, в другой обстановке защищает шовинизм «Наша Заря», №№ 7—8—9. Г. Череванин предсказывает и призывает «поражение Германии», уверяя, что «Европа (!!?) восстала» против нее. Г. А. Потресов разносит германских социал-демократов за «промах» «хуже любого преступления» и т. д., уверяя, что у германского милитаризма есть «специальные, сверхсметные грехи», что «не панславистские мечты известных русских кругов являлись угрозой европейскому миру» и пр.

Разве это не значит подпевать Пуришкевичу и социал-шовинистам, когда в легальной печати разрисовывается «сверхсметная» вина Германии и необходимость поражения ее? О том, что милитаризм России имеет во сто раз больше «сверхсметных» грехов,

приходится молчать под гнетом царской цензуры. Неужели люди, не желающие быть шовинистами, не должны были при таком положении, по крайней мере, не говорить о поражении Германии и сверхсметных грехах ее?

«Наша Заря» не только взяла линию «непротиводействия войне»; нет, она прямо льет воду на мельницу великорусского царско-пуришкевичевского шовинизма, проповедуя «социал-демократическими» доводами поражение Германии и выгораживая панславистов. А ведь именно писатели «Нашей Зари», не кто другой, как они, вели массовую пропаганду ликвидаторства среди рабочих в 1912—1914 годах.

Возьмем, наконец, Аксельрода, которого, как и писателей «Нашей Зари», так сердито и так неудачно прикрывает, защищает и выгораживает Мартов.

Взгляды Аксельрода, с его согласия, изложены в №№ 86 и 87 «Голоса». Это взгляды—социал-шовинистские. Вступление французских и бельгийских социалистов в буржуазное министерство Аксельрод защищает следующими доводами: 1) «Историческая необходимость, на которую так любят теперь некстати ссылаться, для Маркса отнюдь не означала пассивного отношения к конкретному злу—в ожидании социалистического переворота». Что это за путаница? При чем это? Все, что случается в истории, случается необходимо. Это—аэбука. Противники социал-шовинизма ссыпались не на историческую необходимость, а на империалистский характер войны. Аксельрод прикидывается, что не понял этого, не понял вытекающей отсюда оценки «конкретного зла»: буржуазного господства во всех странах, и своевременности начать революционные действия, ведущие к «социальному перевороту». Пассивными являются социал-шовинисты, отрицая это. 2) Нельзя игнорировать вопрос, кто явился настоящим зачинщиком войны, «тем самым поставив все страны, подвергшиеся военному нападению, в необходимость защищать свою самостоятельность». И на той же странице признание, что «французские империалисты стремились, конечно, через два-три года вызвать войну! За это время, изволите видеть, усилился бы пролетариат и шансы на мир! Но мы знаем, что за это время усилился бы любезный сердцу Аксельрода оппортунизм и шансы на его еще более подлую измену социализму. Мы знаем, что десят и ям и трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России, Франции) вооружались для ограбления Германии. Удиви-

тельно ли, что два разбойника напали раньше, чем трое успели получить заказанные ими новые ножи? Разве это не софизм, когда фразами о «зачинщиках» замазывается всеми социалистами бесспорно, единогласно признанная в Базеле однаковая «в и н о в н о с т ь» буржуазии всех стран? 3) «Упрекать бельгийских социалистов за оборону своей страны» есть «не марксизм, а цинизм». Именно так Маркс назвал Прудоновское отношение к восстанию Польши (1863 г.). Об исторической прогрессивности восстания Польши против царизма Маркс говорил с 1848 года постоянно. Никто не смел отрицать этого. Конкретные условия состояли в нерешенности национального вопроса на востоке Европы, т.-е. в буржуазно-демократическом, а не империалистском характере войны против царизма. Это—азбука.

Бельгийской «стране» в данной конкретной войне, если относиться отрицательно или издевательски или халатно (как относятся Аксельроды) к социалистическому перевороту, нельзя помочь иначе, как помогая царизму душить Украину. Это факт. Обходить его со стороны русского социализма есть цинизм. Кричать о Бельгии и молчать о Галиции есть цинизм.

Что же было делать бельгийским социалистам? Если они не могли совершить социального переворота вместе с французами и т. д., им надо было подчиниться большинству нации в данный момент и идти на войну. Но, подчиняясь воле класса рабовладельцев, надо было на них свалить ответственность, не голосовать кредитов, послать Вандервельде не в министерские поездки к эксплоататорам, а в организаторы (вместе с революционными социал-демократами в сех стран) нелегальной революционной пропаганды «социалистического переворота» и гражданской войны; надо было и в армии вести эту работу (опыт показал, что возможно даже «братья» рабочих-солдат в траншеях воюющих армий!). Болтать о диалектике и марксизме и не уметь соединить необходимое (если оно на время необходимо) подчинение большинству с революционной работой при всяких условиях есть издевательство над рабочими, насмешка над социализмом. «Граждане Бельгии! Нашу страну постигло великое несчастье, его вызвала буржуазия всех стран и Бельгии в том числе. Вы не хотите свергнуть этой буржуазии, не верите в апелляцию к социалистам Германии? Мы в меньшинстве, я подчиняюсь вам и иду на войну, но я и на войне буду проповедывать, буду готовить гражданскую войну пролетариев всех стран, ибо вне этого нет спасения крестьянам и

рабочим Бельгии и других стран!» За такую речь депутат Бельгии или Франции и т. п. сидел бы в тюрьме, а не в кресле министра, но он был бы социалистом, а не изменником, о нем говорили бы теперь в траншеях и французские, и немецкие солдаты-рабочие, как о с в о е м вожде, а не как о предателе рабочего дела. 4) «Пока существуют отечества, пока жизнь и движение пролетариата будут в такой мере, как до сих пор, втиснуты в рамки этих отечеств, и он не будет вне их чувствовать особой, другой, интернациональной, почвы, до тех пор для рабочего класса вопрос о патриотизме и самообороне будет существовать». Буржуазные отечества будут существовать, пока их не разрушит интернациональная революция пролетариата. Почва для нее уже есть, как это признавал даже Каутский в 1909 г., как это единогласно признали в Базеле и как доказывает теперь факт глубокого сочувствия рабочих всех стран людям, не вотиющим кредитов, не боящимся тюрьмы и прочих жертв, в силу «исторической необходимости», связанных со всякой революцией. Фраза Аксельрода есть лишь отговорка от революционной деятельности, есть лишь повторение доводов шовинистской буржуазии. 5) Совершенно такой же смысл имеют его слова, что поведение немцев не было изменой, что причиной их поведения является «живое чувство, сознание органической связи с тем куском земли, отечеством, на котором живет и работает немецкий пролетариат». На деле поведение немцев, как и Гэда и проч., несомненно измена; прикрывать и защищать ее недостойно. На деле именно буржуазные отечества разрушают, уродуют, ломают, калечат «живую связь» немецкого рабочего с немецкой землей, создавая «связь» раба с рабовладельцем. На деле только разрушение буржуазных отечеств может дать рабочим всех стран «связь с землей», свободу родного языка, кусок хлеба и блага культуры. Аксельрод—просто апологет буржуазии. 6) Проповедывать рабочим «осторожность с обвинениями в оппортунизме» таких «испытанных марксистов, как Гэд», и т. д. значит проповедывать рабочим холопство перед вождями. Учитесь на примере всей жизни Гэда, скажем мы рабочим, кроме его явной измены социализму в 1914 году. Может быть, найдутся личные и другие обстоятельства, смягчающие его вину, но речь идет вовсе не о виновности лиц, а о социалистическом значении событий. 7) Ссылка на «ф о р м а л ь н у ю» допустимость вступления в министерство, ибо есть-де пункт в резолюции об «исключительно важных случаях», равняется самому бесчестному адвокатскому

крючкотворству, ибо смысл этого пунктика, очевидно, есть с о-
д е й с т в и е интернациональной революции пролетариата, а
не противодействие ей. 8) Заявление Аксельрода: «поражение
России, не могущее затронуть органического развития страны,
помогло бы ликвидировать старый режим», верно само по себе,
взятое отдельно, но взятое в связи с оправданием немецких шови-
нистов, оно представляет из себя не что иное, как попытку п о д-
с л у ж и ть с я к Зюдекумам. Признавать пользу поражения
России, не обвиняя открыто в измене немецких и австрийских
социал-демократов, значит на д е л е помочь им оправдаться,
вывернуться, обмануть рабочих. Статья Аксельрода есть двойной
поклон: один в сторону немецких социал-шовинистов, другой в
сторону французских. Взятые вместе, эти поклоны и составляют
образцовый «российско-бундовский» социал-шовинизм.

Пусть судит теперь читатель о последовательности редакции
«Голоса», которая, печатая эти возмутительнейшие рассуждения
Аксельрода, оговаривает лишь несогласие с «некоторыми положе-
ниями» его и затем в передовице № 96 проповедует «резкий раз-
рыв с элементами активного социал-патриотизма». Неужели ре-
дакция «Голоса» так наивна или так невнимательна, что она не
видит правды? не видит того, что рассуждения Аксельрода—
с п л о щ ь являются «элементами активного (ибо активность
писателя есть его писание) социал-патриотизма»? А писатели
«Нашей Зари», г.г. Череванин, А. Потресов и К-о, это не эле-
менты активного социал-патриотизма?

«Социал-Демократ» № 37
от 1 февраля 1915 г.

Как полиция и реакционеры охраняют единство германской социал-демократии.

Немецкая социал-демократическая газета в Готе: «Готский
Народный Листок» в № от 9 января поместила статью под
заглавием: «Политика социал-демократической парламентской
фракции под защитой полиции».

«Два первые дня практики предварительной цензуры,—
пишет газета, поставленная под эту приятную опеку военного
начальства,—показывают с полной ясностью, что центральные
елости в особенности заботятся о том, чтобы заткнуть рот не-

удобным критикам политики социал-демократической фракции внутри наших рядов. Целью стремлений цензуры является сохранение «партийного мира» в социал-демократической партии, или, другими словами, сохранение «идейной», «сплоченной» и могучей немецкой социал-демократии. Социал-демократия, опекаемая правительством,—вот самое важное событие во внутренней политике нашего «великого» времени.

«Вот уже несколько недель, как политики, заседающие в нашей социал-демократической фракции, развернули энергичную агитацию за свои взгляды. В нескольких очень крупных партийных центрах они встретили сильную оппозицию. Их пропаганда вызвала у рабочих настроение не за голосующих военные кредиты, а как раз против них. И поэтому военные власти постарались помочь им, пуская в ход то цензурные запрещения, то отмену свободы собраний. У нас в Готе помогает социал-демократической фракции—военная цензура, в Гамбурге—известное запрещение собраний».

Приводя эти слова, швейцарская социал-демократическая газета в Берне отмечает факт подчинения предварительной цензуре целого ряда социал-демократических газет в Германии и добавляет со своей стороны: «Итак, единодушию немецкой прессы скоро уже ничто не будет мешать. Если где-нибудь попробуют нарушить его,—военная диктатура быстро и твердо положит этому конец, по прямому или косвенному доносу «социал-демократов», сторонников партийного мира»..

Оппортунистические социал-демократические газеты, действительно, прямо и косвенно доносят на радикальные!

Факты доказывают, следовательно, что мы были вполне правы, когда писали в № 36 «Социал-Демократа»: «оппортунисты, это—буржуазные враги пролетарской революции... в эпохи кризиса они сразу оказываются открытыми союзниками в се й объединенной буржуазии»*). Единство, как лозунг социал-демократической партии в наши дни, означает единство с оппортунистами и подчинение им (или их блоку с буржуазией). Это—лозунг, на деле помогающий полиции и реакционерам, губительный для рабочего движения.

Кстати. Отметим выход прекрасной брошюры Борхардта (на немецком языке): «До и после 4 августа 1914 г.» с подзаго-

*.) См. выше 32 стр. этого тома. Ред.

ловком: «Отреклась ли от себя немецкая социал-демократия». Да, отреклась, отвечает автор, показывая вопиющее противоречие партийных заявлений до 4 августа с политикой «четвертого августа». Мы не остановимся ни перед какими жертвами в войне с войной—говорили социал-демократы Германии (и других стран) до 4 августа 1914 г. А 28 сентября 1914 г. член Центрального Комитета Отто Браун ссылался на 20 милл. капитала в легальных газетах и на 11.000 служащих. Десятки тысяч развращенных легализмом вожаков, чиновников и привилегированных рабочих дезорганизовали миллионную армию социал-демократического пролетариата.

Урок отсюда яснее ясного: решительный разрыв с шовинизмом и оппортунизмом. А пустенькие социал-демократические болтуны (Ю. Гарденин и К-о)⁷ в пустенькой парижской «Мысли» отрекаются от марксизма в пользу мелко-буржуазных идей! Забыта азбука политической экономии и мировое развитие капитализма, порождающее только один революционный класс—пролетариат. Забыты чартизм, июнь 1848 г., Парижская Коммуна, октябрь и декабрь 1905 г. Рабочие идут к своей всемирной революции не иначе, как через ряд поражений и ошибок, неудач и слабостей, но они идут к ней. Надо быть слепым, чтобы не видеть буржуазного и мелко-буржуазного влияния на пролетариат, как основной и главной, коренной причины позора и краха Интернационала в 1914 году. А краснобаи Гарденины и К-о хотят лечить социализм полным отречением от его единственной общественно-исторической основы, классовой борьбы пролетариата, и окончательным разбавлением марксизма филистерской, интеллигентски-народнической водицей. Не упорная работа в направлении полного разрыва пролетарского революционного движения с оппортунизмом, а соединение этого движения с оппортунистами типа Ропшиных и Черновых, которые позавчера были либералами с бомбой, вчера ренегатствовали, как либералы, сегодня продолжают упиваться сладенькими буржуазными фразами о «трудовом» начале!! Гарденины не лучше Зюденкумов, социал-революционеры не лучше ликвидаторов: не даром те и другие так любовно обнялись в журнале «Современник», проводящем специально программу слияния социал-демократов и социал-революционеров.

О Лондонской конференции.

Приводим, в сокращении, письмо представителя Р.С.-Д.Р.П.:

«Лондон, 14 февраля 1915 года. Вчера ночью получил от секретаря Британской секции Интернационала адрес конференции в ответ на мое письмо, где я сообщал свой адрес, не напрашиваясь на приглашение. Я решил пойти, чтобы попытаться прочитать декларацию. Застал от с.-р. Рубановича (от социал-шовинистов), Чернова и Боброва ⁸⁾ от «Мысли»; от О.К.М-го, делегированного вместе с Мартовым,—последний не явился, не получив пропуска. Делегатов было 11 от Англии (Кейр-Гарди председатель, Макдональд и другие), 16—от Франции (Самба, Вальян и другие), 3—от Бельгии (Вандервельде и другие).

«Председатель открыл конференцию сообщением, что цель ее—обмен мнений, а не принятие резолюций. Один из французов предлагает поправку—отчего не закрепить мнения б о л ь ш и н с т в а резолюцией? Молчаливо принято.

«В порядке дня: 1) права наций—Бельгия, Польша; 2) колонии; 3) гарантии мира. Выбирается мандатная комиссия (Рубанович и др.). Решено, чтобы по одному представителю от каждой страны сделали краткие сообщения об отношении к войне. Я беру слово и заявляю протест против неприглашения официального представителя нашей партии в Международном Социалистическом Бюро (тов. Максимович ⁹⁾ уже давно, больше года, член М. С. Бюро от нашей партии, живущий постоянно в Лондоне). Председатель перебивает, ссылаясь на приглашение всех, «чьи имена известны». Я протестую вторично против неизвещения действительных представителей. Затем ссылаюсь на наш Манифест (см. «Социал-Демократ» № 33: «Война и Российская социал-демократия» *), дающий общее отношение к войне и посланный в М. С. Бюро. Прежде чем говорить об условиях мира, надо выяснить, какими средствами будем добиваться его, а для этого необходимо установить, есть ли общая революционная социал-демократическая база, совещаемся ли мы, как шовинисты, пасифисты или социал-демократы. Читаю нашу декларацию, но председатель не дает мне кончить, заявляя, что мое положение, как делегата, еще не выяснено (!) и что они собирались «не для критики

---

*) См. выше 5—12 стр. этого тома. Ред.

разных партий» (!). Я заявляю, что продолжу свою речь после доклада мандатной комиссии. (Текст декларации, который не дали прочесть нам, печатается в следующем номере.)

«Краткие заявления об общей позиции делают Вальян, Вандервельде, Макдональд, Рубанович. Затем по докладу мандатной комиссии М-ну предлагается самому решить, может ли он единолично представлять О. К., а мне «разрешается» участвовать. Я благодарю конференцию за «любезность» и хочу продолжать декларацию для выяснения того, могу ли я остаться. Председатель перебивает, не разрешая ставить «условия» конференции. Тогда я прошу разрешения сообщить, по каким мотивам я *не* буду участвовать в конференции. Отклонено. Тогда позвольте заявить, что Р. С.-Д. Р. П. в конференции не участвует, а о причинах оставляю письменную декларацию у председателя. Собираю бумаги и ухожу.

«Председателю было передано заявление председателя Ц. К. Латышской социал-демократии (Б-ина), что он всецело присоединяется к нашей декларации.

Делегатам конференции запрещено сообщать что-либо печати, но к уходу тов. Максимовича это, разумеется, не относится, и орган, в котором участвует Кейр-Гарди, «Labour Leader», отметил уход Максимовича и его точку зрения в общих чертах.

К Лондонской конференции и ее резолюциям мы, по недостатку места, вынуждены вернуться в следующем номере. Отметим пока полную непригодность ее резолюций, лишь прикрывающих социал-шовинизм.

«Картина русского представительства: Ц. К. и Латышский «Социал-Демократ» решительно и ясно против социал-шовинизма. О. К. ликвидаторов обретается в нетях или путается в ногах. У с.-р. «партия» (Рубанович) за социал-шовинизм, «Мысль» (Бобров и Чернов) в оппозиции, которую мы оценим, когда узнаем, каково их заявление».

«Социал-Демократ» № 39
от 3 марта 1915 года.

Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П.

На-днях окончила свои работы конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П., состоявшаяся в Швейцарии. Помимо обсуждения чисто заграничных дел, о которых мы постараемся ска-

зать хотя бы вкратце в след. № Ц. О., конференция выработала резолюцию по важному и злободневному вопросу о войне. Печатаем эти резолюции немедленно, надеясь, что они будут полезны для всех с.-д., серьезно ищущих выхода к живому делу из современного хаоса мнений, который сводится в сущности к словесному признанию интернационализма и стремлению на деле во что бы то ни стало, так или иначе, помириться с социал-шовинизмом. Добавим, что по вопросу о лозунге «Соединенных Штатов Европы» дискуссия приняла односторонне политический характер, и вопрос решено было отложить до обсуждения в печати экономической стороны дела.

Резолюция конференции.

Стоя на почве манифеста Ц. К., напечатанного в № 33 *), конференция для большей планомерности пропаганды устанавливает следующие положения:

О характере войны.

Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных целей; когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма.

О лозунге «защиты отечества».

Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии,

*) См. выше 5—12 стр этого тома. Ред.

Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны.

Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому наществию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа.

В основе действительно-национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789—1871 го^дов, лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь, в совершенно иную, империалистическую эпоху, софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскачивания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Больше, чем когда бы то ни было, верны теперь слова «Коммунистического Манифеста», что «рабочие не имеют отечества». Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может сохранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему.

Лозунги революционной социал-демократии.

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами»

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с

оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), — за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

В настоящий момент организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис тем не менее назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше напрягут свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. Задача революционной социал-демократии, как в случае быстрого темпа революционного развития, так и в случае затяжного характера кризиса, будет — не отказываться от длительной, повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Ее задачей будет и парламентаризм и экономическую борьбу направлять против оппортунизма, в духе революционной борьбы масс.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира» (bloc national, Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Оппортунизм и крах II Интернационала.

Крах II Интернационала есть крах социалистического оппортунизма. Последний вырос, как продукт предыдущей «мирной» эпохи развития рабочего движения. Эта эпоха научила рабочий класс таким важным средствам борьбы, как использование парламентаризма и всех легальных возможностей, созда-

ние массовых экономических и политических организаций, широкой рабочей прессы и т. д. С другой стороны, эта эпоха породила тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира, к отрицанию социалистической революции, к принципиальному отрицанию нелегальных организаций, к признанию буржуазного патриотизма и т. д. Известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплоатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке), а также мелко-буржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявилось в политике большинства официальных с.-д. партий II Интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика «гражданского мира», отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята, означает срыв важнейших решений Интернационала и прямую измену социализму.

III Интернационал.

Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый с.-д. «центр», с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсификацированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, например, в Германии только решительное нарушение воли большинства верхов партии дало возможность выступить с защищенной социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами.

Р. С.-Д. Р. П. должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех анти-шовинистских элементов Интернационала.

Пацифизм и лозунг мира.

Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистской стадии, войны неизбежны. А с другой стороны, с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например, от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально раздробленных — национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, разворачивать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций.

Поражение царской монархии.

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистскую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственною армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает граждансскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом.

Отношение к другим партиям и группам.

Война, вызвав разгул шовинизма, обнаружила подчинение ему и демократической (народнической) интеллигенции и партии с.-р., при полной неустойчивости их оппозиционного течения

в «Мысли», — и основного ядра ликвидаторов («Наша Заря»), поддержанного Плехановым. Фактически на стороне шовинизма стоят и О. К., начиная с замаскированной поддержки его Ларинным и Мартовым до принципиальной защиты идей патриотизма Аксельродом, — и Бунд, у которого преобладает шовинизм германофильтский. Брюссельский (3 августа 1914 г.) блок ¹⁰) совершенно распался. А элементы, группирующиеся вокруг «Нашего Слова», колеблются между платоническим сочувствием интернационализму и стремлением единства во что бы то ни стало с «Нашей Зарей» и О. К. Так же колеблется с.-д. фракция Чхеидзе, с одной стороны исключившая плехановца, т.-е. шовиниста, Манькова, с другой стороны желающая во что бы то ни стало прикрыть шовинизм Плеханова, «Нашей Зари», Аксельрода, Бунда и т. д.

Задачей С.-Д. Рабочей Партии в России является дальнейшее укрепление пролетарского единства, созданного в 1912—1914 г.г. всего более «Правдой», восстановление партийных с.-д. организаций рабочего класса на базе решительного организационного размежевания с социал-шовинистами. Временные соглашения допустимы только с теми с.-д., которые стоят за решительный организационный разрыв с О. К., «Нашей Зарей» и Бундом.

«Социал-Демократ» № 40
от 29 марта 1915 г.

Что доказал суд над Р. С.-Д. Р. Фракцией?

Царский суд над пятью членами Р. С.-Д. Р. Фракции ¹¹) и шестью другими социал-демократами ¹²), захваченными на конференции под Питером 4 ноября 1914 г., окончился. Все приговорены к ссылке на поселение. Легальные газеты поместили судебные отчеты, из которых цензура вырезала места, неприятные царизму и патриотам. Расправа с «внутренними врагами» проведена быстро, и на поверхности общественной жизни опять не видно и не слышно ничего, кроме бешеного воя тьмы буржуазных шовинистов да подпевания ему горсток социал-шовинистов.

Что же доказал суд над Р. С.-Д. Р. Фракцией?

Во-первых, он показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии России. Подсудимые преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом Ц. К. в России и представителем

партии в известных сношениях ее с рабочими организациями. Эта цель достигнута. Для достижения ее и впредь должен быть применяем на суде давно и официально рекомендованный партией прием—отказ от показаний. Но стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом, г. Иорданским, как делал тов. Розенфельд, или свое несогласие с Центральным Комитетом есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый.

Заметим, что по отчету «Дня» (№ 40)—официального и полного отчета о суде не имеется—тов. Петровский заявил: «В тот же период времени (в ноябре) я получил резолюцию Центрального Комитета... и, кроме того, мне были представлены резолюции рабочих из семи пунктов об отношении рабочих к войне, совпадающие с отношением Центрального Комитета».

Это заявление делает честь Петровскому. Шовинизм кругом был очень силен. Недаром в дневнике Петровского имеется фраза о том, что даже радикально-настроенный Чхеидзе с воодушевлением говорит об «освободительной» войне. Этому шовинизму депутаты Р. С.-Д. Р. Ф. давали отпор, когда они были на воле, но отгородиться от него было их задачей и на суде.

Кадетская «Речь» холопски «благодарит» царский суд за то, что он «рассеял легенду» о том, что социал-демократические депутаты желали поражения царским войскам. Пользуясь тем, что социал-демократы в России связаны по рукам и ногам, кадеты делают вид, будто принимают всерьез мнимый «конфликт» между партией и фракцией, уверяя, что подсудимые давали свои показания совсем не страха ради судейска. Какие невинные младенцы! Они будто бы не знают, что в первой стадии дёла депутатам угрожали военным судом и смертной казнью.

Товарищам надо было отказаться от показаний по вопросу о нелегальной организации и, поняв всемирно-исторический момент, воспользоваться открытыми дверями суда для прямого изложения социал-демократических взглядов, враждебных не только царизму вообще, но и социал-шовинизму всех и всяческих оттенков.

Пусть бешено набрасывается на Р. С.-Д. Р. Фракцию правительственная и буржуазная печать, пусть злорадно «говяят» проявления слабости или мнимого «несогласия с Центральным Комитетом» социал-революционеры, ликвидаторы и социал-шовинисты (надо же им бороться принципиально!). Партия револю-

ционного пролетариата достаточно сильна, чтобы открыто критиковать самое себя, чтобы назвать без обиняков ошибку и слабость ошибкой и слабостью. Сознательные рабочие России создали такую партию и выдвинули такой передовой отряд, которые во время всемирной войны и всемирного провала международного оппортунизма проявили больше всех способности исполнить свой долг интернациональных революционных социал-демократов. Путь, по которому мы шли, испытан величайшим кризисом и оказался—еще и еще раз—единственно верным путем: пойдем по нему еще решительнее, еще тверже, выдвинем новые передовые отряды, добьемся не только выполнения ими той же работы, но и более правильного доведения ее до конца.

Во-вторых, суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма в олигополийной социал-демократией. Пример такого использования лучше всяких речей будет апеллировать к уму и сердцу пролетарских масс, убедительнее всяких доводов будет опровергать оппортунистов-легалистов и фразеров анархизма. Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского останутся надолго образцом той работы депутатов, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России. В такое время, когда почти все «социалистические» (извините за поругание этого слова!) депутаты Европы оказались шовинистами и слугами шовинистов, когда пресловутый «европеизм», прельщавший наших либералов и ликвидаторов, оказался тупой привычкой к рабской легальности, в России нашлась одна Рабочая Партия, депутаты которой блистали не краснобайством, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны, не деловой ловкостью «европейского» адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора. Подняться выше—к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра—таков на деле был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического» парламентаризма. Спуститься ниже—помочь просветить и объединить эксплуатируемых и угнетенных—вот какой лозунг выдвинут образами Муранова и Петровского.

И этот лозунг получит всемирно-историческое значение. Ни один мыслящий рабочий ни в одной стране мира не согласится на старое удовлетворение легальностью парламентаризма буржуазии—после того, как эта легальность во всех передовых странах была сразу отменена росчерком пера и повела лишь к теснейшему фактическому союзу оппортунистов и буржуазии. Кто мечтает об «единстве» революционных социал-демократических рабочих с «европейскими» легалистами с.-д. вчерашнего—и с е г о д н я шине го—типа, тот ничему не научился и все позабыл, тот на деле союзник буржуазии и враг пролетариата. Кто не понял до сих пор, почему и зачем Р. С.-Д. Р. Фракция отделилась от социал-демократической фракции, мирившейся с легализмом и оппортунизмом, тот пусть учится теперь на отчете судебного процесса о работе Муранова и Петровского. Эту работу вели не только эти двое депутатов, и лишь безнадежно-наивные люди могут мечтать о соединимости подобной работы с «дружелюбным, терпимым отношением» к «Нашей Заре» или к «Северной Рабочей Газете», к «Современнику», к О. К. или к Бунду.

Правительство надеется запугать рабочих отправкой в Сибирь членов Р. С.-Д. Р. Фракции? Оно ошибается. Рабочие не испугаются, а лучше поймут свои задачи, задачи Рабочей Партии, в отличие от ликвидаторов и социал-шовинистов. Рабочие научатся выбирать в Думу только таких людей, как члены Р. С.-Д. Р. Фракции для такой же и еще более широкой, а вместе с тем еще не открытой деятельности среди масс. Правительство думает убить «нелегальный парламентаризм» в России? Оно только закрепит связь пролетариата исклю чительно с подобным парламентаризмом.

В-третьих,—и это самое главное,—суд над Р. С.-Д. Р. Фракцией впервые дал открытый, в миллионном числе экземпляров распространенный по России, объективный материал по важнейшему, основному, существеннейшему вопросу об отношении к войне разных классов российского общества. Не довольно ли уже смертельно надоевшей интеллигентской болтовни о соединимости «защиты отечества» с «принципиальным» (читай: словесным или лицемерным) интернационализмом? Не пора ли взглянуть на факты, относящиеся к классам, т.-е. к миллионам людей жизни, а не к десяткам героев фразы?

Прошло более полугода со времени начала войны. Высказались легальная и нелегальная печать всех направлений, опре-

делились все думские партийные группы—очень недостаточный, но единственный объективный показатель наших классовых группировок. Суд над Р. С.-Д. Р. Фракцией и отклики печати подвели итог всему этому материалу. Суд доказал, что передовые представители пролетариата в России не только враждебны шовинизму вообще, но в частности разделяют именно позицию нашего Ц. О. Депутаты арестованы 4 ноября 1914 года. Более двух месяцев, следовательно, вели они свою работу. С кем и как они вели ее? Какие течения в рабочем классе они отражали и выражали? Ответ на это дает тот факт, что материалом для конференции являлись «тезисы» и «Социал-Демократ», что Питерский комитет нашей партии выступал неоднократно с листками того же содержания. Других материалов на конференции не было. О других течениях в рабочем классе депутаты не собирались докладывать конференции, ибо других течений не было.

Может быть, члены Р. С.-Д. Р. Фракции выражали лишь мнение меньшинства рабочих? Мы не вправе сделать такого предположения, ибо за $2\frac{1}{2}$ года, с весны 1912 г. по осень 1914 г., около «Правды», в полной идейной солидарности с которой работали эти депутаты, сплотились $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Это факт. Будь сколько-нибудь значительный протест среди рабочих против позиции Центрального Комитета,—этот протест не мог бы не найти выражения в проектах резолюции. Ничего подобного не обнаружил суд, хотя он «обнаружил», можно сказать, многое из работы Р. С.-Д. Р. Фракции. Поправки рукой Петровского никакого даже оттенка не показывают.

Факты говорят, что первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России на деле сплотился вокруг Ц. К. и Ц. О. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт,—он неопровергим. Цитируемые в обвинительном акте слова: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран»—эти слова, благодаря суду, разнесут и разнесли уже по России призыв к пролетарскому интернационализму, к пролетарской революции. Классовый лозунг авангарда рабочих России дошел теперь до самых широких масс благодаря суду.

Повальный шовинизм буржуазии и одной части мелкой буржуазии, колебания другой части и такой призыв рабочего класса— вот фактическая, объективная картина наших политических дея-

ний. С этой фактической картиной, а не с благопожеланиями интеллигентов и основателей группок надо сочетать свои «виды», надежды, лозунги.

Правдистские газеты и работа «Мурановского типа» создали единство $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Около 40.000 рабочих покупали «Правду», много больше читали ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и анти-шовинизмом. Он один стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплоатируемых, угнетенных. Он один устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои от социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, «Нашей Зари» к социализму. Его существование, его идеи, его работу, его обращение к «братьству наемных рабов других стран» показал всей России суд над Р. С.-Д. Р. Фракцией.

С этим слоем надо работать, его единство против социал-шовинистов надо отстоять, по этому единственному пути может развиваться рабочее движение России в направлении к социальной революции, а не к национально-либеральному «европейскому» типу.

«Социал-Демократ» № 40
от 29 марта 1915 года.

По поводу Лондонской конференции.

Печатаемая нами декларация тов. Максимовича, представителя Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., дает полное выражение взглядов партии на эту конференцию. Буржуазная французская печать превосходно вскрыла ее значение, как орудия или маневра со стороны англо-французской буржуазии. Роли были распределены так: «Le Temps» и «L'Echo de Paris» напали на французских социалистов за слишком большие будто бы уступки их интернационализму. Эти нападки были только маневром с целью подготовить почву для известного выступления в парламенте премьера Вивиани в патриотически завоевательном духе. С другой же стороны, «Journal des Débats» прямо раскрыл карты, заявив: суть дела была в том, чтобы английские социалисты, с Кейр-Гарди во главе, бывшие до сих пор против войны и против

вербовки, подали голос за войну вплоть до победы над Германией. Это достигнуто. Это важно. Это политический результат привлечения и английских, и французских социалистов на сторону англо-французской буржуазии. А фразы об интернационализме, социализме, референдуме и пр.—все это только фразы, пустые слова, никакого значения не имеющие!

Конечно, умные реакционеры французской буржуазии выболтали сущую правду. Войну с целью разорения и ограбления Германии, Австрии, Турции ведет англо-французская плюс русская буржуазия. Ей нужны вербовщики, ей нужно согласие социалистов воевать до победы над Германией, а остальное—пустое и недостойное фразерство, проституирование великих слов: социализм, интернационализм и пр. На деле—итти за буржуазией и помогать ей грабить чужие страны, а на словах—угощать массы лицемерным признанием «социализма и Интернационала»—в этом как раз и состоит основной грех оппортунизма, основная причина краха II Интернационала.

Поэтому задача противников социал-шовинистов на Лондонской конференции была ясна: уйти с этой конференции во имя ясных антишовинистских принципов, не впадая в германофильство. Ибо германофилы как раз по шовинистским, а не по другим, мотивам являются решительными врагами Лондонской конференции! Товарищ Максимович выполнил задачу, сказав определенно об измене немецких социалистов.

Бундисты и сторонники О. К. никак не могут понять этой простой и ясной вещи. Первые—германофилы вроде Коссовского, который прямо оправдывает голосование немецких социал-демократов за военные кредиты (см. «Информационный Листок» Бунда, № 7, январь 1915 года, стр. 7, § V в начале). Редакция этого листка ни звуком не оговорила несогласия с Коссовским (оговорив специально несогласие с защитником русского патриотизма Борисовым). В манифесте Ц. К. Бунда (там же, стр. 3) ни единого ясного словечка против социал-шовинизма не имеется!

Сторонники О. К. стоят за примирение германофильского шовинизма с франкофильским. Это видно из заявлений Аксельрода (№№ 86 и 87 «Голоса») и из № 1 «Известий» загр. секр. О. К. (22 февраля 1915 г.). Когда редакция «Нашего Слова» предложила нам совместное выступление против «официального со-

циал-шовинизма», мы прямо ответили ей, прилагая наш проект декларации и ссылаясь на решающий голос т. Максимовича, что О. К. и Бунд сами на стороне официального социал-патриотизма.

Зачем «Наше Слово» обманывает себя и других, умалчивая об этом в передовице № 32? Зачем умалчивает оно, что в нашем проекте декларации тоже стояли слова об измене немецких социал-демократов? Декларация «Нашего Слова» этот важнейший «основной» пункт выпустила; ни мы, ни тов. Максимович этой декларации не принимали и не могли принять. Единства действий поэтому у нас с О. К. не получалось. Зачем же «Наше Слово» обманывает себя и других, уверяя, что есть база для единства действий?

«Официальный социал-патриотизм»—самое главное зло современного социализма. Для борьбы с этим злом (а не для примирения с ним, не для взаимной интернациональной «амнистии» по этому пункту) должны быть подготовляемы и собираемы все силы. Каутский и другие дали вполне определенную программу «амнистии» и мира с социал-шовинизмом. Мы постарались дать определенную программу борьбы с ним—см. особенно № 33 «Социал-Демократа» и печатаемые резолюции. Остается выразить пожелание, чтобы от колебаний между «платоническим сочувствием интернационализму» и миром с социал-шовинизмом «Наше Слово» перешло к чему-либо более определенному.

«Социал-Демократ» № 40
от 29 марта 1915 г.

К иллюстрации лозунга гражданской войны.

Из Берлина от 8 января нового стиля сообщали в швейцарские газеты: «В последнее время газеты неоднократно печатали известия о мирных попытках сближения между траншеями немцев и французов. Как сообщает «Tägliche Rundschau», приказ по армии от 29 декабря запрещает братанье и вообще всякое сближение с неприятелем в траншеях; нарушение этого приказа будет караемо как государственная измена».

Итак, братанье и попытки сближения есть факт. Военное начальство Германии обеспокоено им: следовательно, оно признает ему серьезное значение. В английской рабочей газете «Labour

Leader» от 7 января 1915 года сообщается целый ряд цитат из буржуазных английских газет, свидетельствующих о случаях братания английских и немецких солдат, устраивавших «перемирие на 48 часов» (на Рождество), дружелюбно встречавшихся на полпути между траншеями и т. д. Английское военное начальство запретило братанье особым приказом. А социалистические оппортунисты и их защитники (или слуги? подобно Каутскому) уверяли печатно рабочих с видом необычайно самодовольным и со спокойным сознанием, что военная цензура охранит их от опровержений,—уверяли, будто соглашения между социалистами воюющих стран о действиях против войны невозможны (буквальное выражение Каутского в «Neue Zeit»!).

Представьте себе, что Гайндман, Гэд, Вандервельде, Плеханов, Каутский и т. д. вместо того пособничества буржуазии, которым они сейчас заняты, составили бы международный комитет для агитации за «братание и попытки сближения» между социалистами воюющих стран как в «траншеях», так и в войске вообще. Каковы были бы результаты через несколько месяцев, если теперь, через 6 месяцев после начала войны, против всех, предавших социализм, главарей, вождей и звезд первой величины, растет повсюду оппозиция против голосовавших за кредиты и против министериалистов, и военное начальство грозит смертью за «братание»!

«Практический вопрос один: победа или поражение собственной страны», писал слуга оппортунистов Каутский, в унисон с Гэдом, Плехановым и К-о. Да, если забыть о социализме и классовой борьбе, это будет верно. Но если не забывать о социализме, это не верно: есть другой практический вопрос. Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым и беспомощным рабом, или погибать за «попытки братания» между рабами в целях свержения рабства?

Вот каков на деле «практический» вопрос.

«Социал-Демократ» № 40
от 29 марта 1915 г.

Софизмы социал-шовинистов.

«Наше Дело» (1915 г., № 1), издаваемое в Петрограде ликвидаторами, печатает перевод брошюры Каутского: «Международность и война». Г. А. Потресов заявляет при этом о своем несогласии с Каутским, выступающим, по его мнению, то как «адвокат» (т.-е. защитник немецкого социал-шовинизма, не признающий правоты франко-русской разновидности этого направления), то как «судья» (т.-е. марксист, старающийся без пристрастия применить метод Маркса).

На самом деле г. А. Потресов и Каутский в основном изменяют марксизму, явными софизмами защищая национал-либеральную рабочую политику. Г. А. Потресов отвлекает внимание читателей от основного, споря с Каутским о частностях. По мнению г. А. Потресова, «решение» вопроса об отношении к войне англо-французской «демократией» (автор имеет в виду рабочую демократию) есть «хорошее в общем решение» (стр. 69); «они (эти демократии) действовали правильно», —хотя их решение не столько сознательно, сколько «в силу счастливой случайности... совпадает с национальным решением».

Смысл этих слов ясен: г. А. Потресов защищает, под прикрытием англо-французов, русский шовинизм, оправдывая патриотическую тактику социалистов тройственного согласия. С Каутским г. А. Потресов спорит не как марксист с шовинистом, а как русский шовинист с немецким шовинистом. Это—избитый до пошлости прием, и отметить надо лишь, что г. А. Потресов всячески прикрывает и запутывает простой и ясный смысл своих речей.

Суть дела в том, в чем согласны и г. А. Потресов, и Каутский. Они согласны, например, в том, что «интернационализм современного пролетариата совместим с защитой отечества» (К. Каутский, 34 стр. нем. изд. брош. Каутского). Г. А. Потресов пишет об особом положении государства, «которое подвергли разгрому». Каутский пишет: «Народ ничего так не боится, как вражеского нашествия... Если население видит причину войны не в собственном правительстве, а в злоказненности соседнего государства,—а какое правительство при помощи прессы и т. д. не попытается внушить массе населения такой взгляд!—тогда... во всем населении вспыхнет и единодушное стремление защи-

щать границы от врага... Разъяренная толпа сама убила бы тех, кто попытался бы помешать отправке войска на границы» (К. Каутский, стр. 33, из статьи 1911 года).

Вот якобы марксистская защита основной идеи всех социал-шовинистов.

Каутский сам прекрасно видел еще в 1911 г., что правительство (и буржуазия) будет обманывать «народ, население, толпу», сваливая вину на «злоказненность» другой страны. Вопрос в том, совместима ли с международностью и с социализмом поддержка такого обмана—все равно, ватированием ли кредитов, речами, статьями и т. п.—или эта поддержка равняется национал-либеральной рабочей политике. Каутский поступает, как бесстыднейший «адвокат», как последний софист, подменяя этот вопрос вопросом о том, разумно ли «одиночкам» «мешать отправлять войска» вопреки воле большинства населения, обманутого своим правительством. Не об этом спор. Не в этом суть. Обманутых мелких буржуа надо разубеждать, разъяснять им обман; иногда надо, пойдя с ними на войну, уметь выжидать обработки их голов опытом войны. Не об этом речь, а о том, позволительно ли социалистам участвовать в обмане «народа» буржуазией. Каутский и А. Потресов оправдывают такой обман. Ибо они знают прекрасно, что в империалистской войне 1914 года одинаково виновата «злоказненность» правительств и буржуазии всех «великих» держав, и Англии, и Франции, и Германии, и России. Об этом ясно говорит, например, Базельская резолюция 1912 года.

Что «народ», т.-е. масса мелких буржуа и часть одураченных рабочих, верит в буржуазную сказку о «злоказненности» неприятеля, это несомненно. Но задача с.-д. бороться с обманом, а не поддерживать его. Все социал-демократы во всех странах задолго до войны говорили и в Базеле подтвердили, что *каждая* из великих держав на деле стремится к укреплению и расширению господства над колониями, к угнетению маленьких наций и т. д. Ейна идет из-за дележа колоний и грабежа чужих земель; воры дерутся—и ссылаются на то, что в данную минуту терпит поражение такой-то вор, для изображения интереса воров интересом народа или отечества, есть бессовестная буржуазная ложь. «Народу», страдающему от войны, мы должны говорить *правду*, которая состоит в том, что защита от бедствий войны невозможна без свержения правительств и буржуазии *каждой*

воюющей страны. Защищать Бельгию посредством удушения Галиции или Венгрии не есть «защита отечества».

Но сам Маркс, осуждая войны, например, 1854—1876 г.г., становился на сторону одной из воюющих держав, когда война, вопреки воле социалистов, оказывалась фактом. Таково главное содержание и главный «козырь» брошюры Каутского. Такова же позиция г. А. Потресова, который под «международностью» понимает определение того, чей успех в войне наиболее желателен или наименее вреден, с точки зрения интересов не национального, а всего мирового пролетариата. Войну ведут правительства и буржуазия; пролетариат должен определить, победа какого правительства для рабочих всего мира наименее опасна

Софизм этих рассуждений состоит в том, что совершают подмен, ставя прежнюю, давно минувшую, историческую эпоху на место настоящей. Основная черта прежних войн, на которые ссылается Каутский, была следующая: 1) прежние войны решали вопросы буржуазно-демократических преобразований и свержения абсолютизма или чуженационального гнета; 2) тогда не назрели еще объективные условия социалистической революции, и ни один социалист не мог говорить, до войны, об использовании ее «для ускорения краха капитализма», как говорят Штуттгартская (1907 г.) и Базельская (1912 г.) резолюции; 3) тогда не было сколько-нибудь сильных, массовых, испытанных в ряде битв, социалистических партий в государствах обеих воюющих сторон.

Говоря короче: удивительно ли, что Маркс и марксисты ограничивались определением того, победа какой буржуазии безвреднее (или полезнее) для всемирного пролетариата, когда не могло еще быть и речи об общем пролетарском движении против правительств и буржуазии во всех воюющих странах?

Первый раз в мировой истории социалисты всех воюющих стран, задолго до войны, собираются вместе и заявляют: мы используем войну «для ускорения краха капитализма» (1907 г., резолюция в Штуттгарте). Значит, они признают созревшими объективные условия для такого «ускорения краха», т.-е. для социалистической революции. Значит, они грозят правительствам революцией. В Базеле (1912 г.) это сказали еще яснее, ссылаясь на Коммуну и на октябрь-декабрь 1905 г., т.-е. на гражданскую войну.

Когда война разразилась, социалисты, грозившие правительствам революцией и звавшие пролетариат на революцию, начи-

нают ссылаясь на то, что было полвека назад, и оправдывают поддержку социалистами правительства и буржуазии! Тысячу раз прав марксист Гортер, когда в своей голландской брошюре: «Империализм, всемирная война и социал-демократы» (стр. 84) сравнивает «радикалов» типа Каутского с либералами 1848 года, храбрыми на словах и изменниками на деле.

Десятилетиями росло противоречие между революционно-социал-демократическими и оппортунистическими элементами внутри европейского социализма. Кризис назрел. Война вскрыла парадоксы. Большинство официальных партий побеждено национал-либеральным рабочими политиками, защищающими привилегии «своей», «отечественной» буржуазии, ее предпочтительное право обладать колониями, подавлять маленькие нации и пр. И Каутский, и А. Потресов прикрывают, защищают и оправдывают национал-либеральную рабочую политику вместо того, чтобы разоблачать ее перед пролетариатом. Вот в чем суть софизмов социал-шовинизма.

Г. А. Потресов неосторожно проговорился при этом, признав «принципиальную несостоительность штуттгартской формулы» (стр. 79). Что ж! Открытые ренегаты полезнее для пролетариата, чем прикрытые. Продолжайте, г. А. Потресов, отрекайтесь честнее от Штуттгарта и Базеля!

Дипломат Каутский ловчее г. А. Потресова: он не отрекается от Штуттгарта и Базеля, он только... «только»!.. цитирует Базельский манифест,—о п у с к а я все указания на революцию!! Цензура, должно быть, мешала и А. Погрессову, и Каутскому. А. Потресов и Каутский согласны, должно быть, говорить о революции, когда это разрешит цензура...

Будем надеяться, что А. Потресов, Каутский или их сторонники предложат заменить Штуттгартскую и Базельскую резолюции примерно такой: «если война, вопреки усилиям нашим, все же вспыхнет, то мы должны определить, с точки зрения всемирного пролетариата, что для него выгоднее: чтобы Индию грабила Англия или Германия, чтобы негров в Африке спаивали и обирали французы или немцы, чтобы Турцию давили австро-германцы или англо-франко-русские, чтобы немцы душили Бельгию или русские Галицию, чтобы Китай делили японцы или американцы» и т. д.

Вопрос об объединении интернационалистов.

Война вызвала глубокий кризис всего международного социализма. Как и всякий кризис,—настоящий кризис социализма глубже и яснее вскрыл его внутренние противоречия, сорвал много фальшивых и условных покровов, показал в самой резкой и яркой форме, что сгнило и отжило в социализме и в чем залог дальнейшего развития и движения к победе.

Едва ли не все социал-демократы России чувствуют, что старые деления и группировки—мы бы не сказали: устарели, а—видоизменяются. На первый план выдвигается группировка по основному вопросу, поставленному войной, именно: деление на «интернационалистов» и «социал-патриотов». Эти термины мы берем из передовицы № 42 «Нашего Слова», не останавливаясь сейчас на вопросе, не следовало ли бы дополнить их противопоставлением революционных социал-демократов национал-либеральным рабочим политикам.

Дело, конечно, не в названии. Сущность основной современной группировки «Наше Слово» наметило правильно. Интернационалисты—пишет оно—«солидарны в отрицательном отношении к социал-патриотизму, представленному Плехановым»... И редакция призывает «ныне раздробленные группы» «столкнуться и объединиться хотя бы только для одного акта—для выражения своего отношения российской социал-демократией к нынешней войне и к русскому социал-патриотизму».

Не ограничиваясь литературным выступлением, редакция «Нашего Слова» обратилась с письмом к нам и к О. К., предлагая совещание по этому вопросу—при своем участии. Мы ответили указанием на необходимость «выяснить некоторые предварительные вопросы, дабы знать, существует ли между нами солидарность в основном». Главным образом мы остановились на двух предварительных вопросах: 1) для разоблачения «фальсифицирующих» волю передового пролетариата России (выражение редакции «Нашего Слова») «социал-патриотов» (редакция назвала Плеханова, Алексинского и известную группу петербургских ликвидаторов-литераторов, сторонников журнала X. Y. Z.) не поможет никакая декларация. Необходима длительная борьба. 2) Где основания причислять к «интернационалистам» О. К.?

С другой стороны, заграничный секретариат О. К. переслал нам копию своего ответа «Нашему Слову». Ответ этот сводился к тому, что «предварительный» отбор одних групп и «исключение других» недопустимы и что «на совещание должны быть приглашены заграничные представительства всех тех партийных центров и групп, которые были... на конференции при Международном Социалистическом Бюро в Брюсселе перед войной» (письмо от 25 марта 1912 г.).

Итак, О. К. принципиально отказывается от совещания интернационалистов, желая совещаться и с социал-патриотами (известно, что течения Плеханова и Алексинского были представлены в Брюсселе). Совершенно в таком же духе высказалась резолюция социал-демократов в Нерви (№ 53 «Нашего Слова»), принятая после доклада Ионова¹³) (и явно выражающая взгляды этого представителя наиболее левых или интернационалистских элементов Бунда).

В этой резолюции, которая вообще в высшей степени характерна и ценна для обрисовки подыскиваемой многими за границей «средней линии»,—выражается сочувствие «принципам» «Нашего Слова», но вместе с тем заявляется о несогласии с позицией «Нашего Слова», «заключающейся в организационном межевании, в исключительном объединении социалистов-интернационалистов и в защите необходимости расколов в исторически-сложившихся социалистических, пролетарских партиях». «Одностороннее», дескать, «трактование» (этих вопросов) «газетой Наше Слово» собрание считает «крайне вредящим выяснению задач, связанных с восстановлением Интернационала».

Мы уже указывали, что взгляды Аксельрода, официального представителя О. К., социал-шовинистские. «Наше Слово» ни в печати, ни в переписке не ответило на это. Мы указывали, что позиция Бунда такова же, с оттенком преобладания шовинизма германофильтского. Резолюция из Нерви дала хотя и косвенное, но крайне важное фактическое подтверждение: объединение только интернационалистов объявлено вредным и раскольническим; вопрос поставлен с ясностью, заслуживающей всяческого признания.

Еще яснее ответ О. К., выражающий не косвенное, а самое прямое и формальное отношение к делу: совещаться надо не без социал-патриотов, а с ними.

Мы должны поблагодарить О. К. за то, что он перед «Нашим Словом» подтвердил правильность наших взглядов на О. К.

Значит ли это, что вся идея «Нашего Слова» об объединении интернационалистов потерпела крушение? Нет. никакие неудачи никаких совещаний не остановят объединения интернационалистов, поскольку есть идейная солидарность и искреннее желание бороться с социал-патриотизмом. Редакция «Нашего Слова» располагает большим орудием ежедневной газеты. Она может сделать нечто неизмеримо более деловое и серьезное, чем совещания и декларации: именно, пригласить все группы и приняться немедленно самой 1) за выработку полных, точных, недвусмысленных, вполне ясных ответов на вопросы о содержании интернационализма (а то ведь и Вандервельде, и Каутский, и Плеханов, и Ленч, и Гениш называют себя интернационалистами!), об оппортунизме, о крахе II Интернационала, о задачах и средствах борьбы с социал-патриотизмом и т. д.; 2) за собирание сил для серьезной борьбы за такие-то принципы не только за границей и, главным образом, в России.

В самом деле, решится ли кто-нибудь отрицать, что иного пути для победы интернационализма над социал-патриотизмом нет и быть не может? Не показала ли полуторовая история эмиграции в России (и тридцатилетняя история социал-демократической эмиграции), что бессильны, несерьезны, фиктивны все декларации, совещания и т. п. за границей, если они не поддержаны длительным движением того или иного общественного слоя в России? Не учит ли нас и теперешняя война тому, что все незрелое или подгнившее, условное или дипломатическое, рассыплется прахом от первого толчка?

За восемь месяцев войны все социал-демократические центры, группы, течения, оттенки мнений уже посвещались, с кем могли и хотели, уже «декларировали», т.-е. заявили во все-слушание свое мнение. Теперь задача уже иная, ближе к делу. Побольше недоверия к парадным декларациям и совещаниям. Побольше энергии на выработку таких точных ответов и советов литераторам, пропагандистам, агитаторам, всем мыслящим рабочим, чтобы этих советов нельзя было не понять. Побольше ясности и определенности при собирании сил для длительной работы проведения этих советов в жизнь.

Повторяем, редакции «Нашего Слова» много дано—ежедневная газета!—и с нее много спросится, если она не выполнит даже этой «программы-минимум».

Добавим одно замечание: ровно 5 лет тому назад, в мае 1910 г., мы указали в заграничной печати на крупнейший политический факт, более «сильный», чем совещания и декларации многих из очень «сильных» социал-демократических центров, именно: на сплочение в России группы легалистов-литераторов т о г о с а м о г о журнала X. Y. Z. Что показали факты за 5 лет, довольно богатых событиями в истории рабочего движения России и всего мира? Не показали ли факты, что мы имеем перед собой известное социальное ядро для сплочения элементов, национал-либеральной («европейского» типа!) рабочей партии в России? К каким выводам обязывает всех социал-демократов то обстоятельство, что в России мы видим теперь, за исключением «Вопросов Страхования», открытое выступление только этого направления, «Нашего Дела», «Страхования Рабочих», «Северного Голоса», Маслова и Плеханова?

Еще раз: побольше недоверия к парадным выступлениям, побольше мужества глядеть прямо в лицо серьезным политическим реальностям!

«Социал-Демократ» № 41
от 1 мая 1915 г.

Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия.

Журнал английских миллионеров «Экономист» («The Economist») ведет очень поучительную линию по отношению к войне. Представители передового капитала самой старой и самой богатой капиталистической страны горько оплакивают войну и неустанно выражают пожелание мира. Те социал-демократы, которые вслед за оппортунистами и за Каутским думают, что социалистическая программа состоит в проповеди мира, могут, читая английский «Экономист», наглядно убедиться в своей ошибке. Их программа не социалистическая, а буржуазно-пацифистская. Мечтания о мире без проповеди революционных действий выражают страх перед войной, не имея ничего общего с социализмом.

Мало того. Английский «Экономист» стоит за мир именно потому, что боится революций. Например, в № от 13 февраля 1915 г. читаем:

«Филантропы выражают надежду, что мир принесет международное ограничение вооружений... Но те, кто знают, какие силы фактически направляют европейскую дипломатию, не увлекаются никакими утопиями. Перспектива, открываемая войной, есть перспектива кровавых революций, ожесточенных войн труда с капиталом, или народных масс с господствующими классами континентальной Европы».

А в № от 27 марта 1915 г. опять читаем пожелания мира, который обеспечил бы обещаемую Эдуардом Греем свободу национальностей и пр. Если эта надежда не осуществится, то... «война приведет к революционному хаосу. Никто не может сказать, где начнется этот хаос и чем он кончится»...

Английские миллионеры-пацифисты гораздо вернее понимают современную политику, чем оппортунисты, сторонники Каутского и тому подобные социалистические взыскатели о мире. Г.г. буржуа, во-первых, знают, что фразы о демократическом мире—пустая, глупенькая утопия, пока прежние «силы фактически направляют дипломатию», т.-е. пока не экспроприирован класс капиталистов. Во-вторых, г.г. буржуа трезво оценивают перспективу: «кровавые революции», «революционный хаос». Социалистический переворот всегда представляется буржуазии в виде «революционного хаоса».

Три вида сочувствия миру видим мы в реальной политике капиталистических стран.

1) Сознательные миллионеры хотят ускорить мир, боясь революций. «Демократический» мир (без аннексий, с ограничением вооружений и т. д.) они трезво и правдиво объявили утопией при капитализме.

Эту мещансскую утопию проповедуют оппортунисты, сторонники Каутского и т. п.

2) Несознательные народные массы (мелкие буржуа, полу-пролетарии, часть рабочих и т. п.) пожеланием мира в самой не-определенной форме выражают нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение.

3) Сознательные передовики пролетариата, революционные социал-демократы, внимательно присматриваются к настроению масс, используют нарастающее стремление их к миру не для

поддержки пошлых утопий «демократического» мира при капитализме, не для поощрения надежд на филантропов, на начальство, на буржуазию, а для того, чтобы революционное настроение из смутного сделать ясным;—чтобы систематически, упорно, неуклонно, опираясь на опыт масс и на их настроение, просвещая их тысячами фактов политики до войны,—

— доказывать необходимость массовых революционных действий против буржуазии и правительства своей страны, как единственного пути к демократии и к социализму.

«Социал-Демократ» № 41

от 1 мая 1915 года.

Крах платонического интернационализма.

Мы уже говорили (см. № 41 «Социал-Демократа» *), что «Наше Слово» должно, по крайней мере, выступить с точным изложением своей платформы, если оно хочет, чтобы можно было взять всерьез его интернационализм. В № 85 «Нашего Слова» (9/V), как бы в ответ нам, напечатана резолюция, принятая собранием редакции и коллегии парижских сотрудников «Нашего Слова», при чем «два члена редакции, соглашаясь с содержанием резолюции, заявили о подаче ими особого мнения об организационных методах внутрипартийной политики в России. Резолюция эта представляет замечательнейший документ политической растерянности и беспомощности.

Много, много раз повторяется слово интернационализм, провозглашается «полное идейное размежевание со всеми разновидностями социалистического национализма», цитируются Штуттгартская и Базельская резолюции. Намерения благие, слов нет. Только... только пахнет фразой, ибо действительно «полного» размежевания, действительно со «всеми» разновидностями социал-национализма дать нельзя и не нужно, как нельзя и не нужно полностью перечесть все разновидности капиталистической эксплоатации, чтобы стать врагом капитализма. Но можно и должно недвусмысленно размежеваться с главными разновидностями, например, плехановской, потресовской («Наше Дело»), бундовской, аксельродовской, каутскианской. Резолюция слиш-

*) См. выше статью: «Вопрос об объединении интернационалистов». Ред.

ком многое сулит, но ничего не дает; она грозит полностью размежеваться со всеми разновидностями, но боится даже назвать хотя бы главнейшие из них.

... В английском парламенте назвать по имени считается невежливым, принято говорить только о «благородных лордах» и о «высокопочтенных депутатах от такого-то округа». Какие превосходные англоманы, какие изысканно-тонкие дипломаты эти «наше-словцы»! Они так изящно обходят суть дела, так вежливо кормят читателей формулами, служащими для сокрытия их мыслей. Они провозглашают «дружественные отношения» (Гизо, да и только! — как говорит один герой у Тургенева) со всеми организациями, «поскольку они проводят... принципы революционного интернационализма...» и они сохраняют «дружественные отношения» именно с теми, кто этих принципов не проводит.

«Идейное размежевание», которое наше-словцы тем торжественнее провозглашают, чем меньше они хотят и могут его дать, состоит в выяснении того, откуда взялся социал-национализм, что дало ему силу, как с ним бороться. Социал-националисты сами себя не называют и не признают социал-националистами. Они направляют и они вынуждены направлять все свои усилия на то, чтобы спрятаться за псевдоним, чтобы засорить глаза рабочим массам, чтобы замести следы своих связей с оппортунизмом, чтобы прикрыть свою измену, т.-е. свой фактический переход на сторону буржуазии, свой союз с правительствами и с генеральными штабами. Опираясь на этот союз и имея все позиции в руках, социал-националисты больше всех кричат теперь о «единстве» социал-демократических партий и обвиняют в раскольничестве врагов оппортунизма, — смотри последний официальный циркуляр Правления («Vorstand'a») немецкой социал-демократии против действительно интернационалистских журналов: «Lichtstrahlen» («Лучи Света») и «Die Internationale» («Интернационал»). Этим журналам не надо было провозглашать ни «дружественных отношений» с революционерами, ни «полного идейного размежевания со всеми разновидностями социал-национализма»; они прямо начали размежевание и начали так, что поистине «в се разновидности» оппортунистов подняли бешеный вой, показав этим, как хорошо стрелы попали в цель.

А «Наше Слово»?

Оно поднимает 'против социал-национализма восстание на коленях, ибо опаснейших защитников этого буржуазного тече-

ния (вроде Каутского) «Наше Слово» не разоблачает, войны оппортунизму не обьявляет, а, напротив, молчит с нем, никаких реальных шагов к освобождению социализма от позорного патристического пленения не предпринимает и не указывает. Говорят: не обязательно единство, но и не обязателен раскол с теми, кто перешел на сторону буржуазии, «Наше Слово» фактически сдается на милость оппортунистов, делая при этом, однако, такой красивый жест, который можно понять в том смысле, что оно грозит оппортунистам своим грозным гневом, но можно понять и так, что оно делает им ручкой. Вероятнее всего, действительно ловкие оппортунисты, которые умеют ценить соединение левых фраз с умеренной практикой, ответили бы на резолюцию «Нашего Слова» (если бы их заставили отвечать на нее) примерно так же, как ответили два члена редакции: с «общим содержанием» мы согласны (ибо мы вовсе не социал-националисты, ничего подобного!), а насчет «организационных методов внутри-партийной политики» подадим, в свое время, «особое мнение». И волки сыты, и овцы целы.

Тонкая дипломатия «Нашего Слова» разлетелась прахом, когда пришло говорить о России.

«Партийное объединение в условиях предыдущей эпохи оказалось в России невозможным»,—заявляет резолюция. Читай: объединение рабочей партии с группой легалистов-ликвидаторов оказалось невозможным. Это—косвенное признание краха Брюссельского блока для спасения ликвидаторов. Почему «Наше Слово» боится признать этот крах прямо? Почему оно боится выяснить открыто перед рабочими причины этого краха? Не потому ли, что крах этого блока доказал фактически фальшивость политики всех участников этого блока? Не потому ли, что «Наше Слово» хочет сохранить «дружественные отношения» с двумя (не менее как с двумя) «разновидностями» социал-национализма, именно: с бундовцами и с О. К. (Аксельродом), которые в печати выступили с заявлениями, свидетельствующими об их видах и надеждах на воскрешение Брюссельского блока? «Новые условия... подрывают почву под ногами старых фракций»...

Не наоборот ли? Новые условия нисколько не устранили ликвидаторства, не поколебали даже, несмотря на все личные колебания и переметывания, его основного ядра («Нашей Зари»), углубили и обострили расхождение с ним, ибо оно кроме ликвидаторского стало социал-националистическим! «Наше Слово» отма-

хивается от неприятного для него вопроса о ликвидаторстве, ибо старое де подорвано новым, и умалчивает о новой, социал-националистической, почве под ногами старого... ликвидаторства! Забавная увертливость. О «Нашей Заре» мы умолчим, потому что ее уже нет, а о «Нашем Деле», вероятно, потому, что Потресов, Череванин, Маслов и К-о могут быть рассматриваемы, как политические новорожденные...

Но не только Потресова и К-о, а и самих себя редакторы «Нашего Слова» хотели бы рассматривать, как новорожденных. Слушайте:

«Стоя перед лицом того факта, что созданные в прошлую эпоху фракционные и междуфракционные группировки служат еще и в настоящий переходный момент единственными» (это заметьте!) «пунктами хотя бы и крайне несовершенного организованного сплочения передовых рабочих,—«Наше Слово» считает, что интересы его основной деятельности по объединению интернационалистов равно исключают как организационное подчинение газеты, прямое или косвенное, одной из старых партийных группировок, так и искусственное сплочение своих единомышленников в особую фракцию, политически противостоящую старым группировкам».

Что это? Как это? Так как новые условия подрывают старые группировки, поэтом у мы признаем последние едины реальными! Так как новые условия требуют новой группировки, не но ликвидаторству, а по интернационализму, поэтом у мы отказываемся от сплочения интернационалистов, как «искусственного»! Настоящий апофеоз политической импотенции.

После 200 дней проповеди интернационализма «Наше Слово» расписалось в своем полнейшем политическом крахе: старым группировкам не «подчиняться» (почему такое испуганное слово? почему не «примыкать», не «поддерживать», не «солидаризироваться»?), новых не создавать. Жить будем по-старому, в группировках по ликвидаторству, будем «подчиняться» им, а «Наше Слово» пусть остается чем-то вроде крикливой вывески или праздничной прогулки по садам интернационалистической словесности. Писатели «Нашего Слова» будут пописывать, читатели «Нашего Слова» будут почитывать.

200 дней мы говорили о сплочении интернационалистов и пришли к выводу, что ровно никого, даже самих себя, редакто-

ров и сотрудников «Нашего Слова», мы сплотить не можем и объявляем такое сплочение «искусственным». Какое торжество для Потресова, для бундовцев, для Аксельрода! И какой ловкий обман рабочих: лицевая сторона—эффектные интернационалистские фразы истинно-фракционного, освободившегося от переживших себя старых группировок «Нашего Слова»; изнанка—«единственные» пункты сплочения, старые группировки...

Идейно-политический крах, в котором расписалось теперь «Наше Слово», не случайность, а неизбежный результат потуг словесно отмахнуться от реальных отношений силы. Эти отношения в рабочем движении России сводятся к борьбе течения ликвидаторов и социал-патриотов («Наше Дело») с той марксистской социал-демократической рабочей партией, которая восстановлена январской конференцией 1912 года, упрочена выборами в IV Государственную Думу по рабочей курии, закреплена правдистскими газетами 1912—1914 г.г., представлена Российской Социал-Демократической Рабочей Фракцией. Эта партия продолжала свою борьбу с буржуазным течением ликвидаторства борьбой с не менее буржуазным течением социал-патриотизма. Правильность линии этой партии, нашей партии, подтверждена великим, всемирно-историческим опытом европейской войны и крошечным, миниатюрным опытом новой, тысяча первой, объединительно-нефракционной попытки «Нашего Слова»: эта попытка потерпела фиаско, подтвердив резолюцию Бернского совещания (№ 40 «Социал-Демократа») о «платонических» интернационалистах *).

Действительные интернационалисты не захотят ни сидеть (скрывая это от рабочих) в старых, ликвидаторских, группировках, ни оставаться вне всяких группировок. Они придут к нашей Партии.

«Социал-Демократ» № 42
от 21 мая 1915 года

О борьбе с социал-шовинизмом.

Наиболее интересный и наиболее новый материал по этому злободневному вопросу доставлен закончившейся недавно международной женской социалистической конференцией в Берне.

*). См. выше 52 стр. этого тома. Ред.

Читатели найдут ниже описание ее и тексты резолюций—принятой и отвергнутой. В настоящей статье мы намерены остановиться лишь на одной стороне дела.

Представительницы женских организаций при О. К., голландки из партии Трульстру, швейцарки из организаций, резко воюющих с «*Berner Tagwacht*» за чрезмерную будто бы левизну этой газеты, французская представительница, не желающая ни в чем, сколько-нибудь важном, разойтись с официальной партией, стоящей, как известно, на социал-шовинистской точке зрения, англичанки, враждебные мысли об ясном отделении пасифизма от революционной пролетарской тактики,—все они сошлись с «левыми» немецкими социал-демократами на одной резолюции. Представительницы женских организаций при Центральном Комитете нашей партии разошлись с ними, предпочитая остаться на время в одиночестве, чем участвовать в таком блоке.

В чем была суть разногласия? Каково принципиальное и обще-политическое значение этого расхождения?

На первый взгляд, «средняя» резолюция, объединившая оппортунистов и часть левых, кажется очень благовидной и принципиально правильной. Война признана империалистической, идея «защиты отечества» осуждена, рабочие призваны к массовым демонстрациям и т. д., и т. д. Казалось бы, отличие нашей резолюции только в нескольких более резких выражениях, вроде «измены», «оппортунизм», «выход из буржуазных министерств» и т. п.

Несомненно, именно с этой точки зрения и будут критиковать отделение делегаток женских организаций при Центральном Комитете нашей Партии.

Достаточно отнести к делу повнимательнее и не ограничиваться «формальным» признанием той или другой истины, чтобы увидеть полную несостоятельность такой критики.

На конференции столкнулись два миросозерцания, две оценки войны и задач Интернационала, две тактики пролетарских партий. Один взгляд: не произошло краха Интернационала, нет глубоких и серьезных препятствий к возврату от шовинизма к социализму, нет сильного «внутреннего врага» в виде оппортунизма, нет прямой, несомненной, очевидной измени его социализму. Отсюда вывод: не будем никого осуждать, дадим «амнистию» нарушителям Штуттгартской и Базельской резолюций, ограничимся советом взять курс полевее, призвать массы к демонстрациям.

Другой взгляд по всем перечисленным здесь пунктам—совершенно противоположный. Нет ничего вреднее и губительнее для пролетарского дела, чем продолжение внутри-партийной дипломатии с оппортунистами и социал-шовинистами. Резолюция большинства потому и оказалась приемлемой для оппортунистов и сторонниц теперешних официальных партий, что она насквозь пропитана духом дипломатии. Рабочим массам, которыми теперь руководят именно официальные социал-патриоты, засоряют глаза подобной дипломатией. Рабочим массам внушают безусловно ошибочную и вредную мысль, будто теперешние социал-демократические партии с их теперешними правлениями способны переменить курс и вместо неправильного взять правильный.

Это не так. Это глубочайшее и гибельнейшее заблуждение. Теперешние социал-демократические партии и их правления не способны серьезно изменить курс дела. На деле все остается по-старому, и высказанные в резолюции большинства «левые» пожелания останутся невинными пожеланиями—это учли верным политическим инсигнитом сторонницы партии Трульстру или теперешнего правления французской партии, голосуя за такую резолюцию. Призыв масс к демонстрациям только при самой активной поддержке теперешних правлений социал-демократических партий может получить практический, на деле, серьезное значение.

Можно ли ждать такой поддержки? Ясно, что нет. Известно, что ожесточенное (и большей частью прикрытое) противодействие, а вовсе не поддержку встретит такой призыв со стороны правлений.

Если бы это было сказано прямо рабочим, тогда рабочие знали бы правду. Они знали бы, что для проведения в жизнь «левых» пожеланий нужна коренная перемена курса социал-демократических партий, нужна упорнейшая борьба с оппортунистами и их «центровыми» друзьями. А теперь рабочих убаюкивают левыми пожеланиями, отказавшись назвать громко и ясно то зло, без борьбы с которым эти пожелания неосуществимы.

Дипломаты-главари, проводники шовинистской политики в теперешних социал-демократических партиях, превосходно используя слабость, нерешительность, недостаточную определенность резолюции большинства. Они, как ловкие парламента

рии, поделят между собой роли; одни скажут—не оценены, не разобраны «серьезные» доводы Каутского и К-о, давайте обсуждать в более широком составе; другие скажут—смотрите, не правы ли мы были, говоря, что нет глубоких разногласий, если сторонницы партии Трульстру и партии Гэда-Самба сошлись с левыми немками?

Конференция женщин должна была не помогать Шейдеману, Гаазе, Каутскому, Вандервельде, Гайндману, Гэду и Самба, Плеханову и т. д. усыплять рабочие массы, а, наоборот, должна была будить их провозгласить решительную войну с оппортунизмом. Только тогда практический результат был бы не надежда на «исправление» названных «вождей», а собирание сил для трудной и серьезной борьбы.

Возьмите вопрос о нарушении оппортунистами и «центровиками» резолюций Штуттгартской и Базельской: ведь в этом г в о з д ь! Представьте себе прямо и ясно, без дипломатии, как было дело.

Предвидя войну, Интернационал собирается и единогласно решает, в случае наступления войны, работать над «у с к о р е н и е м краха капитализма», работать в духе К о м м у ны, о к т я б р я и д е к а б р я 1905 года (точные слова Базельской резолюции!!!), работать в духе признания за «п р е с т у п л е н и е» стрельбы «рабочих одной страны в рабочих другой».

Линия работы в духе интернациональном, пролетарском, революционном, указана здесь вполне ясно—так ясно, что яснее сказать, соблюдая легальность, нельзя было.

Наступает война—именно такая, именно по той линии, как предвидели в Базеле. Официальные партии действуют прямо в противоположном духе: не как интернационалисты, а как националисты; по-буржуазному, а не по-пролетарски; не революционно, а архи-оппортунистически. Если мы говорим рабочим: совершена прямая и з м е н а делу социализма, то этими словами мы сразу отметаем все отговорки и увертки, все софизмы à la Каутский и Аксельрод, мы ясно указываем глубину и силу зла, ясно зовем к борьбе, а не к примирению с ним.

А резолюция большинства? Ни звука осуждения изменникам, ни словечка об оппортунизме, простое п о в т о р е н и е идей Базельской резолюции!!! Точно ничего серьезного не случилось,—была случайная ошибочка, достаточно п о в т о р и тъ старое решение,—возникло непринципиальное неглубокое расхождение, достаточно за к л е и тъ с г о!!!

Да ведь это же прямая издевка над решениями Интернационала, издевка над рабочими! Социал-шовинисты ничего иного, по сути дела, и не добиваются, как простого повторения старых решений, лишь бы ничего не изменять на деле. Это и есть, в сущности, молчаливая и лицемерно-прикрытая администрация социал-шовинистским сторонникам большинства теперешних партий. Мы знаем, что есть «тьма охотников» пойти именно этим путем, ограничиться несколькими левыми фразами. Нам с такими людьми не по дороге. Мы шли и пойдем другим путем, мы хотим помочь рабочему движению и строительству рабочей партии и в деле в духе непримиримом по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму.

Часть немецких делегаток, повидимому, боялась вполне определенной резолюции по соображениям, исключительно относящимся к темпу развития борьбы с шовинизмом внутри одной только, именно их собственной, партии. Но такие соображения были явно неуместны и ошибочны, ибо международная резолюция вообще не касалась и не могла касаться ни темпа, ни конкретных условий борьбы с социал-шовинизмом в отдельных странах; в этой области автономия отдельных партий непререкаема. Надо было с интернациональной трибуны провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинизмом во всем направлении, во всем характере социал-демократической работы; а вместо этого резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом. Повторяем: по этому пути мы не пойдем.

*Приложение к № 42 «Социал-Демократа»
от 1 июля 1915 года.*

О поражении своего правительства в империалистической войне.

Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству.

Это—аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов. К числу первых принадлежат, например, Семковский из О. К. № 2 его «Известий»). К числу вторых—Троцкий и Буквоед, а в

Германии—Каутский. Желание поражения России,— пишет Троцкий,— есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла» (№ 105 «Нашего Слова»).

Вот—образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм. «Революционная борьба против войны» есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои II Интернационала, если под ней не разуметь революционные действия против своего правительства и во время войны. Достаточно чуточку подумать, чтобы понять это. А революционные действия во время войны против своего правительства, несомненно, неоспоримо, означают не только желание поражения ему, но на деле и содействие такому поражению. (Для «проницательного читателя»: это вовсе не значит, что надо «взрывать мосты», устраивать неудачные военные стачки и вообще помогать революционерам нанести поражение правительству.)

Отделяясь фразами, Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России— значит желать победы Германии (Буквоед и Семковский прямее выражают эту общую им с Троцким «мысль», вернее: недомыслие). И в этом Троцкий повторяет «методологию социал-патриотизма»! Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№ 40 «Социал-Демократа») *) пояснила: во в с е х империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству. Буквоед и Троцкий предпочли обойти эту истину, а Семковский (оппортунист, всех больше приносящий пользу рабочему классу откровенно-наивным повторением буржуазной премудрости), Семковский «мило ляпнул»: это бессмыслица, ибо победить может либо Германия, либо Россия (№ 2 «Известий»).

Возьмите пример Коммуны. Победила Германия Францию, и Бисмарк с Тьером победили рабочих! Если бы Буквоед и Троцкий подумали, то увидали бы, что они стоят на точке зрения войны и правительства и буржуазии, т.-е. они работают

*) См. выше 51 стр. этого тома. Ред.

перед «политической методологией социал-патриотизма»; говоря вычурным языком Троцкого.

Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительства в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительства, а с другой стороны,—невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению.

От «лозунга» поражения потому и отрекаются шовинисты (с О. К., с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг о д и н т о л ь к о означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы революционнейших фраз о войне против «войны и условий и т. д.» не стоят ломаного гроша.

Кто серьезно хотел бы опровергнуть «лозунг» поражения своего правительства в империалистской войне, тот должен был бы доказать одну из трех вещей: или 1) что война 1914—1915 г.г. не реакционна; или 2) что революция в связи с ней невозможна; или 3) что невозможно соответствие и содействие друг другу революционных движений во в с е х воюющих странах. Последнее соображение особенно важно для России, ибо это самая отсталая страна, в которой социалистическая революция непосредственно невозможна. Именно поэтому русские социал-демократы должны были первыми выступить с теорией и практикой «лозунга» поражения. И царское правительство было вполне право, что агитация Р. С.-Д. Р. Фракции—е д и н с т в е н н ы й образец в Интернационале не одной парламентской оппозиции, а действительной революционной агитации в массах против своего правительства, что эта агитация ослабляла «военную мощь» России, содействовала ее поражению. Это факт. Неумно прятаться от него.

Противники лозунга поражения просто боятся самих себя, не желая прямо взглянуть на очевиднейший факт неразрывной связи между революционной агитацией против правительства с содействием его поражению

Возможно ли соответствие и содействие революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе? В этом не сомневался за последнее десятилетие ни один высказавшийся публично социалист, и движение в австрийском пролетариате после 17 октября 1905 года фактически доказало эту возможность.

Спросите любого именующего себя интернационалистом социал-демократом, сочувствует ли он соглашению социал-демократов разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств? Многие ответят, что оно невозможно, как ответил Каутский («Neue Zeit» от 2 октября 1914), этим в полне доказав свой социал-шовинизм. Ибо, с одной стороны, это—заведомая, вопиющая неправда, бьющая в лицо общеизвестным фактам и Базельскому манифесту. А, с другой стороны, если бы это была правда, тогда оппортунисты были бы в оном правы!

Многие ответят, что сочувствуют. И тогда мы скажем: если это сочувствие не лицемерно, то смешно думать, что на войне и для войны требуется соглашение «по форме»: выбор представителей, свидание, подписание договора, назначение дня и часа! Думать так в состоянии лишь Семковские. Соглашение о революционных действиях даже в одной стране, не говоря о ряде стран, осуществимо только силой примера серьезных революционных действий, приступающим, развидя их. А такой приступ опять-таки невозможен без желания поражения и без содействия поражению. Превращение империалистской войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции,—оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистской войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы.

Отказываться от лозунга поражения значит превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие

И чем же предлагают нам заменить «лозунг» поражения? Лозунгом «ни побед, ни поражений» (Семковский в № 2 «Известий». То же весь О. К. в № 1). Но ведь это не что иное, как перефразировка лозунга «защита отечества!» Это—именно перенесение вопроса в плоскость войны правительств (которые, по содержанию лозунга, должны оставаться в старом положении, «сохранить свои позиции»), а не борьбы угнетенных классов против своего правительства! Это есть оправдание шовинизма в сех империалистских наций, буржуазии которых всегда готовы сказать,—и говорят народу,—что они «только» борются «против поражения». «Смысл нашего голосования 4-го августа: не за войну, а против поражения», пишет вождь оппорту-

нистов Э. Давид в своей книге. «Окисты»¹⁴⁾, вместе с Буквоедом и Троцким, в полне становятся на почву Давида, защищая лозунг: «ни победы, ни поражения»!

Этот лозунг, если вдуматься в него, означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах, ибо классовая борьба невозможна без нанесения ударов «своей» буржуазии и «своему» правительству, а нанесение во время войны удара своему правительству есть государственная измена (к сведению Буквоеда!), есть содействие поражению своей страны. Кто признает лозунг «ни побед, ни поражений», тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за «разрыв гражданского мира», тот на деле отрекается от самостоятельной пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче в полне будущей: охранять от поражения данные империалистские правительства. Единственной политикой действительного, не словесного, разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика использования пролетариатом затруднений и измены своего правительства и своей буржуазии для их низвержения. А этого нельзя достигнуть, к этому нельзя стремиться, не желая поражения своему правительству, не содействуя такому поражению.

Когда итальянские социал-демократы перед войной поставили вопрос о массовой стачке, буржуазия ответила им — безусловно правильно с ее точки зрения: это будет государственной изменой, и с вами поступят, как с изменниками. Это — правда, как правда и то, что братанье в траншеях есть государственная измена. Кто пишет против «государственной измены», как Буквоед, против «распада России», как Семковский, тот стоит на буржуазной, а не на пролетарской точке зрения. Пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей с «нами» страны, не совершая «государственной измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистской «великой» державы.

Кто стоит за лозунг «ни побед, ни поражений», тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов.

Взглянем на вопрос еще с одной стороны. Война не может не вызвать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами, не возможна революционная тактика.

Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда—усиление религии. Церкви снова стали наполняться,—ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», говорит архи-реакционер Баррес. И он прав. 2) Ненависть к «врагу»—чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное только ей экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии—чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть «продолжение политики» империализма и отвечают на нее «продолжением» своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что «война войне» есть пошлая фраза без революции против сего правительства. Нельзя возбудить ненависть к своему правительству и к своей буржуазии, не желая им поражения,—и нельзя быть нелицемерным противником «гражданского (классового) мира», не возбуждая ненависти к своему правительству и к своей буржуазии!!!

Сторонники лозунга «ни побед, ни поражений» фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, «не веря» в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, не желая помочь развитию таких действий—задаче, бесспорно, нелегкой, но единственно достойной пролетария, единственно социалистической задаче. Именно пролетариат самой отсталой из воюющих великих держав должен был, особенно перед лицом позорной измены немецких и французских социал-демократов, в лице своей партии выступить с революционной тактикой, которая абсолютно невозможна без «содействия поражению» своего правительства, но которая одна только ведет к европейской революции, к прочному миру социализма, к избавлению человечества от ужасов, бедствий, одичания, озверения, царящих ныне.

«Социал-Демократ» № 43
от 26 июля 1915 года.

О положении дел в Российской социал-демократии.

Вторые номера «Известий» О. К. и «Нашего Дела» разъясняют это положение с сугубой назидательностью и наглядностью. Оба издания, каждое по своему, соответственно различию мест их выхода в свет и их политическому назначению, твердой поступью идут по пути упрочения социал-шовинизма.

«Наше Дело» не только не сообщает ни о каких разногласиях или оттенках внутри редакции, не только не берет ни малейшей нотки против «потресовщины», а, напротив, в специальном заявлении «от редакции» (стр. 19) солидаризируется с потресовщиной, объявляет, что «интернационализм» требует именно «ориентировки в международном положении» в смысле решения того, успех каковой буржуазии в теперешней войне желательнее для пролетариата. Это значит, что в основном и существенном в ся редакция социал-шовинистична. А в добавление к этому редакция, расходясь с Каутским только в оттенках социал-шовинизма, расхваливает, как «блестящую», «исчерпывающую», «теоретически ценную», брошюру Каутского, целиком посвященную его интернациональному оправданию. Кто не хочет закрывать глаза, тот не может не видеть, что редакция «Нашего Дела» таким образом, во-первых, освящает российский шовинизм, а во-вторых, выражает готовность к «амнистии» и примирению с интернациональным социал-шовинизмом.

В отделе «По России и за границей» излагаются взгляды Плеханова и Аксельрода, между которыми редакция (вполне правильно) не делает никакого различия. В специальном примечании опять-таки от имени редакции (стр. 103) заявляется, что взгляды Плеханова «во многих отношениях совпадают со взглядами» «Нашего Дела».

Картина яснее ясного. То «текущее» легалистов, которое воплощено в «Нашем Деле», и которое, благодаря тысяче связей с либеральной буржуазией, одно из всего «Брюссельского блока» было реальностью в России в 1910—1915 г.г., вполне упрочило и завершило свое оппортунистическое развитие, благополучно дополнив ликвидаторство социал-шовинизмом. Действительная программа той группы, которая в январе 1912 года исклю-

чена из нашей партии, обогатилась еще одним, крайне важным, пунктом: проведение в рабочий класс идей, сводящихся к необходимости охранять и укреплять, хотя бы ценою войн, великороджавные преимущества и привилегии великорусских помещиков и буржуазии.

Прикрывать эту политическую реальность «левыми» фразами и якобы социал-демократической идеологией—таков настоящий политический смысл легальной деятельности фракции Чхеидзе и нелегальной—О. К. В идейном отношении лозунг: «ни побед, ни поражений», в практическом отношении борьба с «раскольничеством», проникающая собой решительно в с е статьи № 2 «Известий», особенно Мартова, Ионова и Машинадзе,—вот деловая и вполне правильная (с точки зрения оппортунистов) программа «мира» с «Нашим Делом» и Плехановым. Прочтите письмо «бывшего революционера» г. Алексинского в № 143 «Речи» (от 27 мая 1915 года) об «обороне страны», как «задаче демократии»,—и вы увидите, что этот ретивый паж теперешнего шовиниста Плеханова вполне помирится с лозунгом «ни побед, ни поражений». Это—именно о б щ и й лозунг Плеханова, «Нашего Дела», Аксельрода и Коссовского, Мартова и Семковского, между которыми, конечно (о, конечно!), останутся «законные оттенки» и «частные разногласия». Вся эта братия удовлетворяется идеально в главном и основном, признавая общую почву «ни побед, ни поражений» (заметим в скобках: чьи х? ясно: т е п е р е ш н и х п р а в и т е л ь с т в, теперешних господствующих классов!). Практически-политически они удовлетворяются лозунгом «единства». Это означает ед и н с т в о с «Нашим Д е л о м», т.-е. на деле полное примирение с тем, что в России «Наше Дело», при помощи фракции Чхеидзе, будет по-прежнему вести серьезную политику и серьезную (буржуазно-«серьезную») работу в массах, а за границей и в подполье О. К. и К-о будут позволять себе делать «левые» оговорочки, говорить почти что революционные фразы и т. д., и т. п. Не будем делать себе иллюзий: Брюссельский блок, который сразу распался и доказал тем, что в нем не было ничего кроме лицемерия, именно в силу этого очень пригоден для прикрытия политически гнилого положения. В июле 1914 года он служил для прикрытия «Нашей Зари» и «Северной Рабочей Газеты» посредством ни к чему не обязывающих почти-левых резолюций. В июле 1915 года нет еще «свидания друзей» и «протокола», но есть уже принципиальное согласие главных «актеров» на то,

Чтобы сообща прикрывать социал-шовинизм «Нашего Дела», Плеханова и Аксельрода посредством тех или иных тоже почти левых фраз. Прошел год—великий и тяжелый год в европейской истории. Обнаружилось, что нарыв национально-либеральной рабочей политики за д у ш и л большинство социал-демократических партий Европы, что он вполне созрел и в ликвидаторстве,—а «друзья», как музыканты в Крыловском «Квартете», пересели с места на место и опять затянули хором фальшивыми голосами: единство, единство... (с «Нашим Делом»)!

Пример парижского «Нашего Слова» особенно поучителен для искренних сторонников «единства». № 2 «Известий» О. К. нанес смертельный удар «Нашему Слову», и теперь его смерть (политическая или «физическая», это не важно)—вопрос только времени. «Известия» О. К. № 2 «убили» «Наше Слово» простым заявлением, что Мартов (оказавшийся членом секретариата О. К.,—видимо, его кооптировали «единогласно» Семковский и Аксельрод, должно быть, за согласие не повторять больше необдуманных фраз о «смерти» «Vorwärts'a»)—Мартов и «добрая половина сотрудников «Нашего Слова», организационно примыкающих к О. К.», ко н-ст а т и р у ю т с в о ю о ш и б к у, что они только по «н а - и в н о с т и» (Мартов в роли *ingénу*—это недурно) считали «Наше Слово» «общим органом русских интернационалистов», а на деле «Наше Слово» оказалось и «раскольническим», и «фракционным» (Семковский от себя добавляет: «анархо-синдикалистским»), и «оправдывающимся перед Ленинским «Социал-Демократом».

Перед публикой выступили 3 части «Нашего Слова», безуспешно объединяющиеся 7 или 8 месяцев: 1) двое левых членов редакции (№ 107 «Нашего Слова»), искренно сочувствующих интернационализму и тяготеющих к «Социал-Демократу» (см. резолюцию приветствия им от Парижской секции нашей партии в № 122 «Нашего Слова»); 2) Мартов и «окисты» («добрая половина»); 3) Троцкий, который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но во всем практиче-с к и согласен с ними (благодаря, между прочим, «счастливому посредничеству»—кажется, это так называется на дипломатическом языке?—фракции Чхеидзе).

Перед искренними сторонниками единства встает вопрос: «почему потерпело крах и раскололось «Наше Слово»? Обыкновенно расколы объясняются человеконенавистническим «раскольничеством» злых «ленинцев» (ст. Семковского в № 2 «Известий»,

Аксельрода в «Нашем Слове» и т. д., и т. п.). Но эти злые люди совсем не участвовали в «Нашем Слове» и по этой простой причине не могли расколоться или уйти оттуда.

В чем же дело? В случайности? Или в том, что невозможно и вредно единство социал-демократических рабочих с проводниками буржуазного влияния (фактически: агентами либеральной и шовинистской буржуазии) из «Нашего Дела»?

Пусть подумают об этом сторонники «единства».

В европейской социал-демократии за «единство» высказались теперь, несколько в иной обстановке и форме, Каутский и Гаазе, вкупе с самим Бернштейном. Почуяв, что массы левыеют, эти «авторитеты» предлагают мир левым социал-демократам на молчаливом условии мира с Зюдекумами. Словесно отречься от «политики 4 августа», заклеить раскол национал-либеральной и социал-демократической рабочей политики какими-нибудь ни к чему не обязывающими (и в некоторых отношениях даже для Гинденбурга и Жоффра¹⁵) небезвыгодными) фразами о «мире» (лозунг мира как раз для этого подходит), платоническим осуждением аннексий и т. п. Такова, приблизительно, программа Каутского с Бернштейном, к которой не прочь склониться и французские социал-шовинисты, как видно из некоторых ноток в «L'Humanité». Англичане из «Независимой Рабочей Партии», конечно, горой будут стоять за такую амнистию социал-шовинизму, прикрытую рядом поклонов влево. Разумеется, «окистам» и Троцкому сам бог велел уцепиться теперь за фалды Каутского и Бернштейна.

Мы считаем этот поворот влево вождя оппортунистов и вождя лицемерных шовинистов «радикального» лагеря—комедией, значение которой состоит в том, чтобы спасти гнилое в социал-демократии посредством поклона влево, чтобы укрепить фактически национал-либеральную рабочую политику ценой ничтожных словесных уступок «левым».

Объективное положение в Европе таково, что в массах растет разочарование, недовольство, протест, возмущение, революционное настроение, способное на известной ступени его развития невероятно быстро превратиться в действие. Вопрос стоит теперь на деле так и только так: помогать росту и развитию революционных действий против с воей буржуазии и своего правительства или тормозить, тушить, успокаивать революционное настроение. Ради достижения второй цели либеральные буржуа и оппор-

тунисты пойдут (и с точки зрения их интересов д о л ж ны пойти) на какие угодно левые слова, на бездну обещаний разоружения, мира, отказа от аннексий, всяческих реформ, всего чего угодно, лишь бы помешать разрыву масс с их оппортунистическими вождями и переходу к все более и более серьезным революционным действиям.

Не верьте никакими велеречивым программам,—скажем мы массам,—полагайтесь на свои, массовые, революционные действия против своего правительства и своей буржуазии, старайтесь развить такие действия; вне гражданской войны за социализм нет спасения от одичания, нет возможности прогресса в Европе.

P. S. Настоящая статья была уже набрана, когда мы получили сборник г. Плеханова, «бывшего революционера» Г. Алексинского и К⁰: «Война». Вот коллекция софизмов и лжи социал-шовинистов, выдающих грабительскую и реакционную войну царизма за «справедливую», «оборонительную» и т. п.! Рекомендуем этот позорный букет лакеистства перед царизмом вниманию всех, кто хочет серьезно разобраться в причинах краха II Интернационала. Между прочим интересно, что эти откровенные социал-шовинисты в п о л н е довольны и Чхеидзе, и всей его фракцией. Этой фракцией довольны и О. К., и Троцкий, и Плеханов с Алексинским и К⁰,—естественная вещь, ибо фракция Чхеидзе доказала годами свое умение прикрывать оппортунистов и служить им.

Про Р. С.-Д. Р. Фракцию, ушедшую в Сибирь, г.г. Плеханов и Алексинский лгут бесстыдно. Теперь уже недалеко, вероятно, время, когда можно будет документально опровергнуть лгунов.

«Социал-Демократ» № 43
от 26 июля 1915 года.

СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА

(Отношение Р.С.-Д.Р.П. к войне)

*Написано
в августе 1915 г.*

*Напечатано
в Женеве осенью 1915 г.*

Отношение Российской Социал-Демократической Рабочей Партии к войне.

Предисловие.

Настоящая брошюра написана летом 1915 года перед самой Циммервальдской конференцией. Она вышла также на немецком и французском языках и была полностью перепечатана на норвежском языке в органе норвежской с.-д. молодежи. Немецкое издание брошюры ввозилось нелегально в Германию—в Берлин, Лейпциг, Бремен и др. города, где нелегально распространялось сторонниками циммервальдской левой и группой Карла Либкнехта. Французское издание было нелегально напечатано в Париже и распространялось там французскими циммервальдистами. Русское издание попало в Россию в очень ограниченном количестве и в Москве переписывалось рабочими от руки.

Мы перепечатываем теперь эту брошюру полностью, как документ. Читатель все время должен помнить, что брошюра написана в августе 1915 года. В особенности это следует помнить в тех местах, где речь идет о России: Россия была еще тогда царской, Романовской Россией...

Предисловие к 1-му (заграничному) изданию.

Война длится уже год. Наша партия определила свое отношение к ней в самом начале ее, в манифесте Ц. К., составленном в сентябре 1914 г. и напечатанном (после посылки его членам Ц. К. и ответственным представителям нашей партии в России и получения от них согласия) 1 ноября 1914 г. в № 33 Центрального Органа нашей партии «Социал-Демократа»*). Затем в № 40 (29 марта 1915 г.) были напечатаны резолюции Бернской конференции**), дающие более точное изложение наших принципов и нашей тактики.

В настоящее время в России явно растет революционное настроение в массах. В других странах замечаются повсюду признаки такого же явления, несмотря на придушение революционных стремлений пролетариата большинством официальных с.-д. партий, ставших на сторону своих правительств и своей буржуазии. Такое положение вещей делает особенно настоятельным издание брошюры, подводящей итоги с.-д. тактике в отношении к войне. Перепечатывая полностью вышеуказанные партийные документы, мы снабжаем их короткими пояснениями, стараясь учесть все главные доводы за буржуазную и пролетарскую тактику, высказанные в литературе и в партийных собраниях.

Г. Зиновьев.
Н. Ленин.

—

*) См. выше 5—12 стр. этого тома. Ред.

**) См. выше 46—52 стр. этого тома. Ред.

Глава I. Принципы социализма и войны 1914—1915 г.г.

Отношение социалистов к войнам.

Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т.-е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т.-е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (напр., самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую). Поэтому надо рассмотреть исторические особенности именно теперешней войны.

Исторические типы войн нового времени.

Новую эпоху в истории человечества открыла Великая Французская революция. С этих пор и до Парижской Коммуны, с 1789 до 1871 г., одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально - освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих

войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета. Поэтому-то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при таких войнах, всегда сочувствовали успеху той стороны (т.-е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Например, в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушили и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы. Во франко-пруссской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами, русским царем и Наполеоном III.

Различие между наступательной и оборонительной войной.

Эпоха 1789—1871 г.г. оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свержения феодализма, абсолютизма и чуженационального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности «оборонительной» войны по отношению к войнам та к ой эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной «справедливую» в этом смысле войну (В. Либкнхт однажды так и выразился).

Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость «защиты отечества» или «оборонительной» войны. Например, если бы завтра Марокко объявило войну Франции, Индия—Англии, Персия или Китай—России и т. п., это были бы «справедливые», «оборонительные» войны, независимо от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав.

Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более «справедливый» передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия «оборонительной» войны или «защиты отечества» было

бы исторической фальшью и практически просто обманом простирающейся, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами. Именно так и обманывает народы посредством «национальной» идеологии и понятия защиты отечества теперешня, империалистическая буржуазия в современной войне между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства.

Теперешняя война есть империалистская война.

Почти все признают теперешнюю войну империалистской, но большей частью искажают это понятие, или применяют его к одной стороне, или подсовывают все же возможность того, чтобы эта война имела буржуазно-прогрессивное, национально-освободительное значение. Империализм есть высшая ступень развития капитализма, достигнутая лишь в XX веке. Капитализму стало тесно в старых национальных государствах, без образования которых он не мог свергнуть феодализма. Капитализм настолько развил концентрацию, что целые отрасли промышленности захвачены синдикатами, трестами, союзами капиталистов-миллиардеров, и почти весь земной шар поделен между этими «владыками капитала», в форме ли колоний или посредством запутывания чужих стран тысячами нитей финансовой эксплоатации. Свободную торговлю и конкуренцию сменили стремления к монополии, к захвату земель для приложения капитала, для вывоза сырья и т. д. Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода.

Война между крупнейшими рабовладельцами за сохранение и укрепление рабства.

Чтобы пояснить значение империализма, приведем точные данные о разделе мира так наз. «великими» (то-есть имеющими успех в великом грабеже) державами:

Раздел мира «великими» рабовладельческими державами.

	К о л о н и и .		М е т р о -		В с е г о .			
	1876	1914	1914	1914	1914	1914	1914	1914
	квадратн. километр.	жителей	квадратн. километр.	жителей	квадратн. километр.	жителей	квадратн. километр.	жителей
«Великие» державы.								
	миллионы.	миллионы.	миллионы.	миллионы.				
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,9	11,1	95,1
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
Япония.	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
С. Штаты С. Америки . . .	—	—	0,3	9,7	0,4	97,0	9,7	106,7
Шесть «великих» держав . .	40,4	273,8	65,0	523,4	19,5	437,2	81,5	960,6
Колонии, принадлежащие <i>не</i> великим державам (а Бель- гии, Голландии и друг. го- сударствам)	9,9	45,3					9,9	45,3
Три страны «полуколонии» (Турция, Китай и Персия), ...							14,5	361,2
							Итого . . .	105,9 1397,1
Остальные государства и страны							28,0	289,9
Весь земной шар (без полярной области)							133,9	1657,0

Отсюда видно, как народы, боровшиеся большей частью во главе других за свободу в 1789—1871 г.г., превратились теперь, после 1876 года, на почве высоко развитого и «перезрелого» капитализма, в угнетателей и поработителей большинства народонаселения и наций всего земного шара. С 1876 по 1914 г.г. шесть «великих» держав награбили 25 миллионов кв. километров, т.-е. пространство в $2\frac{1}{2}$ раза больше всей Европы. Шесть держав пора-
бощают с в и ш е п о л у-м и л л и а р д а (523 миллиона) на-
селения в колониях. На каждые 4 жителя «великих» держав при-
ходится по 5 жителей в «их» колониях. И всем известно, что коло-
нии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплуатируют тысячами способов (посред-
ством вывоза капитала, концессий и т. п., обмана при продаже товаров, подчинения властям «господствующей» нации и так далее и тому подобное). Англо-французская буржуазия обманывает

народ, говоря, что ведет войну за свободу народов и Бельгии: на деле она ведет войну ради сохранения награбленных ею непомерно колоний. Германские империалисты сразу освободили бы Бельгию и пр., если бы англичане и французы «по-божески» поделили с ними свои колонии—своеобразие положения заключается в том, что в этой войне судьбы колоний решаются войной на континенте. С точки зрения буржуазной справедливости и национальной свободы (или права наций на существование) Германия бевусловно была бы права против Англии и Франции, ибо она «обделена» колониями, ее враги угнетают несравненно больше наций, чем она, а у ее союзника, Австрии, угнетенные славяне пользуются несомненно большей свободой, чем в царской России, этой настоящей «тюрьме народов». Но Германия сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций. Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их. Для этого социалисты должны прежде всего говорить народу правду, именно, что эта война в трояком смысле есть война рабовладельцев за укрепление худшего рабства. Это, во-1-х, за укрепление рабства колоний посредством более «справедливого» раздела и дальнейшей более «дружной» эксплуатации их; во-2-х, за укрепление гнета над чужими нациями в самих «великих» державах, ибо и Австрия и Россия (Россия гораздо больше и гораздо хуже, чем Австрия) держатся только таким гнетом, усиливая его войной; в-3-х, за укрепление и продление наемного рабства, ибо пролетариат расколот и придавлен, а капиталисты выигрывают, наживаясь на войне, растравляя национальные предрассудки и усиливая реакцию, которая подняла голову во всех, даже самых свободных и республиканских странах.

«Война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами».

Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевитцу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны.

Примените этот взгляд к теперешней войне. Вы увидите, что в течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика, только такая, продолжается в теперешней войне. В частности, и в Австрии, и в России политика как мирного, так и военного времени состоит в порабощении наций, а не в освобождении их. Наоборот, в Китае, Персии, Индии и других зависимых странах мы видим в течение последних десятилетий политику пробуждения к национальной жизни десятков и сотен миллионов людей, освобождения их от гнета реакционных «великих» держав. Война на такой исторической почве может быть и теперь буржуазно-прогрессивной, национально-освободительной.

Достаточно взглянуть на теперешнюю войну с точки зрения продолжения в ней политики «великих» держав и основных классов внутри них, чтобы сразу увидеть вопиющую антиисторичность, лживость и лицемерность того мнения, будто можно оправдывать идею «обороны отечества» в данной войне.

Пример Бельгии.

Социал-шовинисты тройственного (теперь четверного) согласия (в России Плеханов и К-о) больше всего любят ссылаться на пример Бельгии. Но этот пример говорит против них. Германские империалисты бесстыдно нарушили нейтралитет Бельгии, как делали всегда и везде воюющие государства, попирающие в случае надобности все договоры и обязательства. Допустим, что все государства, заинтересованные в соблюдении международных договоров, объявили бы войну Германии с требованием освобождения и вознаграждения Бельгии. В этом случае сочувствие социалистов было бы, конечно, на стороне врагов Германии. Однако дело как раз в том, что война ведется «тройственным» (и четвертым) согласием *не* из-за Бельгии: это прекрасно известно, и лишь лицемеры скрывают это. Англия грабит колонии Германии и Турцию, Россия — Галицию и Турцию, Франция добивается Эльзаса-Лотарингии и даже левого берега Рейна; с Италией заключен договор о дележе добычи (Албании; Малой Азии); с Болгарией и Румынией идет торг тоже из-за дележа до-

бычи. На почве теперешней войны теперешних правительств н е л ь з я помочь Бельгии и н а ч е как помогая душить Австрию или Турцию и т. д.! При чем же тут «защита отечества»?? В этом-то и состоит особенность империалистской войны, войны между реакционно - буржуазными, исторически пережившими себя, правительствами, ведомой ради угнетения иных наций. Кто оправдывает участие в данной войне, тот увековечивает империалистское угнетение наций. Кто проповедует использование теперешних затруднений правительств для борьбы за социальную революцию, тот отстаивает действительную свободу действительно всех наций, осуществимую лишь при социализме.

За что воюет Россия?

В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм. Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43%, населения, т.-е. менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 миллионов населения России о к о л о 1 0 0 м и л л и о н о в угнетены и бесправны. Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить разстущее революционное движение. Теперь на двух великороссов в России приходится от двух до трех бесправных «инородцев»: посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплоатация «инородцев». Таким образом со стороны России война отличается сугубой реакционностью и противо-освободительным характером.

Последняя фаза войны. Болгария, Сербия, Багдад etc.

Что такое социал-шовинизм?

Социал-шовинизм есть защита идеи «обороны отечества» в данной войне. Из этой идеи вытекает, далее, отказ от классовой борьбы во время войны, вотирование военных кредитов и т. п. На деле социал-шовинисты проводят антипролетарскую, буржуазную политику, ибо на деле отстаивают они не «оборону отечества» в смысле борьбы с чуженациональным гнетом, а «право» тех или иных «великих» держав грабить колонии и угнетать чужие народы. Социал-шовинисты повторяют буржуазный обман народа, будто война ведется из-за защиты свободы и существования наций, и тем переходят на сторону буржуазии против пролетариата. К социал-шовинистам принадлежат как те, которые оправдывают и прикрашивают правительства и буржуазию однажды из воюющих групп держав, так и те, кто, подобно Каутскому, признают одинаковое право социалистов во всех воюющих державах «зашщищать отечество». Социал-шовинизм, будучи на деле защитой привилегий, преимуществ, грабежей и насилий «своей» (или всякой вообще) империалистской буржуазии, представляет из себя полную измену всем социалистическим убеждениям и решению Международн. Соц. Конгресса в Базеле.

Базельский манифест.

Манифест о войне, принятый единогласно в 1912 г. в Базеле, имеет в виду как раз ту войну между Англией и Германией, с их теперешними союзниками, которая и разразилась в 1914 г. Манифест прямо заявляет, что никакой народный интерес не может оправдать такой войны, ведущейся «ради прибылей капиталистов и выгод династий» на почве империалистской, грабительской

политики великих держав. Манифест прямо заявляет, что война опасна «для правительств» (всех без исключения), отмечает их боязнь «пролетарской революции», указывает с полнейшей определенностью на пример Коммуны 1871 г. и октября — декабря 1905 г., т.-е. например революции и гражданской войны. Таким образом Базельский манифест как раз для данной войны устанавливает тактику революционной борьбы рабочих в интернациональном масштабе против своих правительств, тактику пролетарской революции. Базельский манифест повторяет слова Штуттгартской резолюции, что, в случае наступления войны, социалисты должны использовать создаваемый ею «экономический и политический кризис» для «ускорения падения капитализма», т.-е. использовать созданные войной затруднения правительства и возмущение масс для социалистической революции.

Политика социал-шовинистов, их оправдание войны с буржуазно-освободительных точек зрения, их допущение «защиты отечества», голосование за кредиты, вступления в министерство и проч. и проч. есть прямая измена социализму, объясняемая лишь, как увидим ниже, победой оппортунизма и национал-либеральной рабочей политики внутри большинства европейских партий.

Ложные ссылки на Маркса и Энгельса.

Социал-шовинисты русские (с Плехановым во главе) ссылаются на тактику Маркса в войне 1870 года;—немецкие (типа Ленча, Давида и К-о) на заявления Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией вместе;—наконец, социал-шовинисты типа Каутского, желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно, от 1854 — 1855 до 1870 — 1871 и 1876 — 1877 г.г., на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разражалась.

Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов Гильома и К-о искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма. Война 1870 — 1871 года была исторически-прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он,

вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев. Да и в начале этой войны Маркс и Энгельс одобряли отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты и советовали с.-д. не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата. Перенесение оценки этой войны, буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной, на современную империалистскую войну есть издевательство над истиной. То же относится с еще большей силой к войне 1854 — 1855 г.г. и всем войнам XIX века, когда не было ни современного империализма, ни созревших объективных условий социализма, ни массовых социалистических партий во всех воюющих странах, т.-е. не было именно тех условий, из которых Базельский манифест выводил тактику «пролетарской революции» в связи с войной между великими державами.

Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи прогрессивной буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества» — словах, относящихся именно к эпохе реакционной, отжившей буржуазии, к эпохе социалистической революции, тот бесстыдно искажает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной.

Крах И Интернационала.

Социалисты всего мира торжественно заявили в 1912 г. в Базеле, что они считают грядущую европейскую войну «преступным» и реакционнейшим делом в сех правительствах, которое должно ускорить крушение капитализма, неминуемо порождая революцию против него. Наступила война, наступил кризис. Вместо революционной тактики большинство с.-д. партий повело реакционную, становясь на сторону своих правительств и своей буржуазии. Эта измена социализму означает крах II (1889 — 1914) Интернационала, и мы должны дать себе отчет в том, чем вызван этот крах, чем порожден социал-шовинизм, что дало ему силу.

Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм.

В течение всей эпохи II Интернационала повсюду шла борьба внутри с.-д. партий между революционным и оппортунистическим крылом. В ряде стран был раскол по этой линии (Англия, Италия, Голландия, Болгария). Ни один марксист не сомневался в том, что оппортунизм выражает буржуазную политику в рабочем движении, выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с «своей» буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных.

Объективные условия конца XIX века особенно усиливали оппортунизм, превращая использование буржуазной легальности в раболепство перед ней, создавая маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партий много мелко-буржуазных «попутчиков».

Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый. При этом военные власти повсюду ввели военные положения и намордник для рабочей массы, старые вожди которой почти поголовно перешли к буржуазии.

Экономическая основа оппортунизма и социал-шовинизма одна и та же: интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи прибылей, полученных «их» национальной буржуазией от грабежа чужих наций, от выгода ее великодержавного положения и т. д.

Идейно-политическое содержание оппортунизма и социал-шовинизма одно и то же: сотрудничество классов вместо борьбы их, отказ от революционных средств борьбы, помочь «своему» правительству в затруднительном его положении вместо использования его затруднений для революции. Если взять все европейские страны в целом, если обратить внимание не на отдельных лиц (хотя бы и самых авторитетных), то окажется, что именно оппортунистическое течение стало главным оплотом социал-шовинизма, а из лагеря революционеров почти повсюду раздается более или менее последовательный протест против него. И если взять, например, группировку направлений на Штутгартском международном социалистическом конгрессе 1907 г., то окажется, что международный марксизм был против

империализма, а международный оппортунизм уже тогда был за него.

Единство с оппортунистами есть союз рабочих со «своей» национальной буржуазией и раскол интернационального революционного рабочего класса.

В прошлую эпоху, до войны, оппортунизм считался нередко хотя и «уклонением», «крайностью», но все же законной составной частью с.-д. партии. Война показала невозможность этого в будущем. Оппортунизм «дозрел», довел до конца свою роль эмиссара буржуазии в рабочем движении. Единство с оппортунистами стало сплошным лицемерием, пример которого мы видим в германской с.-д. партии. Оппортунисты во всех важных случаях (например, при голосовании 4 августа)¹⁶⁾ являются со своим ультиматумом, проводя его в жизнь при помощи своих многочисленных связей с буржуазией своего большинства в правлениях профессиональных союзов и т. д. Единство с оппортунистами означает теперь и а деле подчинение рабочего класса «своей» национальной буржуазии, союз с ней для угнетения чужих наций и для борьбы за великодержавные привилегии, будучи раком революционного пролетариата всех стран.

Как бы ни тяжела была в отдельных случаях борьба с господствующими во многих организациях оппортунистами, как бы своеобразен ни был в отдельных странах процесс очищения рабочих партий от оппортунистов, этот процесс неизбежен и плодотворен. Социализм реформистский умирает; социализм возрождающийся «будет революционным, непримиримым, повстанческим», по верному выражению французского социалиста Павла Голэя.

«Каутскианство».

Каутский, наибольший авторитет II Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в «брентанизм». Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают все, кроме революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безыдейно «примиряет» основную мысль социал-шовинизма,

признание защиты отечества в данной войне, с дипломатической, показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и т. п. Каутский, в 1909 году писавший целую книгу о приближении эпохи революций и о связи войны с революцией, Каутский, в 1912 году подписывавший Базельский манифест о революционном использовании грядущей войны, теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно-революционной борьбе.

Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной роли, не ведя беспощадной войны с этим ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутсианство не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле.

В разных странах эта основная фальшь «каутсианства» проявляется в разных формах. В России Троцкий, также отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистской группой «Нашей Зари». В Румынии Раковский, объявляя войну оппортунизму, как виновнику краха Интернационала, в то же время готов признать законность идеи защиты отечества. Все это — проявления того зла, которое голландские марксисты (Гортер, Паннекук) назвали «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике.

Лозунг марксистов—лозунг революционной социал-демократии.

Война несомненно породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии в с e х стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах. Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистской войны

в войну гражданскую, и в с я к а я последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика «массовых действий» неминуемо ведет к этому. Нельзя знать, в связи с 1 или 2 империалистской войной великих держав, во время нее или после нее возгорится сильное революционное движение, но во всяком случае наш безусловный долг систематически и неуклонно работать именно в этом направлении.

Базельский манифест прямо ссылается на пример Парижской Коммуны, т.-е. превращения войны правительств в войну гражданскую. Полвека тому назад пролетариат был слишком слаб, объективные условия социализма еще не назрели, соответствия и содействия революционных движений во всех воюющих странах быть не могло, увлечение части парижских рабочих «национальной идеологией» (традицией 1792 года) было мелко-буржуазной слабостью их, своевременно отмеченной Марксом, и одной из причин краха Коммуны. Полвека спустя после нее отпали ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунаров.

Пример братанья в траншеях.

Буржуазные газеты всех воюющих стран приводили примеры братанья солдат воюющих наций даже в траншеях. И издание военными властями (Германии, Англии) драконовских указов против такого братанья доказало, что правительство и буржуазия придавали ему серьезное значение. Если при полном господстве оппортунизма в верхах с.-д. партий Западной Европы и при поддержке социал-шовинизма всей с.-д. прессой, всеми авторитетами II Интернационала, были возможны случаи братанья, то это показывает нам, насколько возможно было бы сократить теперешнюю преступную, реакционную и рабовладельческую войну и организовать революционное интернациональное движение при систематической работе в этом направлении, хотя бы только левых социалистов всех воюющих стран.

Значение нелегальной организации.

Виднейшие анархисты всего мира не менее, чем оппортунисты, опозорили себя социал-шовинизмом (в духе Плеханова и Каутского) в этой войне. Одним из полезных результатов ее будет,

несомненно, то, что война эта убьет и оппортунизм и анархизм.

Не отказываясь ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах от использования самомалейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма, с.-д. партии должны порвать с раболепством перед легальностью. «Стреляйте первыми, господа буржуа», писал Энгельс, намекая именно на гражданскую войну и на необходимость нарушения легальности нами по сле того, как ее нарушит буржуазия. Кризис показал, что буржуазия нарушает ее во всех, даже самых свободных странах, и что нельзя вести к революции массы, не создавая нелегальной организации для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных средств борьбы. В Германии, например, все, что делается честного социалистами, делается против подлога оппортунизма и лицемерного «каутскианства» и делается именно нелегально. В Англии посылают на каторгу за печатные призывы не идти в войско.

Считать совместимым с принадлежностью к с.-д. партии отрицание нелегальных приемов пропаганды и высмеивание их в легальной печати есть измена социализму.

О поражении «своего» правительства в империалистской войне.

Зашитники победы своего правительства в данной войне, как и защитники лозунга «ни победы, ни поражения» одинаково стоят на точке зрения социал-шовинизма. Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства, не может не видеть связи его военных неудач с облегчением низвержения его. Только буржуа, верящий, что война, начатая правительствами, непременно кончится, как война между правительствами, и желающий этого, находит «смешной» или «нелепой» идею о том, чтобы социалисты в се х воюющих странах выступили с пожеланием поражения в се м «своим» правительствам. Напротив, именно такое выступление соответствовало бы затаенным мыслям всякого сознательного рабочего и лежало бы по линии нашей деятельности, направленной к превращению империалистской войны в гражданскую.

Несомненно, серьезная агитация против войны части английских, немецких, русских социалистов «ослабляла военную мощь» соответственных правительств, но такая агитация была заслугой

социалистов. Социалисты должны разъяснять массам, что для них нет спасения вне революционного низвержения «своих» правительств и что затруднения этих правительств в теперешней войне надо использовать именно для этой цели.

О пасифизме и лозунге мира.

Настроение масс в пользу мира часто выражает начало протesta, возмущения и сознания реакционности войны. Использовать это настроение — долг всех с.-д. Они примут самое горячее участие во всяком движении и во всякой демонстрации на этой почве, но они не будут обманывать народ допущением мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами. Такой обман народа был бы лишь на-руку тайной дипломатии воюющих правительств и их контр-революционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии.

О праве наций на самоопределение.

Самым распространенным обманом народа буржуазией в данной войне является прикрытие ее грабительских целей «национально-освободительной» идеологией. Англичане сулят свободу Бельгии, немцы — Польше и т. д. На деле, как мы видели, это есть война угнетателей большинства наций мира за укрепление и расширение такого угнетения.

Социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций. Поэтому они безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии у г н е т а ю щ и х стран (т. наз. «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право угнетенных наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т.-е. право на политическое отделение. Социалист великороджавной или владеющей колониями нации, не отстаивающий этого права, есть шовинист.

Отстаивание этого права не только поощряет образование мелких государств, а напротив ведет к более свободному, безбоязенному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономиче-

скому развитию крупнейших государств и союзов между государствами.

Социалисты у гн е т е н н ы х наций, в свою очередь, должны безусловно бороться за полное (в том числе организационное) единство рабочих угнетенных и угнетающих народностей. Идея правового отделения одной нации от другой (т. наз. «культурно-национальная автономия» Бауэра и Реннера) есть реакционная идея.

Империализм есть эпоха прогрессирующего угнетения наций всего мира горсткой «великих» держав, и потому борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение. «Не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы» (Маркс и Энгельс). Не может быть социалистическим пролетариат, мирящийся с малейшим насилием «его» нации над другими нациями.

Глава II. Классы и партии в России.

Буржуазия и война.

В одном отношении русское правительство не отстало от своих европейских собратьев: так же, как и они, оно сумело осуществить обман «своего» народа в грандиозном масштабе. Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений былпущен в ход и в России, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление, будто царское правительство ведет «справедливую» войну, бескорыстно защищает «братьевславян» и т. д.

Класс помещиков и верхи торгово-промышленной буржуазии торжественно поддержали воинствующую политику царского правительства. Они справедливо ждут для себя громадных материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства. Целый ряд их съездов уже предвкушает те барыши, которые потекли бы в их карманы при победе царской армии. К тому же реакционеры очень хорошо понимают, что если что еще может отсрочить падение монархии Романовых и задержать новую революцию в России, так это только победоносная для царя внешняя война.

Широкие слои городской «средней» буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т. д. — по крайней мере, в начале войны — тоже заражены были шовинизмом. Партия российской либеральной буржуазии — кадеты — целиком и безоговорочно поддержала царское правительство. В области иностранной политики кадеты уже давно являются правительственной партией. Панславизм, при посредстве которого царская дипломатия не раз совершала свои грандиозные политические надувательства, стал официальной идеологией кадетов. Русский либерализм выродился в национал-либера-

лизм. Он состязается в «патриотизме» с черной сотней, всегда с охотой вотирует за милитаризм, маринизм и т. п. В лагере русского либерализма наблюдается приблизительно то же явление, что в 70-х годах в Германии, когда «свободомыслящий» либерализм разложился и выделил из себя национал-либеральную партию. Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контр-революции. Точка зрения Р. С. - Д. Р. П. в этом вопросе целиком подтвердилаась. Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России.

Среди крестьянства правящей клике при помощи буржуазной печати, духовенства и т. д. тоже удалось вызвать шовинистское настроение. Но по мере возвращения солдат с поля бойни, настроение в деревне несомненно будет меняться не в пользу царской монархии. Буржуазно-демократические партии, соприкасающиеся с крестьянством, не устояли против шовинистской волны. Партия трудовиков отказалась в Государственной Думе ветировать военные кредиты. Но устами своего вождя Керенского она огласила «патриотическую» декларацию, пришедшуюся чрезвычайно на руку монархии. Вся легальная печать «народников» в общем потянулась за либералами. Даже левое крыло буржуазной демократии — т. наз. партия социалистов революционеров, аффилированная к Межд. Социалистическому Бюро — поплыла по этому же течению. Представитель этой партии в М. С. Б. г. Н. Рубанович выступает открытым социал-шовинистом. Половина делегатов этой партии на Лондонской конференции социалистов «согласия» голосовала за шовинистскую резолюцию (при воздержании другой половины). В нелегальной печати с.-рев. (газета «Новости» и проч.) преобладают шовинисты. Революционеры «из буржуазной среды», т.-е. буржуазные революционеры, не связанные с рабочим классом, потерпели жесточайший крах в этой войне. Печальная судьба Кропоткина, Бурцева, Рубановича — чрезвычайно знаменательна.

Рабочий класс и война.

Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат. Отдельные экз-цессы в начале войны коснулись лишь самых темных слоев рабочих. Участие рабочих в московских безобразиях против немцев

сильно преувеличено. В общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма.

Это объясняется революционным положением в стране и общими условиями жизни российского пролетариата.

1912—1914 годы обозначили собой начало нового грандиозного революционного подъема в России. Мы вновь стали свидетелями великого стачечного движения, какого не знает мир. Массовая революционная стачка вовлекла в 1913 году, по самым минимальным подсчетам, полтора миллиона участников, а в 1914 перевалила за 2 миллиона и подходила к уровню 1905 года. Накануне войны в Петербурге дело дошло уже до первых баррикадных битв.

Нелегальная Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия исполнила свой долг перед Интернационалом. Знамя интернационализма не дрогнуло в ее руках. Наша партия давно порвала организационно с оппортунистическими группами и элементами. Гирь оппортунизма и «легализма во что бы то ни стало» не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг — как помог и итальянским товарищам раскол с оппортунистической партией Биссолати.

Общее положение в нашей стране враждебно процветанию «социалистического» оппортунизма в среде рабочих масс. Мы видим в России целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но он — в ничтожном меньшинстве среди политически активных слоев рабочих. Слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб. Фетишизма легальности у нас создаться не могло. Ликвидаторы (партия оппортунистов, руководимая Аксельродом, Потресовым, Череваниным, Масловым и др.) не имела до войны никакой серьезной опоры в рабочих массах. Выборы в IV Гос. Думу дали в с е х 6 депутатов-рабочих противников ликвидаторства. Тираж и денежные сборы легальной рабочей печати в Петербурге и Москве показали неопровергимо, что $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих идут против оппортунизма и ликвидаторства.

С началом войны царское правительство арестовало и сослало тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной Р.С.-Д.Р.П. Это обстоятельство, на-ряду с введением военного положения в стране, закрытием наших газет и пр., задержало движение. Но нелегальная революционная работа нашей партии все-таки продолжается. В Петербурге комитет нашей партии выпускает нелегальную газету «Пролетарский Голос».

Статьи из центрального органа «Социал-Демократ», издающегося за границей, перепечатываются в Петербурге и рассылаются по провинции. Выходят нелегальные прокламации, которые распространяются и в казармах. За городом, в различных укромных местах, происходят нелегальные собрания рабочих. В последнее время в Петербурге начались крупные стачки рабочих металлистов. В связи с этими стачками наш Петербургский Комитет выпустил несколько воззрений к рабочим.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция в Государственной Думе и война.

В 1913 году среди с.-д. депутатов Гос. Думы произошел раскол. На одной стороне оказалось 7 сторонников оппортунизма, под руководством Чхеидзе. Они были выбраны от 7 непролетарских губерний, где рабочих насчитывалось 214 тысяч. На другой стороне—6 депутатов, все от рабочей цурии, выбранные от самых промышленных центров России, в которых насчитывалось 1.008 тысяч рабочих.

Главный предмет расхождения был: тактика революционного марксизма или тактика оппортунистического реформизма. Практически расхождение сказывалось больше всего в области вне парламентской работы в массах. Эта работа должна была вестись в России, нелегально, если ведущие ее хотели оставаться на революционной почве. Фракция Чхеидзе оставалась вернейшей союзницей ликвидаторов, которые отвергли нелегальную работу, и защищала их на всех беседах с рабочими, на всех собраниях. Отсюда — раскол, 6 депутатов образовали Р.С.-Д.Р. Фракцию. Год работы показал неопровергимо, что именно за ней стоит подавляющее большинство русских рабочих.

В начале войны расхождение сказалось с чрезвычайной наглядностью. Фракция Чхеидзе ограничилась парламентской почвой. Она не ветировала за кредиты, ибо иначе она вызвала бы против себя бурю возмущения со стороны рабочих. (Мы видели, что в России даже мелко-буржуазные трудовики не ветировали за кредиты.) Но она и не вынесла протеста против социал-шовинизма.

Иначе поступила Р.С.-Д.Р. Фракция, выражавшая политическую линию нашей партии. Она пошла с протестом против войны

в самую гущу рабочего класса, она понесла проповедь против империализма в широкую массу русских пролетариев.

И она встретила очень сочувственный отклик со стороны рабочих, — что и напугало правительство и заставило его, с явным нарушением собственных законов, арестовать и осудить наших товарищих депутатов в пожизненную ссылку на поселение в Сибирь. В первом же официальном извещении об аресте наших товарищих царское правительство писало:

«Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены соц.-демократических обществ, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды».

На известный призыв Вандервельде «временно» прекратить борьбу против царизма — теперь из показаний царского посланника в Бельгии князя Кудашева стало известно, что Вандервельде выработал этот призыв не один, а в сотрудничестве с названным царским посланником — т о л ь к о наша партия, в лице ее Ц.К., дала отрицательный ответ. Руководящий центр ликвидаторов согласился с Вандервельде и официально заявил в печати, что он «в своей деятельности не противодействует войне».

Царское правительство прежде всего обвинило наших товарищих депутатов в том, что они пропагандировали среди рабочих этот отрицательный ответ Вандервельде.

Царский прокурор г. Ненарокомов на судеставил нашим товарищам образец немецких и французских социалистов. «Германские с.-д., — говорил он, — вотировали военные кредиты и оказались друзьями правительства. Так поступали германские с.-д., но не так поступили печальные рыцари русской с.-д-ии... Социалисты Бельгии и Франции дружно забыли свои раздоры с другими классами, забыли партийные распри и без колебания стали под знамена». А члены Р.С.-Д.Р.Ф., подчиняясь директивам Ц.К. партии, поступили-де не так...

Суд развернул внушительную картину широкой нелегальной агитации нашей партии в массах пролетариата против войны. Царскому суду, разумеется, удалось «обнаружить» далеко-далеко не всю деятельность наших товарищих в этой области. Но и то, что было обнаружено, показало, как много было сделано за короткое время нескольких месяцев.

На суде были оглашены нелегальные воззвания наших групп и комитетов против войны и за интернациональную тактику. От сознательных рабочих всей России тянулись нити к членам Р.С.-Д.Р. фракции, и она по мере сил старалась помочь им оценить войну с точки зрения марксизма.

Товарищ Муранов, депутат от рабочих Харьковской губернии, говорил на суде:

«Понимая, что я послан народом в Гос. Думу не для того, чтобы просиживать думское кресло, я ездил на места знакомиться с настроениями рабочего класса». Он же признал на суде, что брал на себя функции нелегального агитатора нашей партии, что на Урале он организовал рабочий комитет на Верхнеисетском заводе и в других местах. Суд показал, что члены Р.С.-Д.Р.Ф. после начала войны объехали в целях пропаганды почти всю Россию, что Муранов, Петровский, Бадаев и др. устраивали многочисленные рабочие собрания, на которых выносились резолюции против войны и т. п.

Царское правительство угрожало подсудимым смертной казнью. В связи с этим на самом деле не все они выступали так мужественно, как тов. Муранов. Они старались затруднить царским прокурорам их осуждение. Этим недостойно пользуются теперь русские социал-шовинисты, чтобы затушевать суть вопроса: какой парламентаризм нужен рабочему классу?

Парламентаризм признают Зюдекум с Гейне, Самба с Вальяном, Биссолати с Муссолини, Чхеидзе с Плехановым. И парламентаризм признают наши товарищи из Р.С.-Д.Р. фракции, признают болгарские, итальянские товарищи, порвавшие с шовинистами. Парламентаризм парламентаризму рознь. Одни используют парламентскую арену, чтобы подслужиться к своим правительствам, или, в лучшем случае, умыть руки, как фракция Чхеидзе. Другие используют парламентаризм, чтобы оставаться революционерами до конца, чтобы исполнить свой долг социалистов и интернационалистов и при самых трудных обстоятельствах. Парламентская деятельность одних приводит их на министерские кресла, парламентская деятельность других приводит их — в тюрьму, в ссылку, на каторгу. Одни служат буржуазии, другие — пролетариату. Одни — социал-империалисты. Другие — революционные марксисты.

Глава III. Восстановление Интернационала.

Как восстановить Интернационал? Но — сначала несколько слов о том, как надо восстанавливать Интернационал.

Метод социал-шовинистов и «центра».

О, социал-шовинисты всех стран — большие «интернационалисты»! Они с самого начала войны обременены заботой об Интернационале. С одной стороны, они уверяют, что толки о крахе Интернационала «преувеличены». На самом деле ничего особенного не случилось. Послушайте Каутского: просто Интернационал есть «орудие мирного времени», естественно, что на время войны этот инструмент оказался несколько не на высоте. С другой стороны, социал-шовинисты всех стран нашли одно очень простое — и главное: интернациональное — средство, чтобы выйти из созданного положения. Средство несложное: надо только подождать конца войны, до окончания войны социалисты каждой страны должны защищать свое «отечество» и поддерживать «свои» правительства, а по окончании войны — друг друга «амнистировать», признать, что все были правы, что во время мира мы живем, как братья, а во время войны мы — на точном основании таких-то резолюций — зовем немецких рабочих истреблять своих французских братьев и наоборот.

На этом одинаково сходятся и Каутский, и Плеханов, и Виктор Адлер, и Гейне. Виктор Адлер пишет, что, «когда мы переживем, это тяжелое время, нашей первой обязанностью будет не ставить друг другу каждое лыко в строку» Каутский утверждает, что «ни с какой стороны до сих пор не раздалось голосов серьезных социалистов, которые заставили бы опасаться» за судьбу Интернационала. Плеханов говорит, что «неприятно пожимать руки германских с.-д.), пахнущие кровью невинно-убитых». Но тут

же предлагает «амнистию»: «тут вполне уместно будет,— пишет он,— подчинение сердца рассудку. Ради своего великого дела Интернационал должен будет принять во внимание даже и запоздалые сожаления». Гейне называет в «Sozialistische Monatshefte» поведение Вандервельде, «мужественным и гордым» и ставит его в пример немецким левым.

Словом, когда кончится война, назначьте комиссию из Каутского и Плеханова, Вандервельде и Адлера, и мигом будет составлена «единогласная» резолюция в духе взаимной амнистии. Спор будет благополучно затушеван. Вместо того, чтобы помочь рабочим разобраться в происшедшем, их обманут показным бумажным «единством». Объединение социал-шовинистов и лицемеров всех стран названо будет восстановлением Интернационала.

Нечего скрывать от себя: опасность такого «восстановления» очень велика. Социал-шовинисты всех стран одинаково в нем заинтересованы. Все они одинаково не хотят, чтобы сами рабочие массы их страны разобрались в вопросе: социализм или национализм. Все они одинаково заинтересованы в том, чтобы прикрыть грехи друг друга. Все они ничего другого не могут предложить, кроме того, что предлагает виртуоз «интернационального» лицемерия Каутский.

А между тем в этой опасности отдают себе мало отчета. За год войны мы видели ряд попыток восстановления интернациональных связей. Мы не будем говорить о конференциях в Лондоне и Вене, где собирались определенные шовинисты, чтобы помочь генеральным штабам и буржуазии своих «отечеств». Мы имеем в виду конференции в Лугано, в Копенгагене, интернациональную женскую конференцию и интернациональную конференцию юношества. Эти собрания были одушевлены лучшими пожеланиями. Но они совершенно не видели указанной опасности. Они не наметили боевой линии интернационалистов. Они не указали пролетариату на ту опасность, которая грозит ему от социал-шовинистского способа «восстановления» Интернационала. Они в лучшем случае ограничились повторением старых резолюций, не указав рабочим, что без борьбы против социал-шовинистов дело социализма безнадежно. Они в лучшем случае были шагом на месте.

Положение дел среди оппозиции.

Нет никакого сомнения в том, что наибольший интерес для всех интернационалистов представляет собой положение дел среди германской с.-д. оппозиции. Официальная германская социал-демократия, которая была наиболее сильной и руководящей партией во II Интернационале, нанесла самый чувствительный удар международной организации рабочих. Но в германской социал-демократии вместе с тем оказалась наиболее сильная оппозиция. Из числа больших европейских партий в ней первой подняли громкий голос протesta товарищи, оставшиеся верными знамени социализма. С радостью читали мы журналы: «Lichtstrahlen» и «Die Internationale». Еще с большей радостью мы узнали о распространении в Германии нелегальных революционных воззваний, как, например, воззвания: «Главный враг в собственной стране». Это говорило о том, что среди германских рабочих жив дух социализма, что в Германии есть еще люди, способные отставать революционный марксизм.

В недрах германской социал-демократии с наибольшей наглядностью обрисовался раскол в современном социализме. Мы видим здесь со всей отчетливостью 3 течения: оппортунисты,— шовинисты, которые нигде не дошли до такой степени падения и ренегатства, как в Германии; каутскианский «центр», который показал себя здесь вполне беспомощным выполнять какую-либо другую роль, кроме прислужника оппортунистов; и — левую, представляющую собою единственных социал-демократов в Германии.

Больше всего нас, естественно, интересует положение дел в среде немецкой левой. Мы видим в ней наших товарищей, надежду всех интернационалистских элементов.

Каково же это положение?

Журнал «Die Internationale» был совершенно прав, когда сказал, что в немецкой левой все еще находится в процессе брожения, что предстоят еще большие перегруппировки, что в лоне ее есть более решительные и менее решительные элементы.

Мы, русские интернационалисты, ни в малой степени разумеются, не претендуем на то, чтобы вмешиваться во внутренние дела наших товарищней немецких левых. Мы понимаем, что только

они сами вполне компетентны определить свои способы борьбы против оппортунистов, считаясь с условиями времени и места. Мы считаем только своим правом и своим долгом высказать откровенно свое мнение о положении дел.

Мы убеждены, что глубоко прав был автор передовой статьи в журнале «Die Internationale», когда он утверждал, что Каутскианский «центр» приносит больше вреда делу марксизма, чем открытый социал-шовинизм. Кто затушевывает теперь разногласия, кто под видом марксизма проповедует теперь рабочим то, что проповедует каутскианство, тот усыпляет рабочих, тот вреднее, чем Зюдекумы и Гейне, которые ставят вопрос ребром и заставляют рабочих разбираться.

Фронда, против «инстанций», которую в последнее время позволяют себе Каутский и Гаазе, никого не должна вводить в заблуждение. Разногласия между ними и Шейдеманами не принципиальные разногласия. Одни считают, что Гинденбург и Макензен уже победили и что теперь можно уже себе позволить роскошь протеста против аннексий. Другие считают, что Гинденбург и Макензен еще не победили и что поэтому надо «продолжаться до конца».

Каутскианство ведет против «инстанций» лишь показную борьбу, — именно для того, чтобы после войны затушевать перед рабочими принципиальный спор и замазать дело 1001-й пухлой резолюцией в неопределенном «левом» духе, на который такие мастера дипломатии II Интернационала.

Вполне понятно, что в своей трудной борьбе против «инстанций» немецкая оппозиция должна использовать и эту непринципиальную фронту каутскианства. Но пробным камнем для всякого интернационалиста должно остаться отрицательное отношение к нео-каутскианству. Лишь тот действительно интернационалист, кто борется против каутскианства, кто понимает, что «центр» и после мнимого поворота его вождей остается в принципиальном отношении союзником шовинистов и оппортунистов.

Громадную важность имеет наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы — преимущественно социалисты пасифистского оттенка — существуют и в нейтральных странах, и в некоторых воюющих странах (в Англии, например, Независимая Рабочая Партия). Эти элементы могут быть нашими попутчиками. Сближение с ними

против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это — только попутчики, что в главном и основном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, пойдут с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба. На международных совещаниях нельзя ограничивать своей программы тем, что приемлемо для этих элементов. Иначе мы сами попадем в плен к колеблющимся пасифистам. Так было, например, на женской международной конференции в Берне. Немецкая делегация, придерживавшаяся точки зрения т. Клары Цеткин, фактически сыграла на этой конференции роль «центра». Женская конференция сказала только то, что было приемлемо для делегаток из оппортунистской голландской партии Трульстры и для делегаток из I. L. P. (Независимая Раб. Партия), которая — не забудем этого — на Лондонской конференции шовинистов «согласия» голосовала за резолюцию Вандервельде. Мы выражаем свое величайшее уважение I.L.P. за мужественную борьбу против английского правительства во время войны. Но мы знаем, что эта партия не стояла и не стоит на почве марксизма. А мы считаем, что главной задачей с.-д. оппозиции в настоящий момент является — поднять знамя революционного марксизма, сказать рабочим твердо и определенно, как мы смотрим на империалистские войны, выдвинуть пароль массовых революционных действий, т.-е. превращения эпохи империалистских войн в начало эпохи войн гражданских.

Революционно социал-демократические элементы, несмотря ни на что, существуют во многих странах. Они существуют и в Германии, и в России, и в Скандинавии (влиятельное направление, представителем которого является тов. Хеглунд), и на Балканах (партия болгарских «тесняков»), и в Италии, и в Англии (часть британской соц.-партии), и во Франции (сам Вальян признал в «L'Humanité», что он получал протестующие письма интернационалистов, но он ни одного из них не напечатал полностью), и в Голландии (трибунисты), и т. д. Сплотить эти марксистские элементы — как бы немногочисленны ни были они в начале — от их имени напомнить забытые теперь слова подлинного социализма, призвать рабочих всех стран порвать с шовинистами и стать под старое знамя марксизма — вот задача дня.

Совещания с так называемыми программами «действия» сводились до сих пор только к тому, что на них с большей или меньшей полнотой провозглашалась программа простого паси-

физма. Марксизм не пасифизм. Бороться за скорейшее прекращение войны необходимо. Но только при призывае к революционной борьбе требование «мира» получает пролетарский смысл. Без ряда революций так называемый демократический мир есть мещанская утопия. Действительной программой действия была бы только марксистская программа, дающая массам полный и ясный ответ на то, что случилось, разъясняющая, что такое империализм и как с ним бороться, заявляющая открыто, что к краху II Интернационала привел оппортунизм, призывающая открыто строить марксистский Интернационал без и против оппортунистов. Только такая программа, которая показала бы, что мы верим в себя, верим в марксизм, объявляем оппортунизму борьбу не на живот, а на смерть, обеспечила бы нам раньше или позже сочувствие подлинных пролетарских масс.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия и III Интернационал.

Р.С.-Д.Р. Партия давно раскололась со своими оппортунистами. Русские оппортунисты теперь стали еще и шовинистами. Это только укрепляет нас во мнении, что раскол с ними в интересах социализма необходим. Мы убеждены, что у социал-демократов нынешние расхождения с социал-шовинистами нисколько не меньше, чем они были у социалистов с анархистами, когда с.-д. раскальвались с этими последними. Оппортунист Моритц «Preussische Jahrbücher» правильно сказал, что для оппортунистов и буржуазии выгодно нынешнее единство, ибо оно заставляет левых подчиняться шовинистам и мешает рабочим разобраться в спорах и создать свою действительно рабочую, действительно социалистическую партию. Мы глубочайше убеждены, что при нынешнем положении дел раскол с оппортунистами и шовинистами является первым долгом революционера — так же, как раскол с желтыми, с антисемитами, с либеральными рабочими союзами и т. д. необходим был именно в интересах скорейшего просвещения отсталых рабочих и привлечения их в ряды с.-д. партии.

Третий Интернационал по нашему мнению должен был бы создаться именно на такой революционной базе. Для нашей партии не существует вопроса о целесообразности разрыва с социал-шовинистами. Он для нее решен бесповоротно. Для нее

существует только вопрос осуществимости этого в ближайшее время в интернациональном масштабе.

Совершенно понятно, что для осуществления международной марксистской организации надо, чтобы существовала готовность создания самостоятельных марксистских партий в разных странах. Германия, как страна наиболее старого и сильного рабочего движения, имеет решающее значение. Ближайшее будущее покажет, назрели ли уже условия для создания нового марксистского Интернационала. Если да, наша партия с радостью вступит в такой, очищенный от оппортунизма и шовинизма III Интернационала. Если нет, это покажет, что для этой очистки требуется еще более или менее длинная эволюция. И тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала — пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма.

Мы не знаем и не можем знать, как пойдет развитие в ближайшие годы на международной арене. Но что мы знаем наверное, в чем мы убеждены непоколебимо, это — в том, что наша партия в нашей стране среди нашего пролетариата будет неутомимо работать в указанном направлении и всей своей повседневной деятельностью будет создавать российскую секцию марксистского Интернационала.

У нас в России тоже нет недостатка в откровенных социал-шовинистах и в группах «центра». Эти люди будут бороться против создания марксистского Интернационала. Мы знаем, что Плеханов стоит на одной принципиальной почве с Зюдекумом и уже сейчас протягивает ему руку. Мы знаем, что так называемый «Организационный Комитет», руководимый Аксельродом, проповедует каутскианство на русской почве. Под видом единства рабочего класса эти люди проповедуют единство с оппортунистами и через них — с буржуазией. Но все то, что мы знаем о настоящем рабочем движении в России, дает нам полную уверенность в том, что сознательный пролетариат России по-прежнему останется с нашей партией.

Глава IV. История раскола и теперешнее положение с.-д. в России.

Изложенная выше тактика Р.С.-Д.Р.П. в отношении к войне представляет из себя неизбежный результат тридцатилетнего развития социал-демократии в России. Нельзя правильно понять этой тактики, как и теперешнего положения социал-демократии в нашей стране, не вдумываясь в историю нашей партии. Вот почему мы должны и здесь напомнить читателю основные факты из этой истории.

Как идейное течение, социал-демократия возникла в 1883 году, когда впервые были систематически изложены за границей группой «Освобождение Труда» социал-демократические взгляды в применении к России. До начала 90-х годов социал-демократия оставалась идеяным течением, без связи с массовым рабочим движением в России. В начале 90-х годов общественный подъем, брожение и стачечное движение среди рабочих сделали социал-демократию активной политической силой, неразрывно связанной с борьбой (как экономической, так и политической) рабочего класса. И с этого же времени начинается раскол социал-демократии на «экономистов» и «искровцев».

«Экономисты» и старая «Искра» (1894—1903).

«Экономизм» был оппортунистическим течением в русской социал-демократии. Его политическая сущность сводилась к программе: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». Его главной теоретической опорой был т. наз. «легальный марксизм» или «струвизм», который «признавал» «марксизм», совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии. Ссылаясь

на неразвитость массы рабочих в России, желая «итти с массой», «экономисты» ограничивали задачи и размах рабочего движения экономической борьбой и политической поддержкой либерализма, не ставя себе самостоятельных политических и никаких революционных задач.

Старая «Искра» (1900 — 1903) победоносно провела борьбу с «экономизмом» во имя принципов революционной социал-демократии. Весь цвет сознательного пролетариата стал на сторону «Искры». За несколько лет до революции социал-демократия выступила с самой последовательной и непримиримой программой. И борьба классов, выступление масс во время революции 1905 года подтвердили эту программу. «Экономисты» приспособлялись к отсталости масс. «Искра» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы. Нынешние доводы социал-шовинистов (о необходимости считаться с массой, о прогрессивности империализма, об «illusиях» революционеров и т. п.) в се были уже выдвинуты экономистами. С оппортунистической переделкой марксизма под «струвизм» социал-демократическая Россия познакомилась 20 лет тому назад.

Меньшевики и большевизм (1903—1903).

Эпоха буржуазно-демократической революции породила новую борьбу течений социал-демократии, которая была прямым продолжением предыдущей. «Экономизм» видоизменился в «меньшевизм». Отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало «большевизм».

В бурные 1905 — 1907 годы меньшевизм был оппортунистическим течением, которое поддерживали либеральные буржуа и которое проводило либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму — в этом была его суть. Напротив, большевизм ставил задачей социал-демократических рабочих поднимать на революционную борьбу демократическое крестьянство вопреки шатаниям и изменениям либерализма. И рабочие массы, как это признавали неоднократно сами меньшевики, шли во время революции с большевиками при всех крупнейших выступлениях.

Революция 1905 года проверила, укрепила, углубила и захалила непримиримо-революционную социал-демократическую

тактику в России. Открытое выступление классов и партий неоднократно обнаруживало связь социал-демократического оппортунизма («меньшевизма») с либерализмом.

Марксизм и ликвидаторство (1908 — 1914).

Контр-революционная эпоха в совершенно новой форме опять поставила на очередь дня вопрос об оппортунистической и революционной тактике социал-демократии. Главное русло меньшевизма, вопреки протестам многих лучших его представителей, породило течение ликвидаторства, отречение от борьбы за новую революцию в России, от нелегальной организации и работы, презрительные насмешки над «подпольем», лозунгом республики и т. д. В лице группы легальных литераторов журнала «Нашей Зари» (г.г. Потресов, Череванин и т. д.) сплотилось независимое от старой социал-демократической партии ядро, которое тысячами способов поддерживала, рекламировала и холила либеральная буржуазия России, желавшая отучить рабочих от революционной борьбы.

Эту группу оппортунистов исключила из партии Январская Конференция Р.С.-Д.Р.П. 1912 года ¹⁷), которая восстановила партию вопреки бешеному сопротивлению целого ряда заграничных групп и группок. В течение более чем двух лет (начало 1912 года — половина 1914) шла упорная борьба двух с.-д. партий: Ц. К., выбранного в январе 1912 г., и «Организационного Комитета», который не признавал Январской Конференции и хотел иначе восстановить партию, сохраняя единство с группой «Нашей Зари». Упорная борьба шла между двумя ежедневными рабочими газетами («Правдой» и «Лучом» с их преемниками) и между двумя с.-д. фракциями IV Гос. Думы («Р.С.-Д. Р. Фр.» правдистов или марксистов и «с.-д. фракцией» ликвидаторов с Чхеидзе во главе).

Отстаивая верность революционным заветам партии, поддерживая начавшийся подъем рабочего движения (после весны 1912 года особенно), соединяя легальную и нелегальную организацию, печать и агитацию, «правдисты» сплотили вокруг себя подавляющее большинство сознательного рабочего класса, тогда как ликвидаторы, — действуя как политическая сила, исключительно в лице группы «Нашей Зари», — опирались на всестороннюю поддержку либерально-буржуазных элементов.

Открытые денежные взносы рабочих групп в газеты обеих партий, будучи в ту эпоху приспособленной к русским условиям

(и единственной легально допустимой, свободно всеми контролируемой) формой членских взносов с.-д., наглядно подтвердили пролетарский источник силы и влияния у «правдистов» (марксистов), буржуазно-либеральный — у ликвидаторов (и их «О. К.»). Вот краткие данные об этих взносах, напечатанные подробно в книге: «Марксизм и ликвидаторство»¹⁸), а в сокращении в немецкой с.-д. газете: «Лейпцигская Народная Газета» от 21 июля 1914 года

Число и сумма взносов в ежедневные петербургские газеты, марксистские (правдистские) и ликвидаторские, от 1 января по 13 мая 1914 г.:

	Правдисты.	Ликвидаторы.		
	Число взнос.	Сумма руб.	Число взнос.	Сумма руб.
От рабочих групп	2.873	18.934	671 .	5.296
Не от рабочих групп	713	2.650	423	6.760

Таким образом наша партия объединила к 1914 г. $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России вокруг революционной с.-д. тактики. За весь год число взносов от рабочих групп было 2.181 у правдистов и 661 у ликвидаторов. С 1 января 1913 г. по 13 мая 1914 г. получается сумма: 5.054 взноса от рабочих групп у «правдистов» (т.-е. у нашей партии) и 1.332, т.-е. 20,8% — у ликвидаторов.

Марксизм и социал-шовинизм (1914 — 1915).

Великая европейская война 1914—1915 г.г. дала всем европейским, а также русским с.-д. возможность проверить их тактику на кризисе всемирного размера. Реакционный, грабительский, рабовладельческий характер войны со стороны царизма еще несравненно нагляднее, чем со стороны других правительств. Тем не менее основная группа ликвидаторов (единственная, кроме нашей, имеющая серьезное влияние в России, благодаря ее либеральным связям) повернула к социал-шовинизму! Обладая довольно долгое время монополией легальности, эта группа «Нашей Зари» повела проповедь в массах в смысле «непротиводействия войне», пожелания победы тройственного (теперь четвертного) согласия, обвинения в «сверхсметных грехах» германского империализма и т. п. Плеханов, с 1903 года дававший многократно образцы своей крайней политической бесхарактерности и перехода к оппортуни-

стам, занял еще резче ту же позицию, расхваливаемый всей буржуазной печатью России. Плеханов опустился до того, что объявлял войну справедливой со стороны царизма и в правительственные газетах Италии помещал интервью, втягивая ее в войну.

Правильность нашей оценки ликвидаторства и исключения главной группы ликвидаторов из нашей партии была таким образом вполне подтверждена. Реальная программа ликвидаторов и реальное значение их направления состоит теперь не только в оппортунизме вообще, но и в том, что они защищают велико-державные привилегии и преимущества великорусских помещиков и буржуазии. Это—направление националь-либеральной рабочей политики. Это союз части радикальных мелких буржуа и ничтожной доли привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариата.

Теперешнее положение дел с.-д. в России.

Как мы уже говорили, ни ликвидаторы, ни целый ряд заграничных групп (Плеханова, Алексинского, Троцкого и др.), ни так называемые «национальные» (т.-е. невеликорусские) с.-д. не признали нашей Январской Конференции 1912 года. Из бесчисленных ругательств, которыми нас осыпали, всегда чаще повторялось обвинение в «узурпаторстве» и «раскольничестве». Наш ответ на это состоял в приведении точных и допускающих объективную проверку цифр, доказывающих, что наша партия объединила $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Это немало—при всех трудностях нелегальной работы в контр-революционную эпоху.

Если бы «единство» было возможно в России на основе с.-д. тактики, без исключения группы «Нашей Зари», то отчего же не осуществили его даже между собой наши многочисленные противники? С января 1912 года прошло целых $3\frac{1}{2}$ года; и за все это время наши противники не смогли создать, при всем своем желании, с.-д. партию против нас. Этот факт есть лучшая защита нашей партии.

Вся история с.-д. групп, борющихся с нашей партией, есть история развала и распада. В марте 1912 года все без исключения «объединились» на брани против нас. Но уже в августе 1912 года, когда был создан так называемый «августовский блок» против нас, у них начался распад. Часть групп от них отпадает. Они не

могут создать партии и Ц. К. Они создают лишь О. К. «для восстановления единства». Но на деле этот О. К. оказался бессильным прикрытием ликвидаторской группы в России. За весь период громадного подъема рабочего движения в России и массовых стачек 1912 — 1914 годов единственной группой из всего августовского блока, ведшей работу в массах, остается группа «Нашей Зари», силу которой составляют ее либеральные связи. И в начале 1914 года из «августовского блока» формально выходят латышские с.-д. (польские с.-д. не были в нем), а Троцкий, один из вождей блока, вышел из него неформально, создав опять свою особую группу. В июле 1914 г. на конференции в Брюсселе, при участии Исполнительного Комитета М. С. Б., Каутского и Вандервельде, против нас составлен так наз. «Брюссельский блок», в который не вошли латыши и от которого тотчас отпали польские с.-д. — оппозиция. После войны этот блок распадается. «Наша Заря», Плеханов, Алексинский, вождь кавказских с.-д. Ан¹⁹), становятся открытыми социал-шовинистами, проповедуя желательность поражения Германии. О. К. и Бунд защищают социал-шовинистов и основы социал-шовинизма. Фракция Чхеидзе, хотя и голосовавшая против военных кредитов (в России даже буржуазные демократы, трудовики, голосовали против них), остается верным союзником «Нашей Зари». Наши крайние социал-шовинисты, Плеханов с Алексинским и К-о, вполне довольны фракцией Чхеидзе. В Париже образуется газета «Наше Слово» (раньше «Голос») при участии главным образом Мартова и Троцкого, желающих совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей Зарей», О. К. или фракцией Чхеидзе. После 250 №№ этой газеты она сама вынуждена признать свой распад: одна часть редакции тяготеет к нашей партии, Мартов «остается верным» О. К., который публично порицает «Наше Слово» за «анархизм» (как оппортунисты в Германии, Давид и К-о, «Int. Korrespondenz» Легин и К-о, обвиняют в анархизме тов. Либкнехта); Троцкий объявляет о своем разрыве с О. К., но желает итти вместе с фракцией Чхеидзе. Вот программа фракции Чхеидзе, изложенная одним из ее лидеров. В № 6 «Современного Мира» 1915 г., журнала с направлением Плеханова и Алексинского, Чхенкели пишет: «Сказать, что германская социал-демократия была в состоянии помешать военному выступлению своей страны и этого не сделала, значило бы или скрытно желать, чтобы она на баррикадах нашла не только свое, но и своего отечества последнее издохание, или

смотреть на предметы, рядом лежащие, сквозь анархический телескоп» *).

В этих немногих строках выражена вся сущность социал-шовинизма: и принципиальное оправдание идеи «защиты отечества» в настоящей войне, и насмешки—с позволения военных цензоров—над проповедью и подготовкой революции. Вопрос совсем не в том, в состоянии ли была германская социал-демократия помешать войне, как и не в том, могут ли вообще революционеры ручаться за успех революции. Вопрос в том, вести ли себя, как социалисты, или доподлинно «издыхать» в объятиях империалистской буржуазии.

Задачи нашей партии.

Социал-демократия в России возникла перед буржуазно-демократической революцией (1905) в нашей стране и окрепла во время революции и контр-революции. Отсталость России объясняет чрезвычайное обилие течений и оттенков мелко-буржуазного оппортунизма у нас, а влияние марксизма в Европе и прочность легальных с.-д. партий до войны сделали из наших образцовых либералов почти - поклонников «разумной», «европейской» («нереволюционной»), «марксистской» теории и социал-демократии. Рабочий класс в России не мог сложить своей партии, иначе как в решительной тридцатилетней борьбе со всеми разновидностями оппортунизма. Опыт всемирной войны, принесший позорный крах европейского оппортунизма и закрепивший союз наших национал-либералов с социал-шовинистским ликвидаторством еще более укрепляет нас в убеждении, что наша партии и дальше должна идти по тому же последовательно революционному пути.

---

*) «С. М.», 15, № 5, стр. 148. Троцкий недавно заявил, что считает своей задачей подымать авторитет в Интернационале фракции Чхеидзе. Несомненно, Чхенкели, с своей стороны, будет столь же энергично подымать в Интернационале авторитет Троцкого..

О лозунге Соединенных Штатов Европы.

В № 40 «Социал-Демократа» мы сообщили, что Конференция заграничных секций нашей партии постановила отложить вопрос о лозунге «Соединенные Штаты Европы» до обсуждения в печати экономической стороны дела *).

Дискуссия по этому вопросу приняла на нашей Конференции односторонне-политический характер. Отчасти это вызвано было, может быть, тем, что в манифесте Центрального Комитета этот лозунг прямо формулирован как политический («ближайшим политическим лозунгом...»—говорится там), при чем не только выдвинуты республиканские Соединенные Штаты Европы, но и подчеркнуто специально, что «без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» этот лозунг бессмыслен и лжив.

Возражать против такой постановки вопроса в пределах политической оценки данного лозунга,—например, с той точки зрения, что он заслоняет или ослабляет и т. п. лозунг социалистической революции, совершенно неправильно. Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социалистической революции. Напротив, они всегда приближают ее, расширяют для нее базу, втягивают в социалистическую борьбу новые слои мелкой буржуазии и полу-пролетарских масс. А, с другой стороны, политические революции неизбежны в ходе социалистической революции, которую нельзя рассматривать, как один акт, а следует рассматривать, как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контр-революций.

---

*) См. выше 47 стр. этого тома. Ред.

Но, если лозунг республиканских Соединенных Штатов Европы, поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе, совершенно неуязвим, как политический лозунг, то остается еще важнейший вопрос об экономическом содержании и значении этого лозунга. С точки зрения экономических условий империализма, т.-е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны.

Капитал стал интернациональным и монополистическим. Мир поделен между горсткой великих, т.-е. преуспевающих в великом грабеже и угнетении наций, держав. Четыре великих державы Европы: Англия, Франция, Россия и Германия, с населением в 250—300 миллионов, с площадью около 7 милл. кв. километров, имеют колонии с населением почти в полмиллиарда (494,5 м.), с площадью в 64,6 м. кв. км., т.-е. почти в половину земного шара (133 милл. кв. км. без полярной области). Прибавьте к этому три азиатские государства: Китай, Турцию, Персию, которых теперь рвут на части разбойники, ведущие «освободительную» войну, именно: Япония, Россия, Англия и Франция. В этих трех азиатских государствах, которые можно назвать полукилоджиями (на деле они теперь на $\frac{9}{10}$ — колонии), 360 милл. населения и 14,5 м. кв. км. площади (т.-е. почти в $1\frac{1}{2}$ раза более площади всей Европы).

Далее, Англия, Франция и Германия поместили за границей не менее 70 миллиардов рублей капитала. Чтобы получать «законный» доходец с этой приятной суммы, — доходец свыше трех миллиардов рублей ежегодно — служат национальные комитеты миллиардеров, называемые правительствами, снаженные войском и военным флотом, «помещающие» в колониях и полукилоджиях сыновей и братцев «господина миллиарда» в качестве вице-королей, консулов, послов, чиновников всяческого рода, попов и прочих пиявок.

Так организовано, в эпоху наивысшего развития капитализма, ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли. И при капитализме иная организация невозможна. Отказаться от колоний, от «сферы влияния», от вывоза капитала? Думать об этом, значит свести себя на уровень попика, который каждое воскресенье проповедует богатым величие христианства и советует дарить бедным... ну, если не несколько миллиардов, то несколько сот рублей ежегодно.

Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Миллиардер не может делить «национальный доход» капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: «по капиталу» (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует). Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедывать «справедливый» раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как «по силе». А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция. Япония—раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны. Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время-от-времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике.

Конечно, возможны временные соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение в ropeiskих капиталистов... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии против Японии и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний, и которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа. По сравнению с Соединенными Штатами Америки, Европа в целом означает экономический застой. На современной экономической основе, т.е. при капитализме, Соединенные Штаты Европы означали бы организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки. Те времена, когда дело демократии и дело социализма было связано только с Европой, прошли безвозвратно.

Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом,—пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе

и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира был бы однако едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливаются с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным.

Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной, борьбы социалистических республик с отсталыми государствами.

Вот в силу каких соображений, в результате многократных обсуждений вопроса на Конференции заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. и после конференции, редакция Ц. О. пришла к выводу о неправильности лозунга Соединенных Штатов Европы.

«Социал-Демократ» № 44
от 23 августа 1915 года.

Крах II Интернационала.

Под крахом Интернационала иногда разумеют просто формальную сторону дела, перерыв интернациональной связи между социалистическими партиями воюющих стран, невозможность собрать ни международной конференции, ни Международного Социалистического Бюро и т. п. На этой точке зрения стоят некоторые социалисты нейтральных, маленьких стран, вероятно,

даже большинство официальных партий в них, затем оппортунисты и их защитники. В русской печати с заслуживающею глубокой признательности откровенностью, выступил на защиту этой позиции г. Вл. Коссовский в № 8 «Информационного Листка» Бунда, при чем редакция «Листка» ни единым словом не оговорила своего несогласия с автором. Можно надеяться, что защита национализма г. Коссовским, который договорился до оправдания немецких социал-демократов, голосовавших за военные кредиты, поможет многим рабочим скончательно убедиться в буржуазно-националистическом характере Бунда.

Для сознательных рабочих социализм—серьезное убеждение, а не удобное прикрытие мещански-примирительных и националистически-оппозиционных стремлений. Под крахом Интернационала они разумеют вопиющую измену большинства официальных социал-демократических партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлением в речах на Штуттгартском и Базельском Международных Конгрессах, в резолюциях этих Конгрессов и т. д. Не видеть этой измены могут только те, кто не хочет видеть ее, кому это невыгодно. Формулируя дело научным образом, т.-е. с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство социал-демократических партий и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата. Это—событие всемирно-исторической важности, и на возможно более всестороннем анализе его нельзя не остановиться. Давно признано, что войны, при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях. Несомненную пользу начала тоже приносить человечеству и европейская война 1914—1915 г.г., показав передовому классу цивилизованных стран, что в его партиях назрел какой-то отвратительный гнойный нарыв, и несется откуда-то нестерпимый трупный запах.

I.

Есть ли на-лицо измена главных социалистических партий Европы всем своим убеждениям и задачам? Об этом не любят говорить, разумеется, ни сами изменники, ни те, кто твердо

знает—или смутно догадывается,—что ему придется дружить и мириться с ними. Но, как бы ни было это неприятно разным «авторитетам» II Интернационала или их фракционным друзьям среди российских социал-демократов, мы должны прямо взглянуть на вещи, назвать их своими именами, сказать рабочим правду.

Есть ли фактические данные по вопросу о том, как перед настоящей войной и в предвидении ее смотрели социалистические партии на свои задачи и на свою тактику? Бессспорно, есть. Это—резолюция Базельского Международного Социалистического Конгресса в 1912 году, которую мы перепечатываем, вместе с резолюцией Хемницкого германского социал-демократического съезда того же года, как напоминание о «забытых словах» социализма ²⁰⁾. Подводя итог громадной пропагандистской и агитационной литературе всех стран против войны, эта резолюция представляет собой самое точное и полное, самое торжественное и формальное изложение социалистических взглядов на войну и тактики по отношению к войне. Нельзя назвать иначе, как изменой, уже тот факт, что ни один из авторитетов вчерашнего Интернационала и сегодняшнего социал-шовинизма, ни Гайндман, ни Гэд, ни Каутский, ни Плеханов, не решаются напомнить своим читателям эту резолюцию, а либо совершенно молчат о ней, либо цитируют (подобно Каутскому) второстепенные места ее, обходя все существенное. Самые «левые», архи-революционные резолюции—и самое бесстыдное забвение их или отречение от них, вот одно из самых наглых проявлений краха Интернационала,—а вместе с тем и одно из самых наглядных доказательств того, что верить в «исправление» социализма, в «выпрямление его линии» путем одних резолюций могут теперь лишь люди, у которых беспримерная наивность граничит с хитрым желанием увековечить прежнее лицемерие.

Гайндмана еще вчера, можно сказать, когда он повернулся перед войной к защите империализма, все «порядочные» социалисты считали своихнувшимся чудаком, и никто не говорил о нем иначе, как в тоне пренебрежения. А теперь к позиции Гайндмана целиком скатились,—отличаясь между собой только в оттенках и в темпераменте,—виднейшие социал-демократические вожди всех стран. И мы никак не в состоянии оценить и охарактеризовать сколько-нибудь парламентским выражением гражданского мужества таких людей, как, например, писатели «Нашего Слова», когда они пишут о «господине» Гайндмане в тное презрения, а

о «товарище» Каутском говорят—или молчат—с видом почтения (или подобострастия?). Разве можно примирить такое отношение с уважением к социализму и к своим убеждениям вообще? Если вы убеждены в лживости и гибельности шовинизма Гайндмана, то не следует ли направить критику и нападки на более влиятельного и более опасного защитника подобных взглядов, Каутского?

Взгляды Гэда в последнее время выразил едва ли не всего подробнее гэдист Шарль Дюма в своей брошюре: «Какого мира мы желаем». Этот «начальник кабинета Жюля Гэда», подписавшийся так на заглавном листе брошюры, разумеется, «цитирует» прежние заявления социалистов в патриотическом духе (как цитирует подобные же заявления и немецкий социал-шовинист Давид в своей последней брошюре о защите отечества), но Базельского манифеста он не цитирует! Об этом манифесте молчит и Плеханов, преподнося с необыкновенно самодовольным видом шовинистские пошлости. Каутский подобен Плеханову: цитируя Базельский манифест, он опускает все революционные места в нем (т.е. все его существенное содержание!)—вероятно, под предлогом цензурного запрещения... Полиция и военные власти, своими цензурными запретами говорить о классовой борьбе и о революции, пришли «кстати» на помощь изменникам социализма!

Но, может быть, Базельский манифест представляет из себя какое-нибудь бессодержательное воззвание, в котором нет никакого точного содержания, ни исторического, ни тактического, относящегося безусловно к данной конкретной войне?

Как раз наоборот. В Базельской резолюции меньше, чем в других, пустого декламаторства, больше конкретного содержания. Базельская резолюция говорит именно о той самой войне, которая и наступила, именно о тех самых империалистических конфликтах, которые разразились в 1914—1915 г.г. Конфликты Австрии и Сербии из-за Балкан, Австрии и Италии из-за Албании и т. д., Англии и Германии из-за рынков и колоний вообще, России с Турцией и проч. из-за Армении и Константинополя—вот о чем говорит Базельская резолюция, предвидя именно теперешнюю войну. Как раз про теперешнюю войну между «великими державами Европы» говорит Базельская резолюция, что эта война «не может быть оправдана ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса»!

И если теперь Плеханов и Каутский—берем двоих самых типичных и самых близких для нас, пишущего по-русски или переводимого ликвидаторами на русский, авторитетных социалистов—подыскивают (при помощи Аксельрода) разные «народные (или, вернее, простонародные, взятые из уличной буржуазной прессы) оправдания» войне, если они с ученым видом и с запасом фальшивых цитат из Маркса ссылаются на «примеры», на войны 1813 и 1870 г.г. (Плеханов) или 1854—1871, 1876—1877, 1897 годов (Каутский),—то, поистине, только люди без тени социалистических убеждений, без капельки социалистической совести могут брать «всерьез» подобные доводы, могут *не* назвать их неслыханным иезуитизмом, лицемерием и проституированием социализма! Пусть немецкое правление партии («Vorstand») предает проклятию новый журнал Меринга и Розы Люксембург («Интернационал») за правдивую оценку Каутского, пусть Вандервельде, Плеханов, Гайндман и К-о, при помощи полиции «тройственного согласия», так же третируют своих противников,—мы будем отвечать простой перепечаткой Базельского манифеста, изобличающего такой поворот вождей, для которого нет другого слова, кроме измени.

Базельская резолюция говорит не о национальной, не о народной войне, примеры которых в Европе *бывали*, которые даже типичны для эпохи 1789—1871 г.г., не о революционной войне, от которых социал-демократы никогда не зарекались, а о т е п е р е ш н е й войне, на почве «капиталистического империализма» и «династических интересов», на почве «завоевательной политики» о б'е и х групп воюющих держав, и австро-германской и англо-франко-русской. Плеханов, Каутский и К-о прямо-таки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную, грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной, и подыскивая оправдания для нее из области исторических примеров *неимпериалистских* войн.

Вопрос об империалистическом, грабительском, противопролетарском характере данной войны давно вышел из стадии чисто-теоретического вопроса. Не только теоретически оценен уже, во всех своих главных чертах, империализм, как борьба гибнущей, одряхлевшей, ставшей буржуазии за долеж мира и за рабоцщие «мелкие» наций; не только повторялись тысячи раз эти выводы во всей необъятной газетной литературе социалистов

в с е х стран; не только, например, представитель «союзной» по отношению к нам нации, француз Дэлэзи, в брошюре о «Грядущей войне» (1911 г о д а!) популярно разъяснял грабительский характер настоящей войны и со стороны французской буржуазии. Этого мало. Представители пролетарских партий всех стран единогласно и формально выразили в Базеле свое непреклонное убеждение в том, что грядет война именно империалистического характера, сделав из этого т а к т и ч е с к и е выводы. Поэтому, между прочим, должны быть отвергнуты сразу, как софизмы, все ссылки на то, что отличие национальной и интернациональной тактики недостаточно обсуждено (сравни последнее интервью Аксельрода в №№ 87 и 90 «Нашего Слова»), и т. д. и т. п. Это—софизм, ибо одно дело всестороннее научное исследование империализма; такое исследование только начинается, и оно, по сути своей, бесконечно, как бесконечна наука вообще. Другое дело—основы социалистической тактики против капиталистического империализма, изложенные в миллионах экземпляров социал-демократических газет и в решении Интернационала. Социалистические партии—не дискуссионные клубы, а организации борющегося пролетариата, и когда ряд батальонов перешел на сторону неприятеля, их надо назвать и ославить изменниками, не давая себя «поймать» лицемерными речами о том, что «не все одинаково» понимают империализм, что вот шовинист Каутский и шовинист Кунов способны написать об этом томы, что вопрос «недостаточно обсужден» и проч. и т. п. Капитализм во в с е х проявлениях своего грабительства и во всех мельчайших разветвлениях его исторического развития и его национальных особенностей н и к о г д а не будет изучен до конца; о частностях ученые (и педанты особенно) никогда не перестанут спорить. «На этом основании» отказываться от социалистической борьбы с капитализмом, от противопоставления себя тем, кто изменил этой борьбе, было бы смешно,—а что же другое предлагают нам Каутский, Кунов, Аксельрод и т. п.?

Никто даже и не попытался ведь разобрать теперь, после войны, Базельскую резолюцию и показать ее неправильность!

II.

Но, может быть, искренние социалисты стояли за Базельскую резолюцию в предвидении того, что война создаст революционную ситуацию, а события опровергли их, и революция оказалась невозможной?

Именно таким софизмом пытается оправдать свой переход в лагерь буржуазии Кунов (в брошюре «Крах партии?» и в ряде статей), а в виде намеков мы встречаем подобные «доводы» почти у всех социал-шовинистов с Каутским во главе. Надежды на революцию оказались иллюзией, а отстаивать иллюзии не дело марксиста, рассуждает Кунов, при чем сей струвист ни единим словом не говорит об «иллюзии» всех подписавших Базельский манифест, а, как отменно-благородный человек, старается свалить дело на крайних левых, вроде Паннекука и Радека!

Рассмотрим, по существу, тот довод, что авторы Базельского манифеста искренно предполагали наступление революции, но события опровергли их. Базельский манифест говорит—1) что война создаст экономический и политический кризис; 2) что рабочие будут считать свое участие в войне преступлением, преступной «стрельбой друг в друга ради прибылей капиталистов, ради честолюбия династий, ради выполнения тайных дипломатических договоров», что война вызывает среди рабочих «негодование и возмущение»; 3) что указанный кризис и указанное душевное состояние рабочих социалисты обязаны использовать для «возбуждения народа и для ускорения краха капитализма»; 4) что «правительства»—все без исключения—не могут начать войны «без опасности для себя»; 5) что правительства «боятся пролетарской революции»; 6) что правительствам «следует вспомнить» о Парижской Коммуне (т.-е. о гражданской войне), о революции 1905 года в России и т. д. Все это—совершенно ясные мысли; в них нет р у ч а т е л ь с т в а, что революция будет; в них положено ударение на точную характеристику ф а к т о в и т е н д е н ц и и. Кто по поводу таких мыслей и рассуждений говорит, что ожидавшееся наступление революции оказалось иллюзией, тот обнаруживает не марксистское, а струвистское и полицейски-ренегатское отношение к революции.

Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, при чем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «вверхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов.

Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «вехами», к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция—по общему правилу—невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революции на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильное, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».

Таковы марксистские взгляды на революцию, которые много, много раз развивались и признавались за бесспорные всеми марксистами и которые для нас, русских, особенно наглядно подтверждены опытом 1905 года. Спрашивается, что предполагалось в этом отношении Базельским манифестом в 1912 году, и что наступило в 1914—1915 году?

Предполагалась революционная ситуация, кратко описанная выражением «экономический и политический кризис». Наступила ли она? Несомненно, да. Социал-шовинист Ленч (который прямее, откровеннее, честнее выступает с защитой шовинизма, чем лицемеры Кунов, Каутский, Плеханов и К-о) выразился даже так, что «мы переживаем своеобразную революцию» (стр. 6 его брошюры: «Германская социал-демократия и война», Берлин 1915). Политический кризис на-лицо: ни одно из правительств не уверено в завтрашнем дне, ни одно не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны (как изгнали правительство из Бельгии). Все правительства

живут на вулкане, все апеллируют самим к самодеятельности и героизму масс. Политический режим Европы весь потрясен, и никто, наверное, не станет отрицать, что мы вошли (и входим все глубже—я пишу это в день объявления войны Италией) в эпоху величайших политических потрясений. Если Каутский, через два месяца после объявления войны, писал (2 октября 1914 года, в «Neue Zeit»), что «никогда правительство не бывает так сильно, никогда партии не бывают так слабы, как при начале войны», то это один из образчиков подделки исторической науки Каутским в угоду Зюдекумам и прочим оппортунистам. Никогда правительство не нуждается так в согласии всех партий господствующих классов и в «мирном» подчинении этому господству классов угнетенных, как во время войны. Это—во-первых; а, во-вторых, если «при начале войны», особенно в стране, ожидающей быстрой победы, правительство кажется всесильным, то никто никогда и нигде в мире не связывал ожиданий революционной ситуации исключительно с моментом «начала» войны, а тем более не отождествлял «кажущегося» с действительным.

Что европейская война будет тяжелой не в пример другим, это все знали, видели и признавали. Опыт войны все более подтверждает это. Война ширится. Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны, и усилия правительства, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушения. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скandalно велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в «низах»—все это на-лицо. А чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развиваются и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, но зато просвещает и заставляет других, при чем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше, чем первых.

Заключение мира не только не может «сразу» прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а, напротив,

во многих отношениях сделает эти бедствия еще более ощутимыми и особенно наглядными для самых отсталых масс населения.

Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы—на-лицо. В этом отношении предвидение Базельского манифеста оправдалось в поле. Отрицать эту истину прямо или косвенно или замалчивать ее, как делают Кунов, Плеханов, Каутский и К-о, значит говорить величайшую неправду, обманывать рабочий класс и услуживать буржуазии. В «Социал-Демократе» (№№ 34, 40, 41) ²¹⁾ мы приводили данные, показывающие, что люди, боящиеся революции, христианские попы-мещане, генеральные штабы, газеты миллионеров вынуждены констатировать признаки революционной ситуации в Европе.

Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата. Тут не может быть и речи ни вообще о каких-либо «иллюзиях», ни об их опровержении, ибо ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация. Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении.

Никогда ни один влиятельный и ответственный социалист не смел усомниться в том, что такова именно обязанность социалистических партий, и Базельский манифест, не распространяя и не питая ни малейших «иллюзий», именно об этой обязанности социалистов говорит: возбуждать, «встряхивать» народ (а не усыплять его шовинизмом, как делают Плеханов, Аксельрод, Каутский), «использовать» кризис для «у скорения» краха капитализма, руководствоваться при мерах Коммуны и октября-декабря 1905 года. Неисполнение современными партиями этой своей обязанности и есть их измена, их политическая смерть, их отречение от своей роли, их переход на сторону буржуазии.

III.

Но как могло быть, что виднейшие представители и вожди II Интернационала изменили социализму? На этом вопросе мы остановимся подробно ниже, рассмотрев сначала попытки «теоретически» оправдать эту измену. Попробуем охарактеризовать главные теории социал-шовинизма, представителями которых можно считать Плеханова (он повторяет преимущественно доводы англо-французских шовинистов, Гайндмана и его новых сторонников) и Каутского (он выдвигает доводы гораздо более «тонкие», имеющие вид несравненно большей теоретической солидности).

Едва ли не всех примитивнее теория «зачинщика». На нас напали, мы защищаемся; интересы пролетариата требуют отпора нарушителям европейского мира. Это—перепев заявлений всех правительств и декламаций всей буржуазной и желтой печати всего мира. Плеханов даже и столь избитую пошлость прикрашивает обязательной у этого писателя иезуитской ссылкой на «диалектику» во имя учета конкретной ситуации надо-де прежде всего найти зачинщика и расправиться с ним, откладывая до другой ситуации все остальные вопросы (см. брошюру Плеханова «О войне», Париж 1914, и повторение ее рассуждений у Аксельрода в «Голосе» №№ 86 и 87). В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из «доводов», и еще Гегель говорил справедливо, что «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе. Плеханов выхватывает цитату из немецкой социал-демократической печати: сами немцы до войны признавали-де зачинщиком Австрию и Германию,—и баста. О том, что русские социалисты много раз разоблачали завоевательные планы царизма насчет Галиции, Армении и т. д., Плеханов молчит. У него нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а эта история неопровергимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более

успешного конкурента были главной осью политики обеих воюющих ныне групп держав *).

В применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что «война есть просто продолжение политики другими» (именно насильственными) «средствами». Такова формулировка Клаузевитца **), одно-

*) Крайне поучительна книга английского пацифиста Брэйлсфорда, который не прочь даже корчить из себя социалиста: «Война стали и золота» (Лондон 1914; книга помечена мартом 1914 г.!). Автор совершенно ясно сознает, что вопросы национальные, в общем, стоят позади, уже решены (35), что дело теперь ие в этом, что «типичный вопрос современной дипломатии» (36)—Багдадская дорога, поставка рельс для нее, рудники в Марокко и т. п. Одним из «поучительнейших инцидентов в новейшей истории европейской дипломатии» автор справедливо считает борьбу французских патриотов и английских империалистов против попыток Кайо (в 1911 и 1913 г.г.) помириться с Германией на основе соглашения в разделе колониальных сфер влияния и о допущении германских бумаг на парижскую биржу. А и г л и й с к а я и ф р а н ц у з с к а я б у р ж у а з и я с о р в а л а такое соглашение (38—40). Цель империализма—вывоз капитала в более слабые страны (74). Прибыль от такого капитала в Англии была 90—100 милл. ф. ст. в 1899 г. (Джиффен), 140 милл. в 1909 г. (Пэйш), а Ллойд-Джордж в недавней речи считал ее, добавим от себя, в 200 милл. ф. ст., почти 2 миллиарда рублей.—Грязные проделки и подкупы турецкой знати, местечки для сыпиков в Индии и Египте—вот в чем суть (85—87). Ничтожное меньшинство выигрывает от вооружений и войн, но за него общество и финансисты, а за сторонниками мира раздробленное население (93). Пасифист, ныне толкующий о мире и разоружении, завтра оказывается членом партии, вполне зависимой от военных подрядчиков (161). Окажется сильнее тройственное согласие, оно возьмет Марокко и разделит Персию,—Тройственный Союз возьмет Триполи, укрепится в Боснии, подчинит себе Турцию (167). Лондон и Париж дали миллиарды России в марте 1906 года, помогая царизму задавить освободительное движение (225—228): Англия помогает теперь России душить Персию (229). Россия разожгла балканскую войну (230).—Все это не ново, не правда ли? Все это общеизвестно и 1000 раз повторялось в социал-демократических газетах всего мира? Накануне войны англичанин-буржуа яснее ясного видит это. Но каким неприличным вздором, каким непереносным лицемерием, какой слашавой ложью оказываются перед лицом этих простых и общеизвестных фактов теории Плеханова и Потресова о виновности Германии или Каутского о «перспективах» разоружения и длительного мира при капитализме!

**) Carl von Clausewitz, «Vom Kriege», Werke, I Bd., Seite 28. Ср. т. III, стр. 139—140: «Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обычно представлют себе дело таким образом, как будто с начала войны эти

го из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, как будущую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав—и разных классов внутри них—в данное время.

Грубый шовинизм Плеханова стоит совершенно на той же самой теоретической позиции, как более тонкий, примирительно-слащавый шовинизм Каутского, когда сей последний освящает переход социалистов всех стран на сторону «своих» капиталистов следующим рассуждением:

Все вправе и обязаны защищать свое отечество; истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией... (см. «Neue Zeit», 2 октября 1914 года, и другие сочинения того же автора).

Это бесподобное рассуждение есть такое безграницно-пошлое издевательство над социализмом, что лучшим ответом на него было бы заказать медаль с фигурами Вильгельма II и Николая II на одной стороне, Плеханова и Каутского на другой. Истинный интернационализм, видите ли, состоит в оправдании того, чтобы французские рабочие стреляли в немецких, а немецкие в французских во имя «защиты отечества»!

Но, если присмотреться к теоретическим предпосылкам рассуждений Каутского, мы получим именно тот взгляд, который высмеян Клаузевитцем около 80 лет тому назад: с началом войны прекращаются исторически подготовленные политические отношения между народами и классами, наступает совершенно иное положение! «просто» нападающие и защищающиеся, «просто» отражение «врагов отечества»! Угнетение целого ряда наций, составляющих больше половины населения земного шара, великодержавными империалистскими народами, конкуренция между буржуазией этих стран ради дележа добычи, стремление капитала расколоть и подавить рабочее движение—это все сразу исчезло из поля зрения Плеханова и Каутского, хотя именно такую «политику» обрисовывали они сами в течение десятилетий перед войной.

отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам. Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств».

Облыжные ссылки на Маркса и Энгельса составляют при этом «козырный» довод обоих главарей социал-шовинизма: Плеханов вспоминает национальную войну Пруссии в 1813 году и Германии в 1870 г., Каутский с ученейшим видом доказывает, что Маркс решает вопрос о том, успех какой стороны (т.-е. какой буржуазии) желательнее в войнах 1854—1855, 1859, 1870—1871, а марксисты также в войнах 1876—1877 и 1897 годов. Прием всех софистов во все времена: брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально непохожим случаям. Прежние войны, на которые нам указывают, были «продолжением политики» многолетних национальных движений буржуазии, движений против чужого, инонационального, гнета и против абсолютизма (турецкого и русского). Никакого иного вопроса, кроме вопроса о предпочтительности успеха той или другой буржуазии, тогда и быть не могло; к войнам подобного типа марксисты могли заранее звать народы, разжигая национальную ненависть, как звал Маркс в 1848 г. и позже к войне с Россией, как разжигал Энгельс в 1859 году национальную ненависть немцев к их угнетателям, Наполеону III и к русскому царизму *).

Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, то есть империалистской, то есть ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии—значит сравнивать аршины с пудами. Это похоже на сравнение «представителей буржуазии» Робеспьера, Гарибальди, Желябова с «представителями буржуазии» Мильераном, Саландри, Гучковым. Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим

*) Кстати г. Гарденин в «Жизни» называет «революционным шовинизмом», но все же шовинизмом со стороны Маркса, что он стоял в 1848 году за революционную войну против показавших себя на деле контр-революционными народов Европы, именно: «славян и русских особенно». Такой упрек Марксу доказывает только лишний раз оппортунизм (или—а вернее и—полную несерьезность) сего «левого» социал-революционера. Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за революционную войну против контрреволюционных народов. Например, если социализм победит в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут тогда против нас—сначала хотя бы дипломатически—своих Бисмарков, мы будем за наступательную, революционную войну с ними. Вам это странно, г. Гарденин? Революционер-то вы вроде Ропшина!

буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом. И нельзя быть марксистом, не питая презрения к софистике Плеханова и Каутского, говорящих о «защите отечества» по поводу удушения немецкими империалистами Бельгии или по поводу сделки империалистов Англии, Франции, России и Италии о грабеже Австрии и Турции.

Еще одна «марксистская» теория социал-шовинизма: социализм базируется на быстром развитии капитализма; победа моей страны ускорит в ней развитие капитализма, а значит, и наступление социализма; поражение моей страны задержит ее экономическое развитие, а значит, и наступление социализма. Такую, струвистскую, теорию развивает у нас Плеханов, у немцев Ленч и другие. Каутский спорит против этой грубой теории, против прямо защищающего ее Ленча, против прикрыто отстаивающего ее Кунова, но спорит только для того, чтобы добиться примирения социал-шовинистов всех стран на основе более тонкой, более иезуитской шовинистской теории.

Нам не приходится долго останавливаться на разборе этой грубой теории. «Критические заметки» Струве вышли в 1894 году, и за 20 лет русские социал-демократы познакомились до сконально с этой «манерой» образованных русских буржуа проводить свои взгляды и пожелания под прикрытием «марксизма», — очищеннного от революционности. Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно-научных» сторон и элементов марксизма, кроме «агитаторской», «демагогической», «бланкист-ски - утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность.

Марксизм есть теория освободительного движения пролетариата. Понятно поэтому, что сознательные рабочие должны уделять громадное внимание процессу подмены марксизма струвизмом. Двигательные силы этого процесса многочисленны и

разнообразны. Мы отметим только главные три: 1) Развитие науки дает все больше материала, доказывающего правоту Маркса. Приходится бороться с ним лицемерно, не идя открыто против основ марксизма, а, якобы,—признавая его, выхолащивая софизмами его содержание, превращая марксизм в безвредную для буржуазии, святую «икону». 2) Развитие оппортунизма среди социал-демократических партий поддерживает такую «переделку» марксизма, подгоняя его под оправдание всяческих уступок оппортунизму. 3) Период империализма есть раздел мира между «великими», привилегированными нациями, угнетающими все остальные. Крохи добычи от этих привилегий и этого угнетения перепадают, несомненно, известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократии, рабочего класса. Такие слои, будучи ничтожным меньшинством пролетариата и трудящихся масс, тяготеют к «струвизму», ибо он дает им оправдание их союза со «своей» национальной буржуазией против угнетенных масс в с e x наций. Об этом нам придется говорить еще ниже в связи с вопросом и причинах краха Интернационала.

IV.

Самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность, теорией социал-шовинизма является выдвинутая Каутским теория «ультраимпериализма». Вот самое ясное, самое точное и самое новое изложение ее самим автором:

«Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала,— все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистской, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплоатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок» («Neue Zeit» № 5, 30/IV 1915, стр. 144).

«...Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход теперешней войны. Она может совершенно раздавить слабые

зачатки ультраимпериализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также и между финансовыми капиталистами, усиливая вооружения и стремление обогнать в этом друг друга, делая неизбежно вторую всемирную войну. Тогда то предвидение, которое я формулировал в своей брошюре: «Путь к власти», осуществляется в ужасных размерах, увеличится обострение классовых противоречий, а вместе с тем и моральное отмирание (буквально: отхозяйничание, *Abwirtschaftung*, крах) капитализма»...) Надо заметить, что под этим вычурным словечком Каутский разумеет просто-на-просто «вражду» к капитализму со стороны «промежуточных» слоев между пролетариатом и финансовым капиталом, именно: «интеллигенции, мелких буржуа, даже мелких капиталистов»)... «Но война может кончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма». «Ее уроки» (это заметьте!) «могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть». Новая фаза, разумеется, принесет с собой «новые бедствия» для пролетариата, «может быть еще более худшие», но «на время» «ультраимпериализм» «мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма» (стр. 145).

Каким образом выводится из этой «теории» оправдание социал-шовинизма?

Довольно странным—для «теоретика»—именно следующим образом:

Левые социал-демократы в Германии говорят, что империализм и порождаемые им войны не случайность, а необходимый продукт капитализма, приведшего к господству финансового капитала. Поэтому необходим переход к революционной борьбе масс, ибо эпоха сравнительно мирного развития изжита. «Правые» социал-демократы грубо заявляют: раз империализм «необходим», надо быть империалистами и нам. Каутский, в роли «центра», примиряет:

«Крайние левые»,— пишет он в своей брошюре: «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (Нюрнберг 1915),—хотят «противопоставить» неизбежному империализму социализм, т.-е. «не только пропаганду его, которую мы в течение полувека противопоставляем всем формам капита-

листического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь оттолкнуть всякого, кто не верит в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма» (стр. 17, курсив наш).

Говоря о немедленном осуществлении социализма, Каутский «осуществляет» передержку, пользуясь тем, что в Германии, при военной цензуре особенно, нельзя говорить о революционных действиях. Каутский прекрасно знает, что левые требуют от партии немедленной пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не «немедленного практического осуществления социализма».

Из необходимости империализма левые выводят необходимость революционных действий. «Теория ультраимпериализма» служит Каутскому для оправдания оппортунистов, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто «не верят» в немедленный социализм, ожидая, что перед нами «может быть» новая «эра» разоружения и длительного мира. «Теория» сводится к тому и только к тому, что на деждо на ню мирную эру капитализма Каутский оправдывает присоединение оппортунистов и официальных социал-демократических партий к буржуазии и их отказ от революционной (т.-е. пролетарской) тактики во время наступающей бурной эры, вопреки торжественным заявлениям Базельской резолюции!

Заметьте, что Каутский при этом не только не заявляет: новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и условий,—а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об «существимости» новой фазы я еще не могу решить. Да и в самом деле, взгляните на те «тенденции» к новой эре, которые Каутский указал. Поразительно, что к числу экономических фактов автор относит «стремления к разоружению»! Это значит: от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией притупления противоречий, прятаться под сень невинных мещанских разговоров и мечтаний. «Ультраимпериализм» Каутского,— это слово, кстати сказать, совсем не выражает того, что автор хочет сказать,—означает громадное притупление противоречий капитализма. «Ослабление протекционизма в Англии и Америке»—говорят нам. Где же тут хотя бы малейшая тенденция к новой эре? Доведенный до крайности протекционизм Амери-

ки ослаблен, но протекционизм остался, как остались и привилегии, предпочтительные тарифы английских колоний в пользу Англии. Вспомним, на чем основана смена предыдущей, «мирной», эпохи капитализма современною, империалистической: на том, что свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной мир поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительно мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, при чем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т.-е. столь громадных, что они господствуют во в с е й данной отрасли промышленности, еще не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий (вероятно, этот процесс ни в Англии, ни в Америке не приостановился? едва ли даже Каутский решится отрицать, что война ускорила и обострила его) делает н е в о з м о ж н о й прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара заставляет от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за передел колоний и сфер влияния. Смешно и думать, что о слабление протекционизма в двух странах может изменить тут что-либо.

Далее, уменьшение вывоза капитала в д в у х странах за несколько лет. Эти две страны, Франция и Германия, по статистике, например, Хармса в 1912 году имели капиталов за границей приблизительно на 35 миллиардов марок (около 17 миллиардов рублей) каждая, а Англия одна вдвое больше *). Рост вывоза капитала никогда не был и не мог быть при капитализме равномерным. О том, чтобы накопление капитала ослабело, или чтобы емкость внутреннего рынка серьезно изменилась, например, крупным улучшением в положении масс, Каутский не может и заикнуться. При таких условиях из уменьшения вывоза капитала за несколько лет в двух странах выводить наступление новой эры никак не приходится.

*) См. Bernhard Harms, «Probleme der Weltwirtschaft», Jena 1912.— George Paish, «Great Britains Capital Investments in Colonies etc.» в Journal of the Royal Statist. Soc., vol. LXXV, 1910/11, p. 167. Ллойд-Джордж в речи в начале 1915 г. считал английские капиталы за границей в 4 мд. ф. ст., т.-е. около 80 мд. марок.

«Усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала». Это—единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма. Но почему из нее должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных «пушечных» (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, например, Армстронга. Недавно английский «Экономист» (от 1 мая 1915 г.) сообщал, что прибыли этой фирмы с 606 тысяч фунтов стерлингов (около 6 миллионов рублей) в 1905/6 г.г. поднялись до 856 в 1913 г. и до 940 (9 миллионов рублей) в 1914 г. Переялеченность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает; немецкие капиталисты «участвуют» в делах английской фирмы; английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению—значит подставлять добренькие мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их,

V.

Каутский говорит об «уроках» войны в совершенно филистерском духе, представляя эти уроки в смысле какого-то морального ужаса перед бедствиями войны. Вот, например, его рассуждение в брошюре «Национальное государство» и проч.:

«Не подлежит сомнению и не требует доказательств, что есть слои, заинтересованные самым настоятельным образом в всемирном мире и разоружении. Мелкие буржуа и мелкие крестьяне, даже многие капиталисты и интеллигенты не привязаны к империализму такими интересами, которые бы были сильнее вреда, испытываемого этими слоями от войны и вооружений» (стр. 21).

Это написано в феврале 1915 года! Факты говорят о повальном присоединении к империалистам всех имущих классов вплоть до мелких буржуа и «интеллигенции», а Каутский, точно человек в футляре, с необыкновенно самодовольным видом отмахивается от фактов посредством славивших слов. Он судит об интересах мелкой буржуазии не по ее поведению, а по словам

некоторых мелких буржуа, хотя эти слова на каждом шагу опровергаются их делами. Это совершенно то же самое, как если бы об «интересах» буржуазии вообще мы судили не по ее делам, а по любвеобильным речам буржуазных попов, которые клянутся и божатся, что современный строй пропитан идеалами христианства. Каутский применяет марксизм таким образом, что всякое содержание из него выветривается, и остается лишь словечко «интерес» в каком-то сверхъестественном, спиритуалистическом значении, ибо имеется в виду не реальная экономика, а невинные пожелания об общем благе.

Марксизм судит об «интересах» на основании классовых противоречий и классовой борьбы, проявляющихся в миллионах фактов повседневной жизни. Мелкая буржуазия мечтает и болтает о притуплении противоречий, выставляя «доводы», что обострение их влечет «вредные последствия». Империализм есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации *).

Нельзя жить по-старому в сравнительно спокойной культурной, мирной обстановке плавно эволюционирующему расширяющегося постепенно на новые страны капитализма, ибо наступила другая эпоха. Финансовый капитал вытесняет и вытеснит данную страну из ряда великих держав, отнимет ее

---

*) Э. Шульце сообщает, что к 1915 г. считали сумму ценных бумаг во всем мире в 732 миллиарда франков, считая и государственные и коммунальные займы, и закладные, и акции торгово-промышленных обществ и т. д. Из этой суммы на Англию падало 130 мд. фр., на Соединенные Штаты Америки—115, на Францию—100 и на Германию—75,—следовательно, на все эти четыре великие державы 420 мд. фр., т.-е. больше половины всей суммы. Можно судить по этому, как велики выгоды и привилегии передовых, великодержавных наций, обогнавших другие народы, угнетающих и грабящих их (D-r E m i l S c h u l t z e, «Das französische Kapital in Russland» в «Finanz.-Archiv», Berlin 1915, Jahrg. 32, S. 127). «Защита отечества» великодержавных наций есть защита права на добычу от грабежа чужих наций. В России, как известно, слабее капиталистический, но зато сильнее военно-феодальный империализм.

колонии и ее сферы влияния (как грозит сделать Германия, пошедшая войной на Англию), отнимет от мелкой буржуазии ее «великодержавные» привилегии и побочные доходы. Это—факт, доказываемый войной. К этому пришло на деле то обострение противоречий, которое всеми давно признано и в том числе тем же Каутским в брошюре «Путь к власти».

И вот, когда вооруженная борьба за великодержавные привилегии стала фактом, Каутский начинает уговаривать капиталистов и мелкую буржуазию, что война вещь ужасная, а разоружение вещь хорошая, совершенно так же и с совершенно такими же результатами, как христианский поп с кафедры уговаривает капиталистов, что человеколюбие есть завет бога и влечение души и моральный закон цивилизации. То, что Каутский называет экономическими тенденциями к «ультраимпериализму» на самом деле есть именно мелко-буржуазное уговаривание финансистов не делать зла.

Вывоз капитала? Но капитал вывозится больше в самостоятельные страны, например, в Соединенные Штаты Америки, чем в колонии. Захват колоний? Но они уже все захвачены, и почти все стремятся к освобождению: «Индия может перестать быть английским владением, но она никогда не достанется, как цельная империя, другому чужому господству» (стр. 49 цитированной брошюры). «Всякое стремление какого-либо промышленного капиталистического государства приобрести себе колониальную империю, достаточную для того, чтобы быть независимым от заграницы в получении сырья, должно было бы объединить против него все другие капиталистические государства, запутать его в бесконечные, истощающие войны, не приводя его ближе к своей цели. Эта политика была бы вернейшим путем к банкротству всей хозяйственной жизни государства» (стр. 72—73).

Разве это не фильтерское уговаривание финансистов отказаться от империализма? Пугать капиталистов банкротством—это все равно, что советовать биржевикам не играть на бирже, ибо «многие теряют так все свое состояние». От банкротства конкурирующего капиталиста и конкурирующей нации капитал выигрывает, концентрируясь еще сильнее; поэтому, чем обостреннее и «теснее» экономическая конкуренция, т.-е. экономическое подталкивание к банкротству, тем сильнее стремление капиталистов добавить к этому вовинное подталкивание соперника к банкротству. Чем меньше осталось стран, в которые можно выво-

зить капитал так выгодно, как в колонии и в зависимые государства, вроде Турции,—ибо в этих случаях финансист берет тройную прибыль по сравнению с вывозом капитала в свободную, самостоятельную и цивилизованную страну, как Соединенные Штаты Америки,—тем оже сточенне борьба за подчинение и за раздел Турции, Китая и проч. Так говорит экономическая теория об эпохе финансового капитала и империализма. Так говорят факты. А Каутский превращает все в пошлую мещансскую «мораль»: не стоит де особенно горячиться, а тем более воевать за раздел Турции или за захват Индии, ибо «все равно не надолго», да и лучше бы развивать капитализм по-мирному... Разумеется, еще лучше было бы развивать капитализм и расширять рынок путем увеличения заработной платы: это вполне «мыслимо», и усовещать финансистов в этом духе — самая подходящая тема для проповеди попа... Добрый Каутский почти совсем убедил и уговорил немецких финансистов, что не стоит воевать с Англией из-за колоний, ибо эти колонии все равно очень скоро освободятся!..

Вывоз и ввоз Англии из Египта рос с 1872 по 1912 г. слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. Мораль «марксиста» Каутского: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов» (72). «Стремления капитала к расширению» «лучше всего» могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией» (70).

Какой замечательно серьезный, научный, «марксистский» анализ! Каутский великолепно «поправил» эту неразумную историю, «доказал», что англичанам вовсе не надо было отнимать у французов Египта, а немецким финансистам решительно не стоило начинать войны и организовывать турецкий поход, вместе с другими мероприятиями, для того чтобы выгнать англичан из Египта! Все это недоразумение, не более того,—не смыкнули еще англичане, что «лучше всего» отказаться от насилия над Египтом и перейти (в интересах расширения вывоза капитала по Каутскому!) к «мирной демократии»...

«Разумеется, это была иллюзия буржуазных фритредеров, если они думали, что свобода торговли совсем устраниет порождаемые капитализмом экономические противоречия. Ни свободная торговля, ни демократия устранить их не могут. Но мы во всех отношениях заинтересованы в том, чтобы эти противоречия

изживались борьбой в таких формах, которые налагают на трудающиеся массы меньше всего страданий и жертв» (73)...

Тодай, господи! Господи, помилуй! Что такое филистер?— спрашивал Лассаль—и отвечал известным изречением поэта: «филистер есть пустая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалится».

Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа. Поп уговаривает капиталистов перейти к мирной демократии—и называет это диалектикой: если в начале была свободная торговля, а потом монополии и империализм, то отчего бы не быть «ультраимпериализму» и опять свободной торговле? Поп утешает угнетенные массы, разрисовывая блага этого «ультраимпериализма», хотя этот поп не берется даже сказать, «осуществим» ли таковой! Справедливо указывал Фейербах защищавшим религию тем доводом, что она утешает человека, на реакционное значение утешений: кто утешает раба, вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам.

Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживаться их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность. Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контр-революционную теорию, в самую грязную поповщину.

В 1909 году, в брошюре «Путь к власти» он признает — никем не опровергнутое и неопровергнутое — обострение противоречий капитализма, приближение эпохи войн и революций, нового «революционного периода». Не может быть,—заявляет он,—«преждевременной» революции и объявляет «прямой изменой нашему делу» отказ считаться с возможностью победы при восстании, хотя перед борьбой нельзя отрицать и возможного поражения.

Пришла война. Еще более обострились противоречия. Бедствия масс достигли гигантских размеров. Война затягивается и поле ее все расширяется. Каутский пишет брошюру за брошю-

рой, покорно следует велениям цензора, не приводит данных о грабеже земель и ужасах войны, о скандальных прибылях военных поставщиков, о дорожевизне, о «военном рабстве» мобилизованных рабочих, но зато утешает и утешает пролетариат—утешает примерами тех войн, когда буржуазия была революционна или прогрессивна, когда «сам Маркс» желал победы той или другой буржуазии, утешает рядами и столбцами цифр, доказывающих «возможность» капитализма без колоний и без грабежа, без войн и вооружений, доказывающих предпочтительность «мирной демократии». Не смея отрицать обострения бедствий масс и наступления на деле, перед нашими глазами, революционной ситуации (говорить об этом нельзя! цензура не разрешает...), Каутский лакеиствует перед буржуазией и перед оппортунистами, рисуя «перспективу» (за «осуществимость» ее он не ручается, таких форм борьбы в новой фазе, когда будет «меньше жертв и страданий»... Вполне правы Фр. Меринг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой (*Mädchen für alle*).

* * *

В августе 1905 г. в России была налицо революционная ситуация. Царь обещал Булыгинскую Думу, чтобы «утешить» волнующиеся массы. Булыгинский законосовещательный режим можно бы назвать «ультра-самодержавием», если можно называть «ультраимпериализмом» отказ финансистов от вооружений и соглашение между ними о «длительном мире». Допустим на минуту, что завтра сотня крупнейших финансистов мира, «переплетенных» в сотнях колоссальных предприятий, обещают народам стоять за разоружение после войны (мы делаем на минуту такое допущение, чтобы проследить политические выводы из глупенькой теории Каутского). Даже тогда было бы прямой изменой пролетариату отсоветовать ему революционные действия, без которых все посулы, все добрые перспективы—один мираж.

Война принесла классу капиталистов не только гигантские прибыли и великолепные перспективы новых грабежей (Турция, Китай и проч.), новых миллиардных заказов, новых займов на условиях повышения процентов. Мало того. Она принесла классу капиталистов еще большие политические выгоды, расколов и развратив пролетариат. Каутский помогает этому развращению, освящает этот интернациональный раскол борющихся пролетариев в имя единства с оппортунистами «своей» нации,

Зюдекумами! И находятся люди, которые не понимают, что лозунг единства старых партий означает «единство» национального пролетариата с своей национальной буржуазией и раскол пролетариата разных наций...

VI.

Предыдущие строки были уже написаны, когда вышел в свет № «Neue Zeit» от 28 мая (№ 9) с заключительным рассуждением Каутского о «крахе социал-демократии» (§ 7 его возражения Кунову). Все старые и один новый софизм в защиту социал-шовинизма Каутский свел и подытожил сам следующим образом:

«Это просто не правда, будто война чисто империалистская, будто альтернатива при наступлении войны стояла так: империализм или социализм, будто социалистические партии и пролетарские массы Германии, Франции, во многих отношениях также Англии без размышления, по одному только призыву горстки парламентариев бросились в объятия империализма, предали социализм и вызвали таким образом беспримернейший во всей истории крах».

Новый софизм и новый обман рабочих: война, изволите видеть, не «чисто» империалистская!

По вопросу о характере и значении современной войны Каутский колеблется поразительно, при чем все время точные и формальные заявления Базельского и Хемницкого съездов обходятся сим партийным вождем так же осторожно, как вор обходит место своей последней кражи. В брошюре о «Национальном государстве и т. д.», писанной в феврале 1915 года, Каутский утверждал, что война «все же в последнем счете империалистская» (стр. 64). Теперь вносится новая оговорка: не чисто империалистская—а какая же еще?

Оказывается, еще—национальная! Каутский договорился до этой вопиющей вещи посредством вот какой «Плехановской» тоже-диалектики:

«Теперешняя война—детище не только империализма, но и русской революции». Он, Каутский, еще в 1904 году предвидел, что русская революция возродит панславизм в новой форме, что «демократическая Россия неизбежно должна сильно разжечь стремления австрийских и турецких славян к достижению национальной независимости... Тогда и польский вопрос станет острым... Австрия тогда развалится, ибо с крахом царизма распадется тот

железный обруч, которы . связывает ныне стремящиеся прочь друг от друга элементы» (последняя цитата приводится теперь самим Каутским из его статьи 1904 года)... «Русская революция... дала новый могучий толчок национальным стремлениям Востока, прибавила к европейским проблемам азиатские. В с е э т и п р о б л е м ы во время теперешней войны бурно заявляют о себе и приобретают сугубо решающее значение для настроения народных масс, в том числе и пролетарских, тогда как в господствующих классах преобладают империалистские тенденции» (стр. 273; курсив наш).

Вот вам еще образчик проституирования марксизма! Так как «демократическая Россия» разожгла бы стремления наций на Востоке Европы к свободе (это неоспоримо), поэтом у теперешняя война, которая ни одной нации не освобождает, а при всяком исходе многие нации порабощает, не есть «чисто» империалистская война. Так как «крах царизма» означал бы распад Австрии в силу недемократичности ее национального строения, поэтом у временно окрепший контр-революционный царизм, грабя Австрию и неся еще более угнетение нациям Австрии, придал «теперешней войне» не чисто империалистский, а в известной мере национальный характер. Так как «господствующие классы» надувают тупых мещан и забитых крестьян сказками о национальных целях империалистской войны, поэтом у человек науки, авторитет «марксизма», представитель II Интернационала вправе примирять массы с этим надувательством посредством «формулы»: у господствующих классов империалистские тенденции, а у «народа» и у пролетарских масс «национальные» стремления.

Диалектика превращается в самую подлую, самую низменную софистику!

Национальный элемент в теперешней войне представлен т о л ь к о войной Сербии против Австрии (что отмечено, между прочим, резолюцией Бернского совещания нашей партии)*). Только в Сербии среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы «национальных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т.-е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями

---

*) См. выше 48 стр. этого тома. Р е д.

Англии, России и проч., тогда все социалисты о б я з а н ы были бы желать успеха сербской б у р ж у а з и и — это единственно правильный и абсолютно необходимый вывод из национального момента в теперешней войне. Но софист Каутский, находящийся ныне в услужении у австрийских буржуа, клерикалов и генералов, этого вывода как раз не делает!

Далее. Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, т.-е. однобокое и уродливо искаженное, рассмотрение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны никакого серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь. Если победит Германия, она задушит Бельгию, еще часть Польши, может быть часть Франции и пр. Если победит Россия, она задушит Галицию, еще часть Польши, Армению и т. д. Если будет «ничья», останется старое национальное угнетение. Для Сербии, т.-е. какой-нибудь сотой доли участников теперешней войны, война является «продолжением политики» будущуазно-освободительного движения. Для $\frac{99}{100}$ войны есть продолжение политики империалистской, т.-е. одряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций. Тройственное согласие, «освобождая» Сербию, предоставляет интересы сербской свободы итальянскому империализму за помощь в грабеже Австрии.

Все это общеизвестно, и все это бессовестно извращено Каутским ради оправдания оппортунистов. «Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может—об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть примеси то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь. Поэтому вспоминать о том, что война не «чисто» империалистическая, когда речь идет о волюющем обмане «народных масс» империалистами, заведомо прикрывающими цели головного грабежа «национальной» фразеологией,—значит быть бесконечно тупым педантом или крючкотвором и обманщиком. Вся суть дела именно в том, что Каутский предоставляет обман народа империалистами, когда говорит, что «для народных масс, и пролетарских в том числе, решающее значение имели» национальные проблемы, **а** для господствующих классов «империалистиче-

ские тенденции» (стр. 273), и когда «подкрепляет» это якобы-диалектической ссылкой на «бесконечно разнообразную действительность» (стр. 274). Несомненно, действительность бесконечно разнообразна, это—святая истина! Но так же несомненно, что в этом бесконечном разнообразии две глаеные и коренные струи: объективное содержание войны есть «продолжение политики» империализма, т.-е. грабежа одряхлевшего буржуазией «великих держав» (и их правительствами) чужих наций, «субъективная» же преобладающая идеология есть «национальные» фразы, распространяемые для одурачения масс.

Старый софизм Каутского, повторяемый им снова, будто «левые» изображали дело так, что альтернатива стояла «при наступлении войны»: империализм или социализм, мы уже разбирали. Это бесстыдная передержка, ибо Каутский прекрасно знает, что левые ставили и н у ю альтернативу: присоединение партии к империалистскому грабежу и обману или проповедь и подготовка революционных действий. Каутский знает также, что т о л ь к о цензура защищает его от разоблачения «левыми» в Германии вздорной сказки, распространяемой им из лакейства перед Зюдекумами.

Что же касается до отношения между «пролетарскими массами» и «горсткой парламентариев», то здесь Каутский выдвигает одно из самых избитых возражений:

«Оставим в стороне немцев, чтобы не защищать самих себя; но кто захотел бы серьезно утверждать, что такие люди, как Вальян и Гэд, Гайндман и Плеханов, в один день сделались империалистами и предали социализм? Оставим в стороне парламентариев и «инстанции»... (Каутский намекает явно на журнал Розы Люксембург и Фр. Меринга «Интернационал», где осыпают заслуженным презрением политику инстанций, т.-е. официальных верхов германской социал-демократической партии, ее Центрального Комитета — «Vorstand'a», ее парламентской фракции и т. д.)—...«Но кто решится утверждать, что для 4 миллионов сознательных немецких пролетариев достаточно одного приказа горстки парламентариев, чтобы в 24 часа повернуть направо кругом, прямо против своих прежних целей? Если бы это было верно, тогда это свидетельствовало бы, конечно, об ужасном крахе, но не только нашей партии, а и м а с с ы (курсив К.). Если бы масса была таким бесхарактерным стадом овец, тогда мы могли бы дать себя похоронить» (стр. 274).

Политически и научно авторитетнейший Карл Каутский уже похоронил себя своим поведением и подбором жалких уверток. Кто не понимает или, по крайней мере, не чувствует этого, тот безнадежен в отношении социализма, и именно поэтому единственно правильный тон взяли в «Интернационале» Меринг, Роза Люксембург и их сторонники, третируя Каутского и К-о, как самых презренных субъектов.

Подумайте только: об отношении к войне могли высказаться сколько-нибудь свободно (т.-е. не будучи прямо схвачены и отведены в казарму, не стоя перед непосредственнейшей угрозой расстрела) и сколько «горстка парламентариев» (они голосовали свободно, по праву, они вполне могли голосовать против—за это даже в России не били, не громили, даже не арестовывали), горстка чиновников, журналистов и т. д. Теперь Каутский благородно сваливает на массы измену и бесхарактерность этого общественного слоя, о связи которого с тактикой и идеологией оппортунизма тот же самый Каутский писал десятки раз в течение ряда лет! Самое первое и основное правило научного исследования вообще, Марксовой диалектики в особенности требует от писателя рассмотрения связи теперешней борьбы направлений в социализме—того направления, которое говорит и кричит об измене, бьет в набат по поводу нее, и того, которое измены не видит,—с той борьбой, которая шла перед этим целые десятилетия. Каутский и не заикается об этом, не хочет даже поставить вопроса о направлениях и течениях. До сих пор были течения, теперь их более нет! Теперь есть только громкие имена «авторитетов», которыми всегда и козыряют лакейские души. Особенно удобно при этом ссылаться друг на друга и приятельски покрывать свои «грешки» по правилу: рука руку моет. Ну, какой же это оппортунизм,—воскликнул Л. Мартов на реферате в Берне (см. № 36 «Социал-Демократа»), когда... Гэд, Плеханов, Каутский! Надо быть поосторожнее с обвинением в оппортунизме таких людей, как Гэд,—писал Аксельрод («Голос» № 86 и 87). Не буду защищать себя,—вторит в Берлине Каутский,—но... Вальян и Гэд, Гайндман и Плеханов! Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

В пылу лакейского усердия Каутский дописался до того, что даже у Гайндмана поцеловал ручку, изобразив его только день тому назад ставшим на сторону империализма. А в том же

«*Neue Zeit*» и в десятках социал-демократических газет всего мира об империализме Гайндмана писали уже много лет! Если бы Каутский интересовался добросовестно политической биографией названных им лиц, он должен бы припомнить, не было ли в этой биографии таких черточек и событий, которые не «в один день», а в десяток лет подготовляли переход к империализму, не бывал ли Вальян в плену у жоресистов, а Плеханов — у меньшевиков и ликвидаторов? не умирало ли у всех на глазах на правление Гэда в образцово-безжизненном, бездарном, неспособном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гэдистском журнале «Социализм»? не проявлял ли Каутский (добавим для тех, кто и его ставит — вполне справедливо — рядом с Гайндманом и Плехановым) бесхарактерности в вопросе о мильеранизме, в начале борьбы с бернштейниадой и т. д.?

Но ни малейшей даже тени интереса к научному исследованию биографии данных вождей мы не видим. Нет и попытки рассмотреть, с воими ли доводами защищают теперь себя эти вожди или повторением доводов оппортунистов и буржуа? Приобрели ли серьезное политическое значение поступки этих вождей вследствие их особой влиятельности или вследствие того, что они присоединились к чужому, действительно «влиятельному» и поддержанному военной организацией течению, именно буржуазному? У Каутского нет даже приступа к исследованию вопроса, он заботится только о том, чтобы пустить пыль в глаза массам, оглушить их звоном авторитетных имен, помешать им ясно поставить спорный вопрос и всесторонне разобрать его*).

«...Четырехмиллионная масса по приказу горстки парламентариев повернула направо кругом»...

Тут что ни слово, то неправда. В партийной организации у немцев было не 4, а 1 миллион, при чем единую волю этой орга-

*) Ссылка Каутского на Вальяна и Гэда, Гайндмана и Плеханова характерна еще в одном отношении. Откровенные империалисты, вроде Ленча и Гениша (не говоря уже об оппортунистах), ссылаются именно на Гайндмана и Плеханова в оправдание своей политики. И они вправе ссылааться на них, они говорят правду в том отношении, что это действительно одна и та же политика. Каутский же с пренебрежением говорит о Ленче и Генише, этих радикалах, повернувших к империализму. Каутский благодарит бога, что он не похож на этих мытарей, что он не согласен с ними, что он остался революционером — не шутите! А на деле позиция Каутского такая же. Лицемерный шовинист Каутский, с славными фразами, гораздо смерзительнее простоватых шовинистов Давида и Гейне, Ленча и Гениша.

низации масс (как и всякой организации) выражал только ее единый политический центр, «горстка», которая предала социализм. Эту горстку спрашивали, призывали голосовать, она могла голосовать, могла писать статьи и т. д. Массы же не были опрошены. Им не только не позволяли голосовать, их разъединяли и гнали «по приказу» вовсе не горстки парламентариев, а по приказу военных властей. Военная организация была налицо, в ней изменения вождей не было, она призывала «массу» по одиночке, ставя ультиматум: иди в войско (по совету твоих вождей) или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в «горстке» Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания новой организации нужно время, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию.

Каутский старается побить своих противников, левых, приписывая им бессмыслицу: будто бы они ставят вопрос так, что «в ответ» на войну «массы» должны были в «24 часа» сделать революцию, ввести «социализм» против империализма, иначе «массы» проявили бы «бесхарактерность и измену». Ведь это же просто вздор, которым до сих пор «побивали» революционеров составители безграмотных буржуазных и полицейских книжечек и которым теперь щеголяет Каутский. Левые противники Каутского отлично знают, что революцию нельзя «сделать», что революции вырастают из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории, что массы без организации лишены единой воли, что борьба с сильной, террористической, военной организацией централизованных государств—трудное и длительное дело. Массы не могли при измене их вождей в критическую минуту сделать ничего; а «горстки» этих вождей в полне могли и должны были голосовать против кредитов, выступать против «гражданского мира» и оправдания войны, высказываться за поражение своих правительств, налаживать международный аппарат для пропаганды братанья в траншеях, организовывать нелегальную литературу *), проповедующую необходимость перехода к революционным действиям, и т. д.

*) Между прочим. Для этого вовсе не обязательно было закрыть в се социал-демократические газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом,

Каутский превосходно знает, что «левые» в Германии имеют в виду именно такие или вернее подобные действия, и что прямо и открыто говорить о них они при военной цензуре не в состоянии. Желание во что бы то ни стало защитить оппортунистов доводит Каутского до беспримерной подлости, когда, прячась за спину военных цензоров, он приписывает левым явный вздор в уверенности, что цензора защитят его от разоблачения.

VII.

Серьезный научный и политический вопрос, который Каутский сознательно, путем всяческих уловок, обходил, доставляя этим громадное удовольствие оппортунистам, состоит в том, как могли виднейшие представители II Интернационала изменить социализму?

Вопрос этот мы должны ставить, разумеется, не в смысле личной биографии таких-то авторитетов. Будущие их биографы должны будут разобрать дело и с этой стороны; но социалистическое движение заинтересовано сейчас вовсе не в этом, а в изучении исторического происхождения, условий, значения и силы социал-шовинистского течения. 1) Откуда взялся социал-шовинизм? 2) что дало ему силу? 3) как с ним бороться? Только такая постановка вопроса серьезна, а перенесение дела на «личности» означает на практике простую увертку, уловку софиста.

Для ответа на первый вопрос надо рассмотреть, во-первых, не стоит ли идеино-политическое содержание социал-шовинизма в связи с каким-либо прежним течением в социализме? во-вторых, в каком отношении находится, с точки зрения фактических политических делений, теперешнее деление социалистов на противников и защитников социал-шовинизма к прежним, исторически предшествующим, делениям?

Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистской войне, оправдание союза

как сделал «Vorwärts», было подлостью и трусостью. «Vorwärts» политически умер, сделав это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они не партийные и не социал-демократические, а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т.-е. не политические газеты. Нелегальная социал-демократическая литература с оценкой войны и легальная рабочая без такой оценки, не говорящая неправды, но молчащая о правде,—почему бы это было невозможно?

социалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарско-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д. Совершенно очевидно, что основное идеино-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это—одно и то же течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914—1915 г.г. и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя притом к обычным факторам и стимулам ее целый ряд экстраординарных, принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилием: это обстоятельство, естественно, увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне объясняя переметывание многих вчерашних радикалов в этот лагерь.

Оппортунизм есть принесение в жертву временными интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давало им крохи от прибылей своего, национального, капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Империалистская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за привилегии великовладельческих наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса—вот естественное продолжение мелко-буржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней*). И, разу-

*) Несколько примеров того, как империалисты и буржуа высокочилят значение «великовладельческих» и национальных привилегий для раскачивания рабочих и отвлечения их от социализма. Английский империалист Люкас в сочинении: «Великий Рим и Великая Британия» (Оксфорд 1912) признает неполноправие краснокожих в современной Британской империи (стр. 96—97) и замечает: «в нашей Империи, когда белые рабочие работают рядом с краснокожими, они работают не как товарищи, а белый

меется, сила привычки, рутина сравнительно «мирной» эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверия в них—все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих оппортунизм и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы только на время, якобы только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями вырошенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила так сказать, с основным потоком оппортунизма много новых ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив.

Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва по-прежнему внутри социалистических партий стало невозможным.

Люди, не хотящие видеть самой тесной и неразрывной связи социал-шовинизма с оппортунизмом, ловят отдельные случаи и «казусы»—такой-то, де, оппортунист стал интернационалистом, а такой-то радикал—шовинистом. Но это—прямо-таки не серьезный довод в вопросе о развитии техений. Во-первых, экономическая основа шовинизма и оппортунизма в рабочем движении

рабочий является скорее надсмотрщиком краснокожего» (98).—Эрвин Бельгер, бывший секретарь имперского союза против социал-демократов, в брошюре: «Социал-демократия после войны» (1915) хвалит поведение социал-демократов, заявляя, что они должны стать «чисто рабочей партией» (43), «национальной», «немецкой рабочей партией» (45), без «интернациональных, утопических», «революционных» идей (44).—Немецкий империалист Сарториус фон Вальтерсхаузен в сочинении о помещении капитала за границей (1907) порицает немецких социал-демократов за игнорирование «национального блага» (438)—состоящего в захвате колоний—и хвалит английских рабочих за их «реализм», например, за их борьбу против иммиграции.—Немецкий дипломат Рюдорфер в книге об основах мировой политики подчеркивает общеизвестный факт, что интернационализация капитала нисколько не устраниет обостренной борьбы национальных капиталов за власть, влияние за «большинство акций» (161), и отмечает, что эта обостренная борьба втягивает рабочих (175). Книга помечена октябрём 1913 г., и автор с полнейшей ясностью говорит об «интересах капитала» (157), как причине современных войн, о том, что вопрос о «национальной тенденции» становится «гвоздем» социализма (176), что правительствам нечего бояться интернационалистских манифестаций социал-демократов (177), которые на деле становятся все национальнее (103, 110, 176). Международный социализм победит, если вырвет рабочих из-под влияния национальности, ибо одним насилием ничего не сделаешь, но он потерпит поражение, если национальное чувство возьмет верх (173—174).

одна и та же: союз немногочисленных верхних слоев пролетариата и мещанства, пользующихся крохами от привилегий «своего» национального капитала, против массы пролетариев, массы грудящихся и угнетенных вообще. Во-вторых, идеино-политическое содержание обоих течений одно и то же. В-третьих, в общем и целом старое, свойственное эпохе II Интернационала (1889—1914) деление социалистов на течение оппортунистическое и революционное соответствует новому делению на шовинистов и интернационалистов.

Чтобы убедиться в верности этого последнего положения, надо помнить правило, что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о массовых явлениях, а не об единичных случаях. Возьмите 10 европейских стран: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Францию, Бельгию. В 8 первых странах новое деление социалистов (по интернационализму) соответствует старому (по оппортунизму): в Германии крепость оппортунизма, журнал «Социалистический Ежемесячник» (*«Sozialistische Monatshefte»*), стала крепостью шовинизма. Идеи интернационализма поддержаны крайними левыми. В Англии в Британской Социалистической Партии около $\frac{3}{7}$ интернационалистов (66 голосов за интернациональную резолюцию против 84, по последним подсчетам), а в блоке оппортунистов (Рабочая Партия+Фабианцы+Независимая Рабочая Партия) менее $\frac{1}{7}$ интернационалистов *). В России основное ядро оппортунистов, ликвидаторская «Наша Заря», стало основным ядром шовинистов. Плеханов с Алексинским более шумят, но мы знаем хотя бы по опыту пятилетия 1910—1914, что они неспособны вести систематическую пропаганду в массах в России. Основное ядро интернационалистов в России—«правдизм» и Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция, как представитель передовых рабочих, воссоздавших партию в январе 1912 года ²²⁾.

В Италии партия Биссолати и К-о, чисто оппортунистическая, стала шовинистской. Интернационализм представлен р а-

) Обычно сравнивают однажды «Независимую Рабочую Партию» с «Британской Социалистической Партией». Это неправильно. Надо брать не организационные формы, а суть дела. Возьмите ежедневные газеты: их было две—одна («Daily Herald»*) у Британской Социалистической Партии, другая (*«Daily Citizen»*) у блока оппортунистов. Ежедневные газеты выражают фактическую работу пропаганды, агитации, организации.

бочей партии. Массы рабочих за эту партию; оппортунисты, парламентарии, мелкие буржуа за шовинизм. В Италии можно было в течение ряда месяцев свободно делать выбор, и выбор сделан был не случайно, а сообразно с различием классового положения массовика-пролетария и мелко-буржуазных слоев.

В Голландии оппортунистическая партия Трульстры мирится с шовинизмом вообще (не надо давать себя в обман тем, что в Голландии мелкие буржуа, как и крупные, особенно ненавидят Германию, способную скорее всего «проглотить» их). Последовательных, искренних, горячих, убежденных интернационалистов дала марксистская партия с Гортером и Паннекуком во главе. В Швеции оппортунистский вождь Брантинг возмущается обвинением немецких социалистов в измене, а вождь левых Хёглунд заявляет, что среди его сторонников есть люди, которые именно так смотрят (см. «Социал-Демократ» № 36). В Болгарии противники оппортунизма, «тесняки», печатно обвиняют германских социал-демократов в своем органе («Новом Времени»), в «створении пакости». В Швейцарии сторонники оппортуниста Грейлиха склонны оправдывать немецких социал-демократов (см. их орган, цюрихское «Народное Право»), а сторонники гораздо более радикального Р. Гrimma создали из бернской газеты («Berner Tagwacht») орган немецких левых. Исключением являются только две страны из 10, Франция и Бельгия, при чем и здесь мы наблюдаем собственно не отсутствие интернационалистов, а чрезмерную (отчасти по причинам вполне понятным) слабость и придавленность их; не забудем, что сам Вальян признавался в «L'Humanité» в получении им от своих читателей писем интернационалистского направления, из коих он ни одного не напечатал полностью!

В общем и целом, если брать течения и направления, нельзя не признать, что именно оппортунистское крыло европейского социализма предало социализм и ушло к шовинизму. Откуда взялась его сила, его кажущееся всесилие в официальных партиях? Каутский, который очень хорошо умеет ставить исторические вопросы, особенно когда речь идет о древнем Риме и тому подобных, не слишком близких к живой жизни материях,—теперь, когда дело коснулось его самого, лицемерно прикидывается, будто не понимает этого. Но дело яснее ясного. Гигантскую силу оппортунистам и шовинистам дал их союз с буржуазией, правительствами и генеральными штабами. У нас в России очень

часто забывают об этом и смотрят на дело так, что оппортунисты—часть социалистических партий, что всегда были и будут два крайние крыла в этих партиях, что все дело в избежании «крайностей» и т. д. и т. п., как пишут во всех филистерских прописях.

В действительности формальная принадлежность оппортунистов к рабочим партиям нисколько не устраниет того, что они являются—объективно—политическим отрядом буржуазии, проводниками ее влияния, агентами ее в рабочем движении. Когда геростратовски знаменитый оппортунист Зюдекум наглядно продемонстрировал эту социальную, классовую истину, многие добрые люди ахнули. Французские социалисты и Плеханов стали показывать пальцами на Зюдекума,—хотя стоило бы Вандервельде, Самба и Плеханову взглянуть в зеркало, чтобы увидать и м е н и о З ю д е к у м а, с чуточку иным национальным обличием. Немецкие цекисты (Vorstand), которые хвалят Каутского и которых хвалит Каутский, поспешили осторожно, скромно и вежливо заявить (не называя Зюдекума), что они «несогласны» с линией Зюдекума.

Это смешно, ибо на деле в практической политике германской социал-демократической партии один Зюдекум оказался в решающий момент сильнее сотни Гаазе и Каутских (как одна «Наша Заря» сильнее всех течений Брюссельского блока, боявшихся раскола с ней).

Почему? Да именно потому, что за спиной Зюдекума стоит буржуазия, правительство и генеральный штаб великой державы. Политику Зюдекума они поддерживают тысячами способов, а политику его противников пресекают всеми средствами вплоть до тюрьмы и расстрела. Голос Зюдекума разносится буржуазной печатью в миллионах экземпляров газет (как и голос Вандервельде, Самба, Плеханова), а голоса его противника н е л ь з я услышать в легальной печати, ибо на свете есть военная цензура!

Все соглашаются, что оппортунизм—не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи. Но не все вдумываются в значение этой истины. Оппортунизм выращен легализмом. Рабочие партии эпохи 1889—1914 годов должны были использовать буржуазную легальность. Когда наступил кризис, надо было перейти к нелегальной работе (а такой переход невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью,

соединенными с целым рядом военных хитростей). Чтобы помешать этому переходу, достаточно одного Зюдекума, ибо за него весь «старый мир», говоря историко-философски,—ибо он, Зюдекум, всегда выдавал и всегда выдаст буржуазии все военные планы ее классового врага, говоря практически-политически.

Это—факт, что вся немецкая социал-демократическая партия (и то же относится к французам и так далее) делает только то, что приятно Зюдекуму, или что может быть терпимо Зюдекумом. Ничего иного нельзя делать легально. Все, что делается честного, действительно социалистического, в германской социал-демократической партии, делается против ее центров, в обход ее Центрального Комитета и Центрального Органа, делается с нарушением организационной дисциплины, делается фракционно от имени анонимных новых центров новой партии, как анонимно, например, возвзание немецких «левых», напечатанное в «Berger Tagwacht» от 31 мая т. г. Фактически растет, крепнет, организуется новая партия, действительно рабочая, действительно революционно-социал-демократическая, а не старая, гнилая, национал-либеральная партия Легина-Зюдекума-Каутского-Гаазе-Шейдемана и Ко *).

Поэтому такую глубокую историческую правду выболтал нечаянно оппортунист Monitor в консервативном «Прусском Ежегоднике», когда заявил, что оппортунистам (читай: буржуазии) вредно было бы, если бы теперешняя социал-демократия поправела, — ибо тогда рабочие ушли бы от нее.

---

*) Крайне характерно то, что произошло перед историческим голосованием 4 августа. Официальная партия набросила на это покрывало казенного лицемерия: большинство решило и все голосовали, как один человек, за. Но Штребель в журнале «Die Internationale» разоблачил лицемерие и рассказал правду. В социал-демократической фракции было две группы, пришедшие с готовым ultimatum, т.-е. с фракционным, т.-е. с раскольническим решением. Одна группа, оппортунистов, около 30 человек, решила во всяком случае голосовать за; другая, левая, около 15 человек, решила—менее твердо—голосовать против. Когда не имеющий никакой твердой позиции «центр» или «болото» голоснул с оппортунистами, левые оказались разбитыми наголову и... подчинились! «Единство» германской социал-демократии есть сплошное лицемерие, прикрывающее фактически неизбежное подчинение ultimatum оппортунистов.

Оппортунистам (и буржуазии) нужна именно теперешняя партия, соединяющая правое и левое крыло, официально представляемая Каутским, который все на свете сумеет примирить гладкими и «совсем-марксистскими» фразами. На словах социализм и революционность—для народа, для массы, для рабочих; на деле—зюдекумовщина, т.-е. присоединение к буржуазии в момент всякого серьезного кризиса. Мы говорим: в сякого кризиса, ибо не только по случаю войны, но и по случаю всякой серьезной политической стачки и «феодальная» Германия, и «свободно-парламентарная» Англия или Франция не мелено введут, под тем или иным названием, военные положения. В этом не может сомневаться ни один человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти.

Отсюда вытекает ответ на поставленный выше вопрос: как бороться с социал-шовинизмом. Социал-шовинизм есть оппортунизм, настолько созревший, настолько окрепнувший и обнаглевший за длинную эпоху сравнительно «мирного» капитализма, настолько определившийся идеино-политически, настолько тесно сблизившийся с буржуазией и правительствами, что не льзя мириться с нахождением такого течения внути социал-демократических рабочих партий. Если можно еще мириться с тонкими и слабыми подошвами, когда ходить приходится по культурным тротуарам маленького провинциального города, то нельзя обойтись без толстых подбитых гвоздями подошв, идя в горы. Социализм в Европе вышел из стадии сравнительно мирной и ограниченной тесными национальными пределами. Он вошел с войной 1914—1915 г.г. в стадию революционных действий, и полный разрыв с оппортунизмом, изгнание его из рабочих партий назрели безусловно.

Разумеется, из этого определения задач, которые ставит перед социализмом новая эпоха его мирового развития, не вытекает еще непосредственно, с какой именно быстротой и в каких именно формах пойдет в отдельных странах процесс отделения рабочих революционно-социал-демократических партий от мелко-буржуазно-оппортунистических. Но отсюда вытекает необходимость ясно сознать, что такое отделение неизбежно, и именно под этим углом зрения направлять всю политику рабочих партий. Война 1914—1915 г.г. есть такой великий перелом истории, что отношение к оппортунизму не может остаться старым. Нельзя сделать небывшим того, что было, и нельзя вычеркнуть ни из

сознания рабочих, ни из опыта буржуазии, ни из политических приобретений нашей эпохи вообще, того факта, что оппортунисты в момент кризиса оказались ядром тех элементов внутри рабочих партий, которые перешли на сторону буржуазии. Оппортунизм—если говорить в обще-европейском масштабе—был, так сказать, в юношеском состоянии до войны. С войной он окончательно возмужал, и его нельзя сделать опять «невинным» и юным. Созрел целый общественный слой парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения, привилегированных служащих и некоторых прослоек пролетариата, который с россия со своей национальной буржуазией и которого вполне сумела оценить и «приспособить» эта буржуазия. Ни повернуть назад, ни остановить колеса истории нельзя—можно и должно безбоязненно итти вперед, от приготовительных, легальных, плененных оппортунизмом, организаций рабочего класса к революционным, умеющим не ограничиваться легальностью, способным обезопасить себя от оппортунистской измены, организациям пролетариата, вступающего в «борьбу за власть», в борьбу за свержение буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неправильно смотрят на дело те, кто ослепляет свое сознание и сознание рабочих вопросом, как быть с такими-то виднейшими авторитетами II Интернационала, с Гэдом, Плехановым, Каутским и т. д. В действительности тут нет никакого вопроса: если эти лица не поймут новых задач, им придется остаться в стороне, или пребывать в пленах у оппортунистов, в каком они находятся в данное время. Если эти лица освободятся из «плена», едва ли встретятся политические препятствия к их возвращению в лагерь революционеров. Во всяком случае нелепо заменять вопрос о борьбе течений и смене эпох рабочего движения вопросом о роли отдельных лиц.

VIII.

Легальные массовые организации рабочего класса являются едва ли не важнейшим отличительным признаком социалистических партий эпохи II Интернационала. В германской партии они были всего сильнее, и здесь война 1914—1915 г.г. создала перелом всего более острый, поставила вопрос всего более ребром. Ясно, что переход к революционным действиям означал распуск легальных организаций полицией, и старая партия, от

Легина до Каутского включительно, принесла в жертву революционные цели пролетариата сохранению теперешних легальных организаций. Сколько бы ни отрицали этого, факт налицо. За чечевичную похлебку теперешним полицейским законом разрешенных организаций продали право пролетариата на революцию.

Возьмите брошюру Карла Легина, вождя социал-демократических профессиональных союзов Германии: «Почему чиновники профессиональных союзов должны принимать больше участия во внутренней жизни партии?» (Берлин 1915). Это—доклад, прочитанный автором 27 января 1915 года перед собранием чиновников профессионального движения. Легин прочитал в своем докладе и перепечатал в брошюре один интереснейший документ, который иначе никогда не пропустила бы военная цензура. Этот документ—так называемый «материал для референтов округа Нидербарним» (предместья Берлина)—есть изложение взглядов левых немецких социал-демократов, их протест против партии. Революционные социал-демократы—говорится в этом документе—не предвидели и не могли предвидеть одного фактора, именно:

«Что вся организованная сила германской социал-демократической партии и профессиональных союзов встала на сторону ведущего войну правительства, вся эта сила была употреблена в целях подавления революционной энергии масс» (стр. 34 брошюры Легина).

Это—безусловная правда. Правда и следующее утверждение того же документа:

«Голосование социал-демократической фракции 4 августа означало, что другой взгляд, даже если бы он глубоко коренился в массах, мог бы проложить себе дорогу только не под руководством испытанной партии, а лишь против воли партийных инстанций, лишь под условием преодоления сопротивления партии и профессиональных союзов» (Там же).

Это безусловная истина.

«Если бы социал-демократическая фракция 4 августа выполнила свой долг, тогда, вероятно, внешняя форма организации была бы уничтожена, но дух остался бы, тот дух, который одушевлял партию во время исключительного закона и помог ей преодолеть все трудности» (Там же).

В брошюре Легина отмечается, что та компания «вождей», которую он собрал слушать свой доклад и которая называется

руководителями, чиновниками профессиональных союзов, х о х о т а л а, слушая это. Им с м е ш н а мысль о том, что можно и должно создать нелегальные (как при исключительном законе) революционные организации в момент кризиса. А Легин, как вернейший сторожевой пес буржуазии, бил себя в грудь и восклицал:

«Это — явно анархическая мысль: взорвать организации, чтобы вызвать решение вопроса массами. Для меня нет никакого сомнения, что эта идея анархическая».

«Верно!» кричали хором (там же, стр. 37) лакеи буржуазии, именующие себя вождями социал-демократических организаций рабочего класса.

Поучительная картина Люди развернуты и отуплены буржуазной легальностью до того, что не могут даже понять мысли о необходимости д р у г и х организаций, н е л е г а л ь н ы х, для руководства революционной борьбой. Люди дошли до того, что вообразили себе, будто легальные союзы, по полицейским разрешениям существующие, есть предел, его же не прейдеши,—будто мыслимо вообще с о х р а н е н и е таких союзов в эпоху кризиса, как р у к о в о д я щ и х союзов! Вот вам живая диалектика оппортунизма: простой рост легальных союзов, простая привычка туповатых, но добросовестных флистеров ограничиваться ведением конторских книг, привели к тому, что в момент кризиса эти добросовестные мещане оказались предателями, изменниками, д у ш и т е л я м и революционной энергии масс. И это не случайность. Перейти к революционной организации необходимо, этого требует изменившаяся историческая ситуация, этого требует эпоха революционных действий пролетариата,—но переход этот возможен только через г о л о в ы старых вождей, душителей революционной энергии, через г о л о в у старой партии, путем разрушения ее.

А контр-революционные мещане, разумеется, вопят: «анархизм»,—как оппортунист Эд. Давид вопил об «анархизме», разнося Карла Либкнехта. Честными социалистами остались, видимо, в Германии лишь те вожди, которых оппортунисты бранят за анархизм...

Возьмем современное войско. Вот—один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она—г и б к а, умея вместе с тем миллионам людей давать е д и н у ю в о л ю. Сегодня эти миллионы сидят у себя по до-

мам в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации— и они собирались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут на штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячась от пули и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Сегодня их передовые отряды кладут мины под землей, завтра они передвигаются на десятки верст по указаниям летчиков над землей. Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы.

То же самое относится к борьбе рабочего класса против буржуазии. Сегодня нет на-лицо революционной ситуации, нет условий для брожения в массах, для повышения их активности, сегодня тебе дают в руки избирательный бюллетень—бери его, умей организоваться для того, чтобы бить им своих врагов, а не для того, чтобы проводить в парламент на теплые местечки людей, цепляющихся за кресло из боязни тюрьмы. Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, тебе дали в руки ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку,—бери эти оружия смерти и разрушения, не слушай сантиментальных нытиков, боящихся войны; на свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса, и, если в массах нарастает злоба и отчаяние, если на-лицо революционная ситуация, готовься создать новые организации и пустить в ход столь полезные орудия смерти и разрушения против своего правительства и своей буржуазии.

Это не легко, слов нет. Это потребует трудных подготовительных действий. Это потребует тяжелых жертв. Это—новый вид организации и борьбы, которому тоже надо научиться, а наука не дается без ошибок и поражений. Этот вид классовой борьбы относится к участию в выборах, как штурм относится к маневрам, маршам или к лежанию в траншеях. Этот вид борьбы становится в истории на очередь дня очень нечасто, — зато его значение и его последствия простираются на десятилетия. Тедни, когда можно и должно поставить в порядок борьбы такие приемы ее, равняются двадцатилетиям других исторических эпох.

..Сопоставьте с К. Легиным К. Каутского.

«Пока партия была мала,— пишет он,— всякий протест против войны действовал в пропагандистском отношении, как мужественный поступок... поведение русских и сербских товарищей в последнее время встретило всеобщее признание. Чем сильнее становится партия, тем больше переплетаются в мотивах ее решений пропагандистские соображения с учетом практических последствий, тем труднее становится отдать должное в равной мере мотивам обоего рода, а между тем нельзя пренебрегать ни теми ни другими. Поэтому, чем сильнее мы становимся, тем легче возникают разногласия между нами при всякой новой, сложной ситуации» («Интернациональность и война», стр. 30).

От Легиновских рассуждений эти рассуждения Каутского отличаются только лицемерием и трусостью. Каутский, по сути дела, поддерживает и оправдывает подлое отречение Легинов от революционной деятельности, но делает это исподтишка, не высказываясь определенно, отделяясь намеками, ограничиваясь поклонами и в сторону Легина, и в сторону революционного поведения русских. Такое отношение к революционерам мы, русские, привыкли встречать только у либералов: либералы всегда готовы признать «мужество» революционеров, но вместе с тем ни за что не откажутся они от своей архи-оппортунистической тактики. Революционеры, уважающие себя, не примут «выражения признательности» от Каутского, а отвергнут с негодованием подобную постановку вопроса. Если на-лицо не было революционной ситуации, если не обязательно было проповедывать революционные действия, тогда поведение русских и сербов не в е р и о, тогда их тактика неправильна. Пусть же такие рыцари, как Легин и Каутский, имеют хоть мужество своего мнения, пусть скажут это прямо.

Если же заслуживает «признания» тактика русских и сербских социалистов, тогда непозволительно, преступно оправдывать пр о т и в о п о л о ж н у ю тактику «сильных» партий, немецкой и французской и т. д. Посредством намеренно неясного выражения: «практические последствия», Каутский прикрыл ту простую истину, что большие и сильные партии и спугали съ роспуска их организаций, захвата их касс, ареста их вождей правительством. Это значит, что Каутский оправдывает измену социализму соображением о неприятных «практических

последствиях» революционной тактики. Разве это не проституирование марксизма?

Нас арестовали бы—заявил, говорят, на рабочем собрании в Берлине один из голосовавших 4 августа за кредиты социал-демократических депутатов. А рабочие кричали ему в ответ: «ну, что же тут было бы дурного?»

Если нет другого сигнала для передачи рабочим массам и Германии и Франции революционного настроения и мысли о необходимости готовить революционные действия, то арест депутата за смелую речь сыграл бы полезную роль, как призывный клич для обединения в революционной работе пролетариев разных стран. Такое объединение нелегко: тем обязательнее было именно стоящим наверху, видящим всю политику, депутатам взять на себя почин.

Не только при войне, но, безусловно, при всяком обострении политического положения, не говоря уже о каких-либо революционных действиях масс, правительство самой свободной буржуазной страны всегда будет грозить расщеплением легальных организаций, захватом касс, арестом вождей и прочими такого же рода «практическими последствиями». Как же быть? Оправдывать ли на этом основании оппортунистов, как делает Каутский? Но это значит освящать превращение социал-демократических партий в национал-либеральные рабочие партии.

Для социалиста вывод может быть только один: чистый легализм, только-легализм «европейских» партий изжил себя и превратился, в силу развития капитализма доимпериалистической стадии, в основу буржуазной рабочей политики. Необходимо дополнить его созданием нелегальной базы, нелегальной организации, нелегальной социал-демократической работы, не сдавая при этом ни единой легальной позиции. Как именно это сделать,—покажет опыт, была бы охота вступить на этот путь, было бы сознание необходимости его. Революционные социал-демократы России в 1912—1914 г.г. показали, что эта задача разрешима. Рабочий депутат Муранов, лучше других державшийся на суде и отправленный царизмом в Сибирь, показал наглядно, что кроме парламентаризма министерия белльно (от Гендерсона, Самба, Вандервельде до Зюдекума и Шейдемана, которые тоже «министериабельны» вполне и вполне, их только дальше передней не пускают!) есть еще парламентаризм нелегальный и революционный. Пусть Коссов-

ские и Потресовы восхищаются «европейским» парламентаризмом лакеев или мирятся с ним,—мы не устанем твердить рабочим, что такой легализм, такая социал-демократия Легинов, Каутских, Шейдеманов заслуживает лишь презрения.

IX.

Подведем итоги.

Крах II Интернационала выразился всего рельефнее в во-пиющей измене большинства официальных социал-демократических партий Европы своим убеждениям и своим торжественным резолюциям в Штуттгарте и Базеле. Но этот крах, означающий полную победу оппортунизма, превращение социал-демократических партий в национал-либеральные рабочие партии, есть лишь результат всей исторической эпохи II Интернационала, конца XIX и начала XX века. Объективные условия этой эпохи—переходной от свержения в Западной Европе буржуазных и национальных революций к началу социалистических революций—порождали и питали оппортунизм. В одних странах Европы мы наблюдаем за это время раскол в рабочем и социалистическом движении, идущий—в общем и целом—именно по линии оппортунизма (Англия, Италия, Голландия, Болгария, Россия), в других—длительную и упорную борьбу течений по той же линии (Германия, Франция, Бельгия, Швеция, Швейцария). Кризис, созданный великой войной, сорвал покровы, отмел условности, вскрыл нарыв, давно уже назревший, и показал оппортунизм в его истинной роли, как союзника буржуазии. Полное, организационное, отделение от рабочих партий этого элемента стало необходимым. Империалистская эпоха не мирится с существованием в одной партии передовиков революционного пролетариата и полумещанской аристократии рабочего класса, пользующейся крохами от привилегий «великодержавного» положения «своей» нации. Старая теория об оппортунизме, как «законном оттенке» единой, чуждой «крайностей», партии превратилась теперь в величайший обман рабочих и величайшую помеху рабочему движению. Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и проч. Виднейший пред-

ставитель этой теории и вместе с тем виднейший авторитет II Интернационала, Каутский, проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле проституирования марксизма. В миллионной немецкой партии не осталось сколько-нибудь честных и сознательных и революционных социал-демократов, которые бы не отворачивались с негодованием от такого «авторитета», пылко защищаемого Зюденумами и Шейдеманами.

Пролетарские массы, от которых, вероятно, около $\frac{9}{10}$ старого руководительского слоя отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры. Но объективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 года с «гапонадой», когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель, выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата.⁶ Нельзя знать, разовьется ли могучее революционное движение вскоре после этой войны, во время нее и т. п., но во всяком случае только работа в этом направлении заслуживает названия социалистической работы. Лозунгом, обобщающим и направляющим эту работу, помогающим объединению и сплочению тех, кто хочет помогать революционной борьбе пролетариата против своего правительства и своей буржуазии, является лозунг гражданской войны.

В России полное отделение революционно-социал-демократических пролетарских элементов от мелко-буржуазно-оппортунистических подготовлено всей историей рабочего движения. Самую плохую услугу ему оказывают те, кто отмахивается от этой истории и, декламируя против «фракционности», лишает себя возможности понять действительный процесс образования пролетарской партии в России, складывающейся в многолетней борьбе с различными видами оппортунизма. Из всех «великих» держав, участвующих в теперешней войне, Россия одна только в последнее время пережила революцию: ее буржуазное содержание, при решающей роли пролетариата, не могло не породить раскола буржуазных и пролетарских течений в рабочем движении.

В течение всего приблизительно двадцатилетнего (1894—1914) периода, который российская социал-демократия просуществовала, как организация, связанная с массовым рабочим движением (а не только в виде идейного течения 1883—1894 г.г.), шла борьба пролетарски-революционных и мелко-буржуазно-оппортунистических течений. «Экономизм» эпохи 1894—1902 гг. был, несомненно, течением последнего рода. Целый ряд аргументов и черт его идеологии—«струвистское» извращение марксизма, ссылки на «массу» в оправдание оппортунизма и т. д.—поразительно напоминают теперешний, опошленный, марксизм Каутского, Кунова, Плеханова и проч. Было бы очень благодарной задачей напомнить теперешнему поколению социал-демократии старую «Рабочую Мысль» и «Рабочее Дело» в параллель с теперешним Каутским.

«Меньшевизм» следующего (1903—1908) периода был непосредственным, не только идейным, но и организационным, преемником «экономизма». Во время русской революции он проводил тактику, объективно означавшую зависимость пролетариата от либеральной буржуазии и выражавшую мелко-буржуазные оппортунистические тенденции. Когда в следующий за тем период (1908—1914) главный поток меньшевистского течения породил ликвидаторство,—это классовое значение данного течения стало настолько очевидным, что лучшие представители меньшевизма все время протестовали против политики группы «Нашей Зари». А эта группа,—единственная, которая вела прорыв в революционно-марксистской партии рабочего класса систематическую работу в массах за последние 5—6 лет,—оказалась в войне 1914—1915 г.г. социал-шовинистской! И это в стране, где живо самодержавие, где не завершена далеко еще буржуазная революция, где 43% населения угнетают большинство «инородческих» наций. «Европейский» тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция, и ничтожная доля рабочей аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного» положения «своей» нации, не мог не сказаться и в России.

К «интернационалистской», т.-е. действительно революционной и последовательно революционной, тактике рабочий класс и рабочая социал-демократическая партия России подготовлены всей своей историей.

P. S. Эта статья была уже набрана, когда в газетах появился «манифест» Каутского и Гаазе, вкупе с Бернштейном,

которые увидали, что массы левеют, и готовы теперь «помириться» с левыми—конечно, ценой сохранения «мира» с Зюдекумами. Поистине—Mädchen für alle!

«Коммунист» № 1—2

за 1915 год.

За подписью Н. Ленин.

Честный голос французского социалиста.

Во французской Швейцарии, где франкофильский шовинизм бешенствует немногим разве слабее, чем во Франции, раздался голос честного социалиста. В наше подлое время, это—целое событие. И нам тем более необходимо внимательнее прислушаться к этому голосу, что в данном случае мы имеем дело с социалистом типично французского—вернее: романского, ибо итальянцы, например, тоже таковы—темперамента и умонастроения.

Речь идет о маленькой брошюре Павла Голэя, редактора небольшой социалистической газеты в Лозанне. Автор прочел в этом городе 11 марта 1915 года реферат на тему: «Социализм умирающий и социализм, который должен возродиться» и переиздал его затем отдельно *).

«Первого августа 1914 года война вспыхнула. В течение недель, перед этой отныне знаменитой датой и после нее, миллионы людей ждали». Так начинает автор. Миллионы ждали, не поведут ли революций и заявления вождей социализма «к могучему восстанию, которое своим вихрем сметет преступные правительства». Но ожидания миллионов были обмануты. Мы пытались, говорит Голэй, «по-товарищески» оправдать социалистов «молниеносной неожиданностью войны», неосведомленностью, но эти оправдания нас не удовлетворяли. «Мы чувствовали себя не по себе, как будто бы наша совесть была погружена в грязную воду двусмысленности и лжи». Читатель может видеть уже отсюда, что Голэй—искренен. Качество, по нашим временам, почти необыкновенное.

Голэй вспоминает «революционную традицию» пролетариата. Вполне сознавая, что «для каждой ситуации необходимо подхо-

*) Paul Gоляу, «Le socialisme qui meurt et le socialisme qui doit renaître», Lausanne 1915, 22 страницы, цена 35 сантимов. En vente à l'Administration du «Grutleen», Maison du Peuple, Lausanne.

дящее действие», он напоминает: «для исключительных ситуаций нужны исключительные меры. Сильные болезни—сильные лекарства». Он напоминает «решения конгрессов», «которые прямо обращаются к массам и побуждают их к революционным и повстанческим действиям». Следуют цитаты соответственных мест Штуттгартской и Базельской резолюций. И автор подчеркивает, что «эти различные резолюции не содержат никакого рассуждения об оборонительной и наступательной войне, а, следовательно, не предлагают никакой особой, националистской, тактики в отмену общепризнанных основных принципов».

Дочитавши до этого места, читатель убеждается, что Голлэй—не только искренний, но и убежденный, честный социалист. Качество, видных деятелей II Интернационала, прямо уже исключительное!

«...Пролетариат поздравляли военные начальники, а буржуазная пресса восхваляла, в теплых выражениях, воскрешение того, что она называет «национальной душой». Это воскрешение стоит нам трех миллионов трупов.

«И однако—никогда рабочая организация не достигала такого большого числа платящих членов, никогда не было такого изобилия парламентариев, такой превосходной организации печати. Никогда не было также более гнусного дела, против которого следовало бы восстать.

«В столь трагических обстоятельствах, когда дело идет о существовании миллионов людей, все революционные действия не только допустимы, они—законны. Они более, чем законны, они—священны. Повелительный долг пролетариата требовал попытать невозможное, чтобы спасти наше поколение от событий, которые заливают кровью Европу.

«Не было ни энергичного поступка, ни попытка возмущения, ни действий, ведущих к восстанию...

«...Наши противники кричат о крахе социализма. Они чрезсчур торопятся. И однако, кто осмелился бы утверждать, что они во всех отношениях неправы? Что умирает в данный момент, это—не социализм вообще, а одна разновидность социализма, социализм сладенький, без духа идеализма, без страсти, с манерами чиновника и с брюшком серьезного отца семейства, социализм без смелости, без безумия, любитель статистики, ушедший по уши в полюбовные соглашения с капитализмом, социализм, занятый одниими только реформами, продавший за чечевичную похлебку свое

право первородства, социализм, который представляет из себя для буржуазии душителя народного нетерпения, своего рода автоматический тормоз пролетарских смелых действий.

«Вот этот-то социализм, грозивший заразить весь Интернационал, ответствен до известной степени за то бессиление, за ту импотентность, которые ставят нам в упрек».

В других местах брошюры Голэй говорит прямо о «реформистском социализме» и об «оппортунизме», как об извращении социализма.

Говоря об этом извращении, признавая «общую ответственность» пролетариата в с е х воюющих стран, подчеркивая, что «эта ответственность падает на голову вождей, которым масса оказала доверие и от которых она ждала лозунга», — Голэй вполне правильно берет за образец именно немецкий социализм, «лучше всего организованный, больше всего оформленный, больше всего напичканный доктриналии», и показывает «его численную силу, его революционную слабость».

«Одушевленная революционным духом, немецкая социал-демократия могла бы противопоставить милитаристским предприятиям достаточно определенное, достаточно упорное сопротивление, чтобы увлечь за собой, на этот единственный путь спасения, пролетариат других стран центральной Европы».

«...Немецкий социализм имел большое влияние в Интернационале. Он мог сделать больше всех. От него ждали наибольшего усиления. Но число есть ничто, если личная энергия парализована слишком сюровой дисциплиной или если «вожаки» употребляют свое влияние для получения наименьшего усилия». (Насколько правильна вторая часть фразы, настолько неверна первая: дисциплина вещь прекрасная и необходимая, — например, дисциплина партии, исключающей оппортунистов и противников революционного действия.) «Немецкий пролетариат, благодаря своим ответственным вождям, послушался голоса военной камарильи... другие отделы Интернационала испугались и поступили точно так же; во Франции двое социалистов сочли необходимым участвовать в буржуазном правительстве. И таким образом, несколько месяцев спустя после торжественного заявления на конгрессе, что социалисты считают преступлением стрелять друг в друга, миллионы рабочих вступили в войско и принялись совершать это преступление с такой настойчивостью, с таким увлечением, что капитали-

стическая буржуазия и правительства неоднократно выражали им свою признательность»

Но Голэй не ограничивается тем, что он беспощадно клеймит «социализм умирающий». Нет, он обнаруживает полное понимание того, чем порождено это умирание, и какой социализм должен притти на смену умирающему. «Рабочие массы каждой страны испытывают, в известной мере, влияние идей, распространенных в буржуазных кругах». «Когда Бернштейн под именем ревизионизма формулировал своего рода демократический реформизм», Каутский его «разгромил при помощи подходящих фактов». «Но, когда приличия были соблюдены, партия продолжала по-прежнему свою «реальную политику». Социал-демократическая партия стала тем, что она есть в настоящее время. Организация превосходная. Тело могучее, но душа из него ушла». Не только германская социал-демократия, но и все отделы Интернационала обнаруживают те же тенденции. «Растущее число чиновников» порождает определенные последствия; внимание устремляется только на правильность взносов; на стачки смотрят, «как на манифестации», имеющие целью добиться лучших условий соглашения с капиталистами. Привыкают связывать интересы рабочих с интересами капиталистов, «подчинять судьбу рабочего судьбе самого капитализма», «желать усиленного развития «своей» «национальной» промышленности в ущерб иностранной».

Р. Шмидт (Schmiedt), депутат рейхстага, писал в одной статье, что регулирование условий труда профессиональными союзами выгодно и капиталистам, ибо оно «вносит порядок и устойчивость в экономическую жизнь», «облегчает расчеты капиталистов и противодействует нечестной конкуренции».

«Итак,—восклицает Голэй, цитируя эти слова,—профессиональное движение должно считать честью для себя, что оно делает более устойчивыми прибыли капиталистов! Цель социализма состоит, должно быть, в том, чтобы в рамках капиталистического общества требовать максимум выгод, совместимых с существованием самого капиталистического режима? Если так, то перед нами—отречение от всех принципов. Пролетариат стремится не к укреплению капиталистического строя, не к получению минимальных условий в пользу наемного труда, а к устраниению строя частной собственности и к уничтожению системы наемного труда».

«...Секретари больших организаций становятся важными персонами. А в политическом движении депутаты, литераторы, уч-

ные, адвокаты, все, кто приносит, вместе с своей наукой, известное личное честолюбие, пользуются таким влиянием, которое представляет иногда **прямо опасность**.

«Могущественная организация профессиональных союзов и солидность их касс развила у их членов цеховый дух. Одна из отрицательных сторон профессионального движения, по существу своему реформистского, состоит в том, что оно улучшает положение наемных рабочих по отдельным слоям или прослойкам, ставя одну из них выше другой. Это разрушает основное единство и рождает у наилучше поставленных дух боязливости, заставляющий их иногда опасаться «движения», могущего быть роковым для их положения, для их кассы, для их актива. Таким образом создается своего рода разделение между различными разрядами пролетариата,—разрядами, искусственно создаваемыми самим профессиональным движением». Это не довод, конечно, против сильных организаций—говорит автор, предвидя, должно быть, придирики известного рода «критиков». Это доказывает лишь необходимость «души» в организациях, «энтузиазма».

«Каковы существенные черты, которыми должен отличаться социализм завтрашнего дня? Он будет интернациональным, не-примиримым и повстанческим».

«Непримиримость есть сила,—справедливо говорит Голэй, приглашая читателя бросить взгляд на «историю доктрин».—Когда они оказывались влиятельными? Тогда ли, когда они бывали приручены властями, или тогда, когда они бывали непримиримыми? Когда христианство потеряло свою ценность? Не тогда ли, когда Константин обещал ему доходы и предложил ему, вместо преследований и казней, общштое галунами платье придворных лакеев?..

«Один французский философ сказал: мертвые идеи суть те, которые являются в изящном одеянии, без терпкости, без смелости. Они мертвы, потому что они входят в всеобщее обращение и составляют часть обычного интеллектуального багажа великой армии филистеров. Сильные идеи—те, которые толкают и вызывают скандал, возбуждают негодование, гнев, раздражение у одних, энтузиазм у других». Напомнить эту истину автор считает необходимым современным социалистам, среди которых очень часто отсутствует всякая «горячность убеждения: ни во что не верят, ни в реформы, которые запаздывают, ни в революцию, которая все не приходит».

Непримиримость, готовность к восстанию «вовсе не ведет к мечтательности, а, напротив, ведет к действиям. Социалист не будет пренебрегать ни одной из форм деятельности. Он сумеет найти новые, сообразно потребностям и условиям момента... Он требует немедленных реформ, он добивается их не пререканиями с противником, он вырывает их, как уступку у буржуазии, которой внушиает страх полная энтузиазма и смелости масса».

После бесстыднейшего опошления марксизма и опозорения социализма Плехановым, Каутским и К-о поистине отдохнешь душой на брошире Голэя. У него приходится отметить лишь два следующие недостатка.

Во-первых, Голэй разделяет с большинством романских социалистов, не исключая и теперешних гэдистов, несколько невнимательное отношение к «доктрине», т.-е. теории социализма. Он чувствует к марксизму известное предубеждение, которое может быть объяснено, но не оправдано, современным господством злайшей карикатуры на марксизм у Каутского в «Neue Zeit» и у немцев вообще. Кто, подобно Голэю, сознал необходимость смерти социализма реформистского и в о з р о ж д е н и я социализма революционного, «повстанческого», т.-е. понимающего необходимость восстания, проповедующего его, способного серьезно готовиться к нему и готовить его, тот на деле в тысячу раз ближе к марксизму, чем те, наизусть знающие «тексты», господа, которые занимаются ныне (в «Neue Zeit», например) оправданием социал-шовинизма в какой бы то ни было форме—вплоть до той формы, что сейчас надо «мириться» с шовинистским Центральным Комитетом («Vorstand'ом») и не «вспоминать прошлого».

Но, как ни понятно, «по человечеству», пренебрежение марксизмом у Голэя, как ни много вины снимается здесь с него и падает на умирающее и ум е р ш е е направление французских марксистов (гэдистов), а все же вина есть. Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционных мыслей всех стран света. И такая теория выросла со 2-ой половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши

дни — в беспощадной борьбе против уродования ее Плехановым, Каутским и К-о.

Из невнимания к теории проистекает у Голэя ряд неверных или непродуманных выпадов, например, против централизма или дисциплины вообще, против «исторического материализма», который будто бы недостаточно «идеалистичен» и т. п. Отсюда же поразительная недоговоренность в вопросе о лозунгах. Например, требование, чтобы социализм стал «попстанческим», полно глубочайшего содержания и представляет из себя единственно правильную мысль, вне которой все фразы об интернационализме и революционности, о марксизме — сплошное педомыслие, а еще чаще лицемерие. Но эту идею, идею гражданской войны, надо было бы развить, сделать из нее центральный пункт тактики, а Голэй ограничился тем, что в *ы с *каза*л ее*. Это очень много «*го нынешним временам*», но это недостаточно, с точки зрения запросов революционной борьбы пролетариата. Например, Голэй узко ставит вопрос об «*ответе*» на войну революцией, если можно так выразиться. Он не учитывает, что, если на войну не сумели о *т в е т и т ь* революцией, то сама война стала учить и учит массы революции, создавая революционную ситуацию, углубляя и расширяя ее.

Второй недостаток у Голэя иллюстрируется всего нагляднее следующим рассуждением в его брошюре:

«Мы не порицаем никого. Интернационал, чтобы возродиться, нуждается в том, чтобы братский дух одушевлял все отделы его; но приходится заявить, что перед лицом великой задачи, которую возложила на него капиталистическая буржуазия в июле и августе 1914 года, реформистский, централизаторский (?) и иерархический социализм явил жалкое зрелище».

«Мы не порицаем никого»... В этом состоит ваша ошибка, товарищ Голэй! Вы сами признали, что «социализм умирающий» связан с буржуазными идеями (значит, его питает и поддерживает буржуазия), с определенным идеяным течением в социализме («реформизм»), с интересами и особым положением определенных слоев (парламентарии, чиновники, интеллигенция, некоторые наилучше поставленные слои или группы рабочих) и т. д. Из этого вытекает с *неизбежностью* вывод, которого вы не делаете. Физические лица «умирают» так называемой естественной смертью, но и *дейно-политические* течения так умирают, пока ее не свергнут,

так течение, питаемое и поддерживаемое буржуазией, выражающее интересы вступившей в союз с буржуазией группки интеллигентов и аристократии рабочего класса, не умрет, если его не «убить», т.-е. не свергнуть, не лишить всякого влияния на социалистический пролетариат. Это течение сильно именно своими связями с буржуазией, оно стало благодаря объективным условиям «мирной» эпохи 1871—1914 годов своего рода командующим, паразитическим слоем в рабочем движении.

Тут обязательно не только «порицать», но бить в набат, разоблачать беспощадно, свергать, «снимать с постов» этот паразитический слой, разрушать его «единство» с рабочим движением, ибо такое «единство» означает на деле единство пролетариата с национальной буржуазией и раскол интернационального пролетариата, единство лакеев и раскол революционеров

«Непримиримость есть сила»—справедливо говорит Голэй, требуя, чтобы «социализм, который должен возродиться», был непримиримым. Но не все ли равно для буржуазии, будет ли пролетариат примиренчествовать прямо с ней или косвенно через посредство ее сторонников, защитников, агентов в нутри рабочего движения, т.-е. оппортунистов? Последнее даже выгоднее для буржуазии, ибо обеспечивает ей более прочное влияние на рабочих!

Голэй тысячу раз прав, что есть социализм умирающий и социализм, который должен возродиться, но это умирание и это возрождение представляет из себя именно беспощадную борьбу с течением оппортунизма, не только идейную борьбу, но и удаление из рабочих партий этого уродливого народа, исключение из организаций определенных представителей этой, чужой пролетариату, тактики, полный разрыв с ними. Они не умрут ни физически, ни политически, но рабочие порвут с ними, столкнут их в яму прислужников буржуазии и на примере их гниения будут воспитывать новое поколение, вернее: новые армии пролетариата, способные на восстание.

«Коммунист» № 1—2
за 1915 год.
За подписью Н. Ленин.

Империализм и социализм в Италии.

(Заметка.)

Для освещения тех вопросов, которые поставила теперешняя империалистская война перед социализмом, небесполезно бросить взгляд на различные европейские страны, чтобы научиться отделять национальные видоизменения и частности общей картины от коренного и существенного. Со стороны, говорят, виднее. Поэтому, чем меньше сходство Италии с Россией, тем интереснее в некоторых отношениях сравнить империализм и социализм в обеих странах.

В настоящей заметке мы намерены лишь отметить материал, который дают по этому вопросу вышедшие после войны сочинения буржуазного профессора Роберта Михельса: «Итальянский империализм» и социалиста Т. Барбони: «Интернационализм или классовый социализм? (Итальянский пролетариат и европейская война)» *). Болтливый Михельс остался столь же поверхностным, как и в других своих сочинениях, едва коснувшись экономической стороны империализма, но в его книге собран ценный материал о происхождении итальянского империализма и о том переходе, который составляет сущность современной эпохи и который особенно наглядно выступает в Италии, именно: переходе от эпохи войн национально-освободительных к эпохе войн империалистско-грабительских и реакционных. Италия революционно-демократическая, т.-е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарibalди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи. Михельс, как и всякий порядочный профессор, считает, разумеется, свое услужничество перед буржуазией «научным объективизмом» и называет этот дележ добычи «дележом той части мира,

*) Roberto Michels, «L'imperialismo italiano», Milano 1914.— T. Barboni. «Internazionalismo o Nazionalismo di Classe? (il proletariato d'Italia e la guerra europea)»: Edito dall'autore a Campione d'Intelvi (provincia di Como) 1915.

которая еще осталась в руках слабых народов» (стр. 179). Пренебрежительно отвергая, как «утопическую», точку зрения тех социалистов, которые враждебны всякой колониальной политике, Михельс повторяет рассуждения людей, считающих, что Италия «должна была бы быть второй колониальной державой», уступая первенство лишь Англии, по густоте населения и силе эмиграционного движения. А что в Италии 40% населения безграмотны, что в ней доныне бывают холерные бунты и проч. и т. п., то этот аргумент опровергается ссылкой на Англию: разве она не была страной невероятного разорения, принижения, вымирания голодной смертью рабочих масс, алкоголизма и чудовищной нищеты и грязи в бедных кварталах городов в первой половине XIX века, когда английская буржуазия так успешно закладывала основы своего теперешнего колониального могущества?

И надо сказать, что с буржуазной точки зрения это рассуждение непререкаемо. Колониальная политика и империализм—вовсе не болезненные, исцелимые, уклонения капитализма (как думают филистеры и Каутский среди них), а неизбежное следствие самых основ капитализма: конкуренция между отдельными предприятиями ставит вопрос только так—разориться или разорить других; конкуренция между отдельными странами ставит вопрос только так—остаться на девятом месте и вечно рисковать судьбой Бельгии или разорять и покорять другие страны, проталкивая себе местечко среди «великих» держав.

Итальянский империализм прозвали «империализм бедняков (*l'imperialismo della povera gente*), имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету массы итальянских эмигрантов. Итальянский шовинист Артур Лабриола, который отличается от своего бывшего противника, Г. Плеханова, только тем, что немножко раньше него обнаружил свой социал-шовинизм и пришел к этому социал-шовинизму через мелко-буржуазный полуанархизм, а не через мелко-буржуазный оппортунизм, этот Артур Лабриола писал в своей книжке о триполитанской войне (в 1912 году):

«...Ясно, что мы боремся не только против турок,.. но и против интриг, угроз, денег и войск плутократической Европы, которая не может потерпеть, чтобы маленькие нации дерзнули совершить хоть один жест, сказать хоть одно слово, компрометирующее железную гегемонию ее» (стр. 22). А вождь итальянских националистов, Коррадини, заявлял: «Как социализм был ме-

тодом освобождения пролетариата от буржуазии, так национализм будет для нас, итальянцев, методом освобождения от французов, немцев, англичан, американцев севера и юга, которые по отношению к нам являются буржуазией».

Всякая страна, которая имеет больше «нашего» колоний, капиталов, войска, отнимает у «нас» известные привилегии, известную прибыль или сверхприбыль. Как среди отдельных капиталистов получает сверхприбыль тот, кто имеет машины лучше среднего или обладает известными монополиями, так и среди стран получает сверхприбыль та, которая экономически поставлена лучше других. Дело буржуазии—бороться за привилегии и преимущества для своего национального капитала и надувать народ или простонародие (при помощи Лабриола и Плеханова), выдавая империалистскую борьбу ради «права» грабить других за национально-освободительную войну.

До триполитанской войны Италия не грабила—по крайней мере в больших размерах—других народов. Разве это не нестерпимая обида для национальной гордости? Итальянцы—в угнетении и в унижении перед другими нациями. Итальянская эмиграция составляла около 100.000 человек в год в 70-х годах прошлого века, а теперь достигает от половины до 1 миллиона, и все это нищие, которых гонят из своей страны прямо голод в самом буквальном значении слова, все это поставщики рабочей силы в наихудше оплачиваемых отраслях промышленности, вся эта масса населяет самые тесные, бедные и грязные кварталы американских и европейских городов. Число итальянцев, живущих за границей, с 1 миллиона в 1881 году поднялось до $5\frac{1}{2}$ миллиона в 1910 году, при чем громадная масса приходится на богатые и «великие» страны, по отношению к которым итальянцы являются самой грубой и «черной», нищей и бесправной рабочей массой. Вот главные страны, потребляющие дешевый итальянский труд: Франция—400 тысяч итальянцев в 1910 г. (240 тысяч в 1881 г.); Швейцария—135 тысяч (41)—(в скобках число тысяч в 1881 г.); Австрия—80 тысяч (40); Германия—180 тысяч (7); Соединенные Штаты—1.779 тысяч (170); Бразилия—1.500 тысяч (82); Аргентина—1.000 (254). «Блестящая» Франция, которая 125 лет тому назад боролась за свободу и по этому случаю называет «освободительной» свою теперешнюю войну за свое и английское рабовладельческое «право на колонии», эта Франция держит сотни тысяч итальянских рабочих, прямо-таки в особых гетто, от которых мелко-буржуазная

своловочь «великой» нации старается отгородиться как можно больше, которых она всячески старается унизить и оскорбить. Итальянцев зовут презрительной кличкой: «макароны» (пусть припомнит великорусский читатель, сколько презрительных кличек ходит в нашей стране по отношению к «инородцам», которые не имели счастья родиться с правом на благородные великодержавные привилегии, служащие для Пуришевичей орудием угнетения и великорусского, и всех других народов России). Великая Франция заключила в 1896 году договор с Италией, в силу которого эта последняя обязуется не увеличивать число итальянских школ в Тунисе! А итальянское население в Тунисе с тех пор увеличилось в шестеро. Итальянцев в Тунисе 105.000 против 35.000 французов, но из первых только 1.167 поземельные собственники, имеющие 83.000 гектаров, а из вторых 2.395, награбившие в своей колонии 700.000 гектаров. Ну, как же не согласиться с Лабриола и другими итальянскими «плехановцами» в том, что Италия имеет «право» на свою колонию в Триполи, на угнетение славян в Далмации, на раздел Малой Азии и т. д. *)!

Как Плеханов поддерживает «освободительную» войну России против стремления Германии превратить ее в свою колонию,

*) В высшей степени поучительно отметить связь между переходом Италии к империализму и согласием правительства на избирательную реформу. Реформа эта повысила число избирателей с 3.219.000 до 8.562.000, т.-е. «почти что» дала всеобщее избирательное право. До триполитанской войны тот же Джилиотти, проведший реформу, был решительно против нее. «Мотивировка перемены линии правительством» и умеренными партиями— пишет Михельс—была, по своему существу, патриотической. «Несмотря на старинное теоретическое отвращение к колониальной политике, промышленные рабочие, а еще больше чернорабочие, дрались против турок чрезвычайно дисциплинированно и послушно, вопреки всем предвидениям. Такое рабское по отношению к правительству поведение заслуживало награды, чтобы побудить пролетариат продолжать идти по этому новому пути. В парламенте председатель совета министров заявил, что итальянский рабочий класс своим патриотическим поведением на полях сражения в Ливии доказал перед родиной, что он достиг отныне самой высокой ступени политической зрелости. Кто способен жертвовать жизнью ради благородной цели, тот способен также защищать интересы родины в качестве избирателя и имеет поэтому право на то, чтобы государство считало его достойным всей иполноты политических прав» (стр. 177). Хорошо говорят итальянские министры! Но еще лучше немецкие «радикальные» социал-демократы, которые повторяют теперь это лакейское рассуждение: «мы» исполнили свой долг, помогали «вам» грабить чужие страны, а «вы» не хотите дать «нам» всеобщего избирательного права в Пруссии...

так вождь партии реформистов Леонид Биссолати вопиет против «нашествия иностранного капитала в Италии» (стр. 97): немецкий капитал в Ломбардии, английский в Сицилии, французский в Пияченцино, бельгийский в трамвайных предприятиях и т. д. и т. д. без конца.

Вопрос поставлен ребром, и нельзя не признать, что европейская война принесла человечеству гигантскую пользу, поставив его действительно ребром перед сотнями миллионов людей разных наций: либо защищать, ружьем или пером, прямо или косвенно, в какой бы то ни было форме, великодержавные и вообще национальные привилегии или преимущества или притязания «своей» буржуазии, и тогда это значит быть ее сторонником или лакеем; либо использовать всякую, и особенно вооруженную, борьбу за великодержавные привилегии для разоблачения и низвержения всякого, а прежде всего с воего правительства посредством революционных действий интернационально-солидарного пролетариата. Середины тут нет, или другими словами: попытка занять среднюю позицию означает на деле прикрытый переход на сторону империалистской буржуазии.

Вся книжка Барбони посвящена, в сущности, именно тому, чтобы прикрыть этот переход. Барбони корчит из себя интернационалиста совершенно так же, как наш г. Потресов, рассуждая, что надо с интернациональной точки зрения определить, успех какой стороны полезнее или безвреднее для пролетариата, и решая этот вопрос, разумеется, против... Австрии и Германии. Барбони вполне в духе Каутского предлагает итальянской социалистической партии торжественно провозгласить солидарность рабочих всех стран,—воюющих в первую голову, конечно,—интернационалистские убеждения, программу мира на основе разоружения и национальной независимости всех наций с образованием «лиги всех наций для взаимной гарантии неприкосновенности и независимости» (стр. 126). И как раз во имя этих принципов Барбони объявляет, что милитаризм—«паразитическое» явление в капитализме, а «вовсе не необходимое»; — что «милитаристским империализмом» пропитаны Германия и Австрия, что их агрессивная политика была «постоянно угрозой европейскому миру», что Германия «постоянно отвергала предложения об ограничении вооружений, делавшиеся Россией (sic!!) и Англией» и т. д. и т. д.—и что социалистическая партия Италии должна высказаться за вмешательство Италии в пользу троцкистского согласия в подходящий момент!

Остается неизвестным, в силу каких принципов можно предпочесть буржуазному империализму Германии, которая развивалась экономически в XX веке быстрее остальных европейских стран и которая особенно «обижена» при разделе колоний,—буржуазный империализм Англии, развивающейся гораздо медленнее, заграбившей бездну колоний, применяющей там (вдали от Европы) зачастую не менее зверские приемы подавления, чем немцы, и занимающей на свои миллиарды миллионные войска различных континентальных держав для грабежа Австрии и Турции и пр. Интернационализм Барбони сводится в сущности, как и у Каутского, к словесной защите социалистических принципов, а под прикрытием этого лицемерия проводится на деле защита своей, итальянской буржуазии. Нельзя не отметить, что Барбони, издавший свою книгу в свободной Швейцарии (цензура которой заклеила только половину одной строки, на стр. 75, повидимому, посвященной критике Австрии), на прстяжении всех 143 страниц не пожелал привести основных положений Базельского манифеста и добросовестно разобрать их. Зато двух русских бывших революционеров, которых рекламирует теперь вся франкофильская буржуазия, мещанина от анархизма, Кропоткина, и филистера от социал-демократизма, Плеханова, наш Барбони цитирует с глубоким сочувствием (стр. 103). Еще бы! Софизмы Плеханова ничем, по сути дела, не отличаются от софизмов Барбони. Только политическая свобода в Италии лучше срывает покровы с этих софизмов, яснее разоблачает истинную позицию Барбони, как агента буржуазии в рабочем лагере.

Барбони жалеет об «отсутствии истинного и настоящего революционного духа» в германской социал-демократии (совсем как Плеханов); он горячо приветствует Карла Либкнехта (как приветствуют его французские социал-шовинисты, не видящие бревна в своем глазу); но он решительно заявляет, что «не может быть и речи о банкротстве Интернационала» (стр. 92), что немцы «не изменили духу Интернационала» (стр. 111), поскольку они действовали в «добропорядочном» убеждении, что защищают отчество. И Барбони в том же елейном духе, как и Каутский, только с романским краснобайством заявляет, что Интернационал готов (после победы над Германией...) «простить немцам, как Христос простил Петру минуту недоверия, залечить забвением глубокие раны, нанесенные милитаристским империализмом, и протянуть руку для достойного и братского мира» (стр. 113).

Умилильная картина: Барбони и Каутский—не без участия, вероятно, наших Коссовского и Аксельрода—прощают друг друга!!

Вполне довольный Каутским и Гэдом, Плехановым и Кропоткиным, Барбони не доволен своей социалистической, рабочей, партией в Италии. В этой партии, которая имела счастье еще до войны избавиться от реформистов Биссолати и К-о, создана, видите ли, такая «атмосфера, что нельзя дышать» (стр. 7) тем, кто (подобно Барбони) не разделяет лозунга «абсолютной нейтральности» (т.-е. решительной борьбы с защитой вмешательства в войну со стороны Италии). Бедный Барбони горько плачется, что людей, подобных ему, называют в итальянской социалистической рабочей партии «интеллигентами», «людьми, потерявшими контакт с массами, выходцами из буржуазии», «людьми, сбившимися с прямого пути социализма и интернационализма» (стр. 7). Наша партия—возмущается Барбони—«более фанатизирует, чем воспитывает массы» (стр. 4).

Старый мотив! Итальянский вариант знакомого напева русских ликвидаторов и оппортунистов против «демагогии» злых большевиков, «натравливающих» массы на прекрасных социалистов из «Нашей Зари», О. К. и фракции Чхеидзе! Но какое ценное признание итальянского социал-шовиниста, что в единственной стране, где можно было несколько месяцев свободно обсуждать платформы социал-шовинистов и революционеров-интернационалистов, именно рабочие массы, именно создательный пролетариат встал на сторону последних, а мелкобуржуазные интеллигенты и оппортунисты на сторону первых.

Нейтральность есть узкий эгоизм, непонимание международной ситуации, есть подлость по отношению к Бельгии, есть «отсутствие»—а «отсутствующие всегда неправы», рассуждает Барбони вполне в духе Плеханова и Аксельрода. Но, так как в Италии две открытые партии, реформистская и социал-демократическая рабочая, так как в этой стране нельзя надувать публику, прикрывая наготу г.г. Потресовых, Череваниных, Левицких и К-о фиговым листком фракции Чхеидзе или О. К., то Барбони признается откровенно:

«С этой точки зрения я вижу больше революционности в действиях социалистов-реформистов, которые быстро поняли, какое громадное значение имело бы для будущей антикапиталистической борьбы это обновление политической обстановки» (вследствие по-

беды над германским милитаризмом), «и вполне последовательно встали на сторону тройственного согласия, чем в тактике официальных революционных социалистов, которые спрятались, точно черепаха, под щит абсолютной нейтральности» (стр. 81).

По поводу этого ценного признания нам остается лишь выразить пожелание, чтобы кто-либо из товарищей, знакомых с итальянским движением, собрал и систематически обработал громадный и интереснейший материал, данный в ум я п а р т и я м и Италии, по вопросу о том, какие общественные слои, какие элементы, при чьей помощи, какими аргументами защищали революционную политику итальянского пролетариата, с одной стороны, и лакейство перед итальянской империалистской буржуазией, с другой. Чем больше будет собрано такого материала в разных странах, тем яснее выступит перед сознательными рабочими истина о причинах и значении краха II Интернационала.

Заметим в заключение, что Барбони, имея перед собой рабочую партию, старается софистически подделаться под р е в о л ю ц и о н н ы е инстинкты рабочих. Он изображает социалистов-интернационалистов в Италии, враждебных войне, которая на д е л е ведется ради империалистских интересов итальянской буржуазии, сторонниками трусивого воздержания, эгоистического желания спрятаться от ужасов войны. «Народ, воспитанный в страхе перед ужасами войны, вероятно, испугается также и ужасов революции» (стр. 83). И рядом с этой омерзительной попыткой подыграться под революционеров—грубо-деляческая ссылка на «ясные» слова министра Саландры: «порядок будет охранен во что бы то ни стало» — попытка всеобщей стачки против мобилизации приведет лишь к «бесполезной бойне»; «мы не могли помешать войне либийской (триполитанской), еще менее сможем помешать войне с Австрией» (стр. 82).

Барбони, подобно Каутскому, Кунову и всем оппортунистам, сознательно, с самым подлым расчетом надуть кое-кого из массы, приписывает революционерам глупенький план «сразу» «сорвать войну» и дать себя перестрелять в наиболее удобный для буржуазии момент,—желая отговориться от ясно поставленной, в Штуттгарте и Базеле, задачи: использовать революционный кризис для систематической революционной пропаганды и подготовки революционных действий масс. А что Европа переживает революционный момент, это Барбони видит совершенно ясно:

«...Есть пункт, на котором я считаю необходимым настаивать, даже рискуя надоест читателю, ибо нельзя правильно оценить теперешней политической ситуации, не выяснив этого пункта: период, который мы переживаем, есть период катастрофический, период действия, когда дело идет не о выяснении идей, не о составлении программ, не об определении линии политического поведения для будущего, а о применении живой и активной силы для достижения результата на протяжении месяцев, а может быть даже только недель. При таких условиях речь идет не о том, чтобы философствовать о будущем пролетарского движения, а о том, чтобы закрепить точку зрения пролетариата перед лицом текущего момента» (стр. 87—88).

Еще один софизм с подделкой под революционность! 44 года после Коммуны, переживший почти полвека собирания и подготовки массовых сил, революционный класс Европы должен думать, в момент, когда она переживает катартический период, о том, как бы поскорее стать лакеем своей национальной буржуазии, помочь ей грабить, насиливать, разорять, покорять чужие народы, а не о том, чтобы развернуть в массовых размерах непосредственно революционную пропаганду и подготовку революционных действий.

«Коммунист» № 1—2
за 1915 год.
За подписью Н. Ленин.

Первый шаг.

Медленно движется вперед развитие интернационального социалистического движения в эпоху неимоверно тяжелого кризиса, вызванного войной. Но все же движется именно в сторону разрыва с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Международная Социалистическая Конференция в Циммервальде (Швейцария) 5—8 сентября 1915 года ясно показала это.

В течение целого года среди социалистов воюющих и нейтральных стран наблюдался процесс колебаний и выжиданий: боялись признаться самим себе в глубине кризиса, не хотели взглянуть прямо в лицо действительности, оттягивали тысячами способов неизбежный разрыв с господствующими в официальных партиях Западной Европы оппортунистами и каутскианцами.

Но та оценка событий, которую мы дали год тому назад в манифесте Центрального Комитета (№ 33 «Социал-Демократа» *), оказалась верна; события доказали ее правильность; события прошли именно таким путем, что на первой Международной Социалистической Конференции оказались представленными протестующие элементы меньшинства (Германии, Франции, Швеции и Норвегии), действующие в опреки решениям официальных партий, т.-е. фактически действующие раскольнически.

Итоги работы Конференции состоят в манифесте и в резолюции сочувствия арестованным и преследуемым. Оба эти документа напечатаны в этом номере «Социал-Демократа». Конференция отклонила 19 голосами против 12 сдачу в комиссию проекта резолюции, предложенного нами и другими революционными марксистами, а наш проект манифеста сдали в комиссию вместе с двумя другими для выработки общего манифеста. Читатель найдет в другом месте данного номера оба наши проекта, сличение которых с принятым манифестом явно указывает на то, что ряд основных мыслей революционного марксизма удалось провести.

Принятый манифест фактически означает шаг к идеиному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Но в то же время этот манифест, как покажет его разбор, страдает непоследовательностью и недоговоренностью.

Манифест объявляет войну империалистической, отмечая два признака этого понятия: стремление капиталистов к аждой нации к прибыли, к эксплоатации; стремление великих держав к разделу мира и к «порабощению» слабых наций. Самое существенное из того, что надо сказать об империалистическом характере войны и что сказано в нашей резолюции, здесь повторено. Манифест в этой своей части только популяризирует нашу резолюцию. Популяризация—вещь полезная, бесспорно. Но если мы хотим добиваться ясности мысли рабочего класса, если мы придаем значение систематической, упорной пропаганде, то надо точно и полно устанавливать те принципы, которые должны быть популяризены. Не делая этого, мы рискуем повторить именно ту ошибку, тот грех II Интернационала, который породил его крах, именно: мы оставляем место для двусмысленностей и кривотолков. Например, можно ли отрицать, что выраженная в резолюции мысль о зрелости объективных предпосылок социа-

*.) См. выше 5—12 стр. этого тома. Ред.

ализма имеет существенное значение? В «популярном» изложении манифеста она опущена; попытка соединить в одно ясную и точную принципиальную резолюцию с возвзванием не удалась.

«Капиталисты всех стран... утверждают, что война служит защите отечества... Они лгут...» Так продолжает манифест. Опять-таки это прямое объявление «ложью» основной идеи оппортунизма в данной войне, идеи «защиты отечества», есть повторение самой существенной мысли из резолюции революционных марксистов. И опять-таки получается обидная недоговоренность, какая-то робость, боязнь сказать всю правду. Кто же не знает теперь, после года войны, что действительной бедой для социализма явилось повторение и поддержка лжи капиталистов не только капиталистической печатью (на то она и капиталистическая, чтобы повторять ложь капиталистов), но и большей частью социалистической печати? Кто не знает, что не «ложь капиталистов» вызвала величайший кризис европейского социализма, а ложь Гэда, Гайндмана, Вандервельде, Плеханова, Каутского? Кто не знает, что ложь именно таких вождей доказала внезапно всю силу оппортунизма, увлекшего их с собой в решительный момент?

Посмотрите, что получается. Для популярности широким массам говорят, что идея обороны отечества в данной войне есть ложь капиталистов. Но ведь массы в Европе не безграмотны, и почти все, читающие манифест, слышали и слышат именно эту ложь от сотен социалистических газет, журналов, брошюр, повторяющих ее за Плехановым, Гайндманом, Каутским и К-о. Что же подумают читатели манифеста? Какие мысли придут им в голову от этого наглядного демонстрирования робости авторов манифеста? Не слушайтесь капиталистической лжи о защите отечества,—учит рабочий манифест. Хорошо. Почти все ответят или подумают про себя: ложь капиталистов нас давно перестала смущать, а вот ложь Каутского и К-о...

А дальше манифест повторяет еще одну существенную мысль нашей резолюции, говоря, что социалистические партии и рабочие организации разных стран «промышляют обязательства, вытекающие из решений конгрессов в Штуттгарте, Копенгагене, Базеле», что также не исполнило своего долга Международное Социалистическое Бюро, что это неисполнение долга состояло в голосовании кредитов, в участии в министерстве, в признании «гражданского мира» (манифест называет подчи-

чение ему рабским, т.-е. обвиняет Гэда, Плеханова, Каутского и К-о в замене проповеди социализма проповедью рабских идей).

Спрашивается, последовательно ли это: говорить в популярном манифесте о нарушении своего долга рядом партий—общеизвестно, что речь идет о сильнейших партиях и рабочих организациях всех самых передовых стран, Англии, Франции, Германии—и не давать объяснения этому поразительному, неслыханному и невиданному факту? Неисполнение своего долга большинством социалистических партий и самим Международным Социалистическим Бюро! Что же это? Случайность и крах отдельных лиц? Или это перелом целой эпохи? Если первое, если мы допускаем в массах подобную мысль, это равняется нашею отречению от основ социалистического учения. Если второе, как же можно не сказать об этом прямо? Всемирно-исторический момент, крах всего Интернационала, перелом целой эпохи, а мы боимся сказать массам, что надо искать и разыскать всю правду, что надо додумывать свои мысли до конца, что нелепо и смешно допускать предположение о крахе Международного Социалистического Бюро и ряда партий бе з связи этого явления с длительной историей возникновения, роста, созревания и перезревания общеевропейского оппортунистического течения, имеющего глубокие экономические корни, глубокие не в смысле неразрывной связи его с массами, а в смысле связи с определенным слоем общества.

Переходя к «борьбе за мир», манифест заявляет: «эта борьба есть борьба за свободу, за братство народов, за социализм»—и дальше поясняет, что на войне рабочие приносят жертвы «на службе господствующим классам», а надо уметь приносить жертвы «за свое дело» (дважды подчеркнуто в манифесте), «за священные цели социализма», а в резолюции о симпатии борцам, арестованным и преследуемым, говорится, что «Конференция торжественно обязуется чтить этих живых и умерших борцов п о д р а ж а н и е м их примеру, и что она ставит задачей «будить революционный дух в международном пролетариате».

Все эти мысли есть повторение той существенной мысли нашей резолюции, что борьба за мир бе з революционной борьбы есть пустая, лживая фраза, что единственный путь к избавлению от ужасов войны заключается в революционной борьбе за социализм. И опять недоговоренность, непоследовательность, робость: звать массы п о д р а ж а т ь революционным борцам, объявлять,

что пятеро осужденных на ссылку в Сибирь членов Р. С.-Д. Р. Фракции продолжали «славные революционные традиции России», провозглашать необходимость «будить революционный дух» и... не говорить прямо, открыто, определенно революционных средствах борьбы.

Следовало ли нашему Центральному Комитету подписывать страдающий непоследовательностью и робостью манифест? Мы думаем, что да. О нашем несогласии,—о несогласии не только Центрального Комитета, но всей левой, международной, революционной-марксистской части Конференции,—сказано открыто и в особой резолюции, и в особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест. Мы не скрыли ни иоты из своих взглядов, лозунгов, тактики. На конференции было раздано немецкое издание брошюры: «Социализм и война» *). Мы распространяли, распространяя и будем распространять наши взгляды не менее, чем будет распространяться манифест. Что этот манифест делает шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это факт. Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед вместе с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняя полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего **); было бы плохой военной тактикой отказаться итти вместе с растущим международным движением протesta против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает «только один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым Международным Социалистическим Бюро. Готовность мириться с оппортунистами есть пока только пожелание, не более. Согласятся ли оппортунисты на мир? Возможен ли он, объективно, между расходящимися все глубже и глубже течениями социал-шовинизма, каутсизма и революционного

---

*) См. выше 89—129 стр. этого тома. Ред.

**) А что «О. К.» и социал-революционеры подписали манифест, как дипломаты, сохраняя все свои связи—и в свою связность—с «Нашей Зарей», Рубановичем и ильской (1915 г.) конференцией народных социалистов и социал-революционеров в России,—это нас не пугает. Мы имеем достаточно возможности бороться с гнилой дипломатией и разоблачать ее. Она сама все более разоблачает себя. «Наша Заря» и фракция Чхеидзе помогают нам разоблачать Аксельрода и К-о.

интернационалистского марксизма? Мы думаем, что нет, и мы поведем и дальше свою линию, ободренные успехом ее на конференции 5—8/IX.

Ибо успех нашей линии несомненен. Сравните факты. В сентябре 1914 года манифест нашего Центрального Комитета—как будто бы одинокий. В январе 1915 года международная женская конференция с бедной пацифистской резолюцией, за которой слепо идет О. К. В сентябре 1915 года мы сплачиваемся в целую группу международной левой, выступаем со своей тактикой, проводим ряд основных наших идей в общем манифесте, участвуем в образовании И. С. К. (Интернациональной Социалистической Комиссии), т.-е. фактически нового Международного Социалистического Бюро, вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого.

Рабочие России, которые в подавляющем большинстве шли за нашей партией и ее Центральным Комитетом еще в 1912—1914 годах, увидят теперь на опыте международного социалистического движения, что наша тактика подтверждается и на более широкой арене, что наши основные идеи разделяются все более и более обширной и лучшей частью пролетарского Интернационала.

«Социал-Демократ» № 45—46
от 11 октября 1915 г.

Революционные марксисты на Международной Социалистической Конференции 5—8 сентября 1915 г.

Идейная борьба на Конференции шла между сплоченной группой интернационалистов, революционных марксистов и колеблющимися почти-каутскианцами, составлявшими правый фланг конференции. Сплочение указанной группы—один из самых важных фактов и один из самых больших успехов конференции. После целого года войны единственным течением в Интернационале, которое выступало с вполне определенной резолюцией,— а также с основанным на ней проектом манифеста,— и объединило последовательных марксистов России, Польши, Латышского края, Германии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Голландии, оказалось течение, представленное нашей партией.

Какие же доводы были выдвигаемы против нас колеблющимися? Немцы признавали, что мы идем навстречу революционным битвам, но—говорили они—о таких вещах, как братанье в траншеях, политические стачки, уличные демонстрации, гражданская война, не надо кричать на весь мир. Это делают, но об этом не говорят. А другие добавляли: это—ребячество, это—вспышкопускательство.

За эти до смешного, до неприличного противоречивые и уклончивые речи немецкие полукаутскианцы наказали сами себя, приняв выражение симпатии и заявление о необходимости подражать членам Р. С.-Д. Р. Фракции, которые как раз распространяли наш Ц. О. «Социал-Демократ», «кричавший на весь мир» о гражданской войне.

Вы поступаете по дурному примеру Каутского, отвечали мы «немцам»: на словах признание грядущей революции, на деле отказ от того, чтобы говорить массам прямо о ней, звать к ней, намечать самые конкретные средства борьбы, которые масса испытывает, узаконяет в ходе революции. Маркс и Энгельс из-за границы—немецким филистерам казалось ужасным, что о революционных средствах борьбы хотят говорить из-за границы!—в 1847 году, в знаменитом «Манифесте Коммунистической Партии», звали к революции, говорили прямо и открыто о применении насилия, объявляли «презренным» делом скрытие своих революционных целей, задач и приемов борьбы. Революция 1848 г. доказала, что только Маркс и Энгельс подходили к событиям с верной тактикой. В России за несколько лет до революции 1905 г., в старой «Искре» 1901 г., Плеханов, бывший тогда марксистом, писал в статье, шедшей без подписи, как выражение взглядов всей редакции, о грядущем восстании и о таких путях подготовки его, как уличные демонстрации, и даже о таких технических приемах, как употребление проволоки для борьбы с кавалерией. Революция в России доказала, что только старые «искровцы» подходили к событиям с верной тактикой. И теперь одно из двух. Либо мы действительно твердо убеждены, что война создает в Европе революционную ситуацию, что вся экономическая и социально-политическая обстановка империалистской эпохи ведет к революции пролетариата.—Тогда наш безусловный долг разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать, соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насилиствен-

ной борьбы и об ее «технике». Этот наш безусловный долг не зависит от того, будет ли революция достаточно сильна и наступит ли она в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной и т. п. Либо мы не уверены в том, что ситуация революционна,—и тогда нечего по-пустому употреблять слова о войне с войной. Тогда мы на деле национал-либеральные рабочие политики Зюдекума-Плехановского или Каутскианского оттенка.

Французские делегаты тоже заявили, что, по их убеждению, теперешнее положение дел в Европе приведет к революции. «Но,— говорили они,—мы пришли сюда не затем, чтобы «давать формулу III Интернационала», это—во-первых; а во-вторых, французский рабочий «не верит никому и ни во что»; он развернут и пресыщен анархистской и эрвеистской фразой». Первый довод неразумен, ибо в общем компромиссном манифесте все же «дана формула» III Интернационала, только непоследовательная, недоговоренная, недодуманная. Второй довод очень важен, как серьезный фактический довод учета особого положения Франции — не всмысле обороны отечества и нашествия неприятеля, а в смысле «больных мест» французского рабочего движения. Но из этого учета вытекло бы лишь то, что французские социалисты, может быть, м е д л е нн ы е подходили бы к общеевропейским революционным выступлениям пролетариата, а вовсе не то, что эти действия не нужны. Вопрос о том, с какой бы с т р о т о й пролетариат разных стран, каким путем, в каких особых формах способен совершать переход к революционным действиям, этот вопрос вовсе не ставился на конференции, да и нельзя было его ставить. Нет еще данных для него. Наше дело пока—сообща пр о п о в е д ы в а т ь верную тактику, а там события покажут т е м п движения и видоизменения (национальные, локальные, профессиональные) общего русл. Если французский пролетариат развернут анархической фразой, то он развернут также и мильеранизмом, и не наше дело усиливать это развержение недомолвками манифеста.

Не кто иной, как сам Мергейм обронил характерную и глубоко верную фразу: «партия (социалистическая), Жуо (секретарь Генеральной Конфедерации Труда) и правительство—это три головы под одним колпаком». Это правда. Это факт, доказанный годичным опытом борьбы французских интернационалистов с партией и с г.г. Жуо. Но выход отсюда только один: нельзя бороться с правительством, не борясь с партиями оппортунистов и

главарями анархосиндикализма. А задачи этой борьбы общий манифест, в отличие от нашей резолюции, только наметил, но не договорил до конца.

Один итальянец, возражая против нашей тактики, сказал: «ваша тактика является либо слишком поздно (ибо война уже начата), либо слишком рано» (ибо война еще не породила условий революции); и притом вы предлагаете «изменение программы» Интернационала, ибо всегда вся наша пропаганда велась «против насилия». Нам легко было ответить на это цитатой из «*En garde*» («На страже») Жюля Гэда, что никогда ни один влиятельный вождь II Интернационала не отрицал применения насилия и непосредственно революционных приемов борьбы вообще. Всегда все говорили, что легальная борьба, парламентаризм и восстание взаимно связаны и неизбежно должны переходить друг в друга, смотря по изменению условий движения. Кстати, из той же книги «*En garde*» была приведена нами цитата из речи Гэда 1899 года, где он говорит о вероятности войны из-за рынков, колоний и т. п., указывая при этом, что если бы при такой войне оказались на-лицо Мильераны французский, немецкий, английский, то «что стало бы с интернациональной солидарностью пролетариата?». Гэд заранее осудил сам себя этой речью. А что касается до «несвоевременности» проповеди революции, то это возражение покойится на обычном у романских социалистов смешении понятий: начало революции они смешивают с открытой и прямой проповедью ее. В России начало революции 1905 года никто не признает ранее 9 января 1905 года; а революционная проповедь в самом узком смысле, пропаганды и подготовки массовых выступлений, демонстраций, стачек, баррикад велась годами до этого. Например, старая «Искра» с конца 1900 года вела эту проповедь, как Маркс вел ее с 1847 года, когда она начале революции в Европе не могло быть еще и речи.

Когда революция уже началась, тогда ее «признают» и либералы и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее. Революционеры, до наступления революции предвидя ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее.

Ирония истории сделала так, что именно Каутский и его друзья, пытавшиеся прямо вырвать из рук Гrimма созыв конференции, пытавшиеся прямо сорвать конференцию левых (ближайшие друзья Каутского совершили даже поездки для этой цели,

что было разоблачено Гриммом на конференции), именно они и толкнули конференцию влево. Оппортунисты и каутскианцы с воей практикой показывают правильность позиции, занятой нашей партией.

«Социал-Демократ» № 45—4
от 11 октября 1915 г.

Несколько тезисов.

(О т Р е д а к ц и и.)

Приведенный в этом номере материал показывает, какую громадную работу развернул Петербургский Комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это—поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях. Рабочие Питера и России всеми силами поддержат эту работу и поведут ее дальше, энергичнее, сильнее, шире по тому же пути.

Считаясь с указаниями товарищей из России, мы формулируем несколько тезисов по злободневным вопросам социал-демократической работы: 1) Лозунг «Учредительного Собрания», как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос теперь в том, кто созовет его. Либералы принимали этот лозунг в 1905 году, ибо его можно было толкать в смысле созданного царем и соглашающегося с ним собрания. Правильнее всего лозунги «трех китов» (демократическая республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день) с добавлением (ср. № 9) призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны.—2) Мы против участия в военно-промышленных комитетах²³), помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, например, за участие на первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях.—О бойкоте Государственной Думы не может быть и речи, Участие в перевыборах без условия не-обходило. Пока в Государственной Думе нет депутатов нашей партии, необходимо использовать все происходящее в Думе, с точки зрения революционной социал-демократии.—3) Самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение

и расширение социал-демократической работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско.—Важнейшей задачей революционной социал-демократии является—развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом «трех китов». В агитации необходимо отводить должное место требованию немедленного прекращения войны. Среди других требований рабочие не должны забывать о требовании—вернуть немедленно рабочих депутатов, членов Р.С.-Д. Р. Фракции.—4) Советы Рабочих Депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения.—5) Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Шаг вперед расслоения деревни на «хуторян-помещиков» и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых и К-о над деревней. За необходимость отдельной организации сельских пролетариев стояли и стоим безусловно, во всех и всяких случаях.—6) Задача пролетариата России—доставить до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник—мелко-буржуазное крестьянство России, для второй—пролетариат других стран.—7) Участие социал-демократов во Временном Революционном Правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией мы считаем, по-прежнему, допустимым, но только не с революционерами-шовинистами.—8) Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией,—для грабежа других стран,—для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма—классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последова-

тельно-революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент—трудовики, социал-революционеры, «Наша Заря», фракция Чхеидзе, Орг. Ком., г. Плеханов и тому подобное.—9) Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы бы были бы против обороны и х «отечества» в данной войне. Наш лозунг—против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, *против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции.*—10) На вопрос, возможна ли руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции, мы отвечаем: да, возможна, если мелкая буржуазия в решающие моменты качается влево, а ее толкает влево не только наша пропаганда, но и ряд объективных факторов, экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр.—11) На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в той перешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир в се м воюющим на условиях освобождения колоний и в се х зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также—и в первую голову—поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе. Это доказал даже 1905 год. А международная солидарность революционного пролетариата есть факт вопреки грязной пene оппортунизма и социал-шовинизма.—Выставляя эти тезисы для обмена мнений с товарищами, мы будем развивать наши взгляды в следующих номерах Центрального Органа.

«Социал-Демократ» № 47
от 13 октября 1915 г.

О двух линиях революции.

В «Призыва», № 3, г. Плеханов пытается поставить основной теоретический вопрос о грядущей революции в России. Он берет одну цитату из Маркса, где говорится, что революция 1789 г. во Франции шла по восходящей линии, а 1848 г. по нисходящей. В первом случае власть переходила постепенно от более умеренной партии к более левой: конституционалисты—жирондисты—якобинцы. Во втором—наоборот (пролетариат—мелко-буржуазные демократы—буржуазные республиканцы—Наполеон III). «Желательно,—умозаключает наш автор,—направить русскую революцию по восходящей линии», т.-е. чтобы власть сначала перешла к кадетам и октябристам, потом к трудовикам, затем к социалистам. Вывод из этого рассуждения делается, конечно, тот, что неразумны левые в России, не желающие поддерживать кадетов и преждевременно дискредитирующие их.

Это «теоретическое» рассуждение г. Плеханова представляет из себя еще и еще один образец подмена марксизма либерализмом. Г. Плеханов сводит дело к вопросу, «правильны или неправильны были «стратегические понятия» передовых элементов? Маркс рассуждал иначе. Он указывал факт: революция в обоих случаях шла по-разному, а объяснения этой разницы Маркс **не** искал в «стратегических понятиях». Смешно, с точки зрения марксизма, искать ее в понятиях. Ее надо искать в различии с о отношении к классам. Тот же самый Маркс писал, что в 1789 году буржуазия во Франции соединилась с крестьянством и что в 1848 году мелко-буржуазная демократия изменила пролетариату. Г. Плеханов знает это мнение Маркса, но молчит о нем, чтобы подделать Маркса «под Струве». Во Франции 1789 года дело шло о свержении абсолютизма и дворянства. Буржуазия на тогдашней ступени экономического и политического развития верила в гармонию интересов, не боялась за прочность своего господства и шла на союз с крестьянством. Этот союз обеспечил полную победу революции. В 1848 году дело шло о свержении буржуазии пролетариатом. Последнему не удалось привлечь к себе мелкой буржуазии, и ее измена вызвала поражение революции. Восходящая линия была в 1789 году формой революции, в которой масса народа победила абсолютизм. Нисходящая линия 1848 года была

формой революции, когда измена пролетариату со стороны массы мелкой буржуазии вызвала поражение революции.

Г. Плеханов марксизм подменил вульгарным идеализмом, сводя дело к «стратегическим понятиям», а не к соотношению классов.

Опыт русской революции 1905 года и контр-революционной эпохи после нее говорит нам, что у нас наблюдались две линии революции в смысле борьбы двух классов, пролетариата и либеральной буржуазии, за руководящее влияние на массы. Пролетариат выступал революционно и вел за собой демократическое крестьянство на свержение монархии и помещиков. Что крестьянство проявляло революционные стремления в демократическом смысле, это доказали в масштабах размерах все крупные политические события: и крестьянские восстания 1905—1906 г.г., и военные волнения тех же лет, и «крестьянский союз» 1905 года, и обе первые Думы, где крестьяне-трудовики выступали не только «левее кадетов», но и революционнее интеллигентов-социал-революционеров и трудовиков. Об этом, к сожалению, часто забывают, но это факт. И в III, и в IV Думах крестьяне-трудовики показали, при всей их слабости, что деревенские массы настроены против помещиков.

Первая линия русской буржуазно-демократической революции, взятая из фактов, а не из «стратегической» болтовни, состояла в том, что решительно боролся пролетариат, нерешительно шло за ним крестьянство. Шли оба класса против монархии и против помещиков. Недостаток силы и решительности этих классов вызвал поражение (хотя частичная брешь в самодержавии была все же пробита).

Второй линией было поведение либеральной буржуазии. Мы, большевики, всегда говорили, особенно с весны 1906 года, что ее представляют кадеты и октябристы, как единая сила. Десятилетие 1905—1915 г.г. подтвердило наш взгляд. В решающие моменты борьбы кадеты вместе с октябристами изменяли демократии и «шли» помогать царю и помещикам. «Либеральная» линия русской революции состояла в «успокоении» и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией. И международная обстановка русской революции, и сила русского пролетариата делали такое поведение либералов неизбежным.

Большевики сознательно помогали пролетариату идти по первой линии, борясь с беззаботной смелостью и вести за собой

крестьянство. Меньшевики скатывались постоянно на вторую линию, разворачивая пролетариат приспособлением его движения к либералам, начиная с приглашения итти в Булыгинскую Думу (август 1904 г.), кончая кадетским министерством 1906 г. и блоком с кадетами против демократии в 1907 году. (С точки зрения г. Плеханова—заметим в скобках—«правильные стратегические понятия» кадетов и меньшевиков потерпели тогда поражение. Почему же? Почему массы не послушались мудрого г. Плеханова и кадетских советов, распространявшихся раз во сто шире, чем советы большевиков?)

Только эти течения, большевистское и меньшевистское, одни только они проявили себя в политике м а с с в 1904—1908 г.г., как и после, в 1908—1914 годах. Почему? Потому, что только эти течения имели прочные классовые корни, первое—пролетарские, второе—либерально-буржуазные.

Теперь мы снова идем к революции. Это все видят. Сам Х в о с т о в говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 г.г. И опять перед нами те же две линии революции, то же соотношение классов, только видоизмененное изменившимся международной обстановкой. В 1905 году вся европейская буржуазия была за царизм и помогала ему кто миллиардами (французы), кто—подготовкой контр-революционной армии (немцы). В 1914 году разгорелась европейская война; буржуазия повсюду победила, на время, пролетариат, захлестнула его мутным потоком национализма и шовинизма. В России мелко-буржуазные народные массы, главным образом крестьянство, составляют по-прежнему большинство населения. Они угнетены в первую голову помещиками. Они политически частью спят, частью колеблются между шовинизмом («победа над Германией», «оборона отечества») и революционностью. Политическими выразителями этих масс—и этих колебаний—являются, с одной стороны, народники (трудовики и социал-революционеры), с другой—оппортунисты социал-демократы («Наше Дело», Плеханов, фракция Чхеидзе, Орг. Ком.), которые с 1910 года решительно покатились по дорожке либеральной рабочей политики и к 1915 году докатились до социал-шовинизма г.г. Потресова, Череванина, Левицкого, Маслова или до требования «единства» с ними.

Из этого фактического положения вытекает с очевидностью задача пролетариата. Беззаветно смелая революционная борьба против монархии (лозунги конференции января 1912 года, «три

кита),—борьба, увлекающая за собой все демократические массы, то-есть, главным образом, крестьянство. А вместе с тем беспощадная борьба с шовинизмом, борьба за социалистическую революцию Европы в союзе с ее пролетариатом. Колебания мелкой буржуазии не случайны, а неизбежны, они вытекают из ее классового положения. Военный кризис усилил экономические и политические факторы, толкающие ее—и крестьянство в том числе—влево. В этом объективная основа полной возможности победы демократической революции в России. Что в Западной Европе вполне созрели объективные условия социалистической революции, этого нам нет надобности доказывать здесь; это признавали до войны все влиятельные социалисты во всех передовых странах.

Выяснить соотношение классов в предстоящей революции—главная задача революционной партии. От этой задачи уклоняется Орг. Ком., который в России остается верным союзником «Нашего Дела» и за границей бросает ничего не значащие «левые» фразы. Эту задачу неправильно решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—«отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна «национальная» революция: «мы живем в эпоху империализма», а «империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат—буржуазной нации».

Вот—забавный пример «игры в словечко»: империализм. Если в России уже противостоит пролетариат «буржуазной нации», тогда значит Россия стоит прямо перед социалистической революцией!! тогда неверен лозунг «конфискации помещичьих земель» (повторяемый Троцким в 1915 году вслед за Январской конференцией 1912 года), тогда надо говорить не о «революционном рабочем», а о «рабочем в социалистической ком правительстве»!! До каких пределов доходит путаница у Троцкого, видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и «непролетарские (!) народные массы» (№ 217)!! Троцкий

не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские **массы** деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства!

Все десятилетие—великое десятилетие—1905—1915 г.г. доказало наличие двух и только двух классовых линий русской революции. Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский (на особой его организации большевики настаивали с 1906 года и ввели это требование в резолюцию Стокгольмского, меньшевистского, съезда). Но антагонизм «крестьянства» и Марковых—Романовых—Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что даже тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнут» ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием роли крестьянства понимают не желание поднимать крестьян на революцию!

А в этом сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то есть за привлечение крестьянства, за искрение его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении будущей России от военно-федального «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а—для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы.

«Социал-Демократ» № 48
от 20 ноября 1915 г.

У последней черты.

Превращение отдельных лиц из радикальных социал-демократов и революционных марксистов в социал-шовинистов—явление, общее всем воюющим странам. Поток шовинизма так стремителен, бурен и силен, что повсюду ряд бесхарактерных или пе-

реживших себя левых социал-демократов увлечен им. Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в издаваемом им журнальчике «Die Glocke» («Колокол») до... последней черты. Он защищает немецких оппортунистов с невероятно-наглым и самодовольным видом. Он сжег все, чему поклонялся; он «забыл» о борьбе революционного и оппортунистического течений и об их истории в международной социал-демократии. С развязностью уверенного в одобрении буржуазии фельетониста хлопает он по плечу Маркса, «поправляя» его без тени добросовестной и внимательной критики. А какого-то там Энгельса он третирует прямо с презрением. Он защищает пацифистов и интернационалистов в Англии, националистов и ура-патриотов в Германии. Он ругает шовинистами и прихвостнями буржуазии социал-патриотов английских, величая немецких—революционными социал-демократами и лобызаясь с Ленчем, Генишем, Грунвальдом. Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что «немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России», и печатая хамские гимны этому «воплощению немецкой народной души», его «могучему революционному чувству». Он сует Германии безболезненный переход к социализму через союз консерваторов с частью социалистов и через «хлебные карточки». Как мелкий трус, он снисходительно полусмотрит Циммервальдскую конференцию, делая вид, будто он не заметил в ее манифесте мест, направленных против всех оттенков социал-шовинизма, от Парвусовского и Плехановского до Кольбовского и Каутскианского.

В шести номерах его журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьезного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалеванной вывеской: во имя, будто бы, интересов русской революции! Вполне естественно, что эту клоаку похваляют оппортунисты: Кольб и «Хемницкий Народный Голос».

Господин Парвус имеет настолько медный лоб, что публично объявляет о своей «миссии» «служить идейным звеном между вооруженным немецким и революционным русским пролетариатом». Эту шутовскую фразу достаточно выставить на осмение перед русскими рабочими. Если «Призыв» г.г. Плеханова, Бунакова и К-о вполне заслужил одобрение шовинистов и Хвостова в России, то «Колокол» господина Парвуса—орган ренегатства и грязного лакейства в Германии.

Нельзя не отметить по этому поводу еще одну полезную сторону теперешней войны. Она не только убивает «скорострельной пушкой» оппортунизм и анархизм, она великолепно разоблачает также авантюристов и переметных сум социализма. Для пролетариата в высшей степени выгодно, что эту предварительную очистку его движения история начала делать накануне социалистической революции, а не в самом ходе ее.

«Социал-Демократ» № 48
от 20 ноября 1915 г.

Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами.

Как относятся политические факты к политической литературе? политические события к политическим лозунгам? политическая действительность к политической идеологии? Этот вопрос имел *) в настоящее время самое коренное значение для понимания всего кризиса Интернационала, ибо всякий кризис, даже всякий перелом в развитии, неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием. Мы не говорим уже о том, что буржуазное общество постоянно вскармливает таких политиков, любящих называть себя внеклассовыми, и таких оппортунистов, любящих называть себя социалистами, которые умышленно и систематически обманывают массы самыми пышными, самыми «левыми» словами. Но в эпоху кризиса даже у добросовестных участников его наблюдается сплошь да рядом расхождение слова с делом. И великое прогрессивное значение всяких кризисов, даже самых тяжелых, трудных и болезненных, состоит, между прочим, именно в том, что они с великолепной быстротой, силой, наглядностью разоблачают и отметают прочь гнилые—хотя бы и добросовестные—слова, гнилые—хотя бы и построенные на базе наилучших намерений—учреждения.

В жизни российской социал-демократии самый крупный факт теперь—выборы питерских рабочих в военно-промышленный комитет. Впервые за время войны и только эти выборы притянули действительно массы пролетариев к обсуждению и решению

---

*) В сборнике «Против течения» данная фраза начинается: «эти вопросы имеют». Р е д.

основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину того, что есть в социал-демократии, как массовой партии. Оказалось *), что есть два, всего только два течения, одно — революционно-интернационалистское, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было против обороны. Другое, «оборонческое» или социал-шовинистское, было блоком «нашедельцев» (т.-е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, при чем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую, сущность политики этого блока.

Таковы факты. Такова действительность. А лозунги и идеология? Питерское «Рабочее Утро», № 2 (22/X), сборник «окистов» («Интернационал и война», № 1, 30/XI 1915), последние номера «Нашего Слова» дают ответ, над которым должен подумать и еще подумать всякий, интересующийся политикой не так, как гоголевский Петрушка интересовался чтением.

Посмотрим же на содержание и значение этой идеологии.

Питерское «Рабочее Утро» — самый важный документ. Здесь сидят главари ликвидаторства и социал-шовинизма вкупе с доносчиком г. Гвоздевым. Эти люди знают досконально все, что предшествовало выборам 27/IX *) и что было на этих выборах ²¹⁾. Эти люди могли накинуть флер на свой блок с плехановцами, народниками и беспартийными, и они накинули флер, они ни звука не сказали ни о значении этого блока, ни о числе и соотношении и различных элементов его. Им выгодно было скрыть такую «мелочь» (данные об этом, несомненно, были у г. Гвоздева и его друзей из «Рабочего Утра»), и они скрыли ее. Но выдумать третьей группы, кроме 90 и 81, они не могли; лгать на месте, в Питере, перед лицом рабочих, сочиняя «третью» группу, о которой рассказывает басни «копенгагенский аноним» на страницах немецкой печати и «Нашего Слова», — невозможно, ибо не сошедшие с ума люди не лгут, если знают, что разоблачение лжи неизбежно тут же и тотчас же. Поэтому «Рабочее Утро» печатает статью К. Оранского (старый знакомый!): «Две позиции», подробнейшим образом разбирает обе позиции, группы 90 и группы 81, ни единственным словом не упоминая о третьей позиции. Кстати: цен-

*) Там же: «есть всего только два течения». Ред.

**) В сборнике «Против течения» стоит «ХI». Ред.

зура изуродовала № 2 «Гаочего Утра» почти сплошь; белых полос чуть ли не больше, чем уцелевших, но из статей пощажены именно те, только те две статьи,—«Две позиций» и фельетон, полиберальному извращающий историю 1905 года,—в которых ругают большевиков за «анархизм» и «байкотизм». Царскому правительству в ы г о д н о, чтобы такие вещи писались и печатались.. Такие речи пользуются не случайно монополией легальности всюду, от деспотической России до республиканской Франции!

Какими же доводами защищает «Рабочее Утро» свою позицию «оборончества» или «социал-шовинизма»? Исключительно увертками, исключительно интернационалистскими фразами!! Наша-де позиция вовсе не «национальная», вовсе не «оборонческая», у нас лишь выражено — «нисколько не выраженное в первой позиции» (т.-е. в позиции группы 90)—«небезразличное» «отношение к положению страны», к «спасению» ее «от разгрома и гибели». Наша-де позиция была «действительно международная», указывала пути и средства «освобождения» страны, мы «одинаково (!! с первой позицией) оценивали происхождение войны и ее социально-политическую сущность», мы «одинаково (!! с первой позицией) намечали общую проблему международной организации и международной работы пролетариата» (не шутите!) «и демократии во время войны, во все без исключения периоды развития мирового конфликта». Мы-де заявляли в нашем наказе, что «в данной общественно-политической обстановке рабочий класс не может взять на себя никакой ответственности за оборону страны», мы «решительно присоединялись прежде всего к международным задачам демократии», «внесли свою лепту *) в живую струю стремлений, имеющих своими этапами Копенгаген и Циммерバルд» (вот как мы!). Мы-де за лозунг «мира б е з а н и е к с и й» (курсив «Рабочего Утра»). Мы «противопоставили абстрактности и космополитическому анархизму первого течения реализм и международность всей позиции, своей тактики».

Не правда ли, ведь это—сплошь перлы! Но в этих перлах, кроме безграмотности и репетиловского вранья, есть совершенно трезвая и правильная, с точки зрения буржуазии, дипломатия. Чтобы влиять на рабочих, буржуа должны наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т. д., иначе влиять невозможно. И «Рабочее Утро» наряжается, подкрашивает-

---

*) В сборнике «Против течения» стоит: «логику». Ред.

ся, румянится, прихорашивается, делает глазки, ни перед чем не останавливаюсь! Мы готовы подписать хоть сто раз и циммервальдский манифест (пощечина тем из циммервальдцев, которые подписали этот манифест, не борясь с его робостью и не делая оговорок!), и какую угодно резолюцию об империалистской сущности войны, и любую присягу в своем «интернационализме» и в своей «революционности» («освобождение страны» в подцензурной печати = революция в нелегальной),—лишь бы... лишь бы нам не мешали звать рабочих к участию в военно-промышленных комитетах, т.-е. к тактическому участию в грабительской, реакционной («оборонительной») войне.

Только это есть дело, все остальное слова. Только в этом суть, все остальное фразы. Т о л ь к о э т о н у ж н о полиции, царской монархии, Хвостову и буржуазии. Умные буржуа в более умных странах терпимы к интернационалистской и социалистической фразе, лишь бы было участие в обороне: припомните отзывы французских реакционных газет о Лондонской конференции социалистов «тройственного согласия». Это у господ социалистов, знаете ли, вид «тика»,—писала одна из этих газет,—вид нервной болезни, когда люди непроизвольно повторяют один жест, одно движение мускулов, одно слово. Вот и «наши» социалисты не могут ни о чем говорить, не повторяя словечек: мы интернационалисты, мы за социальную революцию. Это не опасно! Это только «тик», а «нам» важно то, что они за оборону отечества.

Так рассуждали умные французские и английские буржуа: если участие в грабительской войне защищают фразами о демократии, социализме и т. п., то разве же это в самом деле не выгодно для хищников-правительств, для империалистской буржуазии? Разве барину не выгодно иметь лакея, который бы божился и клялся перед народом, что барин всю свою жизнь отдает попечению о народе и любви к нему?

«Рабочее Утро» клянется Циммервальдом и на словах отгораживается от плехановцев, заявляя (№ 2), что оно «во многом не согласно» с ними, а на деле соглашается с ними в основном, на деле идет вместе с ними, вместе со своей буржуазией, в «оборонческие» учреждения шовинистской буржуазии.

Орг. Ком. не только клянется Циммервальдом, а «подписывается» и расписывается по всей форме, не только отгораживается от плехановцев, но даже выпускает какого-то анонима А. М.,

который, спрятавшись за свою анонимность, как за подворотню, пишет: «мы, примыкающие» (? может быть, А. М. это целых два «примыкающих»?) «к августовскому блоку, считаем нужным заявить: организация «Призыв» далеко перешагнула за пределы терпимого в нашей партии, как мы их понимаем, и членам групп содействия «Призыву» не должно быть места в рядах организаций августовского блока». Ну и храбрые же эти «примыкающие» А. М., так и режут правду-матку открыто в лицо!

Из пяти лиц, составляющих «Заграничный Секретариат» Орг. Ком., издавший цитируемый сборник, ни одно не пожелало заявить столь храброй вещи! Выходит, что пятерка секретарей против разрыва с Плехановым (еще не так давно П. Аксельрод заявлял, что меньшевик Плеханов ему ближе большевиков интернационалистов), но, боясь рабочих и не желая портить своей «репутации», предпочитает молчать об этом, выпуская, однако, одного из двух анонимных примыкающих, чтобы они поблистали дешевым и безопасным интернационализмом...

С одной стороны, отдельные секретари, А. Мартынов, Л. Мартов, Астров, полемизируют с «Нашим Делом», а Мартов даже высказываетя против участия в военно-промышленных комитетах от своего лично имени. С другой стороны, бундовец Ионов, считающий себя более «левым», чем отражающий действительную политику Бунда Коссовский, и потому охотно выдвигаемый бундистами для прикрытия их национализма, проповедует «далнейшее развитие старой тактики» (II Интернационала, приведшей к краху его), «но отнюдь не ликвидацию ее». Редакция помещает двусмысленные, ничего не говорящие дипломатически-увертливые оговорочки к статье Ионова, не возражая против ее сутьи, против защиты гнилого и оппортунистического в «старой тактике». Анонимные А. М., примыкающие к августовскому блоку, прямо заявляют «Нашу Зарю»: она-де хотя и «уклонилась» от интернационалистской позиции, но «отвергла (?) политику Burgfrieden'a для России, признала необходимость немедленного восстановления интернациональных связей и, как нам» («примыкающим» анонимным А. М.) «известно, одобрила исключение Манькова из думской фракции». Превосходная защита! И мелко-буржуазные народники за восстановление связей, и Керенский против Манькова, а назвать людей, высказавшихся за непротиводействие войне, отвергающими политику гражданского мира (Burgfrieden), значит обманывать рабочих пустыми словами.

Редакция сборника Орг. Ком. выступает, как целое, со статьей: «Опасные тенденции». Вот образец политической увертливости! С одной стороны, громкие левые фразы против авторов оборонческих возвзаний (московских и петроградских социал-шовинистов). С другой стороны, «трудно судить, из каких партийных кругов вышли обе декларации»!! На самом деле, нет ни тени сомнения, что они вышли «из кругов» «Нашего Дела», хотя сотрудники этого легального журнала, конечно, неповинны в составлении нелегальной декларации... Окисты подменили вопрос об идейных корнях этих деклараций, о полном тождестве этих корней с течением ликвидаторства, социал-шовинизма, «нашедельства», — нелепым, крючкотворским и никому, кроме полиции, не нужным вопросом о личном авторстве членов того или иного кружка. С одной стороны, редакция гремит и грозит: сплотим ряды, интернационалисты августовского блока, для «самого энергичного противодействия оборонческим тенденциям» (129), для «непримиримой борьбы» (126); а с другой стороны, тут же, рядом, шуллерская фраза: «Линия думской фракции, поддерживающей Орг. Ком., не встречала» (до сих пор) «открытой оппозиции» (129)!!

А эта линия, как это хорошо известно самим авторам, состоит в отсутствии линии и в прикрытой защите «Нашего Дела» и «Рабочего Утра»...

Возьмите самую «левую» и самую «принципиальную» статью сборника, написанную Л. Мартовым. Достаточно привести одну фразу автора, выражющую главную мысль, чтобы убедиться в том, какова его принципиальность. «Само собой разумеется, что, если бы нынешний кризис привел к победе демократической революции, к республике, характер войны коренным образом изменился бы» (116). Это сплошная и вопиющая неправда. Мартов не мог не знать, что демократическая революция и республика суть буржуазно-демократические революция и республика. Характер войны между буржуазными и империалистами и великими державами ни на и оту не изменился бы, если бы в одной из этих держав быстро был сметен империализм военно-абсолютистско-феодальный, ибо от этого не исчез, а только

силился бы империализм чисто буржуазный. Поэтому наша газета в № 47, тезис 9, и заявила, что партия пролетариата России не станет защищать в данной войне даже отечества респу-

Фликанцев и революционеров, пока они шовинисты, как Плеханов, народники, Каутский, нашедельцы, Чхеидзе, Орг. Ком. и т. п.

И нисколько не спасает Мартова уклончивая фраза в примечании на стр. 118, где он, вопреки сказанному им на стр. 116, «сомневается», может ли буржуазная демократия вести борьбу «против международного империализма» (конечно, не может); «сомневается», не превратит ли буржуазия республику 1793 года в республику Гамбетты и Клемансо. Основная теоретическая фальшивь здесь остается: в 1793 году передовой класс буржуазии революции во Франции воевал с дворянами и дворянами монархиями Европы. Россия же 1915 года воюет не с более отсталыми, а с более передовыми странами, которые стоят накануне социалистической революции. Значит, сыграть роль якобинцев 1793 года может в войне 1914—1915 г.г. только пролетариат, совершающий победоносную социалистическую революцию. Значит, русский пролетариат в теперешней войне мог бы «защищать отчество», мог бы счесть «характер войны коренным образом изменившимся» исключительно в том случае, если бы революция именно партию пролетариата поставила у власти, именно этой партии позволила бы всю силу революционного подъема и государственного аппарата направить на немедленное и непосредственное осуществление союза с социалистическим пролетариатом Германии и Европы (№ 47 «Социал-Демократа», тезис 11) *).

Мартов заканчивает свою эффектными фразами жонглирующую статью эффектнейшим призывом к «российской социал-демократии» «в самом начале политического кризиса занять ясную революционно-интернационалистскую позицию». Если читатель желает проверить, не гнилушка ли скрывается под этой эффектной вывеской, пусть он поставит себе вопрос: что значит вообще занять позицию в политике? (1) Дать оформленную, от имени организации (хотя бы «пятерки» секретарей), оценку момента и тактики, ряд резолюций; (2) дать боевой лозунг момента; (3) связать то и другое с действием пролетарских масс и их сознательного авангарда. Мартов и Аксельрод, идеяные вожди «пятерки», не только не дают ни первого, ни второго, ни третьего, но дают фактически во всех этих трех областях поддержку социал-шовинистам, прикрытие их! За

*) См. выше 209 стр. этого тома. Ред.

16 месяцев войны пятеро заграничных секретарей не заняли ни «ясной», ни вообще никакой программно-тактической позиции. Мартов качается то влево, то вправо, Аксельрод гнет только вправо (см. его немецкую брошюру особенно). Ничего ясного, ничего оформленного, ничего организованного, никакой позиции! «Центральным боевым лозунгом момента,— пишет Мартов от себя,— для российского пролетариата должно стать Всенародное Учредительное Собрание для ликвидации и царизма и войны». Это никуда не годный, не центральный и не боевой лозунг, ибо в нем нет главного, социально-классового и политически определенного содержания понятия этой двойной «ликвидации». Это—вульгарная буржуазно-демократическая фраза, а не центральный, не боевой, не пролетарский лозунг

Наконец, в главном, в связи с массами в России Мартов и К-о дают не только ноль, но минус. Ибо за ними нет ничего. Выборы доказали, что массы есть только у блока буржуазии и «Рабочего Утра», а ссылка на Орг. Ком. и фракцию Чхеидзе есть лишь фальшивое прикрытие этого буржуазного блока.

«Социал-Демократ» № 49
от 21 декабря 1915 г.

1916 год.

Есть ли своя линия у О. К. и у фракции Чхеидзе?

Окисты и в своем сборнике и еще определенное в своем отчете Международной Социалистической Комиссии (№ 2 Бюллетея, вышедшего по-немецки 27/XI 1915) стараются уверить публику, что у фракции Чхеидзе и у О. К. есть своя линия, вполне интернационалистская и несогласная с линией «Нашего Дела». Эти уверения представляют из себя самую вопиющую неправду. Во-первых, со времени образования О. К. (август 1912) мы видели много лет полнейшую политическую солидарность во всем основном и теснейшее политическое сотрудничество фракции Чхеидзе и О. К. с группой «Нашей Зари», при чем только эта группа вела систематическую работу в массах (ежедневные газеты ликвидаторов). Сколько-нибудь существенное расхождение столь близких «друзей» надо доказать не словами, а серьезными фактами. Ни одного такого факта нет. Во-вторых, в течение ряда лет, 1912—1914, фракция Чхеидзе и О. К. играли роль пешек при «Нашей Заре», защищали ее политику систематически, что прекрасно известно рабочим Питера и других мест, при чем ни единого раза они не оказали никакого влияния на изменение политики «Нашей Зари», «Луча» и т. д.

В политике, касающейся масс,—например, в борьбе со «стачечным азартом», в выборах руководителей крупнейших профессиональных союзов (металлисты и другие) и важнейших страховых учреждений (Всероссийский Страховой Совет)—группа «Нашей Зари» и только она выступала самостоятельно, О. К. и фракция Чхеидзе лишь помогали ей, служили ей верой и правдой. В-третьих, за полтора года войны нет ни единого факта,

который бы свидетельствовал об изменении этих, годами сложившихся, отношений фракции Чхеидзе и О. К. к «Нашей Заре». Напротив, есть обратные факты, даже из таких, которые доступны огласке (большинство фактов этого порядка огласке не подлежат). Факт, что ни единого выступления в России ни со стороны О. К., ни со стороны фракции Чхеидзе против политики «Нашего Дела» нет, а, чтобы добиться действительного ее изменения, необходимо не одно выступление, а длительная и победоносная борьба, ибо «Наше Дело» есть политическая величина, питаемая либеральными связями, а О. К. и фракция Чхеидзе суть политические декорации. Факт, что вполне и целиком ведущие политику «Нашего Дела» газеты «Утро» и «Рабочее Утро» подчеркивают даже внешним образом свою политическую близость к фракции Чхеидзе и говорят от имени всего августовского блока. Факт, что фракция Чхеидзе делает денежные сборы для «Рабочего Утра». Факт, что вся фракция Чхеидзе начала сотрудничать в самарской социал-шовинистской газете «Наш Голос» (см. № 17). Факт, что виднейший член фракции Чхеидзе, именно Чхенкели, выступил в печати, в журнале «оборонцев» или социал-шовинистов «Современный Мир», в журнале г.г. Плеханова и Алексинского, с принципиальными заявлениями вполне в духе Плеханова, «Нашего Дела», Каутского, Аксельрода. Мы уже давно цитировали это заявление Чхенкели, и ни окисты в своем сборнике, ни Троцкий в своем «Нашем Слове» не взялись защищать этого заявления, хотя они берутся защищать и рекламировать фракцию Чхеидзе. В-четвертых, прямые политические выступления от имени всей фракции Чхеидзе и всего О. К. доказывают наши положения. Берем важнейшие выступления, которые перепечатаны в сборнике О. К.: декларацию Чхеидзе с К-о и прокламацию О. К. Точка зрения обоих этих документов одинакова, позиция у них одна и та же. Так как О. К. есть самое высшее руководящее учреждение «августовского блока» против нашей партии и так как О. К. издал нелегальную прокламацию, т.-е. мог говорить свободнее и прямее, чем Чхеидзе в Думе, то рассмотрим именно эту прокламацию.

Интересно, между прочим, что об этой прокламации был уже спор в немецкой социал-демократической печати, в бернской социал-демократической газете. Ее сотрудник назвал эту прокламацию «патриотической». Заграничный секретариат О. К. возмутился, напечатал возражение, заявил, что и «мы, заграничный

секретариат, повинны в таком патриотизме», призвал в качестве как бы судьи редакцию газеты, доставив ей полный немецкий перевод прокламации. Заметим от себя, что это—редакция заведомо пристрастная к О. К., рекламирующая его. Что же сказала эта, пристрастная к О. К., редакция?

«Мы прочли прокламацию О. К.», — сказала редакция (№ 250), — «и должны признаться, что ее текст, несомненно, может вызвать недоразумения и придать целому такой смысл, который, может быть, чужд авторам прокламации».

Почему окисты не перепечатали в своем сборнике этого отзыва редакции, которую они сами звали в судьи? Потому, что этот отзыв друзей О. К., которые публично отказались защищать О. К.! Отзыв написан с изысканной, дипломатической вежливостью, которая особенно подчеркивает желание редакции сказать Аксельроду и Мартову «приятность». И оказалось, что самая большая «приятность» такова: «может быть (т о л ь к о «может быть»!), О. К. сказал не то, что он хотел сказать; но то, что он сказал, «несомненно может вызвать недоразумения»!!

Мы усердно приглашаем читателей ознакомиться с прокламацией О. К., перепечатанной и в Листке Бунда (№ 9). Всякий: внимательно прочитавший ее, увидит простые и ясные факты, (1) ни единого слова, принципиально отвергающего всякую оборону страны в данной войне, прокламация не содержит; (2) абсолютно ничего, принципиально неприемлемого для «оборонцев» или «социал-шовинистов», в прокламации нет; (3) целый ряд фраз в прокламации вполне однородней с «оборончеством»: «пролетариат не может относиться безразлично к надвигающемуся разгрому» (почти буквально то же в «Рабочем Утре» № 2: «небезразличное отношение» к «спасению страны от разгрома»); «пролетариат кровно заинтересован в самосохранении страны»; «всеноародная революция» должна спасти страну «от внешнего разгрома», и т. д.. Тот, кто действительно враждебен социал-шовинизму, должен был бы в м е с т о подобных фраз сказать: помещики, царь и буржуазия лгут, называя самосохранением страны сохранение гнета великороссов над Польшей, ее насилиственное удержание;—лгут, когда фразами о спасении «страны» от разгрома прикрывают стремления «спасти» великодержавные привилегии и отвлекают пролетариат от задач борьбы против м е ж д у народной буржуазии. Признавать в одно и то же время международную солидарность пролетариата воюющих стран в

грабительской, империалистской, войне и допустимость фраз о «спасении от разгрома» о д н о й из этих стран значит лицемерить, значит превращать в пустейшую, лживую декламацию все свои заявления. Ибо это значит ставить тактику пролетариата в зависимость от военного положения данной страны в данный момент, а раз так, то правы и французские социал-шовинисты, помогающие «спасать от разгрома» Австрию или Турцию. Заграничный секретариат О. К. в н е м е ц к о й социал-демократической печати (бернская газета) выдвинул еще один софизм, настолько бесстыдный, настолько грубый, настолько «подделанный» для уловления специально немцев, что перед русской публикой окисты благоразумно воздержались от повторения этого софизма.

«Если это патриотизм,—пишут они п е р е д н е м ц а м и в тоне благородного негодования,—указывать пролетариату на революцию, как на единственное средство спасения страны от гибели», то и мы такие же патриоты, «мы желали бы, чтобы Интернационал имел побольше таких «патриотов» в каждой социалистической партии; мы выражаем уверенность, что Либкнехт, Роза Люксембург, Мергейм были бы очень довольны видеть вокруг себя побольше таких «патриотов», которые бы обращались к немецким и французским рабочим с т а к и м и прокламациями».

Шуллерский прием на-лицо: пятеро секретарей превосходно знают, что во Франции и в Германии, идущих навстречу социалистической революции, нет и тени б у р ж у а з н о й революционности, нет и тени б у р ж у а з н о г о общественного движения, стремящегося к революции ради победы над врагом. А в России, именно потому, что она идет навстречу б у р ж у а з н о -демократической революции, такое движение заведомо есть. Пятеро секретарей обманывают немцев забавным софизмом: О. К. и Чхеидзе с К-о не могут быть р е в о л ю ц и о н е р а м и -ш о в и н и с т а м и в России, ибо в Европе соединение революционности с шовинизмом есть абсурд!

Да, в Европе это абсурд. А в России это факт. Вы можете упрекать «призывацев», что они плохие буржуазные революционеры, но что они по-своему соединяют шовинизм с революционностью, этого вы отрицать не можете. Июльская конференция народников в России, «Наше Дело» и «Рабочее Утро» в этом отношении вполне и целиком стоят на позиции «призывацев», они тоже соединяют шовинизм с революционностью.

Фракция Чхеидзе в ее декларации (стр. 141—143 сборника О. К.) заняла ту же позицию. У Чхеидзе те же шовинистские фразы об «опасности разгрома», и если он признает империалистский характер войны, «мир без аннексий», «общие задачи всего международного пролетариата», «борьбу за мир» и пр., и пр., то ведь это признает и «Рабочее Утро», это признают и русские народники—мелкие буржуа. В том же сборнике О. К., на стр. 146, можно прочесть, что мелко-буржуазные народники признали и империалистский характер войны, и «мир без аннексий», и необходимость для социалистов (народники ведь, как и «Рабочее Утро», хотят слыть социалистами) «стремиться к скорейшему воссозданию международной солидарности социалистической организации для прекращения войны» и пр. У народников—мелких буржуа—все эти фразы служат для прикрытия лозунга «национальной обороны», который они прямо выдвинули, а у Чхеидзе и О. К., как и у «Рабочего Утра», этот же лозунг назван «спасением страны от разгрома»!!

Итог получается тот, что и Чхеидзе, и О. К. наговорили революционных фраз, ровнохонько ни к чему не обязывающих, равнодушно ничем не мешающих деловой политике призывацев и нашедельцев, а об этой политике промолчали. Участие в военно-промышленных комитетах они так или иначе поддерживают.

Поменьше бы фраз о революции, господа, побольше ясности, прямоты и честности в деловой политике сегодняшнего дня. Вы обещаете быть революционерами, а сейчас помогаете шовинистам, буржуазии, царизму, либо прямо защищая участие рабочих в военно-промышленных комитетах, либо молча прикрывая участников, не борясь с ними.

Мартов может ухищряться, как ему угодно. Троцкий может кричать против нашей фракционности, прикрывая этими криками (старый рецепт тургеневского... героя!) свои, должно быть, не фракционные «виды» на то, что какой-нибудь имярек из фракции Чхеидзе с Троцким «согласен» и клянется в своей левизне, интернационализме и пр. Факт остается фактом. Ни тени серьезного политического различия нет не только между О. К. и фракцией Чхеидзе, но и между обоими этими учреждениями и «Рабочим Утром» или «Призывом».

Поэтому на деле они и идут все вместе, против нашей партии, за буржуазную политику участия рабочих в военно-

промышленных комитетах, вместе с беспартийными рабочими и народниками. А словесные оговорки и божба «заграничных секретарей», что они «несогласны», остаются пустыми фразами, которые действительной политики масс так же не затрагивают, как клятвы Зюдекума, Легина, Давида, что они «за мир» и «против войны» не очищают их от шовинизма.

«Социал-Демократ» № 50
от 18 февраля 1916 г.

О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах дня в России.

«Одной из форм одурачения рабочего класса является пасифизм и абстрактная проповедь мира... Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзий, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран». Так гласит Бернская резолюция нашей партии (см. № 40 «Социал-Демократа» и «Социализм и война»).

Многочисленные—среди русской эмиграции, а не среди русских рабочих—противники нашей постановки вопроса о мире не дали себе ни разу труда разобрать эти положения. Теоретически неопровергимые, они получают теперь, именно в силу поворота событий в нашей стране, особенно наглядно практическое подтверждение.

Газета питерских ликвидаторов-легалистов, идеино поддерживаемая О. Комитетом, «Рабочее Утро», заняла, как известно, в первом же номере социал-шовинистскую «оборонческую» позицию. Она напечатала «оборонческие» манифесты питерских и московских социал-шовинистов. В обоих манифестах выражена, между прочим, идея «мира без аннексий», и № 2 «Рабочего Утра», особо выделяя вперед этот лозунг, печатает его курсивом, называет его «линией, обеспечивающей стране выход из тупика». Вот, дескать, какая это клевета, будто мы шовинисты; мы вполне признаем самый «демократический», даже «истинно-социалистический» лозунг «мира без аннексий».

Нет сомнения, что Николаю Кровавому очень выгодно теперь выдвигание его верноподданными такого лозунга. Царизм,

опинаясь на помещиков и буржуазию, повел войска грабить и по-рабощать Галицию (не говоря уже о договоре насчет дележа Турции и проч.). Войска столь же грабительских немецких империалистов отбили русских разбойников и вытеснили их не только из Галиции, но и из «русской Польши». (При этом во имя интересов обеих клик на полях смерти легли сотни тысяч русских и немецких рабочих и крестьян.) Лозунг «мира без аннексий» оказался таким образом чудесной «игрушкой в руках тайной дипломатии» царизма: вот-де, мы обиженные, нас ограбили, у нас ограбили, у нас отняли Польшу, мы против аннексий!

До, какой степени «по-нутру» социал-шовинистам «Рабочего Утра» эта роль лакеев царизма, видно особенно из статьи в № 1: «Польская эмиграция». «Истекшие месяцы войны,—читаем в ней,—зародили в сознании широких слоев польского народа глубокое стремление к независимости». До войны его, конечно, не было!! «В общественном сознании широких слоев польской демократии восторжествовала масса» (очевидно, опечатка; надо читать: идея, мысль и т. п.) «национальной независимости Польши»... «Перед русской демократией встает во всей полноте польский вопрос»... «Русские либералы» отказываются дать простые ответы на проклятые вопросы «о независимости Польши»...

Ну, еще бы, Николай Кровавый, Хвостов, Челноков, Милюков и К-о вполне за независимость Польши, всей душой за нее теперь, когда этот лозунг на практике означает лозунг победы над Германией, отнявшей у России Польшу. Заметьте, что творцы «Столыпинской рабочей партии» до войны выступали всецело и исключительно против лозунга самоопределения наций, против свободы отделения Польши, выпуская для этой благородной цели защиты царского гната над Польшей оппортуниста Семковского. Теперь, когда Польша отобрана от России, они за «независимость» Польши (от Германии, об этом умалчивается скромно)...

Не обмануть вам сознательных рабочих России, господа социал-шовинисты. Ваш «октябрьский» 1915 года лозунг независимости Польши и мира без аннексий есть на деле лакейство перед царизмом, которому именно теперь, именно в феврале 1916 года как раз нужно прикрытие его войны прекраснодушными словами о «мире без аннексий» (выгнать Гинденбурга из Польши) и независимости Польши (от Вильгельма, но зависимости от Николая И).

Русский социал-демократ, не забывший своей программы, рассуждает иначе. Русская демократия, скажет он, имея прежде всего и больше всего в виду великорусскую демократию, ибо она пользовалась всегда в России свободой языка, эта демократия в и г р а л а безусловно от того, что Россия т е п е р ь не угнетает Польши, не держит ее насильно. Русский пролетариат безусловно в выигрыше от того, что он не угнетает одного из народов, который он помогал угнетать вчера. Немецкая демократия проиграла безусловно: пока немецкий пролетариат будет терпеть угнетение Польши Германией, он останется в положении хуже чем раба, в положении хама, помогающего держать в рабстве других. Выиграли безусловно только юнкера и буржуа Германии.

Отсюда вывод: русские социал-демократы должны разоблачать о б м а н царизмом народа, когда т е п е р ь в России выдвигаются лозунги «мира без аннексий» и «независимости Польши», ибо оба эти лозунга при данном положении означают стремление продолжать войну и оправдывают такое стремление. Мы должны говорить: никакой войны из-за Польши! Русский народ не хочет снова стать ее угнетателем!

А как помочь освобождению Польши от Германии? Разве мы не должны помогать этому? Конечно, должны, но только не поддержкой империалистской войны царской или хотя бы буржуазной, даже буржуазно-республиканской России, а п о д д е р ж к о й революционного пролетариата Германии, поддержкой тех элементов социал-демократической партии Германии, которые борются с к о н т р - р е в о л ю ц и о н н о й рабочей партией Зюдекумов, Каутского и К-о. Каутский совсем недавно доказал свою контр-революционность особенно наглядно: 26 ноября 1915 года он назвал выступления на улицах «а в а н т ю р о й» (как Струве перед 9 января 1905 года говорил, что в России нет революционного народа). А 30 ноября 1915 года в Берлине демонстрировало 10.000 работниц!

Все, кто н е л и ц е м е р н о, не по-Зюдекумовски, не по-Плехановски, не по-Каутскиански хочет признавать свободу народов, право наций на самоопределение, должны быть п р о т и в войны из-за угнетения Польши;—з а свободу отделения от России тех народов, которых Россия т е п е р ь угнетает: Украины, Финляндии и проч. Все, кто не хочет быть на д е л е социал-шовинистом, должны поддерживать те элементы социалистиче-

ских партий всех стран, которые прямо, непосредственно, тотчас работают за пролетарскую революцию внутри своей страны.

Не «мир без аннексий», а мир хижинам, война дворцам, мир пролетариату и трудящимся, война буржуазии!

«Социал-Демократ» № 51
от 29 февраля 1916 г.

Вильгельм Кольб и Георгий Плеханов.

Брошюра откровенного германского оппортуниста Вильгельма Кольба: «Социал-демократы на распутьи» (Карлсруе 1915) вышла как раз кстати после Плехановского сборника «Война». Каутскианец Рудольф Гильфердинг в «Neue Zeit» отвечает Кольбу совсем слабо, умалчивая о главном и хныкая по поводу правдивого заявления Кольба, что единство у германских социал-демократов осталось лишь «чисто формальное».

Тем, кто хочет серьезно вдуматься в значение краха II Интернационала, можно рекомендовать сравнение идейной позиции Кольба и Плеханова. Оба (как Каутский) сходятся в основном: в отрицании и высмеивании идей революционных действий в связи с данной войной; оба обвиняют революционных социал-демократов в «пораженчестве», употребляя излюбленное словечко плехановцев. Плеханов, называя мысль о революции в связи с данной войной «грезофарсом», шипит против «революционной фразеологии». Кольб походя проклинает «революционную фразу», «революционную фантастику», «радикалишк» (Radikaliuski)-истериков», «сектантство» и проч. Кольб и Плеханов согласны в главном, они оба против революции. И то обстоятельство, что Кольб вообще против революции, а Плеханов с Каутским «вообще за», составляет лишь разницу оттенков, слов: на деле Плеханов с Каутским—прислужники Кольба.

Кольб честнее—не в личном смысле, а в политическом, т.-е. последовательность его позиции не порождает у него лицемерия. Поэтому он не боится признать правды, что весь Интернационал, с его точки зрения, грешил «духом революционной фантастики», выступал с «угрозами» (с угрозами революцией, г.г. Плеханов и Кольб!) по поводу войны. Кольб прав, что нелепо «принципиально отрицать» капиталистическое общество после того, как социал-демократическая партия Европы встала на его защиту в момент,

когда капиталистическое государство трещало по всем швам», когда «под вопросом стояло его существование». Это признание объективной революционной ситуации есть правда.

«Последствием (тактики сторонников Либкнехта), — пишет Кольб, — была бы доведенная до точки кипения внутренняя борьба внутри немецкой нации и тем самым военное и политическое ослабление ее»... «в выгодами и победами империализма тройственного согласия»!! Вот вам гвоздь оппортунистических громов против «пораженчества»!

Здесь действительно гвоздь всего вопроса. «Доведенная до точки кипения внутренняя борьба» и есть гражданская война. Кольб прав, что тактика левых ведет к этому; прав, что она есть «военное ослабление» Германии, т.-е. желание и содействие ее поражению есть пораженчество. Кольб неправ только—только!—в том, что не хочет видеть интернационального характера такой тактики левых. Во всех воюющих странах возможна «доведение внутренней борьбы до точки кипения», «ослабление военной мощи» империалистской буржуазии и превращение (в силу этого, в связи с этим, посредством этого) империалистской войны в гражданскую. В этом весь гвоздь вопроса. Благодарим Кольба за полезные пожелания, признания и иллюстрации: когда все это дает самый последовательный, честный и откровенный враг революции, это особенно полезно для разоблачения перед рабочими гнусного лицемерия и позорной бесхарактерности Плехановых и Каутских.

«Социал-Демократ» № 51
от 29 февраля 1916 г.

О „программе мира“.

Одним из важнейших вопросов, поставленных в порядок дня второй международной Конференции «циммервальдцев», является вопрос о социал-демократической «программе мира». Чтобы сразу ввести читателя в настоящую суть этого вопроса, приведем относящееся сюда заявление Каутского, авторитетнейшего представителя II Интернационала и авторитетнейшего защитника социал-шовинистов всех стран.

«Интернационал не есть пригодное орудие во время войны; он есть, по сути дела, орудие мира... Борьба за мир, классовая

борьба во время мира» («*Neue Zeit*», 27/XI 1914). «Все программы мира, которые до сих пор были формулированы в пределах Интернационала, Копенгагенская, Лондонская, Венская, все они требуют признания самостоятельности наций, и вполне справедливо. Это требование должно быть нашим компасом в теперешней войне» (там же, 21/V 1915).

В этих немногих словах прекрасно выражена «программа» интернационального объединения и примирения социал-шовинистов. Каждый знает, что в Вене заседали друзья и сторонники Зюдекума, действующие вполне в его духе, защищающие германский империализм под видом «защиты отечества». А в Лондоне заседали Зюдекумы французские, английские и русские, защищающие «свой» национальный империализм под тем же предлогом. Действительная политика и лондонских и венских герцев социал-шовинизма состоит в оправдании участия в империалистской войне, в оправдании убийства французскими рабочими немецких и обратно из-за того, какая национальная буржуазия должна иметь преимущество в грабеже чужих стран. И для прикрытия этой действительной политики, для обмана рабочих лондонским и венским героям служит фраза, что мы-де «признаем» «самостоятельность наций» или, другими словами, признаем самоопределение наций, отвергаем аннексии и т. д. и т. п.!

Ясно, как день, что это «признание» есть вопиющая ложь, гнуснейшее лицемерие, ибо оправдывается участие в войне, служащей с обеих сторон порабощению наций, а не самостоятельности их. И вот авторитетный Каутский вместо того, чтобы вскрыть, разоблачить, заклеймить лицемерие, освещает его. Единодушное стремление изменивших социализму шовинистов обмануть рабочих служит для Каутского доказательством «единодушия» и жизненности Интернационала в вопросе о мире!! Лицемерие национальное, грубое, наглядное, бросающееся в глаза, очевидное для рабочих, Каутский превращает в лицемерие интернациональное, тонкое, прикрытое, засоряющее глаза рабочим. Каутскианская политика во сто раз вреднее и опаснее для рабочего движения, чем Зюдекумовская. Каутскианское лицемерие во сто раз отвратительнее.

И дело вовсе не в одном Каутском, ибо такую же политику, по сути дела, ведут Аксельрод, Мартов, Чхеидзе в России, Лонге и Прессман во Франции, Тревес в Италии и т. д. Объективное значение этой политики состоит в том, что она служит поддерж-

кой буржуазной лжи в рабочем классе, проведением буржуазных идей в пролетариат. Что Зюдекум, с одной стороны, и Плеханов, с другой, только повторяют буржуазную ложь капиталистов «своей» нации, это очевидно, но не так очевидно, что Каутский тут же самую ложь освящает и возводит в «высшую правду» «единодушного» Интернационала. А буржуазии как раз и надо, чтобы рабочие считали Зюдекумов и Плехановых авторитетными, единодушными, лишь временно разошедшимися «социалистами». Буржуазии как раз то и надо, чтобы лицемерными фразами о мире, пустыми, ни к чему не обязывающими фразами, отвлекать рабочих от революционной борьбы во время войны, убаюкивать их, утешать надеждой на мир без аннексий, мир демократический и проч. и т. п.

Гюисманс только популяризировал Каутскианскую программу мира, добавляя третийские суды, демократизацию внешней политики и т. п. А первым и основным пунктом социалистической программы мира должно быть разоблачение лицемерия каутскианской программы мира, состоящей в укреплении и буржуазного влияния на пролетариат.

Припомним основные понятия социалистического учения, извращаемые каутскианцами. Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение той же политики, записью тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь ускоряет это развитие.

Война 1870—1871 г.г. была продолжением буржуазно-прогрессивной (десятилетиями тянувшейся) политики освобождения и объединения Германии. Разгром Наполеона III и свержение его ускорили это освобождение. Программа мира социалистов той эпохи была учтена учетом этого прогрессивно-буржуазного итога, была поддержанной демократической буржуазией: не грабить Францию, почетный мир с республикой.

Посмотрите, каким клоунством является попытка рабски «повторить» этот пример в обстановке империалистской войны 1914—1916 г.г. Эта война продолжает политику перезревшей реакционной буржуазии, грабившей мир, захватывающей колонии и т. д. Эта война, на почве буржуазных отношений, не может, в силу объективного положения не может, вести ни к ка-

кому демократическому «прогрессу», а только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности, и это при любом исходе войны.

Та война ускорила развитие в направлении демократическом, буржуазно-прогрессивном: свержение Наполеона III, объединение Германии. Эта война ускоряет развитие только к социалистической революции. Тогда программа демократического (буржуазного) мира имела под собой объект и вну историческую основу. Теперь этой основы нет, и фразерство о демократическом мире есть буржуазное лганье, объективное значение которого состоит в отвлечении рабочих от революционной борьбы за социализм! Тогда программой демократического мира социалисты поддерживали имевшееся в наличности глубокое, десятилетиями проявившее себя, демократически-буржуазное движение масс (к свержению Наполеона III, к объединению Германии). Теперь программой демократического мира, на почве буржуазных отношений, социалисты поддерживают обман народа буржуазией, желающей отвлечь пролетариат от социалистической революции.

Как фразы о «защите отечества» облыжно несут в массы идеологию национально-освободительной войны, так фразы о демократическом мире о б х о д н ы м п у т е м протаскивают ту же самую буржуазную ложь.

«Значит, у вас нет никакой программы мира, значит, вы против демократических требований», возражают каутскианцы, спекулируя на то, что невнимательные люди не заметят заключающуюся в этом возражении подмену существующих социалистических задач несуществующими буржуазно-демократическими задачами.

О, нет, господа, отвечаем мы каутскианцам. Мы за демократические требования, мы одни боремся за них н е л и ц е м е р н о, ибо объективное историческое положение не позволяет ставить их вне связи с социалистической революцией. Возьмите для примера тот «компас», который служит Каутскому и К-о для буржуазного обмана рабочих.

Зюдекум и Плеханов «единодушины» в «программе мира»: против аннексий! за самостоятельность наций! И заметьте, что Зюдекумы правы, когда они говорят, что отношение России к Польше, Финляндии и т. д. есть отношение аннексионистское. Прав и Плеханов, говоря, что таково же отношение Германии к Эльзасу-Лотарингии, Сербии, Бельгии и пр. Оба правы, не правда ли? И Каутский «примиряет» Зюдекума немецкого с Зюдекумом русским.

Но всякий толковый рабочий сразу видит, что и Каутский, и оба Зюдекума—лицемерны. Это ясно. Чтобы быть социалистом, надо не мириться с лицемерным демократизмом, а разоблачать его. Как же разоблачить его? Очень просто: «признание» самостоятельности наций можно считать нелицемерным лишь тогда, когда представитель угнетающей нации и до войны и во время ее требовал свободы отделения нации, угнетенной его собственным «отечеством».

Это требование одно только соответствует марксизму. Маркс выставлял его, исходя из интересов британского пролетариата, когда требовал свободы Ирландии, допуская при этом вероятность федерации после отделения, т.-е. требуя свободу отделения не ради раздробления и обособленности, а ради более прочной и более демократической связи. Во всех случаях, когда есть угнетенные и угнетающие нации, когда нет на-лицо особых обстоятельств, выделяющих революционно-демократические и реакционные нации (такие обстоятельства были на-лицо, например, в 40-х годах XIX века), политика Маркса по отношению к Ирландии должна стать образцом пролетарской политики. А империализм есть как раз та эпоха, когда существенно и типично деление наций на угнетающие и угнетенные, а различие реакционных и революционных наций в Европе совсем невозможно.

Наша партия еще в 1913 году выставила, в резолюции по национальному вопросу, обязательность для социал-демократов применять понятие самоопределения в указанном здесь смысле. И война 1914—1916 г.г. целиком подтвердила нас.

Возьмите последнюю статью Каутского в «Neue Zeit» от 3/III 1916. Он прямо заявляет свое согласие с заведомым и крайним немецким шовинистом в Австрии, Аустерлицом, редактором шовинистской венской «Габсбургской Газеты», согласие в том, что не надо «смешивать самостоятельность нации с ее суверенностью». Другими словами: довольно с угнетенных наций и национальной автономии внутри «государства национальностей», не обязательно требовать для них равного права на политическую самостоятельность. И тут же, в той же статье Каутский утверждает, что нельзя доказать, что «принадлежность к русскому государству есть необходимость для поляков».

Что это значит? Это значит, что в угоду Гинденбургу, Зюдекуму, Аустерлицу и К-о Каутский признает свободу отделения Польши от России, хотя Россия есть «государство

национальностей», но о свободе отделения поляков от Германии он молчит!! Французских социалистов Каутский в той же статье объявляет отступившими от интернационализма на том основании, что они в ойной хотят добиваться свободы Эльзаса-Лотарингии. О том, что немецкие Зюдекумы и К-о отступают от интернационализма, когда они отказываются требовать свободы отделения Эльзаса-Лотарингии от Германии, Каутский молчит!

Словечко «государство национальностей»—это словечко могут применить и к Англии, имея в виду Ирландию, и к Германии, имея в виду Польшу, Эльзас и проч.—Каутский использует для явной защиты социал-шовинизма. «Борьбу против аннексий» Каутский превратил в «программу мира... с шовинистами, превратил в волнистое лицемерие. И в той же статье Каутский повторяет сладенькие Иудушкины речи: «Интернационал никогда не переставал требовать согласия заинтересованного населения при передвижке государственных границ». Не ясно ли, что Зюдекум и К-о требуют «согласия» эльзасцев и бельгийцев на присоединение их к Германии, Аустерлиц и К-о требуют «согласия» поляков и сербов на присоединение к Австрии?

А русский каутскианец Мартов? Он пошел в газету гвоздевцев «Наш Голос» (Самара) доказывать бесспорную истину, что из самоопределения наций еще не вытекает оборона отечества в империалистской войне. Но о том, что русский социал-демократ изменяет принципу самоопределения, если он не требует свободы отделения угнетенных великороссами наций, Мартов молчит—тем самым протягивая руку для мира с Алексинскими, Гвоздевыми, Потресовыми и Плехановыми! Мартов молчит об этом и в нелегальной печати! Он спорит с голландцем Гортером, хотя Гортер, неправильно отрицая принцип самоопределения наций, правильно признает его, требуя политической независимости Голландской Индии и разоблачая измену социализму несогласных с этим голландских оппортунистов. Но Мартов не желает спорить со своим секретарем Семковским, который в 1912—1915 г.г. один выступал в ликвидаторской печати по этому вопросу и отрицал право на отделение, отрицал вообще самоопределение!

Разве не ясно, что Мартов так же лицемерно «защищает» самоопределение, как и Каутский? так же прикрывает свое желание мира и риторика с шовинистами?

А Троцкий? Он горой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных

«отечеством» данного национального социалиста; он м о л- ч и т о лицемерии Каутского и каутскианцев!

Подобная «борьба против аннексий» есть обман рабочих, а не разъяснение программы социал-демократов, есть словесная отписка, а не конкретное указание долга интернационалистов, есть уступка предрассудкам национализма и корыстным интересам его («мы» все, и буржуа и социал-шовинисты, извлекаем «выгоды» из угнетения нации «нашим» отечеством!), а не борьба с национализмом.

«Программа мира» социал-демократов должна состоять прежде всего в разоблачении лицемерия буржуазных, социал-шовинистских и каутскианских фраз о мире. Это первое и основное. Без этого мы—невольные или вольные пособники обмана масс. Наша «программа мира» требует, чтобы главный пункт демократии в этом вопросе—отрицание аннексий—применялся на деле, а не на словах, служил интернационалистской пропаганде, а не национальному лицемерию. Для этого надо разъяснить массам, что отрицание аннексий, т о-е с т ь признание самоопределения, искренно лишь тогда, когда социалист каждой нации требует свободы отделения наций, угнетенных его нацией.—Как положительный лозунг, вовлекающий массы в революционную борьбу и разъясняющий необходимость революционных мер для «демократического мира», должен быть выставлен лозунг: отказ от платежа государственных долгов.

Наша «программа мира», наконец, должна состоять в разъяснении того, что империалистские державы и империалистская буржуазия не могут дать демократического мира. Его надо искать и добиваться—но не позади, в реакционной утопии не империалистского капитализма или союза равноправных наций при капитализме,—а впереди, в социалистической революции пролетариата. Ни одно коренное демократическое требование не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистских государствах иначе, как через революционные битвы под знаменем социализма.

И кто сулит народам «демократический» мир, не проповедуя в то же время социалистической революции, отрицая борьбу за нее, борьбу уже во время войны, тот обманывает пролетариат.

ИМПЕРИАЛИЗМ КАК НОВЕЙШИЙ ЭТАП КАПИТАЛИЗМА

*Написано
весной 1916 г.*

*Напечатано
в апреле 1917 г.*

Предисловие.

Предлагаемая вниманию читателя брошюра написана весной 1916 года в Цюрихе. В тамошних условиях работы мне приходилось, естественно, терпеть известный недостаток во французской и английской литературе и очень большой недостаток в литературе русской. Но все же главный английский труд об империализме, книгу Дж. А. Гобсона, я использовал с тем вниманием, которого этот труд, по моему убеждению, заслуживает.

Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим—экономическим в особенности—анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским—проклятым эзоповским—языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения.

Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные заботой о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры. О том, что империализм есть канун социалистической революции, о том, что социал-шовинизм (социализм на словах, шовинизм на деле) есть полная измена социализму, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма и т. п.—мне приходилось говорить «рабьим» языком, и я вынужден отослать читателя, интересующегося вопросом, к выходящему вскоре переизданию моих зарубежных статей 1914—1917 годов. Особенно стоит отметить одно место, на странице 119—120 *): чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты

---

*) См. 331 стр. этого тома. Ред:

(с коими так непоследовательно борется Каутский) по вопросу об аннексиях, как бесстыдно они прикрывают аннексии своих капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко подставит вместо Японии—Россию, а вместо Кореи—Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не-великороссами заселенные области.

Я бы хотел надеяться, что моя брошюра поможет разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма.

*Петроград,
26 апреля 1917 года.*

Новейший капитализм.

За последние 10—15 лет, особенно после испано-американской (1898) и англо-бурской (1899—1902) войн, экономическая, а также политическая литература Старого и Нового Света все чаще и чаще останавливается на понятии «империализм» для характеристики переживаемой нами эпохи. В 1902 году в Лондоне и Нью-Йорке вышло в свет сочинение английского экономиста Дж. А. Гобсона: «Империализм». Автор, стоящий на точке зрения социал-реформизма и пацифизма,—однородной, в сущности, с теперешней позицией К. Каутского,—дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма. В 1910 году в Вене вышло в свет сочинение австрийского марксиста, Рудольфа Гильфердинга: «Финансовый Капитал» (русский пер., Москва 1912). Несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и на известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, это сочинение представляет собой в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма»—так гласит подзаголовок книги Гильфердинга. В сущности, то, что говорилось за последние годы об империализме—особенно в громадном количестве журнальных и газетных статей на эту тему, а также в резолюциях, напр., Хемницкого и Базельского конгрессов, состоявшихся осенью 1912 г.,—едва ли выходило из круга идей, изложенных или, вернее, подытоженных у обоих названных авторов.

В дальнейшем мы попытаемся кратко изложить, в возможно более популярной форме, связь и взаимоотношение основных экономических особенностей империализма. На неэкономической стороне дела остановиться, как она бы этого заслуживала, нам не придется. Ссылки на литературу и другие примечания, способные интересовать не всех читателей, мы отнесем в конец брошюры *).

*). См. все это в примечаниях к настоящему тому. Ред.

1. Концентрация производства и монополия.

Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма. Самые полные и самые точные данные об этом процессе дают современные промышленные переписи.

В Германии, напр., из каждой тысячи промышленных предприятий было крупных, т.-е. имеющих свыше 50 наемных рабочих, в 1882 г.—3, в 1895 г.—6 и в 1907 г.—9. На их долю приходилось из каждой сотни рабочих: 22, 30 и 37. Но концентрация производства гораздо сильнее, чем концентрация рабочих, потому что труд в крупных заведениях гораздо производительнее. На это указывают данные о паровых машинах и об электрических двигателях. Если взять то, что в Германии называют промышленностью в широком смысле, т.-е. включая и торговлю, и пути сообщения, и т. п., то получим следующую картину. Крупных заведений—30.588 из 3.265.623, т.-е. всего 0,9%. У них рабочих—5,7 миллионов из 14,4 милл., т.-е. 39,5%; паровых лошадиных сил—6,6 милл. из 8,8, т.-е. 75%; электрических—1,2 милл. килоуатт из 1,5 милл., т.-е. 80%.

Менее чем одна сотая доля предприятий имеет более $\frac{3}{4}$ общего количества паровой и электрической силы. На долю 2.197 милл. мелких (до 5 наемных рабочих) предприятий, составляющих 91% всего числа предприятий, приходится всего 7% паровой и электрической силы. Десятки тысяч крупнейших предприятий—все; миллионы мелких—ничто.

Заведений, имеющих 100 и более рабочих, было в Германии в 1907 г.—586. У них почти десятая доля (1,38 милл.) общего числа рабочих и почти третья (32%) общей суммы паровой и электрической силы²⁵⁾.

Денежный капитал и банки, как увидим, делают этот пересвес горстки крупнейших предприятий еще более подавляющим и притом в самом буквальном значении слова, т.-е. миллионы мелких, средних и даже части крупных «хозяев» оказываются на деле в полном порабощении у нескольких сотен миллионеров-финансистов.

В другой передовой стране современного капитализма, в Соединенных Штатах Сев. Америки, рост концентрации производства еще сильнее. Здесь статистика выделяет промышленность

в узком смысле слова и группирует заведения по величине стоимости годового продукта. В 1904 году крупнейших предприятий, с производством в 1 миллион долларов и свыше, было 1.900 (из 216.180, т.-е. 0,9%); у них 1,4 милл. рабочих (из 5,5 м., т.-е. 25,6%) и 5,6 миллиардов производства (из 14,8 млрд., т.-е. 38%). Через 5 лет, в 1909 г., соответственные цифры: 3.060 предприятий (из 268.491—1,1%) с 2 милл. рабочих (из 6,61—30,5%) и с 9,0 млрд. производства (из 20,7 млрд.—43,8%)²⁶.

Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов охватывают 258 отраслей промышленности. Отсюда ясно, что концентрация, на известной ступени своего развития, само собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо нескольким десяткам предприятий легко прийти к соглашению между собою, а, с другой стороны, затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий. Это превращение конкуренции в монополию представляет собою одно из важнейших явлений—если не важнейшее—в экономике новейшего капитализма, и нам необходимо подробнее остановиться на нем. Но сначала мы должны устраниТЬ одно возможное недоразумение.

Американская статистика говорит: 3.000 гигантских предприятий в 250 отраслях промышленности. Как будто бы всего по 12 предприятий крупнейшего размера на каждую отрасль. Но это не так. Не в каждой отрасли промышленности есть большие предприятия; а, с другой стороны, крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая комбинация, т.-е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собою либо последовательные ступени обработки сырья (напр., выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (напр., обработка отбросов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т. д.).

«Комбинация,—пишет Гильфердинг,—уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большее постоянство нормы прибыли. Во-вторых, комбинация приводит к устраниению торговли. В-третьих, она делает возможными технические усовершенствования, а след.,

и получение дополнительной прибыли по сравнению с «чистыми» (т.-е. некомбинированными) предприятиями. В-четвертых, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с «чистым»—усиливает его в конкуренционной борьбе во время сильной депрессии (заминки в делах, кризиса), когда понижение цен сырья отстает от понижения цен фабрикатов» ²⁷).

Немецкий буржуазный экономист Гейманн, посвятивший особое сочинение описанию «смешанных», т.-е. комбинированных, предприятий в немецкой железноделательной промышленности, говорит: «Чистые» предприятия гибнут, раздавленные высокой ценой на материалы, при низких ценах на готовые продукты». Получается такая картина: «Остались, с одной стороны, крупные каменноугольные компании, с добычей угля в несколько миллионов тонн, крепко сорганизованные в своем каменноугольном синдикате, а затем тесно связанные с ними крупные сталелитейные заводы со своим стальным синдикатом. Эти гигантские предприятия с производством стали в 400.000 тонн (тонна=60 пудов) в год, с громадной добычей руды и кам. угля, с производством готовых изделий из стали, с 10.000 рабочих, живущих по казармам рабочих поселков, иногда со своими собственными жел. дорогами и гаванями, являются типичными представителями немецкой железной промышленности. И концентрация идет все дальше и дальше вперед. Отдельные предприятия становятся все крупнее; все большее число предприятий одной и той же или различных отраслей промышленности сплачивается в гигантские предприятия, для которых полдюжины крупных берлинских банков служат и опорой, и руководителями. По отношению к германской горной промышленности точно доказана правильность учения Карла Маркса о концентрации; правда, это относится к стране, в которой промышленность защищена охранительными пошлинами и перевозочными тарифами. Горная промышленность Германии созрела для экспроприации» ²⁸).

К такому выводу должен был прийти добросовестный буржуазный экономист. Надо отметить, что он как бы выделяет Германию особо, ввиду защиты ее промышленности высокими охранительными пошлинами. Но это обстоятельство могло лишь ускорить концентрацию и образование монополистических союзов предпринимателей, картелей, синдикатов и т. п. Чрезвычайно важно, что в стране свободной торговли, в Англии, концентрация тоже приводит к монополии, хотя несколько позже и

в другой может быть форме. Вот что пишет профессор Герман Леви в специальном исследовании о «монополиях, картелях и трестах» по данным об экономическом развитии Великобритании:

«В Великобритании именно крупный размер предприятий и их высокий технический уровень несут в себе тенденцию к монополии. С одной стороны, концентрация привела к тому, что на предприятие приходится затрачивать громадные суммы капитала; поэтому новые предприятия стоят перед все более высокими требованиями в смысле размеров необходимого капитала, и этим затрудняется их появление. А с другой стороны (и этот пункт мы считаем более важным), каждое новое предприятие, которое хочет стать на уровне гигантских предприятий, созданных концентрацией, должно производить такое громадное избыточное количество продуктов, что прибыльная продажа их возможна только при необыкновенном увеличении спроса, а в противном случае этот избыток продуктов понизит цены до уровня, невыгодного ни для нового завода, ни для многочисленных союзов». В Англии монополистические союзы предпринимателей, картели и тресты возникают большей частью—в отличие от других стран, где охранительные пошлины облегчают картелирование,—лишь тогда, когда число главных конкурирующих предприятий сводится к «каким-нибудь двум дюжинам». «Влияние концентрации на рождение монополии в крупной промышленности сказывается здесь с кристальной ясностью»²⁹).

Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась большинству экономистов «законом природы». Казенная наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинение Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом. Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут». Но «факты—упрямая вещь», как говорит английская пословица, и с ними волей-неволей приходится считаться. Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, напр., в отношении протекционизма или свободной торговли, обусловливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а рождение монополии концентрацией

производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма.

Для Европы можно установить довольно точно время окончательной смены старого капитализма новым: это именно начало XX века. В одной из новейших сводных работ по истории «образования монополий» мы читаем: «можно привести из эпохи до 1860 г. отдельные примеры капиталистических монополий; можно открыть в них зародыши тех форм, которые столь обычны теперь; но все это—безусловно доисторические времена для картелей. Настоящее начало современных монополий относится, самое раннее, к 1860 г. Первый крупный период развития монополий начинается с международного угнетения промышленности 1870 годов и простирается до начала 1890 годов». «Если рассматривать дело в европейском масштабе, то предельным пунктом развития свободной конкуренции являются 60—70-ые г.г. Тогда Англия закончила постройку своей капиталистической организации старого стиля. В Германии эта организация вступила в решительную борьбу с ремеслом и домашней промышленностью и начала создавать свои формы существования». «Большой переворот начинается с краха 1873 г. или, вернее, с депрессии, которая последовала за ним и которая—с едва заметным перерывом в начале 80-х годов и с необыкновенно сильным, но коротким подъемом около 1889 г.—заполняет 22 года европейской экономической истории». «Во время короткого периода подъема 1889—1890 г.г. картелями сильно пользовались для использования конъюнктуры. Необдуманная политика поднимала цены еще быстрее и сильнее, чем это произошло бы без картелей, и почти все эти картели погибли бесславно в «могиле краха». Прошло еще пять лет плохих дел и низких цен, но в промышленности царило уже иное настроение: депрессию не считали чем-то само собою разумеющимся, в ней видели лишь паузу перед новой благоприятной конъюнктурой.

«И вот карельное движение вступило в свою вторую эпоху. Вместо преходящего явления картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Они завоевывают одну область промышленности за другой, и в первую голову обработку сырых материалов. Уже в начале 1890 г. картели выработали себе в организации коксового синдиката, по образцу которого создан угольный синдикат, такую карельную технику, дальше которой движение в сущности не пошло. Большой подъем в конце XIX века

и кризис 1900—1903 г.г. стоят—по крайней мере, в горной и железной промышленности—впервые всецело под знаком картелей. И если тогда это казалось еще чем-то новым, то теперь для широкого общественного сознания стало очевидной истиной, что крупные части хозяйственной жизни изъяты, как общее правило, из свободной конкуренции³⁰).

Итак, вот основные этапы истории монополий: 1) 1860—1870 г.г.—высшая предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии—лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они—еще исключение, еще не прочны. Они—еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 г.г.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм.

Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собою области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д.

Число картелей в Германии определялось приблизительно в 250—в 1896 и в 385—в 1905 г.г., при участии в них около 12.000 заведений³¹). Но все признают, что эти цифры преуменьшены. Из приведенных выше данных германской промышленной статистики 1907 г. видно, что даже 12.000 крупнейших предприятий сосредоточивают, наверное, больше половины общего количества паровой и электрической силы.

В Соединенных Штатах Северной Америки число трестов определялось в 1900 г.—185, в 1907—250. Американская статистика делит все промышленные предприятия на принадлежащие отдельным лицам, фирмам и корпорациям. Последним принадлежало в 1904 г.—23,6%, в 1909 г.—25,9%, т.-е. свыше четверти общего числа предприятий. Рабочих в этих заведениях было: 70,6%—в 1904 г., 75,6% (три четверти общего числа)—в 1909 г.; размеры производства были: 10,9 и 16,3 миллиардов долларов, т.-е. 73,7% и 79% общей суммы.

В руках картелей и трестов сосредоточивается нередко 7—8 десятых всего производства данной отрасли промышленности: Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат при своем основании в 1893 г. концентрировал 86,7% всего производства угля в районе, а в 1910 г.—уже 95,4%.

Создающаяся таким образом монополия обеспечивает гигантские доходы и ведет к образованию технически производственных единиц необъятного размера. Знаменитый керосиновый трест в Соединенных Штатах (Standard Oil Company) был основан в 1900 г. «Его капитал составлял 150 миллионов долларов. Выпущено было обыкновенных акций на 100 миллионов и привилегированных—на 106 милл. На эти последние выплачивалось дивиденда в 1900—1907 г.г.: 48, 48, 45, 44, 36, 40, 40%; всего 341 миллион долларов. С 1882 по 1907 год было получено чистой прибыли 889 милл. д.; из них 606 м. уплачены в дивиденд, а оставшее пошло на резервный капитал»³²⁾. «Во всех предприятиях стального треста (United States Steel Corporation) было в 1907 г. не менее как 210.180 рабочих и служащих. Самое крупное предприятие германской горной промышленности — Гельзенкирхенское Горное Общество (Gelsenkirchner Bergwerksgesellschaft) имело в 1908 г.—46.048 рабочих и служащих»³³⁾. Еще в 1902 г. стальной трест производил 9 миллионов тонн стали³⁴⁾. Его производство стали составляло в 1901 г.—66,3%, а в 1908—56,1% всего производства стали в Соединенных Штатах³⁵⁾; добыча руды—43,3% и 46,3%—за те же годы³⁶⁾.

Отчет американской правительственной комиссии о трестах говорит: «Их превосходство над конкурентами основывается на крупных размерах их предприятий и на их превосходно поставленной технике. Табачный трест с самого своего основания прилагал все усилия к тому, чтобы в широких размерах заменять ручной труд машинным повсюду. Он скупал для этой цели все патенты, имеющие какое-нибудь отношение к обработке табака, и израсходовал на это громадные суммы. Многие патенты оказывались сначала негодными, и их приходилось перерабатывать инженерам, состоящим на службе у треста. В конце 1906 г. было создано два филиальных общества с исключительной целью скопки патентов. Для той же цели трест основал свои литейни, машинные фабрики и ремонтные мастерские. Одно из этих заведений, в Бруклине, занимает в среднем 300 рабочих; здесь производятся опыты над изобретениями для производства папирос, маленьких сигар, никотинового табака, листового олова для упаковки, коробок и пр.; здесь же усовершенствуются изобретения³⁷⁾. И другие тресты держат у себя на службе так называемых developing engineers (инженеров для развития техники), задачей которых является изобретение новых приемов производства и испы-

тание технических улучшений. Стальной трест платит своим инженерам и рабочим высокие премии за изобретения, способные повысить технику или уменьшить издержки»³⁸⁾.

Подобным же образом организовано дело технических улучшений в германской крупной промышленности—напр., в химической, которая развивалась так гигантски за последние десятилетия. Процесс концентрации производства уже в 1908 г. создал в этой промышленности две главные «группы», которые по-своему тоже подходили к монополии. Сначала эти группы были «двойственными союзами» двух пар крупнейших фабрик, с капиталом каждая в 20—21 милл. марок: с одной стороны, бывшая Майстера фабрика в Хохсте и Касселе—во Франкфурте-на-Майне, с другой стороны, анилиновая и содовая фабрика в Людвигсхавене и бывшая Байера—в Эльберфельде. Затем в 1905 году одна группа, а в 1908 г.—другая вошли в соглашение каждая еще с одной крупной фабрикой; получилось два «тройственных союза» с капиталом в 40—50 милл. марок каждый³⁹⁾, и между этими союзами уже началось «сближение», «договоры» о ценах и т. д. *).

Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский процесс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований.

Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и незнающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, который «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы. Монополизируются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры; захватываются пути и средства сообщения—железные дороги в Америке, пароходные общества в Европе и в Америке. Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает,

*) Газеты сообщают (июнь 1916 г.) о новом гигантском тресте, объединяющем химические производства Германии.

так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощущительнее, невыносимее.

Немецкий экономист Кестнер посвятил особое сочинение «борьбе между картелями и посторонними», т.-е. не входящими в картель предпринимателями. Он назвал это сочинение: «Принуждение к организации», тогда как надо было бы говорить о «принуждении к подчинению союзам монополистов». Поучительно взглянуть хотя бы на перечень тех средств современной, новейшей, цивилизованной борьбы за «организацию», к которым прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов... («один из важнейших приемов для принуждения к вступлению в картель»); 2) лишение рабочих рук посредством «аллиансов» (т.-е. договоров капиталистов с рабочими союзами о том, чтобы последние принимали работу только в картелированных предприятиях); 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен для разорения «посторонних», т.-е. предприятий, не подчиняющихся монополистам: расходуются миллионы на то, чтобы известное время продавать ниже себестоимости (в бензинной промышленности бывали примеры понижения цен с 40 до 22 марок, т.-е. почти вдвое!); 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота.

Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу. Вот как отражается этот процесс в сознании буржуазного экономиста: «Даже в области чисто хозяйственной деятельности,— пишет Кестнер,— происходит известная передвижка от торговой деятельности в прежнем смысле к организаторско-спекулятивной. Наибольшим успехом пользуется не купец, умеющий на основании своего технического и торгового опыта всего лучше определить потребности покупателей, найти и, так сказать, «открыть» спрос, остающийся в скрытом

состоянии, а спекулятивный гений (?!), умеющий наперед учесть или хотя бы только почутъ организационное развитие, возможность известных связей между отдельными предприятиями и банками»...

В переводе на человеческий язык это значит: развитие капитализма дошло до того, что хотя товарное производство по-прежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничества лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу спекулянтам. Мы увидим ниже, как «на этом основании» мещанско-реакционная критика капиталистического империализма мечтает о возвращении на Зад, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции.

«Длительное повышение цен, как результат образования картелей,—говорит Кестнер,—до сих пор наблюдалось только по отношению к важнейшим средствам производства, особенно к каменному углю, железу, кали, и, наоборот, никогда не наблюдалось по отношению к готовым продуктам. Связанное с этим повышение доходности равным образом ограничивалось индустрией, производящей средства производства. Это наблюдение надо еще дополнить тем, что промышленность, обрабатывающая сырье материалы (а не полуфабрикаты), не только извлекает выгоды в виде высоких прибылей, благодаря образованию картелей, к ущербу для промышленности, занятой дальнейшей переработкой полуфабрикатов, но и стала по отношению к этой промышленности в известное отношение господства, которого не было при свободной конкуренции»⁴⁰⁾.

Подчеркнутые нами слова показывают ту суть дела, которую так неохотно и редко признают буржуазные экономисты и от которой так усердно стараются отговориться и отмахнуться современные защитники оппортунизма с К. Каутским во главе. Отношения господства и связанного с ними насилия—вот что типично для «новейшей фазы в развитии капитализма», вот что с неизбежностью должно было произойти и произошло из образования всесильных экономических монополий.

Приведем еще один пример хозяйствования картелей. Там, где можно захватить в свои руки все или главные источники сырья, возникновение картелей и образование монополий особенно лег-

ко. Но было бы ошибкой думать, что монополии не возникают и в других отраслях промышленности, где захват источников сырья невозможен. В цементной промышленности сырой материал имеется всюду. Но и эта промышленность сильно картелирована в Германии. Заводы объединились в подрайонные синдикаты: южно-германский, рейнско-вестфальский и т. д.; цены установлены монопольные: 230—280 марок за вагон при себестоимости в 180 марок! Предприятия дают 12—16% дивиденда, при чем не надо забывать, что «гении» современной спекуляции умеют направлять в свои карманы большие суммы прибылей помимо тех, что распределяются как дивиденд. Чтобы устраниТЬ конкуренцию из столь прибыльной промышленности, монополисты пускаются даже на уловки: распространяются ложные слухи о плохом положении промышленности; печатаются анонимные объявления в газетах: «Капиталисты! остерегайтесь вкладывать капиталы в цементное дело»; наконец, скрупают заведения «посторонних» (т.-е. не участвующих в синдикатах), платят им «отступного» 60—80—150 тысяч марок⁴¹⁾. Монополия пролагает себе дорогу всюду и всяческими способами, начиная от «скромного» платежа отступного и кончая американским «применением» динамита к конкуренту.

Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало. На-против, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную в с е м у капиталистическому производству в целом; несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная, так наз. тяжелая индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности», как признается Ейдельс, автор одной из лучших работ об «отношении немецких крупных банков к промышленности»⁴²⁾.

«Чем развитее народное хозяйство,— пишет Лифман, беспардонный защитник капитализма,— тем больше обращается оно к более рискованным или к заграничным предприятиям, к таким, которые требуют продолжительного времени для своего развития, или наконец к таким, которые имеют только местное значение»⁴³⁾.

Увеличение риска связано в конце концов с гигантским увеличением капитала, который, так сказать, льется через край, течет за границу и т. д. А вместе с тем усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов. «Вероятно,—вынужден признать тот же Лифман,—человечеству предстоят в недалеком будущем снова крупные перевороты в области техники, которые проявят свое действие и на народно-хозяйственную организацию»... электричество, воздухоплавание. «Обыкновенно и по общему правилу в такие времена коренных экономических изменений развивается сильная спекуляция...»⁴⁴⁾.

А кризисы—всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические—в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии. Вот чрезвычайно поучительное рассуждение Ейдельса о значении кризиса 1900 года, кризиса, сыгравшего, как мы знаем, роль поворотного пункта в истории новейших монополий:

«Кризис 1900 года застал на-ряду с гигантскими предприятиями в главных отраслях промышленности еще много предприятий с организацией по теперешним понятиям устарелою, «чистые» предприятия (т.-е. не комбинированные), поднявшиеся вверх на гребне волны промышленного подъема. Падение цен, понижение спроса привели эти «чистые» предприятия в такое бедственное положение, которое либо вовсе не коснулось комбинированных гигантских предприятий, либо затронуло их на совсем короткое время. Вследствие этого кризис 1900 г. в несравненно большей степени привел к промышленной концентрации, чем кризис 1873 года: этот последний создал тоже известный отбор лучших предприятий, но при тогдашнем уровне техники этот отбор не мог привести к монополии предприятий, сумевших победоносно выйти из кризиса. Именно такой длительной монополией, и притом в высокой степени, обладают гигантские предприятия теперешней железноделательной и электрической промышленности, благодаря их очень сложной технике, их далеко проведенной организации, мощи их капитала, а затем в меньшей степени и предприятия машиностроительной, известных отраслей металлургической промышленности, путей сообщения и пр.»⁴⁵⁾.

Монополия—вот последнее слово «новейшей фазы в развитии капитализма». Но наши представления о действительной силе и

значении современных монополий были бы крайне недостаточны, неполны, преуменьшены, если бы мы не приняли во внимание роли банков.

2. Банки и их новая роль.

Основной и первоначальной операцией банков является посредничество в платежах. В связи с этим банки превращают бездействующий денежный капитал в действующий, т.-е. приносящий прибыль, собирают все и всяческие денежные доходы, предоставляя их в распоряжение капиталистов.

По мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки превращаются из скромной роли посредников во властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм, и потому на концентрации банковского дела нам надо, в первую очередь, остановиться.

В 1907—1908 г.г. вклады всех акционерных банков Германии, обладавших капиталом более 1 миллиона марок, составляли 7 миллиардов марок; в 1912—1913 г.г. — уже 9,8 миллиардов. Увеличение на 40% за пять лет, при чем из этих 2,8 мл. увеличения 2,75 мл. приходится на 57 банков, имевших капитал свыше 10 миллионов марок. Распределение вкладов между крупными и мелкими банками было следующее ⁴⁶⁾:

Процент всех вкладов:

	У берлинских крупных банков, числом 9.	У остальных 48 банков, с капиталом свыше 10 миллион. мар.	У 155 банков с капиталом 1—10 милл.	У мелких банков (менее) 1 милл.
1907/8. . . .	47%	32,5%	16,5%	4%
1912/13	49%	36,0%	12,0%	3%

Мелкие банки оттеснены крупными, из которых всего 9 концентрируют почти половину всех вкладов. Но здесь еще не принято очень многое во внимание, напр., превращение целого ряда мелких банков в фактические отделения крупных и т. д., о чем пойдет речь ниже.

В конце 1913 г. Шульце-Геверниц определял вклады 9 берлинских крупных банков в 5,1 млрд. марок из общей суммы около 10 миллиардов. Принимая во внимание не только вклады, а весь банковский капитал, тот же автор писал: «В конце 1909 г. 9 берлинских крупных банков, вместе с примыкающими к ним банками, управляли 11,3 миллиардами марок, т.е. около 83% всей суммы немецкого банковского капитала. «Немецкий банк» («Deutsche Bank»), управляющий вместе с примыкающими к нему банками, суммой около 3 миллиардов марок, является, рядом с прусским управлением государственных железн. дорог, самым крупным, и притом в высокой степени децентрализованным, скоплением капитала в Старом Свете»⁴⁷⁾.

Мы подчеркнули указание на «примыкающие» банки, ибо оно относится к одной из самых важных отличительных особенностей новейшей капиталистической концентрации. Крупные предприятия, банки в особенности, не только прямо поглощают мелкие, но и «присоединяют» их к себе, подчиняют их, включают в «свою» группу, в свой «концерн» — как гласит технический термин — посредством «участия» в их капитале, посредством скупки или обмена акций, системы долговых отношений и т. п. и т. д. Профессор Лифман посвятил целый огромный «труд» в полтысячи страниц описанию современных «обществ участия и финансирования» — к сожалению, с добавлением весьма низкопробных «теоретических» рассуждений к сырому материалу. К какому итогу в смысле концентрации приводит эта система «участий», лучше всего показано в сочинении банкового «деятеля» Риссера о немецких крупных банках. Но, прежде чем переходить к его данным, мы приведем один конкретный пример системы «участий».

«Группа» «Немецкого банка» — одна из самых крупных, если не самая крупная из всех групп больших банков. Чтобы учесть главные нити, связывающие вместе все банки этой группы, надо различать «участия» первой, второй и третьей степени или, что то же, зависимость (более мелких банков от «Немецкого банка») первой, второй и третьей степени. Получается такая картина⁴⁸⁾:

«Нем. Банк»	участует	Зависимость		Зависимость		Зависимость	
		постоянно . . .	в 17 банк.,	из них 9 в 34,	из них 4 в 7	из них 5 в 14	из них 2 в 2
	на неизв. время . .	» 5 »		» — » —	» — » —	» 2 » 2	
	от врем. до врем. . .	» 8 »		» 5 » 14			
	Всего . . .	в 30 банк.,		из них 14 в 48,		из них 6 в 9	

В число 8-ми банков «первой степени зависимости» входят три заграничных банка: один австрийский (венский «Банковый Союз», «Bank Verein») и два русских (Сибирский Торговый и Русский банк для внешней торговли). Всего в группу «Немецкого банка» входят, прямо и косвенно, целиком и отчасти, 87 банков, а общая сумма капитала своего и чужого, которым распоряжается группа, определяется в 2—3 миллиарда марок.

Ясно, что банк, стоящий во главе такой группы и входящий в соглашения с полдюжины других, немного уступающих ему банков, для особенно больших и выгодных финансовых операций, вроде государственных займов, вырос уже из роли «посредника» и превратился в союз горстки монополистов.

С какой быстротой именно в XIX и начале XX века шла концентрация банковского дела в Германии, видно из следующих, приводимых нами в сокращенном виде, данных Риссера:

6 берлинских крупных банков имели:

Годы	Отделений в Германии:	Депозитных касс и мельчайших контор.	Постоянн. участий в немецких акцион. банках.	Всего всёх учреждений.
1895 . . .	16	14	1	42
1900 . . .	21	40	8	80
1911 . . .	104	276	63	450

Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство. Та «децентрализация», о которой говорил в приведенной выше цитате Шульце-Геверниц от имени буржуазной политической экономии наших дней, на деле состоит в подчинении единому центру все большего и большего числа бывших ранее сравнительно «самостоятельными» или, вернее, локально (местно) замкнутыми, хозяйственных единиц. На деле, значит, это — централизация, усиление роли, значения, моцки монополистических гигантов.

В более старых капиталистических странах эта «банковская сеть» еще гуще. В Англии с Ирландией в 1910 году число отделений всех банков определялось в 7.151. Четыре крупных банка имели каждый свыше 400 отделений (от 447 до 639), затем еще 4—свыше 200 и 11—свыше 100.

Во Франции три крупнейших банка: «Crédit Lyonnais», «Comptoir National d'Escompte» и «Société Générale» развивали свои операции и сеть своих отделений следующим образом ⁴⁹):

	Число отделений и касс:		Размер капиталов:	
	в про- винции.	в Па- риже.	своего (миллион.	чужого франков).
1870 . . .	47	17	64	200
1890 . . .	192	66	258	265
1909 . . .	1.033	196	1.229	887
				4.363

Для характеристики «связей» современного крупного банка Риссер приводит данные о числе писем, отправляемых и получаемых «Учетным обществом» («Disconto Gesellschaft»), одним из самых больших банков в Германии и во всем мире (капитал его в 1914 г. дошел до 300 миллионов марок):

	Число писем входящих.	Число писем исходящих.
1852	6.135	6.292
1870	85.800	87.513
1900	533.102	626.043

В парижском крупном банке «Лионский Кредит» число счетов с 28.535 в 1875 г. поднялось до 633.539 в 1912 г. ⁵⁰).

Эти простые цифры нагляднее, чем длинные рассуждения, показывают, как с концентрацией капитала и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение. Из разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист. Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность—через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции—сначала т о ч н о у з н а в а т ь состояние дел у отдельных капиталистов, затем к о н т р о л и р о в а т ь их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита и, наконец, в се ц е л о определять их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.

Мы упомянули сейчас о капитале в 300 милл. марок у «Учетного общества» в Берлине. Это увеличение капитала «Учетным

обществом» было одним из эпизодов борьбы за гегемонию между двумя из самых больших берлинских банков: «Немецким банком» и «Учетным обществом».

В 1870 г. первый был еще новичком и обладал капиталом всего в 15 милл., второй—в 30 милл. В 1908 г. первый имел капитал в 200 милл., второй—в 170 милл. В 1914 г. первый поднял капитал до 250 милл., второй, посредством слияния с другим первоклассно-крупным банком, «Шаффгаузенским Союзным Банком»—до 300 милл. И, разумеется, эта борьба за гегемонию идет рядом с учащающимися и упрочивающимися «соглашениями» обоих банков. Вот, какие выводы навязывает этот ход развития специалистам по банковому делу, смотрящим на экономические вопросы с точки зрения, никоим образом не выходящей за пределы умеренного и аккуратнейшего буржуазного реформаторства:

«Другие банки последуют по тому же пути,—писал немецкий журнал «Банк» по поводу повышения капитала «Учетного общества» до 300 милл.,—и из 300 человек, которые теперь экономически правят Германией, останется со временем 50, 25 или еще менее. Нельзя ожидать, что новейшее концентрационное движение ограничится одним банковым делом. Тесные связи между отдельными банками естественно ведут также к сближению между синдикатами промышленников, которым покровительствуют эти банки... В один прекрасный день мы проснемся, и перед нашими изумленными глазами окажутся одни только тресты; перед нами будет стоять необходимость заменить частные монополии государственными монополиями. И тем не менее нам, в сущности, не за что упрекнуть себя, кроме как за то, что мы предоставили развитию вещей свободный ход, немного ускоренный акцией»⁵¹⁾.

Вот образец беспомощности буржуазной публицистики, от которой буржуазная наука отличается только меньшей искренностью и стремлением затушевать суть дела, заслонить лес деревьями. «Изумляться перед последствиями концентрации, «упрекать» правительство капиталистической Германии или капиталистическое «общество» («мы»), бояться «ускорения» концентрации от введения акций,—как один немецкий специалист «по картелям», Чиршки, боится американских трестов и «предпочитает» немецкие картели, ибо они, будто бы, способны «не так чрезмерно ускорять технический прогресс, как тресты»⁵²⁾,—разве это не беспомощность?

Но факты остаются фактами. В Германии нет трестов, а есть только картели, но ею управляет не более 300 магнатов,

и число их неуклонно уменьшается. Банки во всяком случае, во всех капиталистических странах, при всех разновидностях банковского законодательства, во много раз усиливают и ускоряют процесс концентрации капитала и образования монополий.

«Банки создают в общественном масштабе форму, но именно только форму, общего счетоводства и общего распределения средств производства», — писал Маркс полвека тому назад в «Капитале» (русск. пер., т. III, ч. II, стр. 144). Приведенные нами данные о росте банковского капитала, об увеличении числа контор и отделений крупнейших банков, числа их счетов и пр. показывают нам конкретно это «общее счетоводство» в с е г о класса капиталистов и даже не только капиталистов, ибо банки собирают, хотя бы на время, всяческие денежные доходы, и мелких хозяйствиков, и служащих, и ничтожного верхнего слоя рабочих. «Общее распределение средств производства» — вот что р а с т ет, с формальной стороны дела, из современных банков, которые в числе каких-нибудь трех-шести крупнейших банков Франции, шести-восьми — в Германии распоряжаются миллиардами и миллиардами. Но по содер жанию своему это распределение средств производства совсем не «общее», а частное, т.-е. сообразованное с интересами крупного и в первую голову крупнейшего монополистического капитала, действующего в таких условиях, когда масса населения живет впроголодь, когда все развитие земледелия безнадежно отстает от развития промышленности, а в промышленности «тяжелая индустрия» берет дань со всех остальных ее отраслей.

В деле обобществления капиталистического хозяйства конкуренцию банкам начинают оказывать сберегательные кассы и почтовые учреждения, которые более «децентрализованы», т.-е. захватывают в круг своего влияния большее количество местностей, большее число захолустий, более широкие круги населения. Вот данные, собранные американской комиссией по вопросу о сравнительном развитии вкладов в банки и в сберегательные кассы⁵³⁾:

Вклады (в миллиардах марок):

	А н г л и я.		Ф р а н ц и я.		Г е р м а н и я.		
	в бан- ки.	в сбер. кассы.	в бан- ки.	в сбер. кассы.	в бан- ки.	в кред. товарищ.	в сбер. кассы.
1880 . . .	8,4	1,6	?	0,9	0,5	0,4	2,6
1888 . . .	12,4	2,0	1,5	2,1	1,1	0,4	4,5
1908 . . .	23,2	4,2	3,7	4,2	7,1	2,2	13,9

Платя по 4 и по $4\frac{1}{4}\%$ по вкладам, сберегательные кассы вынуждены искать «доходного» помещения своим капиталам, пускаться в вексельные, гипотечные и прочие операции. Границы между банками и сберегательными кассами все более стираются. Торговые палаты, например, в Бохуме, в Эрфурте, требуют «запретить» сберегательным кассам вести «чисто» банковые операции, вроде учета векселей, требуют ограничения «банковской» деятельности почтовых учреждений⁵⁴). Банковые тузы как бы боятся, не подкрадывается ли к ним государственная монополия с неожиданной стороны. Но, разумеется, эта боязнь не выходит за пределы конкуренции, так сказать, двух столоначальников в одной канцелярии. Ибо, с одной стороны, миллиардными капиталами сберегательных касс распоряжаются на деле в конце концов те же магнаты банковского капитала; а с другой стороны, государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности.

Смена старого капитализма, с господством свободной конкуренции, новым капитализмом, с господством монополии, выражается, между прочим, в падении значения биржи. «Биржа давно перестала быть,— пишет журнал «Банк»,— необходимым посредником обращения, каким она была раньше, когда банки не могли еще размещать большей части выпускаемых фондовых ценностей среди своих клиентов»⁵⁵).

«Всякий банк есть биржа»—это современное изречение заключает в себе тем больше правды, чем крупнее банк, чем больше успехов делает концентрация в банковом деле⁵⁶). «Если прежде, в 70-х годах, биржа, с ее юношескими эксцессами («тонкий» намек на биржевой крах 1873 г., на грюндерские скандалы и пр.), открывала эпоху индустриализации Германии, то в настоящее время банки и промышленность могут «справляться самостоятельно». Господство наших крупных банков над биржей... есть не что иное, как выражение полностью организованного немецкого промышленного государства. Если таким образом суживается область действия автоматически функционирующих экономических законов и чрезвычайно расширяется область сознательного регулирования через банки, то в связи с этим гигантски возрастает и народно-хозяйственная ответственность немногих руководящих лиц»,—так пишет немецкий профессор Шульце-Геверниц, защитник немецкого империализма, авторитет для империалистов

всех стран, старающийся затушевать «мелочь», именно, что это «сознательное регулирование» через банки состоит в обиরании публики горсткою «полностью организованных» монополистов. Задача буржуазного профессора состоит не в раскрытии всей механики, не в разоблачении всех проделок банковых монополистов, а в прикрытии их.

Точно так же и Риссер, еще более авторитетный экономист и банковский «деятель», отделяется ничего не говорящими фразами по поводу фактов, отрицать которые невозможно: «биржа все более теряет безусловно необходимое для всего хозяйства и для обращения ценных бумаг свойство быть не только самым точным измерительным инструментом, но и почти автоматически действующим регулятором экономических движений, стекающихся к ней»⁵⁷⁾.

Другими словами: старый капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришел новый капитализм, носящий на себе черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией. Естественно напрашивается вопрос, к чему «переходит» этот новейший капитализм, но поставить этот вопрос буржуазные ученые боятся.

«Тридцать лет тому назад свободно конкурирующие предприниматели выполняли $\frac{9}{10}$ той экономической работы, которая не принадлежит к области физического труда «рабочих». В настоящее время чиновники выполняют $\frac{9}{10}$ этой экономической умственной работы. Банковое дело стоит во главе этого развития»⁵⁸⁾. Это признание Шульце-Геверница еще и еще раз упирается в вопрос о том, переходом к чему является новейший капитализм,—капитализм в его империалистической стадии.

Между немногими банками, которые в силу процесса концентрации остаются во главе всего капиталистического хозяйства, естественно все больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к тресту банков. В Америке не девять, а два крупнейших банка, миллиардеров Рокфеллера и Моргана, господствуют над капиталом в 11 миллиардов марок. В Германии отмеченное нами выше поглощение «Шаффгаузенского Союзного Банка» «Учетным обществом» вызвало следующую оценку со стороны газеты биржевых интересов «Франкфуртской Газеты»:

«С ростом концентрации банков суживается тот круг учреждений, к которому вообще можно обратиться за кредитом, в силу чего увеличивается зависимость крупной промышленности от немногих банковских групп. При тесной связи между промышленностью и миром финансистов свобода движения промышленных обществ, нуждающихся в банковом капитале, оказывается стесненою. Поэтому крупная промышленность смотрит на усиливающееся трестирование (объединение или превращение в тресты) банков со смешанными чувствами; в самом деле, уже неоднократно приходилось наблюдать зачатки известных соглашений между отдельными концернами крупных банков, соглашений, сводящихся к ограничению конкуренции»⁵⁹⁾.

Опять и опять последнее слово в развитии банкового дела—монополия.

Что касается до тесной связи между банками и промышленностью, то именно в этой области едва ли не нагляднее всего сказывается новая роль банков. Если банк учитывает векселя данного предпринимателя, открывает для него текущий счет и т. п., то эти операции, взятые в отдельности, ни на иоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции учащаются и упрочиваются, если банк «собирает» в свои руки громадных размеров капиталы, если ведение текущих счетов данного предприятия позволяет банку—а это так и бывает—все детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается все более полная зависимость промышленного капиталиста от банка.

Вместе с этим развивается, так сказать, личная уния банков, с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, слияние тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий и обратно. Немецкий экономист Ейдельс собрал подробнейшие данные об этом виде концентрации капиталов и предприятий. Шесть крупнейших берлинских банков были представлены через своих директоров в 344 промышленных обществах и через своих членов правления—еще в 407, итого в 751 обществе. В 289 обществах они имели либо по два члена наблюдательных советов, либо места их председателей. Среди этих торгово-промышленных обществ мы встречаем самые разнообразные отрасли промышленности: и

страховое дело, и пути сообщения, и рестораны, и театры, и художественную промышленность, и пр. С одной стороны, в наблюдательных советах тех же шести банков был (в 1910 г.) 51 крупнейший промышленник, в том числе директор фирмы Крупп, гигантского пароходного общества «Нараг» (Hamburg-Amerika) и т. д. и т. п. Каждый из шести банков с 1895 по 1910 г. участвовал в выпуске акций и облигаций для многих сотен промышленных обществ, именно: от 281 до 419 ⁶⁰⁾.

«Личная уния» банков с промышленностью дополняется «личной унией» тех и других обществ с правительством. «Места членов наблюдательных советов,— пишет Ейдельс,— добровольно предоставляют лицам с громкими именами, а также бывшим чиновникам по государственной службе, которые могут доставить не мало облегчений (!!) при сношениях с властями»... «В наблюдательном совете крупного банка встречаем обыкновенно члена парламента или члена Берлинской городской думы».

Выработка или разработка, так сказать, крупных, капиталистических монополий идет, след., на всех парах, всеми «естественными» и «сверхъестественными» путями. Складывается систематически известное разделение труда между несколькими сотнями финансовых королей современного капиталистического общества:

«На-ряду с этим расширением области деятельности отдельных крупных промышленников» (вступающих в правление банков и т. п.) «и с предоставлением в ведение провинциальных директоров банков исключительно одного определенного промышленного округа идет известный рост специализации среди руководителей крупных банков. Такая специализация мыслима вообще лишь при больших размерах всего банковского предприятия и его промышленных связей в особенности. Это разделение труда идет по двум направлениям: с одной стороны, сношения с промышленностью в целом поручаются одному из директоров, как его специальное дело; с другой стороны, каждый директор берет на себя надзор за отдельными предприятиями или за группами предприятий, близких между собой по профессии или по интересам» (капитализм уже доро⁶¹⁾ до организованного надзора за отдельными предприятиями)... «У одного специальностью является германская промышленность, иногда даже только западно-германская» (западная Германия — наиболее промышленная часть

Германии), «у других—отношения к государствам и промышленности заграницы, сведения о личности промышленников и пр., биржевые дела и т. д. Кроме того, часто каждый из директоров получает в свое заведывание особую местность или особую отрасль промышленности: один работает главным образом в наблюдательных советах электрических обществ, другой—в химических фабриках, пивоваренных или свеклосахарных заводах, третий—в немногих изолированных предприятиях, а рядом с этим—в наблюдательном совете страховых обществ... Одним словом, несомненно, что в крупных банках, по мере роста размеров и разнообразия их операций, складывается все большее разделение труда между руководителями—с той целью (и с таким результатом), чтобы несколько поднять их, так сказать, выше банковых дел, сделать их более способными к суждению, более знающими толк в общих вопросах промышленности и в специальных вопросах отдельных ее отраслей, подготовить их к деятельности в области промышленной сферы влияния банка. Эта система банков дополняется стремлением выбирать в свои наблюдательные советы людей, хорошо знакомых с промышленностью, предпринимателей, бывших чиновников, особенно служивших по железнодорожному, горному ведомству», и т. д.⁶¹⁾.

Однородные учреждения, только в иной чуточку форме, встречаем во французском банковом деле. Напр., один из трех французских крупнейших банков, «Лионский Кредит», организовал у себя особое «отделение сбора финансовых сведений» (*Service des études financières*). В них работает постоянно свыше 50 человек инженеров, статистиков, экономистов, юристов и пр. Стоит оно от 6 до 7 сот тысяч франков в год. Подразделено в свою очередь на 8 отделов: один собирает сведения специально о промышленных предприятиях, другой изучает общую статистику, третий—железнодорожные и пароходные общества, четвертый—фонды, пятый—финансовые отчеты и т. д.⁶²⁾.

Получается, с одной стороны, все большее слияние или, как выразился удачно Н. И. Бухарин, сращивание банкового и промышленного капиталов, а с другой стороны—перерастание банков в учреждения поистине «универсального характера». Мы считаем необходимым привести точные выражения по этому вопросу Ейдельса, писателя, лучше всех изучившего дело: «Как результат рассмотрения промышленных связей в их совокупности, мы полу-

чаем универсальный характер финансовых институтов, работающих на промышленность. В противоположность другим формам банков, в противоположность выставлявшимся иногда в литературе требованиям, что банки должны специализироваться на определенной области дел или отрасли промышленности, чтобы не терять почвы под ногами,—крупные банки стремятся сделать свои связи с промышленными предприятиями как можно более разнообразными по месту и роду производства, стараются устранить те неравномерности в распределении капитала между отдельными местностями или отраслями промышленности, которые объясняются из истории отдельных предприятий». «Одна тенденция состоит в том, чтобы сделать связь с промышленностью общим явлением; другая—в том, чтобы сделать ее прочной и интенсивной; обе осуществлены в шести крупных банках не полностью, но уже в значительных размерах и в одинаковой степени».

Со стороны торгово-промышленных кругов нередко слышатся жалобы на «терроризм» банков. И неудивительно, что подобные жалобы раздаются, когда крупные банки «командуют» так, как показывает следующий пример. 19 ноября 1901 года один из так наз. берлинских «д» банков (названия четырех крупнейших банков начинаются на букву «д») обратился к правлению северо-западно-средне-немецкого цементного синдиката со следующим письмом: «Из сообщения, которое вы опубликовали 18-го тек. мес. в газете такой-то, видно, что мы должны считаться с возможностью, что на общем собрании вашего синдиката, имеющем состояться 30-го с. м., будут приняты решения, способные произвести в вашем предприятии изменения, для вас неприемлемые. Поэтому мы, к нашему глубокому сожалению, вынуждены прекратить вам тот кредит, коим вы пользовались... Но если на этом общем собрании не будет принято неприемлемых для нас решений и нам будут даны соответствующие гарантии в этом отношении насчет будущего, то мы выражаем готовность вступить в переговоры об открытии вам нового кредита» ⁶³⁾.

В сущности, это те же жалобы мелкого капитала на гнет крупного, только в разряд «мелких» попал здесь целый синдикат! Старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой степени развития. Понятно, что и технический прогресс миллиардные предприятия крупных

банков могут двигать вперед средствами, не идущими ни в какое сравнение с прежними. Банки учреждают, напр., особые общества технических исследований, результатами которых пользуются, конечно, только «дружественные» промышленные предприятия. Сюда относятся «Общество для изучения вопроса об электрических железных дорогах», «Центральное бюро для научно-технических исследований» и т. п.

Сами руководители крупных банков не могут не видеть, что складываются какие-то новые условия народного хозяйства, но они беспомощны перед ними.

«Кто наблюдал в течение последних лет,— пишет Ейдельс,— смену лиц на должностях директоров и членов наблюдательных советов крупных банков, тот не мог не заметить, как власть переходит постепенно в руки лиц, считающих необходимой и все более насущной задачей крупных банков активное вмешательство в общее развитие промышленности, при чем между этими лицами и старыми директорами банков развивается отсюда расхождение на деловой, а часто и на личной почве. Дело идет, в сущности, о том, не страдают ли банки, как кредитные учреждения, от этого вмешательства банков в промышленный процесс производства, не приносятся ли солидные принципы и верная прибыль в жертву такой деятельности, которая не имеет ничего общего с посредничеством в доставлении кредита и которая заводит банк в такую область, где он еще больше подчинен господству промышленной конъюнктуры, чем прежде. Так говорят многие из старых руководителей банков, а большинство молодых считает активное вмешательство в вопросы промышленности такой же необходимостью, как и та, которая вызвала к жизни вместе с современной крупной промышленностью и крупные банки и новейшее промышленное банковое предприятие. Лишь в том согласны между собою обе стороны, что не существует ни твердых принципов, ни конкретной цели для новой деятельности крупных банков»⁶⁴⁾.

Старый капитализм отжил. Новый является переходом к чему-то. Найти «твёрдые принципы и конкретную цель» для «при-мирения» монополии со свободной конкуренцией, разумеется, дело безнадежное. Признание практиков звучит совсем не так, как казенное воспевание прелестей «организованного» капитализма его апологетами, вроде Шульце-Геверница, Лифмана и т. п. «теоретиками».

К какому именно времени относится окончательное установление «новой деятельности» крупных банков, на этот важный вопрос мы находим довольно точный ответ у Ейдельса:

«Связи между промышленными предприятиями с их новым содержанием, новыми формами, новыми органами, именно: крупными банками, организованными одновременно и централистически и децентралистически, образуются, как характерное народно-хозяйственное явление, едва ли раньше 90-х годов: в известном смысле можно даже отодвинуть этот начальный пункт до 1897 г., с его крупными «слияниями» предприятий, вводящими впервые новую форму децентрализованной организации ради соображений промышленной политики банков. Этот начальный пункт можно, пожалуй, отодвинуть еще на более поздний срок, ибо лишь кризис 1900 года гигантски ускорил процесс концентрации и в промышленности и в банковском деле, закрепил этот процесс, впервые превратил сношения с промышленностью в настоящую монополию крупных банков, сделал эти сношения значительно более тесными и интенсивными»⁶⁵).

Итак, XX век—вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала.

3. Финансовый капитал и финансовая олигархия.

«Все возрастающая часть промышленного капитала,— пишет Гильфердинг,— не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковский капитал—следовательно, капитал в денежной форме,— который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом». «Финансовый капитал— капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками»⁶⁶).

Это определение неполно постольку, поскольку в нем нет указания на один из самых важных моментов, именно: на рост концентрации производства и капитала в такой сильной сте-

пени, когда концентрация приводит и привела к монополии. Но во всем изложении Гильфердинга вообще, в частности в обеих главах, предшествующих той, из которой взято это определение, подчеркивается роль капиталистических монополий.

Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью,—вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия.

Нам следует перейти теперь к описанию того, как «хозяйничанье» капиталистических монополий становится неизбежно, в общей обстановке товарного производства и частной собственности, господством финансовой олигархии. Заметим, что представители буржуазной немецкой—да и не одной немецкой—науки, как Риссер, Шульце-Геверниц, Лифман и пр., являются сплошь апологетами империализма и финансового капитала. Они не вскрывают, а затушевывают и прикрашивают «механику» образования олигархии, ее приемы, размеры ее доходов, «безгрешных» и «грешных», ее связи с парламентами и пр. и т. д. Они отдельываются от «проклятых вопросов» важными темными фразами, призывающими к «чувству ответственности» директоров банков, восхвалением «чувства долга» прусских чиновников, серьезным разбором мелочей, совершенно несерьезных законопроектов о «надзоре», «регламентации», теоретической игрой в бирюльки, вроде, напр., следующего «научного» определения, до которого дописался профессор Лифман: «...Торговля есть промысловая деятельность, направленная к собиранию благ, хранению их, предоставлению их в распоряжение...»⁶⁷⁾. Выходит, что торговля была у первобытного человека, который еще не знал обмена, будет и в социалистическом обществе!

Но чудовищные факты, касающиеся чудовищного господства финансовой олигархии, настолько бьют в глаза, что во всех капиталистических странах—и в Америке, и во Франции, и в Германии,—возникла литература, стоящая на буржуазной точке зрения и дающая приблизительно правдивую картину и—мешанскую, конечно—критику финансовой олигархии...

Во главу угла следует поставить ту систему «участия», о которой несколько слов сказано уже было выше. Вот как описывает суть дела едва ли не раньше других обративший на нее внимание немецкий экономист Гейман:

«Руководитель контролирует основное общество («общество-матерь» буквально); оно в свою очередь господствует над зависимыми от него обществами («обществами-дочерьми»), эти последние— над «обществами-внуками» и т. д. Таким образом можно, владея не слишком большим капиталом, господствовать над гигантскими областями производства. В самом деле: если владения 50% капитала всегда бывает достаточно для контроля над акционерным обществом, то руководителю надо обладать лишь одним миллионом, чтобы иметь возможность контролировать 8 милл. капитала у «обществ-внуков». А если этот «переплет» идет дальше, то с 1 милл. можно контролировать 16 милл., 32 милл. и т. д.»⁶⁸⁾.

На самом деле опыт показывает, что достаточно владеть 40%, акций, чтобы распоряжаться делами акционерного общества⁶⁹⁾, ибо известная часть раздробленных мелких акционеров не имеет на практике никакой возможности принимать участие в общих собраниях и т. д. «Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунисты, «тоже-социал-демократы», ожидают «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления моши финансовой олигархии. Поэтому, между прочим, в более передовых или более старых и «опытных» капиталистических странах законодательство разрешает более мелкие акции. В Германии закон не разрешает акций менее, чем в сумму 1.000 марок, и немецкие финансовые магнаты с завистью смотрят на Англию, где закон разрешает акции и в 1 фунт стерлингов (20 марок—около 10 р.). Сименс, один из крупнейших промышленных и «финансовых королей» Германии, заявил в рейхстаге 7 июня 1900 г., что «акция в 1 ф. ст. есть основа британского империализма»⁷⁰⁾. У этого купца заметно более глубокое «марксистское» понимание того, что такое империализм, чем у некоего странного писателя, который, считаясь основателем русского марксизма, полагает, однако, что империализм есть дурное свойство только одного из народов Европы.

Но «система участий» не только служит гигантскому увеличению власти монополистов, она, кроме того, позволяет безнаказанно обделять какие угодно темные и грязные дела, обирать зублику, ибо руководители «общества-матери» формально, понакону, не отвечают за «общество-дочь», которое считается «самостоятельным» и через которое можно в се «проводить». Вот

пример, заимствованный нами из майской книжки немецкого журнала «Банк» за 1914 г.: «Акционерное общество пружинной стали» в Касселе несколько лет тому назад считалось одним из самых доходных предприятий Германии. Плохое управление довело дело до того, что дивиденды упали с 15% до 0%. Как оказалось, управление без ведома акционеров дало в ссуду одному из своих «обществ-дочерей», «Хассия», номинальный капитал которого составлял всего несколько сот тысяч марок, — 6 миллионов марок. Об этой ссуде, которая почти втрое превышает акционерный капитал «общества-матери», в балансах последнего ничего не значилось; юридически такое умолчание было вполне законно и могло длиться целых два года, ибо ни единый параграф торгового законодательства этим не нарушался. Председатель наблюдательного совета, который в качестве ответственного лица подписывал лживые балансы, был и остается председателем Кассельской торговой палаты. Акционеры узнали об этой ссуде обществу «Хассия» лишь долго спустя, после того как она оказалась «ошибкой»... (это слово автору следовало бы поставить в кавычки)... и когда акции «пружинной стали», в силу того что их начали сбывать с рук посвященные, пали в цене приблизительно на 100%...

...«Этот типичный пример эквилибристики с балансами, самой обычной в акционерных обществах, объясняет нам, почему правления акционерных обществ с гораздо более легким сердцем берутся за рискованные дела, чем частные предприниматели. Новейшая техника составления балансов не только дает им возможность скрывать рискованные дела от среднего акционера, но и позволяет главным заинтересованным лицам сваливать с себя ответственность посредством своевременной продажи акций в случае неудачи эксперимента, тогда как частный предприниматель отвечает своей шкурой за все, что он делает..

«Балансы многих акционерных обществ похожи на те известные из эпохи средних веков палимпсесты, на которых надо было сначала стереть написанное, чтобы открыть стоящие под ними знаки, дающие действительное содержание рукописи» *).

*) Палимпсест — пергамент, на котором основная рукопись затерта и по затертому написано другое.

«Самое простое и поэтому всего чаще употребляемое средство делать балансы непроницаемыми состоит в том, чтобы разделить единое предприятие на несколько частей посредством учреждений «обществ-дочерей» или посредством присоединения таковых. Выгоды этой системы, с точки зрения различных целей—законных и незаконных—до того очевидны, что в настоящее время прямо-таки исключением являются крупные общества, которые бы не приняли этой системы» ⁷¹).

Как пример крупнейшего и монополистического общества, самым широким образом прибегающего к этой системе, автор называет знаменитую «Всеобщую компанию электричества» (А. Е. Г., о ней у нас будет еще речь ниже). В 1912 г. считали, что это общество участвует в 175—200 обществах, господствуя, разумеется, над ними и охватывая, в целом, капитал около 1½ миллиарда марок ⁷²).

Всякие правила контроля, публикации балансов, выработки определенной схемы для них, учреждения надзора и т. п., чем занимают внимание публики благонамеренные—т.-е. имеющие благое намерение защищать и прикрашивать капитализм—профессора и чиновники, не могут тут иметь никакого значения. Ибо частная собственность священна, никому нельзя запретить покупать, продавать, обменивать акции, закладывать их и т. д.

О том, каких размеров система «участия» достигла в русских крупных банках, можно судить по данным, сообщаемым Е. Агадом, который 15 лет служил чиновником Русско-Китайского банка и в мае 1914 г. опубликовал сочинение под не совсем точным заглавием: «Крупные банки и всемирный рынок» ⁷³). Автор делит крупные русские банки на две основные группы: а) работающие при «системе участий» и б) «независимые», произвольно понимая, однако, под «независимостью» независимость от заграницы банков: первую группу автор делит на три подгруппы: 1) немецкое участие, 2) английское и 3) французское, имея в виду «участие» и господство крупнейших заграничных банков соответствующей национальности. Капиталы банков автор делит на «продуктивно» помещаемые (в торговлю и промышленность) и «спекулятивно» помещаемые в биржевые и финансовые операции, полагая, со свойственной ему мелко-буржуазно-реформистской точки зрения, будто можно при сохранении капитализма отделить первый вид помещения от второго и устраниТЬ второй вид.

Данные автора следующие:

Актив банков (по отчетам за октябрь — ноябрь 1913 г.)
в милл. руб.:

Группы русских банков:	Капиталы, помещаемые:		
	продук- тивно.	спекуля- тивно.	Всего.
а. 1) 4 банка: Сиб. Торг., Русск., Международн. и Учетн.	413,7	859,1	1.272,8
2) 2 банка: Торг.-Промышл. и Русско-Английский	239,3	169,1	408,4
3) 5 банков: Русско-Азиат. Птгр. Частн., Аз.-Донской, Уни- он, Моск., Русско-Франц. Торг.	711,8	661,2	1.373 0
(11 банков) Итого	1.364,8	1.689,4	3.054,2
б. 8 банк.: Моск. Купеч.; Волж. - Камск.; Юнкер и К-о; Птгр. Торг., бывший Вавель- берг; Моск., бывший Рябушин- ского; Моск. Учетный; Моск. Торг. и Моск. Частный	504,2	391,1	895,2
(19 банков) Всего	1.869,0	2.080,5	3.949,4

По этим данным из почти 4 миллиардов рублей, составляющих «работающий» капитал крупных банков, с в y ш e $\frac{3}{4}$, более 3 миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, «общества-дочери» заграничных банков, в первую голову парижских (знаменитое банковое трио: «парижский союз»; парижский и нидерландский; Генер. об-в) и берлинских (особенно Немецкий и Учетное общество). Два крупнейших русских банка, «Русский» («Русский банк для внешней торговли») и «Международный» («Птгр. Международный Торговый банк»), повысили свои капиталы с 1906 по 1912 г. с 44 до 98 милл. руб., а резервы — с 15 до 39 милл., «работая на $\frac{3}{4}$ немецкими капиталами»; первый банк принадлежит к «концерну» берлинского «Немецкого Банка», второй — берлинского «Учетного общества». Добрый Агад глубоко возмущается тем, что берлинские банки имеют в своих руках большинство акций и что поэтому русские акционеры бессильны. И, разумеется, страна, вывозящая капитал, снимает сливки: напр., берлинский «Немецкий банк», вводя в Берлине акции Сибирского Торгового банка, продержал их целый год у себя в портфеле, а затем продал по курсу 193 за 100, т.-е. почти вдвое, «заработав» около 6 милл. рублей барыша, который Гильфердинг назвал «учредительным барышом».

Всю «мощь» петроградских крупнейших банков автор определяет в 8.235 милл. руб., почти $8\frac{1}{4}$ миллиардов, при чем «участие», ввернее, господство заграничных банков он распределяет так: французские банки—55%, английские—10%, немецкие—35%. Из этой суммы, 8.235 милл., функционирующего капитала 3.687 м., т.-е. свыше 40%, приходится, по расчету автора, на синдикаты: Продуголь, Продамета, синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности. Следовательно, слияние банковского и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед.

Финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией, берет громадную и все возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и т. п., закрепляя господство финансовых олигархий, облагая все общество данью монополистам. Вот один из бесчисленных примеров «хозяйничанья» американских трестов, приводимый Гильфердингом: в 1887 г. Гавемейер основал сахарный трест посредством слияния 15 мелких компаний, общий капитал которых равнялся $6\frac{1}{2}$ милл. долларов. Капитал же треста был, по американскому выражению, «разведен водою», определен в 50 миллионов долларов. «Перекапитализация» учитывала будущие монопольные прибыли, как стальной трест в той же Америке учитывает будущие монопольные прибыли, скупая все больше железорудных земель. И действительно, сахарный трест установил монопольные цены и получил такие доходы, что мог уплачивать по 10% дивиденда на капитал, в семь раз «разведенный водою», т.-е. почти 70% на капитал, действительно внесенный при основании треста! В 1909 г. капитал треста составлял 90 милл. долларов. За 22 года—более чем удвоение капитала.

Во Франции господство «финансовой олигархии» («Против финансовой олигархии во Франции»—заглавие известной книги Лизиса, вышедшей пятым изданием в 1908 г.) приняло лишь немного измененную форму. Четыре крупнейших банка пользуются не относительной, а «абсолютной монополией» при выпуске ценных бумаг. Фактически, это—«трест крупных банков». И монополия обеспечивает монопольные прибыли от эмиссий. При займах страна занимающая получает обыкновенно не более

90% всей суммы; 10% достается банкам и др. посредникам. Прибыль банков от русско-китайского займа в 400 милл. франк. составляла 8%, от русского (1904) в 800 милл.—10%, от мароккского (1904) в 62½ милл.—18¾%. Капитализм, начавший свое развитие с мелкого ростовщического капитала, кончает свое развитие гигантским ростовщическим капиталом. «Французы—ростовщики Европы»,—говорит Лизис. Все условия экономической жизни терпят глубокое изменение в силу этого перерождения капитализма. При застое населения, промышленности, торговли, морского транспорта, «страна может богатеть от ростовщичества». Пятьдесят человек, представляя капитал в 8 милл. франков, могут распоряжаться двумя миллиардами в четырех банках. Система «участий», уже знакомая нам, ведет к тем же последствиям; один из крупнейших банков, «Генеральное общество» (Societé Générale), выпускает 64.000 облигаций «общества-дочери»,—«Рафинадные заводы в Египте». Курс выпуска—150%, т.е. банк наживает 50 коп. на рубль. Дивиденды этого общества оказались фиктивными, «публика» потеряла от 90 до 100 милл. франков; один из директоров «Генерального общества» был членом правления «Рафинадных заводов». Неудивительно, что автор должен сделать вывод: «французская республика есть финансовая монархия»; полное господство финансовой олигархии: она владычествует и над прессой, и над правительством»⁷⁴⁾

Исключительно высокая прибыльность выпуска ценных бумаг, как одной из главных операций финансового капитала, играет очень важную роль в развитии и упрочении финансовой олигархии. «Внутри страны нет ни одного гешефта, который бы давал хотя приблизительно столь высокую прибыль, как посредничество при выпуске ипостранных займов»,—говорит немецкий журнал «Банк»⁷⁵⁾.

«Нет ни одной банковской операции, которая бы приносила такую высокую прибыль, как эмиссионное дело». На выпуске фондов промышленных предприятий, по данным «Немецкого Экономиста», прибыль составляла в среднем за год:

1895 — 38,6%	1898 — 67,7%
1896 — 36,1 »	1899 — 66,9 »
1897 — 66,7 »	1900 — 55,2 »

«В течение десяти лет, 1891—1900, на выпуске немецких промышленных фондов было «заработано» свыше одного миллиарда»⁷⁶⁾.

Если во время промышленного подъема необъятно велики прибыли финансового капитала, то во время упадка гибнут мелкие и непрочные предприятия, а крупные банки «участвуют» в скопке их за-дешево или в прибыльных «оздоровлениях» и «реорганизациях». При «оздоровлениях» убыточных предприятий акционерный капитал понижается, т.-е. доход распределяется на меньший капитал и в дальнейшем исчисляется уже на него. Или, если доходность понизилась до нуля, привлекается новый капитал, который, соединившись с менее доходным старым, теперь будет приносить уже достаточный доход. Кстати сказать,— добавляет Гильфердинг,— все эти оздоровления и реорганизации имеют двоякое значение для банков: во-первых, как прибыльная операция и, во-вторых, как удобный случай для того, чтобы поставить такие нуждающиеся общества в зависимость от себя ⁷⁷⁾.

Вот пример: акционерное горнопромышленное общество «Унион» в Дортмунде основано в 1872 г. Выпущен был акционерный капитал почти в 40 милл. марок, и курс поднялся до 170%, когда за первый год получился дивиденд в 12%. Финансовый капитал снял сливки, заработав «мелочь» вроде каких-нибудь 28 миллионов. При основании этого общества главную роль играл тот самый крупнейший немецкий банк «Учетное общество», который благополучно достиг капитала в 300 милл. марок. Затем дивиденды «Униона» спускаются до нуля. Акционерам приходится соглашаться на «списывание» капитала, т.-е. на потерю части его, чтобы не потерять всего. И вот в результате ряда «оздоровлений» из книг общества «Унион» в течение 30 лет исчезает более 73 миллионов марок. «В настоящее время первоначальные акционеры этого общества имеют в руках лишь 5% номинальной стоимости своих акций ⁷⁸⁾, а на каждом «оздоровлении» банки продолжали «зарабатывать».

Особенно прибыльной операцией финансового капитала является также спекуляция земельными участками в окрестностях быстро растущих больших городов. Монополия банков сливаются здесь с монополией путей сообщения, ибо рост цен на земельные участки, возможность выгодно продать их по частям и т. д. зависят больше всего от хороших путей сообщения с центром города, а эти пути сообщения находятся в руках крупных компаний, связанных системой участий и распределением директорских мест с теми же банками. Получается то, что немецкий писатель Л. Эшвегэ, сотрудник журнала «Банк», специально

изучавший операции с торговлей земельными участками, с закладыванием их и т. д., назвал «Болотом»: бешеная спекуляция при городными участками, крахи строительных фирм, вроде берлинской фирмы «Босвау и Кнауэр», нахватавшей денег до 100 милл. марок при посредстве «солиднейшего и крупнейшего» «Немецкого банка» (Deutsche Bank), который, разумеется, действовал по системе «участий», т.-е. тайком, за спиной, и вывернулся, потеряв всего 12 милл. марок,—затем, разорение мелких хозяев и рабочих, ничего не получающих от дутых строительных фирм, мошеннические сделки с берлинской «честной» полицией и администрацией для захвата в свои руки выдачи справок об участках и разрешениях городской думы на возведение построек и пр. и т. д. ⁷⁹).

«Американские нравы», по поводу которых так лицемерно возводят очи горе европейские профессора и благонамеренные буржуа, стали в эпоху финансового капитала нравами буквально всякого крупного города в любой стране.

В Берлине в начале 1914 г. говорили о том, что предстоит образование «транспортного треста», т.-е. «общности интересов» между тремя берлинскими транспортными предприятиями: электрической городской жел. дорогой, трамвайным обществом и обществом омнибусов. «Что подобное намерение существует, это мы знаем,—писал журнал «Банк»,—с тех пор как стало известно, что большинство акций общества омнибусов перешло в руки двух других транспортных обществ. Можно вполне поверить лицам, преследующим такую цель, что посредством единогообразного регулирования транспортного дела они надеются получить такие сбережения, часть которых, в конце концов, могла бы достаться публике. Но вопрос усложняется тем, что за этим образующимся транспортным трестом стоят банки, которые, если захотят, могут подчинить монополизированные ими пути сообщения интересам своей торговли земельными участками. Чтобы убедиться в том, насколько естественно такое предположение, достаточно припомнить, что уже при основании общества городской электрической железной дороги тут были замешаны интересы того крупного банка, который поощрил его основание. Именно интересы этого транспортного предприятия переплетались интересами торговли земельными участками. Дело в том, что восточная линия этой дороги должна была охватить те земельные участки, которые потом этот банк, когда постройка дороги была

уже обеспечена, продал с громадной прибылью для себя и для нескольких участвующих лиц» ⁸⁰⁾...

Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей». В немецкой экономической литературе обычно самовосхваление честности прусского чиновничества с кивками по адресу французской панамы или американской политической продажности. Но факт тот, что даже буржуазная литература, посвященная банковым делам Германии, вынуждена постоянно выходить далеко за пределы чисто-банковых операций и писать, например, об «устремлении в банк» ⁸¹⁾ по поводу учащающихся случаев перехода чиновников на службу в банк: «как обстоит дело с неподкупностью государственного чиновника, тайное стремление которого направлено к теплому местечку на Бэренштрассе? *). Издатель журнала «Банк» Альфред Лансбург писал в 1909 г. статью: «Экономическое значение византизма» по поводу, между прочим, поездки Вильгельма II в Палестину и «непосредственного результата этой поездки—постройки Багдадской железной дороги, этого рокового «великого дела немецкой предприимчивости», которое более виновато в «окружении», чем все наши политические крахи, вместе взятые» (под окружением разумеется политика Эдуарда VII, стремившегося изолировать Германию и окружить ее кольцом империалистического противогерманского союза) ⁸²⁾. Упомянутый уже нами сотрудник Эшвегэ писал в 1912 г. статью: «Плутократия и чиновничество», разоблачая, напр., случай с немецким чиновником Фелькером, который был членом комиссии о картелях и выделялся своей энергией, а некоторое время спустя оказался обладателем доходного местечка в самом крупном картеле—стальном синдикате. Подобные случаи, которые вовсе не случайны, заставляли того же буржуазного писателя признаться, что «обеспеченная германской конституцией экономическая свобода во многих областях хозяйственной жизни стала лишенной содержания фразой» и что при сложившемся господстве плутократии «даже самая широкая политическая свобода не может нас спасти от того, что мы превратимся в народ людей несвободных» ⁸³⁾.

---

*) Улица в Берлине, где помещается «Немецкий Банк».

Что касается России, то мы ограничимся одним примером: несколько лет тому назад все газеты обошло известие о том, что директор кредитной канцелярии Давыдов покидает государственную службу и берет место в одном крупном банке за жалованье, которое по договору должно было в несколько лет составить сумму свыше одного миллиона рублей. Кредитная канцелярия есть учреждение, задачей которого является «объединение деятельности всех кредитных учреждений государства» и которое оказывает субсидии столичным банкам на сумму до 800—1000 милл. р. ⁸⁴⁾.

Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственных участников в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой «мощью», из всех остальных. В каких размерах идет этот процесс, об этом можно судить по данным статистики эмиссий, т.-е. выпуска всякого рода ценных бумаг.

В «Бюллетеене международного статистического института» А. Неймарк ⁸⁵⁾ опубликовал самые обстоятельные, полные и сравнимые данные об эмиссиях во всем мире,—данные, которые неоднократно приводились, потом по частям в экономической литературе. Вот итоги за 4 десятилетия:

Сумма эмиссий в миллиардах франков за 10-летие.

1871 — 1880	76,1
1881 — 1890	64,5
1891 — 1900	100,4
1901 — 1910	197,8

В 70-х годах общая сумма эмиссий во всем мире повышена в особенности займами в связи с франко-прусской войной и последовавшей эпохой грюндерства в Германии. В общем и целом, увеличение идет в течение последних трех десятилетий XIX века сравнительно не очень быстро, и только первое десятилетие

XX века дает громадное увеличение, почти удвоение за 10 лет. Начало XX века, следов., является эпохой перелома не только в отношении роста монополий (картелей, синдикатов, трестов), о чем мы уже говорили, но и в отношении роста финансового капитала.

Общую сумму ценных бумаг в мире в 1910 г. Неймарк определяет приблизительно в 815 миллиардов франков. Вычитывая приблизительно повторения, он уменьшает эту сумму до 575—600 мд. Вот распределение по странам (берем 600 мд.):

Сумма ценных бумаг в 1910 г. (миллиарды франков).

Англия	142
Соед. Штаты	132
Франция	110
Германия	95
Россия	31
Австро - Венгрия	24
Италия	14
Япония	12
Голландия	12,5
Бельгия	7,5
Испания	7,5
Швейцария	6,25
Дания	3,75
Швеция, Норвегия, Румыния и пр..	2,5
Всего	600,0

По этим данным сразу видно, как резко выделяются четыре наиболее богатые капиталистические страны, владеющие приблизительно от 100 до 150 мд. фр. ценных бумаг. Из них две—самые старые и, как увидим, наиболее богатые колониями капиталистические страны: Англия и Франция; другие две—наиболее передовые капиталистические страны по быстроте развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве—С. Штаты и Германия. Вместе четыре страны имеют 479 мд. фр., т.-е. почти 80% всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир, так или иначе, играет роль должника и данника этих стран—международных банкиров, этих четырех «столпов» всемирного финансового капитала.

Особенно следует остановиться на той роли, которую играет в создании международной сети зависимости и связей финансового капитала вывоз капитала.

4. Вывоз капитала.

Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичен стал вывоз капитала.

Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Рост обмена, как внутри страны, так и в особенности международного, есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. Сначала Англия стала, раньше других, капиталистической страной и к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее, в обмен, сырьими материалами. Но эта монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма; во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. Возник громадный «избыток капитала» в передовых странах.

Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским,—тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелко-буржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс суть коренные неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение

прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработка плата низка, старые материалы дешевы. Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д. Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел» и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения.

Вот приблизительные данные о размерах капитала, вложенного за границей тремя главными странами ⁸⁶):

Капитал, помещенный за границей (в миллиардах франков).

Годы.	Англия.	Франция.	Германия.
1862 . . .	3,6	—	—
1872 . . .	15	10 (1869)	—
1882 . . .	22	15 (1880)	?
1893 . . .	42	20 (1890)	?
1902 . . .	62	27—37	12,5
1914 . . .	75—100	60	44,0

Мы видим отсюда, что гигантского развития вывоз капитала достиг только в начале XX века. Перед войной вложенный за границей капитал трех главных стран достигал 175—120 млрд. франк. Доход с этой суммы, по скромной норме в 5%, должен достигать 8—10 млрд. франков в год. Солидная основа империалистического угнетения и эксплоатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств!

Как распределяется этот помещенный за границей капитал между разными странами, где он помещен, на этот вопрос можно дать лишь приблизительный ответ, который однако в состоянии осветить некоторые общие соотношения и связи современного империализма:

Части света, между которыми распределены (приблизительно) заграничные капиталы (он. 1910 г. В миллиардах марок).

	Англия.	Франция.	Германия.	Всего.
Европа	4	23	18	45
Америка.	37	4	10	51
Азия, Африка, Австралия. .	29	8	7	44
Итого.	70	35	35	140

В Англии на первое место выдвигаются ее колониальные владения, которые очень велики и в Америке (напр., Канада), не говоря уже об Азии и пр. Гигантский вывоз капитала теснее всего связан здесь с гигантскими колониями, о значении которых для империализма мы еще будем говорить дальше. Иное дело во Франции. Здесь заграничный капитал помещен, главным образом, в Европе и прежде всего в России (не менее 10 мд. фр.), при чем преимущественно это—ссудный капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия. В отличие от английского, колониального, империализма, французский можно назвать ростовщическим империализмом. В Германии—третья разновидность: колонии ее невелики, и распределение помещенного ею за границей капитала наиболее равномерное между Европой и Америкой.

Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире.

Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий. Вот, напр., что писал в октябре 1913 г. берлинский журнал «Банк»:

«На международном рынке капиталов разыгрывается с недавнего времени комедия, достойная пера Аристофана. Целый ряд чужестранных государств, от Испании до Балкан, от России до Аргентины, Бразилии и Китая, выступают открыто перед крупными денежными рынками с требованиями, иногда в высшей степени настоятельными, получить заем. Денежные рынки теперь находятся не в очень блестящем положении, и политические перспективы не радужные. Но ни один из денежных рынков не решается отказать в займе, из боязни, что сосед предупредит его, согласится на заем, а вместе с тем обеспечит себе известные услуги за услуги. При такого рода международных сделках почти всегда кое-что перепадает в пользу кредитора: уступка в горловом договоре, угольная станция, постройка гавани, жирная концессия, заказ на пушки»⁸⁷⁾.

Финансовый капитал создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополистические начала: использование

«связей» для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке. Самая обычная вещь: условием займа становится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д. Франция в течение двух последних десятилетий (1890—1910) очень часто прибегала к этому средству. Вывоз капиталов за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу. Сделки, особенно между крупными предприятиями, бывают при этом таковы, что они стоят, как выразился «мягко» Шильдер, «на границе подкупа». Крупп в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии—образцы таких фирм, тесно связанных с гигантскими банками и с правительством, которые не легко «обойти» при заключении займа.

Франция, давая взаймы России, «прижала» ее в торговом договоре 16 сентября 1905 г., выговорив известные уступки до 1917 г., то же по торговому договору с Японией от 19 августа 1911 г. Таможенная война Австрии с Сербией, продолжавшаяся с семимесячным перерывом с 1906 по 1911 год, была вызвана отчасти конкуренцией Австрии и Франции в деле поставок военных припасов Сербии: Поль Дешанель заявил в палате в январе 1912 г., что французские фирмы за 1908—1911 г.г. доставили Сербии военных материалов на 45 милл. франков.

В отчете австро-венгерского консула в Сао-Пауло (Бразилия) говорится: «постройка бразильских жел. дорог совершается большою часть на французские, бельгийские, британские и немецкие капиталы; эти страны при финансовых операциях, связанных с постройкой дорог, выговаривают себе поставку железнодорожных строительных материалов»⁸⁸.

Таким образом финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения. Немецкие империалисты с завистью смотрят на «старые» колониальные страны, обеспечившие себя в этом отношении особенно «успешно». Англия имела в 1904 г. 50 колониальных банков с 2.279 отделениями (в 1910 г.—72 с 5.449 отдел.); Франция—20 с 136 отд., Голландия—16 с 68, а Германия «всего только» 13 с 70 отделениями⁸⁹). Американские капиталисты, в свою очередь, завидуют английским и германским: «в Южной Америке,—жаловались они в 1915 г.,—5 германских банков имеют 40 отделений и 5 английских—70 отделений»... Англия и

Германия за последние 25 лет поместили в Аргентине, Бразилии, Урагвае приблизительно 4 миллиона (миллиарда) долларов, и в результате они пользуются 46% всей торговли этих трех стран⁹⁰).

Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собою в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привел и к правому разделу мира.

5. Раздел мира между союзами капиталистов.

Монополистические союзы капиталистов — картели, синдикаты, тресты — делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое более или менее полное обладание. Но внутренний рынок при капитализме неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок. И, по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сфера влияния» крупнейших монополистических союзов дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей.

Это — новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие. Посмотрим, как вырастает эта сверх-монополия.

Электрическая промышленность — самая типичная для новейших успехов техники, для капитализма конца XIX и начала XX века. И всего более развилась она в двух наиболее передовых из новых капиталистических стран, — Соединенных Штатах и Германии. В Германии на рост концентрации в этой отрасли особо сильное влияние оказал кризис 1900 г. Банки, к тому времени достаточно уже сросшиеся с промышленностью, в высшей степени ускорили и углубили во время этого кризиса гибель сравнительно мелких предприятий, их поглощение крупными. «Банки, — пишет Ейдельс, — отнимали руку помощи как раз у тех предприятий, которые всего более нуждались в ней, вызывая этим сначала бешеный подъем, а потом безнадежный крах тех обществ, которые были недостаточно тесно связаны с ними»⁹¹).

В результате концентрация после 1900 г. пошла вперед гигантскими шагами. До 1900 г. было восемь или семь «групп» в электрической промышленности, при чем каждая состояла из

нескольких обществ (всего их было 28) и за каждой стояло от 2 до 11 банков. К 1908—1912 г.г. все эти группы слились в две или одну. Вот как шел этот процесс.

Группы в электрической промышленности.

До 1910 г.:

Фельтен и Гильом   Ламейер   Унион   Сименс   Шукерт   Бергман   Куммер

Фельтен и Ламейер   А. Е. Г.   Гальске и Ко   А. Е. Г.   Сименс и Гальске-Шукерт   Бергман. Крахнула в 1910 г.

В 1912 г.:

А. Е. Г. (Вс. К-о электр.).

Сименс и Гальске-Шукерт.

(Тесная кооперация с 1908 г.).

Знаменитое А. Е. Г. (Всеобщая Компания Электричества), выросшее таким образом, господствует над 175—200 обществ (по системе «участий») и распоряжается общей суммой капитала приблизительно в $1\frac{1}{2}$ миллиарда марок. Одних только прямых заграничных представительств оно имеет 35, из них 12 акционерных обществ, более чем в 10 государствах. Еще в 1904 г. считали, что капиталы, вложенные немецкой электрической промышленностью за границей, составляли 233 миллиона марок, из них 62 милл.—в России. Нечего и говорить, что «Вс. К-о Эл.» представляет собою гигантское комбинированное предприятие,— число одних только фабрикационных обществ у него равняется 16—с производством самых различных продуктов, от кабелей и изоляторов до автомобилей и летательных аппаратов.

Но концентрация в Европе была также составной частью процесса концентрации в Америке. Вот как шло дело

«Всеобщая Электрич. К-о».

Америка

К-о Томсон Гаустон основывает для Европы фирму.

К-о Эдиссона основывает для Европы фирму: «Французская К-о Эдиссона», которая передает патенты немецкой фирме.

Германия

«Унион. К-о Электричества».

«Вс. К-о Эл.» (А. Е. Г.).

«Вс. К-о Эл.» (А. Е. Г.).

Таким образом сложились две электрические «державы»: «других, вполне независимых от них электрических обществ, на земле нет»,— пишет Гейнинг в своей статье: «Путь электрического треста». О размере оборотов и величине предприятий обоих «трестов» некоторое, далеко не полное, представление дают следующие цифры:

	Оборот товаров (милл. марок)..	Число служащих.	Чистая прибыль (милл. марок).
Америка: «Вс. Эл. К-о» (G. E.)	1907—252 1910—298	28.000 32.000	35,4 45,6
Германия: «Вс. К-о Эл.» (A. E. G.)	1907—216 1911—362	30.700 60.800	14,5 21,7

И вот в 1907 г. между американским и германским трестом заключен договор о дележе мира. Конкуренция устраивается: «Вс. Эл. К-о (G. E. C.) «получает» С. Штаты и Канаду; «Вс. К-о Э.» (A. E. G.) «достается» Германия, Австрия, Россия, Голландия, Дания, Швейцария, Турция, Балканы. Особые—разумеется, тайные—договоры заключены относительно «обществ-дочерей», проникающих в новые отрасли промышленности и в «новые», формально еще не поделенные, страны. Установлен взаимный обмен изобретениями и опытами ⁹²).

Понятно само собою, насколько затруднена конкуренция против этого, фактически единого, всемирного треста, который распоряжается капиталом в несколько миллиардов марок и имеет свои отделения, представительства, агентуры и связи и т. д. во всех концах мира. Но раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает передела, если отношение силы—вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п.—изменяется.

Поучительный пример попытки такого передела, борьбы за передел, представляет керосиновая промышленность.

«Керосиновый рынок мира,—писал Ейдельс в 1905 г.,—и теперь еще поделен между двумя крупными финансовыми группами: американским «Керосиновым трестом» (Standard Oil C-у) Рокфеллера и хозяевами русской бакинской нефти,—Ротшильдом и Нобелем. Обе группы стоят в тесной связи между собою, но их монопольному положению угрожает, в течение вот уже нескольких

лет, пятеро врагов» ⁹³): 1) истощение американских источников нефти; 2) конкуренционная фирма Манташева в Баку; 3) источники нефти в Австрии и 4) в Румынии; 5) заокеанские источники нефти, особенно в голландских колониях (богатейшие фирмы Самюэля и Шелля, связанные также с английским капиталом). Три последние ряда предприятий связаны с немецкими крупными банками с крупнейшим «Немецким банком» во главе. Эти банки самостоятельно и планомерно развили керосиновую промышленность, напр., в Румынии, чтобы иметь «свою» точку опоры. В румынской керосиновой промышленности считали в 1907 г. иностранных капиталов на 185 милл. франков, в том числе немецких 74 милл. ⁹⁴).

Началась борьба, которую в экономической литературе так и называют борьбой за «дележ мира». С одной стороны, «Керосиновый трест» Рокфеллера, желая захватить все, основал «обществодочь» в самой Голландии, скupая нефтяные источники в голландской Индии и желая таким образом нанести удар своему главному врагу:—голландско-английскому тресту «Шелля». С другой стороны, «Немецкий банк» и др. берлинские банки стремились «отстоять» «себе» Румынию и объединить ее с Россией поротив Рокфеллера. Этот последний обладал капиталом неизмеримо более крупным и превосходной организацией транспорта и доставки керосина потребителям. Борьба должна была кончиться и кончилась в 1907 г. полным поражением «Немецкого банка», которому оставалось одно из двух: либо ликвидировать с миллионными потерями свои «керосиновые интересы», либо подчиниться. Выбрали последнее и заключили очень невыгодный для «Немецкого банка» договор с «Керосиновым трестом». По этому договору «Немецкий банк» обязался «не предпринимать ничего к невыгоде американских интересов», при чем было, однако, предусмотрено, что договор теряет силу, если в Германии пройдет закон о государственной монополии на керосин.

Тогда начинается «керосиновая комедия». Один из финансовых королей Германии, фон-Гвиннер, директор «Немецкого банка», через своего частного секретаря, Штауса, пускает в ход агитацию за керосиновую монополию. Весь гигантский аппарат крупнейшего берлинского банка, все обширные «связи» приводятся в движение, пресса захлебывается от «патриотических» криков против «иги» американского треста, и рейхстаг почти единогласно принимает 15 марта 1911 г. резолюцию, приглашающую правительство

разработать проект о керосиновой монополии. Правительство ухватилось за эту «популярную идею», и игра «Немецкого банка», который хотел надуть своего американского контрагента и поправить свои дела посредством государственной монополии, казалась выигранной. Немецкие керосиновые короли предвкушали уже гигантские прибыли, не уступающие прибылям русских сахарозаводчиков... Но, во-первых, немецкие крупные банки перессорились между собою из-за дележа добычи, и «Учетное общество» разоблачило корыстные интересы «Немецкого банка»; во-вторых, правительство испугалось борьбы с Рокфеллером, ибо было весьма сомнительно, достанет ли Германия керосина помимо него (производительность Румынии невелика); в-третьих, подоспела миллиардная ассигновка 1913 г. на военную подготовку Германии. Проект монополии отложили. «Керосиновый трест» Рокфеллера вышел из борьбы пока победителем.

Берлинский журнал «Банк» писал по этому поводу, что бороться с «Керосиновым трестом» Германия могла бы, лишь введя монополию электрического тока и превращая водяную силу в дешевое электричество. Но,—добавлял он,—«электрическая монополия придет тогда, когда она понадобится производителям; именно тогда, когда будет стоять перед дверьми следующий крупный крах в электрической промышленности и когда те гигантские, дорогие электрические станции, которые строятся теперь повсюду частными «концернами» электрической промышленности и для которых эти «концерны» теперь уже получают известные отдельные монополии от городов, государств и пр., будут не в состоянии работать с прибылью. Тогда придется пустить в ход водяные силы; но их нельзя будет превращать на государственный счет в дешевое электричество, их придется опять-таки передать «частной монополии, контролируемой государством», потому что частная промышленность уже заключила ряд сделок и выговорила себе крупные вознаграждения... Так было с монополией кали, так есть с керосиновой монополией, так будет с монополией электричества. Пора бы нашим государственным социалистам, дающим себя ослепить красивым принципом, понять, наконец, что в Германии монополии никогда не преследовали такой цели и не вели к такому результату, чтобы приносить выгоды потребителям или хотя бы предоставлять государству часть предпринимательской прибыли, а служили только к тому, чтобы оздоровлять на государственный счет частную промышленность, дошедшую почти до банкротства ⁹⁵⁾.

Такие ценные признания вынуждены делать буржуазные экономисты Германии. Мы видим здесь наглядно, как частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала, как и те, так и другие на деле являются лишь отдельными звенями империалистической борьбы между крупнейшими монополистами за дележ мира.

В торговом судоходстве гигантский рост концентрации привел тоже к разделу мира. В Германии выделились два крупнейших общества: «Гамбург Америка» и «Сев.-Германский Ллойд», оба с капиталом по 200 милл. марок (акций и облигаций), с пароходами, стоящими 185—189 милл. марок. С другой стороны, в Америке 1 янв. 1903 г. образовался так наз. трест Моргана «Международная компания морской торговли», объединяющая американские и английские судоходные компании, числом 9, и располагающие капиталом в 120 милл. долл. (480 милл. марок). Уже в 1903 г. между германскими колоссами и этим американо-английским трестом заключен был договор о разделе мира в связи с разделом прибыли. Немецкие общества отказались от конкуренции в деле перевозок между Англией и Америкой. Было точно установлено, кому какие гавани «предоставляются», был создан общий контрольный комитет и т. д. Договор заключен на 20 лет, с предусмотрительной оговоркой, что в случае войны он теряет силу ⁹⁶).

Чрезвычайно поучительна также история образования международного рельсового картеля. В первый раз английские, бельгийские и немецкие рельсовые заводы сделали попытку основать такой картель еще в 1884 г., во время сильнейшего упадка промышленных дел. Согласились не конкурировать на внутреннем рынке вошедших в соглашение стран, а внешние поделить по норме: 66% Англии, 27% Германии и 17% Бельгии, Индия была предоставлена всецело Англии. Против одной английской фирмы, оставшейся вне соглашения, была поведена общая война, расходы на которую покрывали известным процентом с общих продаж. Но в 1886 г., когда из союза вышли две английские фирмы, он распался. Характерно, что соглашения не удавалось достигнуть во время последовавших периодов промышленного подъема.

В начале 1904 г. основан стальной синдикат Германии: в ноябре 1904 г. возобновлен международный рельсовый картель по нормам: Англии 53,5%, Германии 28,83%, Бельгии 17,67%. Затем присоединилась Франция с нормами 4,8%, 5,8% и 6,4% в первый, второй и третий год сверх 100%, т.-е. при сумме 104,8%.

и т. д. В 1905 г. присоединился «Стальной трест» С. Штатов («Стальная корпорация»), затем Австрия и Испания. «В данный момент,—писал Фогельштейн в 1910 г.,—дележ земли закончен, и крупные потребители, в первую голову государственные железные дороги—раз мир уже поделен и с их интересами не считались—могут жить, как поэт, на небесах Юпитера» ⁹⁷⁾.

Упомянем еще международный цинковый синдикат, основанный в 1909 г. и точно распределивший размеры производства между 5 группами заводов: немецких, бельгийских, французских, испанских, английских; затем пороховой международный трест этот, по словам Лифмана, «вполне современный тесный союз между всеми немецкими фабриками взрывчатых веществ, которые затем вместе с аналогично организованными французскими и американскими динамитными фабриками поделили между собою, так сказать, весь мир» ⁹⁸⁾.

Всего Лифман считал в 1897 г. около 40 международных картелей с участием Германии, а к 1910 г.—около 100.

Некоторые буржуазные писатели выражали то мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме. Это мнение теоретически совершенно вздорно, а практически есть софизм, способ нечестной защиты худшего оппортунизма. Международные картели показывают, до какой степени выросли теперь капиталистические монополии и из-за чего идет борьба между союзами капиталистов. Это последнее обстоятельство есть самое важное; только оно выясняет нам историко-экономический смысл происходящего, ибо форма борьбы может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин, но сущность борьбы, ее классовое содружание, не может измениться, пока существуют классы. Понятно, что в интересах, напр., немецкой буржуазии затушевывать содружание современной экономической борьбы (раздел мира) и подчеркивать то одну, то другую форму этой борьбы. Ту же ошибку делает Каутский. И речь идет, конечно, не о немецкой, а о всемирной буржуазии. Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая степень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе»,—иного способа дележа не может быть в системе товарного производства

и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменением силы, а суть ли эти изменения «чисто» экономические или в и е-экономические (напр., военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма. Подменять вопрос о содер жа ни и борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о форме борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра—немирной, послезавтра—опять мирной) значит опускаться до роли софиста.

Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения и а по ч в е экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим, между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию».

6. Раздел мира между великими державами.

Географ А. Супан в своей книге о «территориальном развитии европейских колоний» ⁹⁹) подводит следующий краткий итог этому развитию в конце XIX века:

Процент земельной площади, принадлежащей европейским колониальным державам (С. Штаты в том числе).

	1876 г.	1900 г.	Увеличение на
В Африке	10,8%	90,4%	+ 79,6%
» Полинезии	56,8%	98,9%	+ 42,1%
» Азии	51,5%	56,5%	+ 5,1%
» Австралии	100,0%	100,0%	—
» Америке	27,5%	27,2%	— 0,3%

«Характеристичной чертой этого периода,—заключает он,— является, след., раздел Африки и Полинезии». Так как в Азии и в Америке незанятых земель, т.-е. не принадлежащих никакому государству, нет, то вывод Супана приходится расширить и сказать, что характеристичной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы невозможен был п е р е д е л,—напротив, переделы возможны и неизбежны,—а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже

поделенным, так что дальше предстоит лишь передел, т.-е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйности к «хозяину».

Мы переживаем, след., своеобразную эпоху всемирно-колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом. Необходимо, поэтому, подробнее остановиться прежде всего на фактических данных, чтобы возможно точнее выяснить как отличие этой эпохи от предыдущих, так и положение дела в настоящее время. В первую голову возникают здесь два фактических вопроса: наблюдается ли усиление колониальной политики, обострение борьбы за колонии, именно в эпоху финансового капитала и как именно поделен мир в этом отношении в настоящее время.

Американский писатель Моррис в своей книге об истории колонизации делает попытку свести данные о размерах колониальных владений Англии, Франции и Германии за разные периоды XIX века. Вот, в сокращении, полученные им итоги:

Размеры колониальных владений.

Г о д ы.	А н г л и и		Ф р а н ц и и		Г е р м а н и и	
	площадь (милл. кв. миль)	насе- ление (милл.)	площадь (милл. кв. миль)	насе- ление (милл.)	площадь (милл. кв. миль)	насе- ление (милл.)
1815—1830	?	126,4	0,02	0,5	—	—
1860	2,5	145,1	0,2	3,4	—	—
1880	7,7	267,9	0,7	7,5	—	—
1899	9,3	309,0	3,7	56,4	1,0	14,7

Для Англии период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860—1880 годы и очень значительного—на последнее 20-летие XIX века. Для Франции и Германии—именно на это двадцатилетие.

Мы видели выше, что период предельного развития капитализма до монополистического, капитализма с преобладанием свободной конкуренции, приходится на 1860-е и 1870-е годы. Мы видим теперь, что именно после этого периода начинается громадный «подъем» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира. Несомненен, след., тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу, связан с обострением борьбы за раздел мира.

Гобсон в своем сочинении об империализме выделяет эпоху 1884—1900 г.г., как эпоху усиленной «экспансии» (расширения

территорий) главных европейских государств. По его расчету, Англия приобрела за это время 3,7 миллиона кв. миль с населением в 57 милл.; Франция — 3,6 милл. кв. миль с населением в 36 милл.; Германия — 1,0 м. кв. миль с 1,47 милл.; Бельгия — 900 тыс. кв. миль с 30 милл.; Португалия — 800 тыс. кв. миль с 9 милл. Погоня за колониями в конце XIX века, особенно с 1880 годов, со стороны всех капиталистических государств представляет из себя общеизвестный факт истории дипломатии и внешней политики.

В эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840—1860 годах, руководящие буржуазные политики ее были против колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии, неизбежным и полезным делом. М. Бер указывает в своей появившейся в 1898 г. статье о «новейшем английском империализме»¹⁰⁰), как в 1852 году такой склонный, вообще говоря, к империализму государственный деятель Англии, как Дизраэли, говорил: «Колонии, это— мельничные жернова на нашей шее». А в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлэн, открыто проповедывавшие империализм и применявшие империалистическую политику с наибольшим цинизмом!

Небезынтересно, что связь чисто, так сказать, экономических и социально-политических корней новейшего империализма была уже тогда ясна для этих руководящих политиков английской буржуазии. Чемберлэн проповедывал империализм как «истинную, мудрую и экономную политику», указывая особенно на ту конкуренцию, которую встречает теперь Англия на мировом рынке со стороны Германии, Америки, Бельгии. Спасение в монополии,— говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасение в монополии,— вторили политические вожди буржуазии, торопясь захватить еще неподеленные части мира. А Сесиль Родс, как рассказывал его интимный друг, журналист Стэд, говорил ему по поводу своих империалистических идей в 1895 году: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба! я, идя домой и размышляя о виденном, убедился, более, чем прежде, в важности империализма. Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы,

колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»¹⁰).

Так говорил в 1895 г. Сесиль Родс, миллионер, финансовый король, главный виновник англо-бурской войны.

Для того, чтобы дать возможно более точную картину территориального раздела мира и изменений в этом отношении за последние десятилетия, воспользуемся теми сводками, которые дает Супан в названном сочинении по вопросу о колониальных владениях всех держав мира. Супан берет 1876 и 1900 г.г.; мы возьмем 1876 г.—пункт, выбранный очень удачно, ибо именно к этому времени можно, в общем и целом, считать законченным развитие западно-европейского капитализма в его домонополистической стадии, и 1914 г., заменяя цифры Супана более новыми по «Географически-статистическим таблицам» Гюбнера. Супан берет только колонии; мы считаем полезным—для того, чтобы представить полную картину раздела мира—добавить вкратце сведения и о неколониальных странах и о полу-колониях, к которым мы относим Персию, Китай и Турцию: первая из этих стран почти целиком стала уже колонией, вторая и третья становятся таковыми.

Получаем следующие итоги:

Колониальные владения великих держав (милл. кв. км. и милл. жит.).

	К о л о н и и .				Метропо- лии.		В с е г о .	
	1876 г.		1914 г.		1914 г.		1914 г.	
	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.	кв. км.	жит.
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
С. Штаты	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,7
Итого 6 колоний	49,4	272,9	65,0	522,1	16,5	187,9	21,5	261,1

Кодники, оставленных героями (Ганнибала, Галлания и пр.) 0,0 45,2

Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и пр., . . .	9,9	45,3
Подукальни (Персия, Китай, Турция)	11,5	361,0

Полуколонии (Персия, Китай, Турция) 14,5 361,0
Остальные страны 28,0 289,2

Вся земля 132,9 165,66

Мы видим тут наглядно, как «закончен» был на границе XIX и XX веков раздел мира. Колониальные владения расширились после 1876 года в гигантских размерах: более чем в полтора раза, с 40 до 65 миллионов кв. килом.; у шести крупнейших держав прирост составляет 25 милл. кв. килом., в полтора раза больше площади метрополий ($16\frac{1}{2}$ милл.). Три державы не имели в 1876 г. никаких колоний, а четвертая, Франция, почти не имела их. К 1914 году эти четыре державы приобрели колонии площадью в 14,1 милл. кв. килом., т.-е. приблизительно раза в полтора больше площади Европы, с населением почти в 100 миллионов. Неравномерность в расширении колониального владения очень велика. Если сравнить, напр., Францию, Германию и Японию, которые не очень сильно разнятся по величине площади и по количеству населения, то окажется, что первая из этих стран приобрела почти втрое больше колоний (по площади), чем вторая и третья, вместе взятые. Но по размерам финансового капитала Франция в начале рассматриваемого периода была, может быть, тоже в несколько раз богаче Германии и Японии, взятых вместе. На размер колониальных владений, кроме чисто экономических условий, и на базе их оказывают влияние географические и пр. Как ни сильно шла за последние десятилетия нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, но все же разница остается не малая, и среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессировавшие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой—страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франции и Англии); с третьей—страну, наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейшее-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических.

Рядом с колониальными владениями великих держав мы поставили небольшие колонии маленьких государств, являющиеся, так сказать, ближайшим объектом возможного и вероятного «передела» колоний. Большею частью эти маленькие государства сохраняют свои колонии только благодаря тому, что между крупными есть противоположности интересов, трения и пр., мешающие соглашению о дележе добычи. Что касается до «полуколониаль-

ных» государств, то они дают пример тех переходных форм, которые встречаются во всех областях природы и общества. Финансовый капитал—такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе, и в действительности подчиняет, даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью: мы увидим сейчас примеры тому. Но, разумеется, наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу такое подчинение, которое связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами. Полуколониальные страны типичны как «середина» в этом отношении. Понятно, что борьба из-за этих полузависимых стран особенно должна была обостриться в эпоху финансового капитала, когда остальной мир уже был поделен.

Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма, и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм. Но «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или баухальство, вроде сравнения «Великого Рима с великой Британией»¹⁰²⁾. Даже капиталистическая колониальная политика прежних стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала.

Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, напр., железорудные земли или нефтяные источники и т. п. Владение колоний одно дает полную гарантию успеха монополий против всех случайностей борьбы с соперником—вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защищаться законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний.

«Можно выставить утверждение,— пишет Шильдер,— которое некоторым, пожалуй, покажется парадоксальным, именно: что рост городского и промышленного населения в более или менее близком будущем гораздо скорее может встретить препятствие в недостатке сырья для промышленности, чем в недостатке предметов питания. Так, напр., обостряется недостаток дерева, которое все более дорожает, кож, сырья для текстильной промышленности. «Союзы промышленников пытаются создать равновесие между сельским хозяйством и промышленностью в пределах всего мирового хозяйства; как пример можно назвать существующий с 1904 г. международный союз союзов бумагопрядильных фабрикантов в нескольких важнейших промышленных государствах, затем основанный по образцу его в 1910 г. союз европейских союзов льнопрядильщиков»¹⁰³).

Конечно, значение такого рода фактов буржуазные реформисты пытаются ослабить указанием на то, что сырье «могло бы» достать на свободном рынке без «дорогой и опасной» колониальной политики, что предложение сырья «могло бы» гигантски увеличить «простым» улучшением условий сельского хозяйства вообще. Но такие указания превращаются в апологетику империализма, в прикрашивание его, ибо они основываются на забвении главной особенности новейшего капитализма: монополий. Свободный рынок все более отходит в область прошлого, монополистические синдикаты и тресты с каждым днем урезывают его, а «простое» улучшение условий сельского хозяйства сводится к улучшению положения масс, к повышению заработной платы и уменьшению прибыли. Где же, кроме как в фантазии реформистов, существуют тресты, способные заботиться о положении масс вместо завоевания колоний?

Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и пр., и т. п. Отсюда неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории

вообще. Как тресты капитализируют свое имущество по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных.

Английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в с в о е й колонии, Египте (в 1904 г. из 2,3 милл. гектаров культурной земли в Египте уже 0,6 милл., т.-е. свыше четверти, было под хлопком), русские в с в о е й колонии—Туркестане, потому что таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут притти к монополизации источников сырья, к созданию более экономного и прибыльного текстильного треста с «комбинированным» производством, с со средоточением в с е х стадий производства и обработки в одних руках.

Интересы вывоза капитала равным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устраниТЬ конкурента, обеспечить себе поставку, закрепить соответствующие «связи» и пр.

Вне-экономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология, усиливают стремление к колониальным завоеваниям. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства»,—справедливо говорит Гильфердинг. А один буржуазный французский писатель, как бы развивая и дополняя приводимые выше мысли Сесиля Родса, пишет, что к экономическим причинам современной колониальной политики следует прибавить социальные: «вследствие растущей сложности жизни, сложности и трудности, давящей не только на рабочие массы, но и на средние классы, во всех странах старой цивилизации скопляются нетерпение, раздражение, ненависть, угрожающие общественному спокойствию; энергии, выбивающей из определенной классовой колеи, надо найти применение, дать ей дело вне страны, чтобы не произошло взрыва внутри» ¹⁰⁴).

Раз идет речь о колониальной политике эпохи капиталистического империализма, необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, ко-

торая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд переходных форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран, владеющие колониями, и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости. Одну из форм—половину колонии—мы уже указали раньше. Образцом другой является, напр., Аргентина.

«Южная Америка, особенно Аргентина,— пишет Шульце-Геверниц в своем сочинении о британском империализме,— находится в такой финансовой зависимости от Лондона, что ее следует назвать почти что английской торговой колонией»¹⁰⁵). Капиталы, помещенные Англией в Аргентине, Шильдер определял, по сообщениям австро-венгерского консула в Буэнос-Айресе за 1909 г., в $8\frac{3}{4}$ миллиарда франков. Нетрудно себе представить, какие крепкие связи получает в силу этого финансовый капитал (и его верный друг—дипломатия) Англии с буржуазией Аргентины, с руководящими кругами всей ее экономической и политической жизни.

Несколько иную форму финансовой и дипломатической зависимости, при политической независимости, показывает нам пример Португалии. Португалия—самостоятельное, суверенное государство, но фактически в течение более 200 лет, со времени войны за испанское наследство (1700—1714), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала ее и ее колониальные владения ради укрепления своей позиции в борьбе со своими противниками, Испанией и Францией. Англия получала в обмен торговые выгоды, лучшие условия для вывоза товаров и особенно для вывоза капитала в Португалию и ее колонии, возможность пользоваться гаванями и островами Португалии, ее кабелями и пр. и т. д.¹⁰⁶). Такого рода отношения между отдельными крупными и мелкими государствами были всегда, но в эпоху капиталистического империализма они становятся всеобщей системой, входят, как часть, в сумму отношений «раздела мира», превращаются в звенья операций всемирного финансового капитала.

Чтобы покончить с вопросом о разделе мира, мы должны отметить еще следующее. Не только американская литература после испано-американской и английской после англо-бурской войн поставили этот вопрос вполне открыто и определенно в самом

конце XIX века и начале XX века, не только немецкая литература, всего «ревнивее» следившая за «британским империализмом», систематически оценивала этот факт. И во французской буржуазной литературе вопрос поставлен достаточно определенно и широко, поскольку это мыслимо с буржуазной точки зрения. Сошлемся на историка Дрио, который в своей книге: «Политические и социальные проблемы в конце XIX века», в главе о «великих державах и разделе мира», писал следующее: «В течение последних лет все свободные места на земле, за исключением Китая, заняты державами Европы и Сев. Америки. На этой почве произошло уже несколько конфликтов и перемещение влияний, являющихся предвестниками более ужасных взрывов в близком будущем. Ибо приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рисуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплоатации земли, которая будет одним из существеннейших фактов следующего (т.-е. XX) века. Вот почему вся Европа и Америка были охвачены в последнее время лихорадкой колониальных расширений «империализма», который является самой замечательной характерной чертой конца XIX века». И автор добавляет: «при этом разделе мира, в этой бешеной погоне за сокровищами и крупными рынками земли, сравнительная сила империй, основанных в этом, XIX, веке, находится в полном несоответствии с тем местом, которое занимают в Европе нации, основавшие их. Державы, преобладающие в Европе, вершительницы судеб, не являются равным образом преобладающими во всем мире. А так как колониальное могущество, надежда обладать богатствами, еще не учтенными, окажет, очевидно, свое отраженное действие на сравнительную силу европейских держав, то благодаря этому колониальный вопрос — «империализм», если хотите, — изменивший уже политические условия самой Европы, будет изменять их все более и более ¹⁰⁷⁾».

7. Империализм как особая стадия капитализма.

Мы должны теперь попытаться подвести известные итоги, свести вместе сказанное выше об империализме. Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали

превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраниют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковский капитал монополистически-немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников, а, с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца.

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное,—все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с про-

мышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическим странами.

Мы увидим еще ниже, как можно и должно иначе определить империализм, если иметь в виду не только основные чисто-экономические понятия (которыми ограничивается приведенное определение), а историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще или отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении. Сейчас же надо отметить, что понимаемый в указанном смысле, империализм представляет собою, несомненно, особую стадию развития капитализма. Чтобы дать читателю возможно более обоснованное представление об империализме, мы намеренно старались приводить как можно больше отзывов буржуазных экономистов, вынужденных признавать особенно бесспорно установленные факты новейшей экономики капитализма. С той же целью приходились подробные статистические данные, позволяющие видеть, до какой именно степени вырос банковый капитал и т. д., в чем именно выразился переход количества в качество, переход развитого капитализма в империализм. Нечего и говорить, конечно, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, напр., о том, к какому году или десятилетию относится «окончательное» установление империализма.

Но спорить об определении империализма приходится и прежде всего с главным марксистским теоретиком эпохи так называемого Второго Интернационала, т.-е. 25-тилетия 1889—1914 годов, К. Каутским.

Против основных идей, выраженных в данном нами определении империализма, Каутский выступил вполне решительно и в 1915-ом и даже еще в ноябре 1914 года, заявляя, что под империализмом надо понимать не «фазу» или ступень хозяйства, а политику, именно определенную политику, «предпочитаемую»

финансовым капиталом, что империализм нельзя «отождествлять» с «современным капитализмом», что если понимать под империализмом «все явления современного капитализма» — картели, протекционизм, господство финансистов, колониальную политику, — то тогда вопрос о необходимости империализма для капитализма сводится к «самой плоской тавтологии», ибо тогда, «естественно, империализм есть жизненная необходимость для капитализма» и т. д. Мысль Каутского мы выражим всего точнее, если приведем данное им определение империализма, направленное прямо против существа излагаемых нами идей (бо возражения из лагеря немецких марксистов, проводивших подобные идеи в течение целого ряда лет, давно известны Каутскому, как возражения определенного течения в марксизме).

Определение Каутского гласит:

«Империализм есть продукт высоко-развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие аграрные (курсив Каутского) области, без отношения к тому, какими нациями они населены»¹⁰⁸.

Это определение совершенно неправильно, ибо оно односторонне, т.е. произвольно выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму), произвольно и неверно связывая его только с промышленным капиталом в аннектирующих другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексии аграрных областей.

Империализм есть стремление к аннексиям — вот к чему сводится политическая часть определения Каутского. Она верна, но крайне неполна, ибо политически империализм есть вообще стремление к насилию и реакции. Нас занимает здесь однако экономическая сторона дела, которую внес в свое определение Каутский. Неверности в определении Каутского бьют в лицо. Для империализма характерен как раз *не* промышленный, а — финансовый капитал. Не случайность, что во Франции как раз особо быстрое развитие финансового капитала, при ослаблении промышленного, вызвало с 80-х годов прошлого века крайне обострение аннексионистской (колониальной) политики. Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты насчет Бельгии, француз-

ские — насчет Лотарингии), ибо, во-1-х, законченный раздел земли вынуждает, при переделе, протягивать руку **ко в с я к и м землям**; во-2-х, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т.-е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии (Германия Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии — Багдад, как опорный пункт против Германии, и т. д.).

Каутский ссылается в особенности — и неоднократно — на англичан, установивших, будто бы, чисто политическое значение слова империализм в его, Каутского, смысле. Берем англичанина, Гобсона, и читаем в его сочинении «Империализм», вышедшем в 1902 году:

«Новый империализм отличается от старого, во-первых, тем, что он на место стремлений одной растущей империи ставит теорию и практику соревнующих империй, каждая из которых руководится одинаковыми вожделениями к политическому расширению и к коммерческой выгоде; во-вторых, господством над торговыми интересами интересов финансовых или относящихся к помещению капитала» ^{109).}

Мы видим, что Каутский абсолютно неправ фактически в своей ссылке на англичан вообще (он мог бы сослаться разве на вульгарных английских империалистов или прямых апологетов империализма). Мы видим, что Каутский, претендуя, что он продолжает защищать марксизм, на деле делает шаг назад по сравнению с социал-либералом Гобсоном, который правильнее учитывает две «исторически-конкретные» особенности современного империализма: 1) конкуренцию нескольких империализмов и 2) преобладание финансиста над торговцем. А если речь идет главным образом о том, чтобы промышленная страна аннектировала аграрную, то этим выдвигается первенствующая роль торговца.

Определение Каутского не только не верное и не марксистское. Оно служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксистской теорией, и с марксистской практикой, о чем еще пойдет речь ниже. Совершенно несерьезен тот спор о словах, который поднят Каутским: назвать ли новейшую ступень капитализма империализмом или ступенью финансового капитала. Называйте, как хотите; это безразлично. Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики,

толкуя об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную, будто бы, буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с *немонополистическим*, *ненасильственным*, *незахватным* образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, завершенный как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с *неимпериалистской* политикой. Получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма.

Каутский спорит с немецким апологетом империализма и аннексий Куновым, который рассуждает аляповато и цинично: империализм есть современный капитализм; развитие капитализма неизбежно и прогрессивно; значит, империализм прогрессивен; значит, надо работать перед империализмом и славословить! Нечто вроде той карикатуры, которую рисовали народники против русских марксистов в 1894—1895 годах: дескать, если марксисты считают капитализм в России неизбежным и прогрессивным, то они должны открыть кабак и заняться насаждением капитализма. Каутский «возражает» Кунову: нет, империализм *не* есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма, и мы можем и должны бороться с этой политикой, бороться с империализмом, с аннексиями и т. д.

Возражение кажется вполне благовидным, а на деле оно равняется более тонкой, более прикрытой (и потому более опасной) проповеди примирения с империализмом, ибо «борьба» с политической трестов и банков, не затрагивающая основ экономики трестов и банков, сводится к буржуазному реформизму и пацифизму, к добреньким и невинным благопожеланиям. Отговориться от существующих противоречий, забыть самые важные из них вместо вскрытия всей глубины противоречий — вот теория Каутского.

«С чисто-экономической точки зрения — пишет Каутский — не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультра-империализма»¹¹⁰), т.-е. сверх-империализма, объединения

империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу «общей эксплоатации мира ~~и~~ интернационально-объединенным финансовым капиталом».

На этой «теории ультра-империализма» нам придется остановиться, чтобы подробно показать, до какой степени она разрывает решительно и бесповоротно с марксизмом. Сообразно общему плану настоящего очерка, взглянем на точные экономические данные, относящиеся к этому вопросу. «С чисто-экономической точки зрения» возможен ли «ультра-империализм»?

Если понимать под чисто-экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно.

Если же говорить о «чисто-экономических» условиях эпохи финансового капитала, как об исторически конкретной эпохе, относящейся к началу XX века, то лучшим ответом на мертвые абстракции «ультра-империализма» является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. Разговоры Каутского об ультра-империализме поощряют, между прочим, ту глубокошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их.

Р. Кальвер в своей небольшой книжке: «Введение во всемирное хозяйство»¹¹¹⁾ сделал попытку свести главнейшие чисто-экономические данные, позволяющие конкретно представить взаимоотношения внутри всемирного хозяйства на рубеже XIX и XX веков. Он делит весь мир на 5 «главных хозяйственных областей»: 1) среднеевропейская (вся Европа, кроме России и Англии) 2) британская, 3) российская, 4) восточно-азиатская и 5) американская, включая колонии в «области» тех государств, которым они принадлежат, и «оставляя в стороне» немногие нераспределенные по областям страны, напр., Персию, Афганистан, Аравию—в Азии, Марокко и Абиссинию в Африке и т. п.

Вот, в сокращенном виде, приводимые им экономические данные об этих областях:

Главные хозяй- ственные области мира.	Пло- щадь (милл. кв. килом.).	Насе- ление (милл.).	Пути сооб- щения жел. дор. торговый (тыс. км).	Флот (тыс. км).	Тор- говля. ввоз и вывоз. (милл. т.).	Промышлен- ность. добыча кам. чугу- на (милл.).	число ве- рет. в хл.-бум. (милл.).	пр.(милл.).
1)ср.-европ.	27,6 (23,6*)	388 (146*)	204	8	41	251	15	26
2) британск.	28,9 (28,4*)	398 (355*)	140	11	25	249	9	51
3) российск.	22,6	131	63	1	3	16	3	7
4) вост.-аз.	12	389	8	1	2	8	0,02	2
5) америк.	30	148	379	6	14	245	14	19

Мы видим три области с высоко-развитым капитализмом (сильное развитие и путей сообщения, и торговли, и промышленности): среднеевропейскую, британскую и американскую. Среди них три господствующие над миром государства: Германия, Англия, С. Штаты. Империалистское соревнование между ними и борьба крайне обострены тем, что Германия имеет ничтожную область и мало колоний; создание «средней Европы»—еще в будущем, и рождается она в отчаянной борьбе. Пока признак всей Европы—политическая раздробленность. В британской и американской областях очень высока, наоборот, политическая концентрация, но громадное несоответствие между необъятными колониями первой и ничтожными—второй. А в колониях капитализм только начинает развиваться. Борьба за Южную Америку все обостряется.

Две области слабого развития капитализма—российская и восточно-азиатская. В первой крайне слабая плотность населения; во второй—крайне высокая; в первой политическая концентрация велика, во второй—отсутствует. Китай только еще начали делить, и борьба за него между Японией, С. Штатами и т. д. обостряется все сильнее.

Сопоставьте с этой действительностью—с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и пр., с бешеной борьбой между империалистическими государствами—идее Каутского о «мирном» ультра-империализме! Разве интернациональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами ультра-

*) В скобках площадь и население колоний.

империализма, не показывают нам примера раздела и передела мира, перехода от мирного раздела к не-мирному и обратно? Разве американский и пр. финансовый капитал, мирно деливший весь мир, при участии Германии, скажем, в международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не переделяет теперь мир на основе новых отношений силы, изменяющихся совсем не-мирным путем?

Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, при капитализме, разрешение противоречия, кроме как в силе? Чрезвычайно точные данные о различной быстроте роста капитализма и финансового капитала во всем всемирном хозяйстве мы имеем в статистике жел. дорог ¹¹²⁾. За последние десятилетия империалистского развития длина жел. дорог изменилась так:

	Железные дороги (тыс. км.).	Увеличение на
	1890 г.	1913 г.
Европа	224	346
Соед. Штаты Америки	268	411
Все колонии	82	210
Самостоят. и полусамост. государ.	125	347
Азии и Америки	43	137
<hr/> Всего . .	617	1.104

Быстрее всего развитие жел. дорог шло, след., в колониях и в самостоятельных (и полусамостоятельных) государствах Азии и Америки. Известно, что финансовый капитал 4—5 крупнейших капиталистических государств царит и правит здесь всецело. Двести тысяч километров новых железных дорог в колониях и в других странах Азии и Америки, это значит свыше 40 миллиардов марок нового помещения капитала на особо выгодных условиях, с особыми гарантиями доходности, с прибыльными заказами для сталелитейных заводов и пр. и т. д.

Быстрее всего растет капитализм в колониях и в заокеанских странах. Среди них появляются новые империалистические державы (Япония). Борьба всемирных империализмов обостряется. Растет дань, которую берет финансовый капитал с особенно прибыльных колониальных и заокеанских предприятий.

При разделе этой «добычи» исключительно высокая доля попадает в руки стран, не всегда занимающих первое место по быстроте развития производительных сил. В крупнейших державах, взятых вместе с их колониями, длина жел. дорог составляла:

	1890 г.	1913 г.	
			(тыс. км.)
С. Штаты	268	413	+ 145
Британская империя . .	107	208	+ 101
Россия	32	78	+ 46
Германия	43	68	+ 25
Франция	41	63	+ 22
Всего в 5 державах	491	830	+ 339

Итак, около 80% всего количества жел. дорог сконцентрировано в 5 крупнейших державах. Но концентрация сопственности на эти дороги, концентрация финансового капитала еще неизмеримо более значительна, ибо английским и французским, напр., миллионерам принадлежит громадная масса акций и облигаций американских, русских и др. железных дорог.

Благодаря своим колониям, Англия увеличила «свою» железнодорожную сеть на 100 тысяч километров, вчетверо больше, чем Германия. Между тем общеизвестно, что развитие производительных сил Германии за это время, и особенно развитие каменноугольного и железноделательного производства, шло несравненно быстрее, чем в Англии, не говоря уже о Франции и России. В 1892 г. Германия производила 4,2 миллиона тонн чугуна, против 6,8 в Англии; а в 1912 году—уже 17,6 против 9,0, т.-е. гигантский перевес над Англией¹¹³⁾! Спрашивается, на почве капитализма какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала—с одной стороны, разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала—с другой?

8. Паразитизм и загнивание капитализма.

Нам следует остановиться теперь еще на одной очень важной стороне империализма, которая большей частью недостаточно оценивается в большинстве рассуждений на эту тему. Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал

шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму.

Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию: поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, поскольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а след., и всякому другому прогрессу, движению вперед; поскольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс. Пример: в Америке некий Оуэнс изобрел бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладет их под сунко, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устраниить конкуренцию со всемирного рынка. Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыли посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но т е н д е н ц и я к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени, она берет верх.

Монополия обладания особенно обширными, богатыми или удобно расположенными колониями действует в том же направлении.

Далее. Империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100—150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда—неизбежный рост класса или, вернее, слоя рабочие, т.-е. лиц, живущих «стрижкой купонов»,—лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии,—лиц, профессиею которых является праздность. Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рабочие, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплоатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний.

«В 1873 г.—пишет Гобсон—britанский капитал, помещенный за границей, составлял около 15% всего богатства Соед. Королевства»¹¹⁴). Напомним, что к 1915 г. этот капитал увеличился приблизительно в 2½ раза. «Агрессивный империализм—читаем далее у Гобсона,—который стоит так дорого плательщикам налогов и имеет так мало значения для промышленника и торговца... есть источник больших прибылей для капиталиста, ищущего помещения своему капиталу» (по-английски это понятие выражается одним словом: «инвестор»—«поместитель», рантье)... Весь годичный доход, который Великобритания получает от всей своей внешней и колониальной торговли, ввоза и вывоза, определяется статистиком Гиффеном в 18 милл. фунтов стерлингов (около 170 милл. руб.) за 1899 год, считая по 2½% на весь оборот в 800 милл. ф. ст. Как ни велика эта сумма, она не может объяснить агрессивного империализма Великобритании. Его объясняет сумма в 90—100 милл. фунт. ст., представляющая доход от «помещенного» капитала, доход слоя рантье.

Доход рантье в пять раз превышает доход от внешней торговли в самой «торговой» стране мира! Вот сущность империализма и империалистического паразитизма.

Понятие «государство-рантье» (Rentnerstaat), или государство ростовщик, становится поэтому общеупотребительным в экономической литературе об империализме. Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников. «Среди помещений капитала за границей— пишет Шульце-Геверниц—на первом месте стоят такие, которые падают на страны, политически зависимые или союзные: Англия дает взаймы Египту, Японии, Китаю, Южной Америке. Ее военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. Политическая сила Англии оберегает ее от возмущения должников»¹¹⁵). Сарториус-фон-Вальтерсхайзен в своем сочинении: «Народно-хозяйственная система помещения капитала за границей» выставляет образцом «государства-рантье» Голландию и указывает, что таковыми становятся теперь Англия и Франция¹¹⁶). Шильдер считает, что пять промышленных государств являются «определенными выраженнымми странами-кредиторами»: Англия, Франция, Германия, Бельгия и Швейцария. Голландию он не относит сюда только потому, что она «мало индустриальна». Соед. Штаты являются кредитором лишь по отношению к Америке»¹¹⁷).

«Англия— пишет Шульце-Геверпиц—перерастает постепенно из промышленного государства в государство-кредитора. Несмотря на абсолютное увеличение промышленного производства и промышленного вывоза, вырастает относительное значение для всего народного хозяйства доходов от процентов и дивидендов, от эмиссий и спекуляций. По моему мнению, именно этот факт является экономической основой империалистического подъёма. Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем». Относительно Германии издатель берлинского журнала «Банк» А. Лансбург писал в 1911 г. в статье: «Германия—государство-рантье» следующее: «В Германии охотно посмеиваются над склонностью к превращению в рантье, наблюдаемой во Франции. Но при этом забывают, что, поскольку дело касается буржуазии, германские условия все более становятся похожими на французские»¹¹⁸.

Государство-рантье есть государство паразитического, гнивающего капитализма, и это обстоятельство не может не отражаться как на всех социально-политических условиях данных стран вообще, так и на двух основных течениях в рабочем движении в особенности. Чтобы показать это возможно нагляднее, предоставим слово Гобсону, который всего более «надежен», как свидетель, ибо его невозможно заподозрить в пристрастии к «марксистскому правоверию», а с другой стороны он—англичанин, хорошо знающий положение дел в стране, наиболее богатой и колониями, и финансовым капиталом, и империалистическим опытом.

Описывая под живым впечатлением англо-бурской войны связь империализма с интересами «финансистов», роста прибылей от подрядов, поставок и пр., Гобсон писал: «направителями этой определенно паразитической политики являются капиталисты; но те же самые мотивы оказывают действие и на специальные разряды рабочих. Во многих городах самые важные отрасли промышленности зависят от правительственные заказов; империализм центров металлургической и кораблестроительной промышленности зависит в немалой степени от этого факта». Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению автора, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения»

своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Для экономической возможности такого подкупа, в какой бы форме он ни совершился, несобходима—добавим от себя—монополистически высокая прибыль.

Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет: «Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистические нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев. В Индии, как последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами».

Перспектива раздела Китая вызывает у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькая кучка богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дело всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие прирученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы), «как незаслуживающей рассмотрения, вду-

маются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала», их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыль из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении, и если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они работают в направлении именно такого завершения процесса» ¹¹⁹⁾.

Автор совершенно прав: если бы силы империализма не встретили противодействия, они привели бы именно к этому. Значение «Соед. Штатов Европы» в современной, империалистической обстановке оценено здесь правильно. Следовало лишь добавить, что и вчера рабочего движения оппортунисты, победившие ныне на время в большинстве стран, «работают» систематически и неуклонно именно в этом направлении. Империализм, означая раздел мира и эксплоатацию не одного только Китая, означая монопольно-высокие прибыли для горстки богатейших стран, создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм. Не следует лишь забывать тех противодействующих империализму вообще и оппортунизму в частности сил, которых естественно не видеть социал-либералу Гобсону.

Немецкий оппортунист Гергард Гильдебранд, который в свое время был исключен из партии за защиту империализма, а ныне мог бы быть вождем так называемой «соц.-дем.» партии Германии, хорошо дополняет Гобсона, проповедуя «Соед. Штаты Западной Европы» (без России) в целях «совместных» действий против.. африканских негров, против «великого исламитского движения», для «содержания сильного войска и флота» против «японо-китайской коалиции» ¹²⁰⁾ и пр.

Описание «британского империализма» у Шульце-Геверница показывает нам те же черты паразитизма. Народный доход Англии

приблизительно удвоился с 1865 по 1898 год, а доход «от заграницы» за это время возрос в девять раз. Если «заслугой» империализма является «воспитание негра к труду» (без принуждения не обойтись...), то «опасность» империализма состоит в том, что Европа свалит физический труд — сначала сельско-хозяйственный и горный, а потом и более грубый промышленный — на плечи темнокожего человечества, а сама успокоится на роли рантье, подготавливая, может быть, этим экономическую, а затем и политическую эманципацию краснокожих и темнокожих рас».

Все большая часть земли в Англии отнимается от сельскохозяйственного производства и идет под спорт, под забаву для богачей. Про Шотландию — самое аристократическое место охоты и другого спорта — говорят, что «она живет своим прошлым и мистером Карнеджи» (американским миллиардером). На одни только скачки и на охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 милл. ф. ст. (около 130 милл. рублей). Число рантье в Англии составляет около 1 миллиона. Процент производительного населения понижается:

Г о д ы .	Население в главных отраслях промышленности Англии. (миллионы).	Число рабочих	
		% к на- селению.	(миллионы).
1851.	17,9	4,1	23%
1901.	32,5	4,9	15%

И, говоря об английском рабочем классе, буржуазный исследователь «британского империализма начала XX века» вынужден систематически проводить различие между «в е р х н и м с л о е м» рабочих и «с о б с т в е н н о-п р о л е т а р с к и м н и з ш и м с л о е м». Верхний слой поставляет массу членов кооперативов и профессиональных союзов, спортивных обществ и многочисленных религиозных сект. К его уровню приоровлено избирательное право, которое в Англии «в се еще доста-
точно ограничено, чтобы исключать с о б с т в е н н о-п р о л е т а р с к и й н и з ш и й с л о й!» Чтобы прикрасить положение английского рабочего класса, обыкновенно говорят только об этом верхнем слое, составляющем меньшинство пролетариата: напр., «вопрос о безработице есть преи-
мущественно вопрос, касающийся Лондона и пролетарского низшего слоя, с к о т о р ы м п о л и т и к и м а л о с ч и т а ю т с я»¹²¹⁾.

Надо было сказать: с которым буржуазные политики и «социалистические» оппортунисты мало считаются.

К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистических стран и увеличение эмиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой. Эмиграция из Англии, как отмечает Гобсон, падает с 1884 г.: она составляла 242 тыс. в этом году и 169 тыс. в 1900 г. Эмиграция из Германии достигла максимума за 10-летие 1881—1890 г.г.: 1.453 тыс., падая в два следующие десятилетия до 544 и 341 тыс. Зато росло число рабочих, приходящих в Германию из Австрии, Италии, России и пр. По переписи 1907 г., в Германии было 1.342.294 иностранца, из них рабочих промышленных 440.800, сельских — 257.329 ¹²²⁾). Во Франции рабочие в горной промышленности «в значительной части» иностранцы: поляки, итальянцы, испанцы ¹²³⁾). В Соед. Штатах эмигранты из восточной и южной Европы занимают наихудше оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы ¹²⁴⁾). Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделять привилегированные разряды и откалывать их от широкой массы пролетариата.

Необходимо отметить, что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временно загнивание рабочего движения, сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX века. Ибо две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке. Маркс и Энгельс систематически, в течение ряда десятилетий, прослеживали эту связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями английского капитализма. Энгельс писал, напр., Марксу 7 октября 1858 г.: «английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазия из всех наций хочет, повидимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». Почти четверть века спустя, в письме от 11 августа 1881 г., он говорит о худших английских трэд-юнионах, кото-

рые «позволяют руководить собою людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею». А в письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» ¹²⁵) (то же самое изложено Энгельсом для печати в предисловии ко 2-му изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892 г.).

Здесь ясно указаны причины и следствия. Причины: 1) эксплуатация данной страной всего мира; 2) ее монопольное положение на всемирном рынке; 3) ее колониальная монополия. Следствия: 1) обуржуазение части английского пролетариата; 2) часть его позволяет руководить собою людям, купленным буржуазией или, по крайней мере, оплачиваемым ею. Империализм начала XX века закончил раздел мира горсткой государств, из которых каждое эксплуатирует теперь (в смысле извлечения сверх-прибыли) немногим меньшую часть всего мира, чем Англия в 1858 г., каждое занимает монопольное положение на всемирном рынке благодаря трестам, картелям, финансовому капиталу, отношениям кредитора к должнику; каждое имеет до известной степени колониальную монополию (мы видели, что из 75 милл. кв. килом. в с е х колоний мира 65 милл., т.-е. 86%, сосредоточено в руках шести держав, 61 милл., т.-е. 81%, сосредоточено в руках трех держав).

Отличие теперешнего положения состоит в таких экономических и политических условиях, которые не могли не усилить непримиримость оппортунизма с общими и коренными интересами рабочего движения: империализм из зачатков вырос в господствующую систему; капиталистические монополии заняли первое место в народном хозяйстве и политике; раздел мира доведен до конца; а с другой стороны, вместо безраздельной монополии Англии, мы видим борьбу за участие в монополии между небольшим числом империалистических держав, характеризующую все начало XX века. Оппортунизм не может теперь оказаться полным победителем в рабочем движении одной из стран на длинный ряд десятилетий, как победил оппортунизм в Англии во 2-й половине XIX столетия, но он окончательно созрел, перезрел и сгнил в ряде стран, вполне сливвшись с буржуазной политикой, как социал-шовинизм ¹²⁶).

9. Критика империализма.

Критику империализма мы понимаем в широком смысле слова, как отношение к политике империализма различных классов общества в связи с их общей идеологией.:

Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широкораскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяевчиков—с одной стороны, а с другой—обостренная борьба с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и за господство над другими странами—все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма. «Всеобщее» увлечение его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное прикрашивание его,—таково знамение времени. Империалистическая идеология проникает и в рабочий класс. Китайская стена не отделяет его от других классов. Если вожди теперешней так наз. «соц.-дем.» партии Германии получили по справедливости названия «социал-империалистов», т.-е. социалистов на словах, империалистов на деле, то Гобсон еще в 1902 г. отметил существование «фабианских империалистов» в Англии, принадлежащих к оппортунистическому «Фабианскому обществу».

Буржуазные ученые и публицисты выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушевывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ», вроде полицейского надзора за трестами или банками и т. п. Реже выступают циничные, откровенные империалисты, имеющие смелость признать нелепость мысли о «реформировании» основных свойств империализма.

Приведем один пример. Немецкие империалисты в издании «Архив всемирного хозяйства» стараются следить за национально-освободительными движениями в колониях, особенно, разумеется, не-немецких. Они отмечают брожение и протесты в Индии, движение в Натале (Южная Африка), в Голландской Индии и т. д.

Один из них в заметке по поводу английского издания, дающего отчет о конференции подчиненных наций и рас, состоявшейся 28—30 июня 1910 года из представителей различных, находящихся под чужестранным господством, народов Азии, Африки, Европы, пишет, оценивая речи на этой конференции: «С империализмом, говорят нам, надо бороться; господствующие государства должны признать право подчиненных городов на самостоятельность; международный трибунал должен наблюдать за исполнением договоров, заключенных между великими державами и слабыми народами. Дальше этих невинных пожеланий конференция не идет. Мы не видим ни следа понимания той истины, что империализм неразрывно связан с капитализмом в его теперешней форме и что поэтому (!!) прямая борьба с империализмом безнадежна, разве если ограничиваться выступлением против отдельных, особенно отвратительных, экцессов» ¹²⁷⁾.

Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперед ли итти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых ими, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма является реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистических странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился—не сумел противопоставить себя этой мелко-буржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной оппозиции, а, напротив, слился с ней практически.

В Соед. Штатах империалистская война против Испании 1898 года вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могикан буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель, объявляли «обманом шовинистов» поступок по отношению к вождю туземцев на Филиппинах, Агвинальдо (ему обещали свободу его страны, а потом высадили американские войска и аннексировали Филиппины), цитировали слова Линкольна: «когда белый человек сам управляет собой, это—самоуправление; когда он управляет сам собой и вместе с тем управляет другими,

это уже не самоуправление, это—деспотизм» ¹²⁸⁾. Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, с основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась «невинным пожеланием».

Такова же основная позиция Гобсона в его критике империализма. Гобсон предвосхитил Каутского, восставая против «неизбежности империализма» и апеллируя к необходимости «поднять потребительную способность населения» (при капитализме!). На мелко-буржуазной точке зрения в критике империализма, все-силия банков, финансовой олигархии и пр. стоят цитированные неоднократно нами Агад, А. Лансбург, Л. Эшвегэ, а из французских писателей—Виктор Берар, автор поверхностной книги: «Англия и империализм», вышедшей в 1900 году. Все они, нисколько не претендуя на марксизм, противопоставляют империализму свободную конкуренцию и демократию, осуждают «затею» Багдадской жел. дороги, ведущую к конфликтам и войне, высказывают «невинные пожелания» мира и т. п.—вплоть до статистика международных эмиссий, А. Неймарка, который, подсчитывая сотни миллиардов франков «международных» ценностей, воскликнул в 1912г.: «возможно ли предположить, чтобы мир мог быть нарушен?.. чтобы при таких громадных цифрах рисковали вызвать войну?» ¹²⁹⁾.

Со стороны буржуазных экономистов такая наивность не удивительна; им же притом и в годно казаться столь наивными и «всерьез» говорить о мире при империализме. Но что же осталось от марксизма у Каутского, когда он в 1914, 1915, 1916 годах становится на ту же буржуазно-реформистскую точку зрения и утверждает, что «все согласны» (империалисты, якобы-социалисты и социал-пацифисты) насчет мира? Вместо анализа и вскрытия глубины противоречий империализма мы видим одно лишь реформистское «невинное желание» отмахнуться, отговориться от них.

Вот образчик экономической критики империализма Каутским: Он берет данные о вывозе и ввозе Англии из Египта за 1872 и 1912 годы; оказывается, что этот вывоз и ввоз рос слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. И Каутский умозкалючает: «мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических «факторов». «Стремления капитала к расширению» «лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией» ¹³⁰⁾.

Это рассуждение Каутского, на сотни ладов перепеваемое его российскими оруженосцами, составляет основу его критики империализма, и на нем надо поэтому подробнее остановиться. Начнем с цитаты из Гильфердинга, выводы которого Каутский много раз, в том числе в апреле 1915 года, объявлял «единогласно принятыми всеми социалистическими теоретиками».

«Не дело пролетариата,— пишет Гильфердинг,— более прогрессивной капиталистической политике противопоставлять оставшуюся позади эру свободной торговли и враждебного отношения к государству. Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм. Не такой идеал как восстановление свободной конкуренции—он превратился теперь в реакционный идеал—может быть теперь целью пролетарской политики, а единственno лишь полное уничтожение конкуренции посредством устраниния капитализма»¹³¹⁾.

Каутский порвал с марксизмом, защищая для эпохи финансового капитала «реакционный идеал», «мирную демократию», «простой вес экономических факторов»,—ибо этот идеал о бъект и в и о тащит назад, от монополистического капитализма к немонополистическому, является реформистским обманом

Торговля с Египтом (или с другой колонией или полуколонией) «выросла бы» сильнее без военного занятия, без империализма, без финансового капитала. Что это значит? Что капитализм развивался бы быстрее, если бы свободная конкуренция не ограничивалась ни монополиями вообще, ни «связями» или гнетом (т.-е. тоже монополией) финансового капитала, ни монопольным обладанием колониями со стороны отдельных стран?

Другого смысла рассуждения Каутского иметь не могут. Допустим, что да, что свободная конкуренция, без каких бы то ни было монополий, развивала бы капитализм и торговлю быстрее. Но ведь чем быстрее идет развитие торговли и капитализма, тем сильнее концентрация производства и капитала, рождающая монополию. И монополии уже родились—именно из свободной конкуренции! Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, все-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополию.

Если исправить это рассуждение и сказать, как говорит Спектатор: торговля английских колоний с Англией развивается теперь медленнее, чем с другими странами,—это тоже не спасает

Каутского. Ибо Англию побивает тоже монополия, тоже империализм, только другой страны (Америки, Германии). Известно, что картели привели к охранительным пошлинам нового, оригинального типа: охраняются (это отметил еще Энгельс в III томе «Капитала») как раз те продукты, которые способны к вывозу. Известна, далее, свойственная картелям и финансовому капиталу система «вывоза по бросовым ценам», «выбрасывания», как говорят англичане: внутри страны картель продает свои продукты по монопольно-высокой цене, а за границу сбывает втридешева,—чтобы подорвать конкурента, чтобы расширять до максимума свое производство и т. д. Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия,—это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского, но вовсе не доказывает «перевеса» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого. Перевес немецкого империализма над английским сильнее, чем стена колониальных границ или протекционных пошлин; делать отсюда «довод» за свободную торговлю и «мирную демократию» есть забвение основных черт и свойств империализма, замена марксизма мещанским реформизмом.

Интересно, что даже буржуазный экономист А. Лансбург, критикующий империализм так же поверхностно, как Каутский, подошел все же к более научной обработке данных торговой статистики. Он взял сравнение не одной случайно выхваченной страны и только колонии с остальными странами, а сравнение вывоза из империалистской страны 1) в страны финансово-зависимые. Получилось следующее:

Вывоз из Германии (милл. марок).

	1889	1908	Увелич. в %
В страны финансово- зависимые от Германии:	Румыния	48,2	70,8
	Португалия	19,0	32,8
	Аргентина	60,7	147,0
	Бразилия	48,7	84,5
	Чили	28,3	52,4
	Турция	29,9	64,0
	Итого	234,8	451,5
			+ 92%

	1889	1908	Увелич. в %
В страны, финансово-независимые от Германии:	Великобритания	651,8	997,4 + 53%
	Франция	210,2	437,9 + 108%
	Бельгия	137,2	322,8 + 130%
	Швейцария	177,4	401,4 + 127%
	Австралия	21,2	64,5 + 205%
	Голл. Индия.	8,8	40,7 + 363%
Итого . . .		1.206,6	2.264,4 + 87%

Лансбург не подвел и т о г о в и потому странным образом не заметил, что е с л и эти цифры что-либо доказывают, то только против него, ибо вывоз в финансово-зависимые страны вопрос все же быстрее, хотя и немногим, чем в финансово-независимые (подчеркиваем «если», ибо статистика Лансбурга далеко еще не полна).

Прослеживая связь вывоза с займами, Лансбург пишет:

«В 1890/1 г. был заключен румынский заем при посредстве немецких банков, которые уже в предыдущие годы давали ссуды под него. Заем служил главным образом для покупки железнодорожного материала, который получался из Германии. В 1891 г. немецкий вывоз в Румынию составлял 55 милл. м. В следующем году он упал до 39,4 м. и с перерывами, упал до 25,4 м. в 1900 году. Лишь в самые последние годы достигнут снова уровень 1891 года — благодаря двум новым займам.

«Немецкий вывоз в Португалию возрос вследствие займов 1888/9 г. по 21,1 милл. (1890); затем в два следующие года упал до 16,2 и 7,4 м. и достиг своего старого уровня лишь в 1903 году.

«Еще рельефнее данные о немецко-аргентинской торговле. Вследствие займов 1887 и 1890 г.г. немецкий вывоз в Аргентину достиг в 1889 г. 60,7 милл. Два года спустя вывоз составлял всего 18,6 м., меньше третьей части прежнего. Лишь в 1901 году достигнут и превзойден уровень 1889 года, что было связано с новыми государственными и городскими займами, с выдачей денег на постройку электрических заводов и с другими кредитными операциями.

«Вывоз в Чили возрос вследствие займа 1889 г. до 45,2 милл. (1892) и упал затем через год до 22,5 м. После нового займа, заключенного при посредстве немецких банков в 1906 г., вывоз поднялся до 84,7 милл. (1907), чтобы вновь упасть до 52,4 милл. в 1908 году» ¹⁵²⁾.

Лансбург выводит из этих фактов забавную мещанскую мораль, как непрочен и неравномерен вывоз, связанный с займами, как нехорошо вывозить капиталы за границу вместо того, чтобы «естественно» и «гармонично» развивать отечественную промышленность, как «дорого» обходятся Крупну многомиллионные бакшиши при иностранных займах и т. п. Но факты говорят ясно: повышение вывоза как раз связано с мошенническими проделками финансового капитала, который не заботится о мещанской морали и дерет две шкуры с вола: во-первых, прибыль с того же займа, когда он идет на покупку изделия Крупна или жел.-дор. материалов стального синдиката и пр.

Повторяя, мы вовсе не считаем статистику Лансбурга совершенством, но ее обязательно было привести, ибо она научнее, чем статистика Каутского, ибо Лансбург наметил правильный подход к вопросу. Чтобы рассуждать о значении финансового капитала в деле вывоза специально и только с проделками финансистов, специально и только со сбытом картельных продуктов и т. д. А сравнивать попросту колонии вообще и че-колонии, один империализм и другой империализм, одну полуколонию или колонию (Египет) и все остальные страны—значит обходить и затушевывать как раз суть дела.

Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма; противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами—с одной стороны, и некартеллизированной промышленностью—с другой и т. д.

Совершенно такой же отсталый характер носит, как мы видели выше, и сочиненная Каутским пресловутая теория «ультраимпериализма»¹³³).

В самом деле, достаточно ясно сопоставить общеизвестные, бесспорные факты, чтобы убедиться в том, насколько ложны перспективы, которые старается внушить немецким рабочим (и рабочим всех стран) Каутский. Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны

с населением в 6—7 сот миллионов душ подвергаются эксплуатации финансового капитала нескольких империалистских держав: Англии, Франции, Японии, С. Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистские страны составят союзы, один против другого, с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферах влияния» в названных азиатских государствах. Это будут «интер-империалистские» союзы. Допустим, что в се империалистские державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран,—это будет «международно-объединенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, напр., в отношениях держав к Китаю. Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а, именно, такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были *не* кратковременны? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах?

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме не мыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы обще-экономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран, при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; то же—Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы—в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза в се империалистских держав—является неизбежно лишь «передышками» между войнами. Мирные союзы подготавливают войны и в свою очередь вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из однотной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики.

Американец Хилл в своей «Истории дипломатии в международном развитии Европы» намечает в предисловии следующие периоды новейшей истории дипломатии: 1) эра революции; 2) конституционное движение; 3) эра «торгового империализма»¹³⁴⁾ наших дней. А один писатель делит историю всемирной политики Великобритании с 1870 г. на 4 периода: 1) первый азиатский (борьба против движения России в Средней Азии по направлению к Индии); 2) африканский (приблиз. 1885—1902)—борьба с Францией из-за раздела Африки («Фашода» 1898 г.—на волосок от войны с Францией); 3) второй азиатский договор с Японией против России¹³⁵⁾; 4) «европейский» главн. образом против Германии¹³⁵⁾. «Политические стычки передовых отрядов разыгрываются на финансовой почве»,—писал еще в 1905 г. банковый деятель Риссер, указывая на то, как французский финансовый капиталист, оперируя в Италии подготовлял политический союз этих стран, как развертывалась борьба Германии и Англии из-за Персии, борьба всех европейских капиталов из-за займов Китаю и пр. Вот она—живая действительность «ультра-империалистских» мирных союзов в их неразрывной связи с просто-империалистическими конфликтами.

Затушевывание самых глубоких противоречий империализма Каутским, неизбежно превращающееся в прикрашивание империализма, не проходит бесследно и на критике политических свойств империализма этим писателем. Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области—результат этих тенденций. Особенно обостряется также национальный гнет и стремление к аннексиям, т.-е. к нарушениям национальной независимости (ибо аннексия есть не что иное, как нарушение самоопределения наций). Гильфердинг справедливо отмечает связь империализма с обострением национального гнета: «что касается вновь открытых стран,— пишет он,— там ввозимый капитал усиливает противоречия и вызывает постоянно растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию, против пришельцев; сопротивление это легко может вырасти в опасные меры, направленные против иностранного капитала. В корень революционизируются старые социальные отношения, разрушается тысячелетняя аграрная обособленность «вне-исторических наций», они вовлекаются в капиталистический водоворот. Сам капитализм мало-что-

малу дает покоренным средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям наивысшою: создание единого национального государства, как орудие экономической и культурной свободы. Это движение к независимости угрожает европейскому капиталу в его наиболее ценных областях эксплоатации, сулящих наиболее блестящие перспективы, и европейский капитал может удерживать господство лишь постоянно увеличивая свои военные силы»¹³⁶⁾.

К этому надо добавить, что не только во вновь открытых, но и в старых странах империализм ведет к аннексиям, к усилению национального гнета и, следовательно, также к обострению сопротивления. Возражая против усиления политической реакции империализмом, Каутский оставляет в тени ставший особенно насущным вопрос о невозможности единства с оппортунистами в эпоху империализма. Возражая против аннексий, он придает своим возражениям такую форму, которая наиболее безобидна для оппортунистов и всего легче приемлема для них. Он обращается непосредственно к немецкой аудитории и тем не менее затушевывает как раз самое важное и злободневное, например, что Эльзас-Лотарингия является аннексией Германии. Для оценки этого «кулона мысли» Каутского возьмем пример. Допустим, японец осуждает аннексию Филиппин американцами. Спрашивается, многие ли поверят, что это делается из вражды к аннексиям вообще, а не из желания самому аннексировать Филиппины? И не придется ли признать, что «борьбу» японца против аннексий можно счесть искренней и политически-честной исключительно в том случае, если он восстает против аннексии Кореи Японией, если он требует свободы отделения Кореи от Японии?

И теоретический анализ империализма у Каутского и его экономическая, а также политическая критика империализма проникнуты абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушевывания и сглаживания самых коренных противоречий, стремлением во что бы то ни стало отстоять разрушающееся единство с оппортунизмом в европейском рабочем движении.

10. Историческое место империализма.

Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая

на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу. Надо отметить в особенности четыре главных вида монополий или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи.

Во-первых, монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени ее развития. Это—монополистические союзы капиталистов: картели, синдикаты, тресты. Мы видели, какую громадную роль они играют в современной хозяйственной жизни. К началу XX века они получили полное преобладание в передовых странах, и если первые шаги по пути картеллирования были раньше пройдены странами с высоким охранительным тарифом (Германия, Америка), то Англия с ее системой свободной торговли показала лишь немногим позже тот же основной факт: рождение монополий из концентрации производства.

Во-вторых, монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной и наиболее картеллированной промышленности капиталистического общества: каменноугольной и железоделательной. Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картеллированной и некартеллированной промышленностью.

В-третьих, монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Какие-нибудь три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили «личную унию» промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества,—вот рельефнейшее проявление этой монополии.

В-четвертых, монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферах влияния»,—т.е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр.—наконец,

за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, напр., своими колониями одну десятую долю Африки, как это было еще в 1876 г., тогда колониальная политика могла развиваться не монополистически, по типу, так сказать, «свободнозахватного» занятия земель. Но когда $\frac{9}{10}$ Африки оказались захваченными (к 1900 г.), когда весь мир оказался поделенным,—наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и передел мира.

Насколько обострил монополистический капитал все противоречия капитализма, общеизвестно. Достаточно указать на дорогоизнну и на гнет картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала

Монополия, олигархия, стремление к господству вместо стремлений к свободе, эксплоатации все большего числа маленьких или слабых наций небольшою горсткою богатейших или сильнейших наций,—все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия).

Про быстроту экономического развития Германии автор исследования о немецких крупных банках Риссер говорит: «Неслишком медленный прогресс предыдущей эпохи (1848—1870) относится к быстроте развития всего хозяйства в Германии и в частности ее банков в данную эпоху (1870—1905) приблизительно так, как быстрота движения почтовой кареты доброго старого времени относится к быстроте современного автомобиля, который несется так, что становится опасным и для беззаботно идущего

пешехода и для самих едущих в автомобиле лиц». В свою очередь этот необыкновенно быстро выросший финансовый капитал именно потому, что он так быстро вырос, непрочь перейти к более «спокойному» обладанию колониями, подлежащими захвату— путем не только мирных средств—у более богатых наций. А в Соед. Штатах экономическое развитие за последние десятилетия шло еще быстрее, чем в Германии, и как раз благодаря этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко. С другой стороны, сравнение хотя бы республиканской американской буржуазии с монархической японской или германской показывает, что крупнейшее политическое различие в высшей степени ослабляется в эпоху империализма—не потому, чтобы оно было вообще не важно, а потому, что речь идет во всех этих случаях о буржуазии с определенными чертами паразитизма.

Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. д. дает им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистических наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создается связь империализма с оппортунизмом, которая сказалась раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах.

Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, умирающий капитализм. Чрезвычайно поучительно в этом отношении, что ходячими словечками буржуазных экономистов, описывающими новейший капитализм, являются: «переплетение», «отсутствие изолированности» и т. п.; банки суть «предприятия, которые по своим задачам и по своему развитию не носят чисто-хозяйственного характера, а все более вырастают из сферы частно-хозяйственного регулирования». И тот же самый Риссер, которому принадлежат последние слова, с чрезвычайно серьезным видом заявляет, что «предсказание» марксистов относительно «обобществления» не осуществилось!

Что же выражает это слово: «переплетение»? Оно схватывает лишь наиболее бросающуюся в глаза черточку происходящего

у нас перед глазами процесса. Оно показывает, что наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса. Оно рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое, оно изобличает в наблюдателе человека, который подавлен сырым материалом и совершенно не разбирается в его смысле и значении. «Случайно переплетаются» владения акциями, отношения частных собственников. Но то, что лежит в подкладке этого переплетения, то, что составляет основу его, есть изменяющиеся общественные отношения производства. Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»), —тогда становится очевидным, что перед нами на-лицо обобществление производства, а вовсе не простое «переплетение»; что частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение, которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затягивается) время, но которая все же неизбежно будет устранена.

Восторженный поклонник немецкого империализма Шульце-Геверниц восклицает

«Если в последнем счете руководство немецкими банками лежит на дюжине лиц, то их деятельность уже теперь важнее для народного блага, чем деятельность большинства государственных министров» (о «переплетении» банковиков, министров, промышленников, рантье, здесь вполне позабыто)... «Если продумать до конца развитие тех тенденций, которые мы видели, то получается: денежный капитал нации объединен в банках; банки связаны между собою в картель; капитал нации, ищущий применения,

отлился в форму ценных бумаг. Тогда осуществляются гениальные слова Сен-Симона: «Теперешняя анархия в производстве, которая соответствует тому факту, что экономические отношения развертываются без единообразного регулирования, должна уступить место организации производства. Направлять производство будут не изолированные предприниматели, независимые друг от друга, не знающие экономических потребностей людей; это дело будет находиться в руках известного специального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обозревать широкую область социальной экономии с более высокой точки зрения, будет регулировать ее так, как это полезно для всего общества, и передавать средства производства в подходящие для этого руки, а в особенности будет заботиться о постоянной гармонии между производством и потреблением. Есть учреждения, которые включили известную организацию хозяйственного труда в круг своих задач: банки». Мы еще далеки от осуществления этих слов Сен-Симона, но мы находимся уже на пути к их осуществлению: марксизм иначе, чем представлял его себе Маркс, но только по форме иначе»¹³⁷⁾.

Нечего сказать: хорошее «опровержение» Маркса, делающее шаг назад,—от точного научного анализа Маркса к догадке, хотя и гениальной, но все же только догадке, Сен-Симона.

О КАРИКАТУРЕ НА МАРКСИЗМ И ОБ „ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ЭКОНОМИЗМЕ“

*Написано
в августе 1916 г.*

*Напечатано
в журнале „Звезда“
№ № 1 и 2 за 1924 г.*

«Революционной социал-демократии никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует». Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду, когда то или иное важное теоретическое или практическое положение марксизма побеждает или хотя бы становится на очередь дня, и когда, к роме прямых и серьезных врагов, на него «набрасываются» такие друзья, которые безнадежно его скомпрометируют,—по-русски: срамят,—превращая его в карикатуру. Так бывало неоднократно в истории русской социал-демократии. Победа марксизма в революционном движении в начале 90-х годов прошлого века сопровождалась появлением карикатуры на марксизм в виде тогдашнего «экономизма» или «стачкизма», без долголетней борьбы с которым «искровцы» не могли бы отстоять основ пролетарской теории и политики ни против мелко-буржуазного народничества, ни против буржуазного либерализма. Так было с большевизмом, который победил в массовом рабочем движении 1905 года, между прочим, благодаря правильному применению лозунга «бойкот царской думы» в период важнейших битв русской революции, осенью 1905 года, и который должен был пережить—и преодолеть борьбой—карикатуру на большевизм в 1908—1910 годах, когда Алексинский и др. поднимали великий шум против участия в III Думе.

Так обстоит дело и теперь. Признание данной войны империалистической, указание на ее глубокую связь с империалистической эпохой капитализма встречает на-ряду с серьезными противниками несерьезных друзей, для которых словечко империализм стало «модой», которые, заучив это словечко, несут рабочим самую отчаянную теоретическую путаницу, воскрепляя целый ряд былых ошибок былого «экономизма». Капитализм победил,—поэтому не нужно думать над политическими вопросами, рассуждали старые «экономисты» в 1894—1901 годах, доходя до отрицания политической борьбы в России. Империа-

лизм победил,—п о э т о м у не нужно думать о вопросах политической демократии, рассуждают современные «империалистические экономисты». Как образчик таких настроений, такой карикатуры на марксизм, получает значение печатаемая выше статья П. Киевского¹³⁸), дающая впервые опыт сколько-нибудь цельного литературного изложения шатаний мысли, замечавшихся в некоторых заграничных кружках нашей партии с начала 1915 г.

Распространение «империалистического экономизма» в рядах марксистов, которые решительно встали против социал-шовинизма и на сторону революционного интернационализма в современном великом кризисе социализма, было бы серьезнейшим ударом нашему направлению—и нашей партии,—ибо компрометировало бы ее изнутри, из ее собственных рядов, превращало бы ее в представительницу карикатурного марксизма. Поэтому на обстоятельном обсуждении хотя бы главнейших из бесчисленных ошибок в статье П. Киевского приходится остановиться, как бы ни было это «неинтересно» само по себе, как бы ни вело это сплошь да рядом к элементарному разжевыванию чересчур азбучных истин, для внимательного и вдумчивого читателя давно уже известных и понятных из нашей литературы 1914 и 1915 годов.

Начнем с самого «центрального» пункта рассуждений П. Киевского, чтобы сразу ввести читателя в «суть» нового направления «империалистического экономизма».

---

1. Марксистское отношение к войнам и к „защите отечества“.

П. Киевский уверен сам и хочет уверить читателей, что он «не согласен» только с самоопределением наций, с § 9 нашей партийной программы. Он очень сердито пытается отбросить обвинение в том, что он коренным образом отступает от марксизма в ообще в вопросе о демократии, что он является «изменником» (ядовитые кавычки П. Киевского) марксизму в чем-либо основном. Но в том-то и суть, что как только наш автор принялся рассуждать о своем якобы частном и отдельном несогласии, принялся приводить аргументы, соображения и проч.,—сейчас же оказалось, что он именно по всей линии идет в сторону от марксизма. Возьмите § в (отд. 2) в статье П. Киевского: «Это требование» (т.-е. самоопределение наций) «прямым путем (!!) ведет к социал-патриотизму»—привозглашает наш автор и поясняет, что «предательский» лозунг защиты отечества есть вывод, «с полнейшей логической (!) правильностью делаемый из права наций на самоопределение»... Самоопределение, по его мнению, есть «санкционирование предательства французских и бельгийских социал-патриотов, защищающих эту независимость» (национально-государственную независимость Франции и Бельгии) «с оружием в руках—они делают то, что сторонники «самоопределения» только говорят»... «Защита отечества принадлежит к арсеналу наших злейших врагов»... «Мы решительно отказываемся понимать, как можно быть одновременно против защиты отечества и за самоопределение, против отечества и за него».

Так пишет П. Киевский. Он явно не понял наших резолюций против лозунга защиты отечества в данной войне. Приходится взять то, что черным по белому написано в этих резолюциях, и разъяснить еще раз смысл ясной русской речи.

* Резолюция нашей партии, принятая на Бернской конференции в марте 1915 года и носящая заголовок: «О лозунге защиты

отечества», начинается словами: «Действительная сущность современной войны заключается» в том-то и том-то.

Речь идет о современной войне. Яснее этого нельзя сказать по-русски. Слова «действительная сущность» показывают, что надо отличать кажущееся от действительного, внешность от сущности, фразы от дела. Фразы о защите отечества в данной войне облыжно выдают империалистическую войну 1914—1916 годов—войну из-за раздела колоний, из-за грабежа чужих земель и т. д.—за национальную войну. Чтобы не оставить ни малейшей возможности исказить наши взгляды, резолюция добавляет особый абзац о «действительно-национальных войнах», которые «имели место особенно (заметьте: особенно не значит исключительно!) в эпоху 1789—1871 годов».

Резолюция поясняет, что «в основе» этих «действительно» национальных войн «лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета»...*).

Кажется, ясно? В теперешней империалистической войне, которая порождена всеми условиями империалистической эпохи, т.-е. явились не случайно, не исключением от общего и типичного, фразы о защите отечества суть обман народа, ибо эта война не национальная. В действительной национальной войне слова «защита отечества» вовсе не обман, и мы вовсе не против нее. Такие (действительно-национальные) войны имели место «особенно» в 1789—1871 годах, и резолюция, ни словом не отрицая их возможности и теперь, поясняет, как надо отличать действительно-национальную войну от империалистической, прикрываемой обманно-национальными лозунгами. Именно для отличия надо рассмотреть, лежит ли «в основе» «длительный процесс массовых национальных движений», «свержения национального гнета». В резолюции о «пацифизме» говорится прямо: «с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например» (заметьте это: «например»), «от 1789 до 1871 года ради свержения национального гнета»...**). Могла ли бы резолюция нашей партии в 1915 году говорить о национальных войнах, примеры которых бывали в 1789—1871 годах, и указывать, что позитивного

*) См. выше 47—48 стр. этого тома. Ред.

**) См. выше 51 стр. этого тома. Ред.

значения таких войн мы не отрицаем, если бы такие войны не признавались возможными и теперь? Ясно, что не могла бы.

Комментарием к резолюциям нашей партии, т.-е. популярным пояснением их, является брошюра Ленина и Зиновьева: «Социализм и война». В этой брошюре на стр. 5 черным по белому написано, что «социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость защиты отечества или оборонительной войны» только в смысле «свержения чуженационального гнета». Приводится пример: Персия против России и т. п. и говорится: «это были бы справедливые, оборонительные войны независимо от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетенных, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав» *).

Брошюра вышла в августе 1915 года, издана по-немецки и по-французски. П. Киевский ее отлично знает. Ни разу не возражал нам ни П. Киевский, ни вообще кто бы то ни было, ни против резолюции о лозунге защиты отечества, ни против резолюции о пацифизме, ни против истолкования этих резолюций в брошюре, ни разу! Спрашивается, клевещем ли мы на П. Киевского, говоря, что он совершенно не понял марксизма, если этот писатель, с марта 1915 года не возражавший против взглядов нашей партии на войну, — теперь в августе 1916 года, в статье о самоопределении наций, т.-е. в статье якобы по частному вопросу, обнаруживает поразительное непонимание общего вопроса?

П. Киевский называет лозунг защиты отечества «предательским». Мы можем спокойно уверить его, что всякий лозунг является и всегда будет являться «предательским» для тех, кто будет механически повторять его, не понимая значения, не вдумываясь в дело, ограничиваясь запоминанием слов без анализа их смысла.

Что такое «защита отечества», вообще говоря? Есть ли это какое-либо научное понятие из области экономики или политики и т. п.? Нет! Это просто наиболее ходячее, общеупотребительное, иногда просто обывательское выражение, означающее оправдание войны. Ничего больше, ровнехонько ничего! «Предательского» тут может быть только то, что обыватели способны

---

^{*)} См. выше 94 стр. этого тома. Ред.

в с я к у ю войну оправдать, говоря: «мы защищаем отчество», тогда как марксизм, не принижающий себя до обывательщины, требует исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать эту войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, в этом смысле законной, справедливой и т. п.

Лозунг защиты отечества есть сплошь да рядом обывательски несознательное оправдание войны, при неумении исторически разобрать значение и смысл каждой отдельной войны.

Марксизм дает такой анализ и говорит: если «действительная сущность» войны состоит, например, в свержении чуженационального гнета (что особенно типично для Европы 1789—1871 г.г.), то война прогрессивна со стороны угнетенного государства или нации. Если «действительная сущность» войны есть передел колоний, длеж добычи, грабеж чужих земель (такова война 1914—1916 г.г.)—тогда фраза о защите отечества есть «сплошной обман народа».

Как же найти «действительную сущность» войны, — как определить ее? Война есть продолжение политики. Надо изучать политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистическая, т.е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика была национально-освободительная, т.е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война.

Обыватель не понимает, что война есть «продолжение политики» и потому ограничивается тем, что «де неприятель нападает», неприятель вторгся в мою страну, не разбирая, из-за чего ведется война, какими классами, ради какой политической цели. П. Киевский совершенно на уровень такого обывателя опускается, когда говорит, что вот де Бельгию заняли немцы, значит, с точки зрения самоопределения, «бельгийские социалисты правы», или: часть Франции заняли немцы, значит «Гэд может быть доволен», ибо «дело доходит до территории, населенной данной нацией» (а не чуженациональной).

Для обывателя важно, где стоят войска, кто сейчас побеждает. Для марксиста важно, из-за чего ведется данная

война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска.

Из-за чего ведется данная война? Это указано в нашей резолюции (основывающейся на политике воюющих держав, которую они вели десятилетия до войны). Англия, Франция и Россия воюют за сохранение награбленных колоний, за грабеж Турции и проч. Германия за то, чтобы отнять с е б е колонии и самой ограбить Турцию и проч. Допустим, немцы возьмут даже Париж и Петербург. Изменится ли от этого характер данной войны? Нисколько. Целью немцев—и это еще важнее: осуществимой политикой при победе немцев—будет тогда отнятие колоний, господство в Турции, отнятие чуженациональных областей, например, Польши и т. п., но вовсе не установление чуженационального гнета над французами или русскими. Действительная сущность данной войны не национальная, а империалистская. Другими словами: война идет не из-за того, что одна сторона свергает национальный гнет, другая защищает его. Война идет между двумя группами угнетателей, между двумя разбойниками из-за того, как поделить добычу, кому грабить Турцию и колонии.

Коротко: война между империалистскими (т.-е. угнетающими целый ряд чужих народов, опутывающими их сетями зависимости от финансового капитала и проч.) великими державами или в союзе с ними есть империалистская война. Такова война 1914—1916 г.г.—«защита отечества» есть обман в этой войне, есть оправдание ее.

Война против империалистских, т.-е. угнетательских, держав со стороны угнетенных (например, колониальных народов) есть действенно-национальная война. Она возможна и теперь. «Защита отечества» со стороны национально-угнетенной страны против национально-угнетающей не есть обман, и социалисты вовсе не против «защиты отечества» в такой войне.

Самоопределение наций есть то же самое, что борьба за полное национальное освобождение, за полную независимость, против аннексий, и от такой борьбы—во всякой ее форме, вплоть до восстания или до войны—социалисты не могут отказываться, не переставая быть социалистами.

П. Киевский думает, что он борется с Плехановым: Плеханов же указал на связь самоопределения наций с защитой отечества! П. Киевский говорил Плеханову, что эта связь действи-

тельного та к о в а, какою изображает ее Плеханов. Поверив Плеханоеву, П. Киевский испугался и решил, что надо отрицать самоопределение, дабы спастись от выводов Плеханова... Доверчивость к Плеханову большая, испуг тоже большой, но размышления о том, в чем ошибка Плеханова, нет и следа!

Чтобы выдать эту войну за национальную, социал-шовинисты ссылаются на самоопределение наций. Правильная борьба с ними только одна: надо показать, что эта борьба не из-за освобождения наций, а из-за того, кому из великих хищников угнетать больше наций. Договориться же до отрицания войны, действительно ведомой ради освобождения наций, значит дать худшую карикатуру на марксизм. Плеханов и французские социал-шовинисты ссылаются на республику во Франции; чтобы оправдать «защиту» ее против монархии в Германии. Если рассуждать так, как рассуждает П. Киевский, то мы должны быть против республики! Немецкие социал-шовинисты ссылаются на всеобщее избирательное право и обязательное обучение всех грамоте в Германии, чтобы оправдать «защиту» Германии против царизма. Если рассуждать, как рассуждает П. Киевский, то мы должны быть либо против всеобщего избирательного права и обязательного обучения всех грамоте, либо против войны, действительно ведомой ради охранения политической свободы от попыток отнять ее!

К. Каутский до войны 1914—1916 г.г. был марксистом, и целый ряд важнейших сочинений и заявлений его навсегда останутся сбразцом марксизма. 26 августа 1910 г. Каутский писал в «Neue Zeit» по поводу надвигающейся и грозящей войны:

«При войне между Германией и Англией под вопросом стоит не демократия, а мировое господство, т.е. эксплоатация мира. Это—не такой вопрос, при котором с.-д. должны были бы стоять на стороне эксплоататоров своей нации».

Вот прекрасная марксистская формулировка, вполне совпадающая с нашими взглядами, вполне разоблачающая **нынешнего Каутского**, повернувшего от марксизма к защите социал-шовинизма (мы еще вернемся в печати к этой формулировке), вполне отчетливо выясняющая принципы марксистского отношения к войнам. Войны суть продолжение политики; поэтому, раз имеет место борьба за демократию, возможна и война из-за демократии; самоопределение наций есть лишь одно из демократических требований, ничем принципиально не отличающееся от других. «Мировое господство» есть, говоря кратко, содержание

империалистской политики, продолжением которой является империалистская война. Отрицать «защиту отечества», т.-е. участие в войне демократической, есть нелепость, не имеющая ничего общего с марксизмом. Прикрашивать империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», т.-е., выдавая ее за демократическую, значит обманывать рабочих, переходить на сторону реакционной буржуазии.

2. „Наше понимание новой эпохи“.

П. Киевский, которому принадлежит взятое в кавычки выражение, постоянно говорит о «новой эпохе». К сожалению, и здесь его рассуждения ошибочны.

Резолюции нашей партии говорят о данной войне, порождающей общими условиями империалистической эпохи. Соотношение «эпохи» и «данной войны» поставлено у нас марксистски правильно: чтобы быть марксистом, надо оценивать каждую отдельную эпоху конкретно. Чтобы понять, почему между великими державами, многие из которых стояли в 1789—1871 г.г. во главе борьбы за демократию, могла и должна была возникнуть империалистская война, т.-е. по ее политическому значению самая реакционная, антидемократическая, чтобы понять это, надо понять общие условия империалистской эпохи, т.-е. превращения капитализма передовых стран в империализм.

П. Киевский это соотношение «эпохи» и «данной войны» совершенно извратил. У него выходит, что конкретно говорить значит говорить—об «эпохе»! Это как раз неверно.

Эпоха 1789—1871 г.г. есть особая эпоха для Европы. Нельзя понять ни одной национально-освободительной войны, которые особенно типичны для этого времени, не поняв общих условий этой эпохи. Значит ли это, что все войны той эпохи были национально-освободительные? Конечно, нет. Сказать это значило бы договориться до абсурда и на место конкретного изучения каждой отдельной войны поставить смешной шаблон. В 1789—1871 г.г. бывали и колониальные войны, и войны между реакционными империями, угнетавшими целый ряд чужих наций.

Спрашивается: из того, что передовой европейский (и американский) капитализм вступил в новую эпоху империализма, вытекает ли, что войны теперь возможны лишь империалистские? Это было бы нелепым утверждением, неумением отличить данное

конкретное явление от всей суммы разнообразных явлений эпохи. Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам. Отмахиваться от этих конкретных вопросов посредством общих фраз об «эпохе», как делает П. Киевский, значит злоупотреблять понятием «эпоха». Мы сейчас приведем один из многих примеров, чтобы не быть голословным. Но сначала надо упомянуть, что однажды группа левых, именно немецкая группа «Интернационал», в своих тезисах, опубликованных в № 3 Бюллетея Бернской Исполнительной Комиссии (29 февраля 1916 г.), выставила в § 5 явно неправильное утверждение: «В эру этого разнужданного империализма не может быть более никаких национальных войн». Мы разобрали это утверждение в «Сборнике Социал-Демократа». Здесь отметим лишь, что хотя всем, интересующимся интернационалистским движением, давно знакомо это теоретическое положение (мы боролись с ним еще на расширенном собрании Бернской Исполнительной Комиссии весной 1916 г.), но до сих пор ни одна группа не повторила его, не приняла его. И П. Киевский в августе 1916 г., когда он писал свою статью, ни слова не сказал в духе такого или подобного утверждения.

Это надо отметить вот почему: если бы такое или подобное теоретическое утверждение было высказано, тогда можно было бы говорить о теоретическом расхождении. Когда же никакого подобного утверждения не выставляется, то мы вынуждены сказать: перед нами не иное понимание «эпохи», а только с размаху брошеннная фраза, только злоупотребление словом «эпоха».

Пример: «Не похоже ли оно (самоопределение), — пишет П. Киевский в самом начале своей статьи, — на право бесплатного получения 10.000 десятин на Марсе? Ответить на этот вопрос нельзя иначе, чем вполне конкретно, в связи с оценкой всей нынешней эпохи; ведь одно дело — право наций на самоопределение в эпоху формирования национальных государств, как наилучших форм развития производительных сил на тогдашнем уровне, иное дело — это право, когда эти формы, формы национального государства, стали оковами их развития. Между эпохой самоутверждения капитализма и национального государства и эпохой кануна гибели самого капитализма — дистанция огромного размера. Говорить же «вообще», вне времени и пространства, ие дело марксиста».

Это рассуждение—образец карикатурного употребления понятия «империалистская эпоха». Именно потому, что это понятие ново и важно, надо с карикатурой бороться! О чём идет речь, когда говорят, что формы национального государства стали оковами и т. д.? О передовых капиталистических странах,—Германии, Франции, Англии прежде всего, участие которых в данной войне сделало ее в первую голову империалистской войной. В этих странах, которые до сих пор вели человечество вперед, особенно в 1789—1871 г.г., закончился процесс образования национального государства, в этих странах национальное движение есть безвозвратное прошлое, воскресить которое было бы нелепой реакционной утопией. Национальное движение французов, англичан, немцев давно завершено; на исторической очереди здесь стоит иное, нации освободившиеся превратились в нации угнетательницы, в нации империалистского грабежа, переживающие «канун гибели капитализма».

А другие нации?

П. Киевский повторяет, как заученное правило, что марксисты должны рассуждать «конкретно», но не применяет его. А мы в своих тезисах нарочно дали образчик конкретного ответа, и П. Киевский не пожелал указать нам ошибки, если он видел эту ошибку.

В наших тезисах (§ 6) говорится, что надо различать, чтобы быть конкретным, не менее трех разных типов стран по вопросу о самоопределении. (Ясно, что в каждой отдельной стране в общих тезисах говорить нельзя было бы.) Первый тип—те передовые страны запада Европы (и Америки), где национальное движение—**прошлое**. Второй тип—восток Европы, где оно **настоящее**. Третий—полуколонии и колонии, где оно в значительной степени—**будущее**.

Верно это или нет? П. Киевский сюда должен был направить свою критику. Но он даже не замечает, в чём состоят теоретические вопросы! Он не видит того, что пока он не опроверг указанного положения (в § 6) наших тезисов,—а опровергнуть его нельзя, ибо оно верно,—его рассуждения об «эпохе» похожи на то, что человек замахивается мечом, а удара не наносит.

«В противоположность мнению В. Ильина,—пишет он в конце статьи,—мы полагаем, что для большинства (!) западных (!) стран национальный вопрос не решен»...

Итак, должно быть, национальное движение французов, испанцев, англичан, голландцев, немцев, итальянцев не завершено в

XVII, XVIII, XIX веках и раньше? В начале статьи понятие «эпохи империализма» извращено так, будто национальное движение завершено вообще, а не только в передовых западных странах. В конце той же статьи национальный вопрос объявляется «не решенным» именно в западных странах! Это ли не путаница?

В западных странах национальное движение — давнее прошлое. «Отечество» в Англии, Франции или Германии и т. д. уже давно спело свою песню, сыграло свою историческую роль, т.-е. ничего прогрессивного, поднимающего к новой экономической и политической жизни новые массы людей, здесь национальное движение дать не может. Здесь на исторической очереди дня стоит не переход от феодализма или от патриархальной дикости к национальному прогрессу, к культурному и политически свободному отечеству, а переход от изжившего себя капиталистически перезрелого «отечества» к социализму.

На востоке Европы дело обстоит иначе. Для украинцев и белоруссов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой (а это — необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) здесь еще совершается. «Отечество» здесь еще не спело всей своей исторической песни. «Защита отечества» еще может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отечества в данной войне, ибо не родной язык, не свободу своего национального развития защищают они на деле, а свои рабовладельческие права, свои колонии, «сфера влияния» своего финансового капитала в чужих странах и пр.

В полуколониях и колониях национальное движение еще может исторический, чем на востоке Европы.

К чему относятся слова о «высоко развитых странах» и об империалистической эпохе; в чем «особое» положение России (заглавие § 4 во 2-й главе у П. Киевского) и не одной России; где национально-освободительное движение есть лживая фраза и где оно есть живая и прогрессивная действительность, — ничего этого П. Киевский абсолютно не понял.

3. Что такое экономический анализ?

Гвоздем рассуждений противников самоопределения является ссылка на «неосуществимость» его при капитализме вообще или при империализме. Словечко «неосуществимость» часто употребляется в разнообразных и неточно определенных значениях. Поэтому в своих тезисах мы потребовали того, что необходимо во всякой теоретической дискуссии: выяснения, в каком смысле говорят о «неосуществимости»? И, не ограничиваясь вопросом, мы сделали приступ к такому разъяснению: в смысле политической трудноосуществимости или неосуществимости—без ряда революций в се требования демократии «неосуществимы» при империализме.

В смысле экономической невозможности—говорить о неосуществимости самоопределения в корне неверно.

Таково было наше положение. Здесь гвоздь теоретического расхождения, и на этот вопрос в сколько-нибудь серьезной дискуссии надо было бы нашим противникам обратить все внимание.

Посмотрите же, как рассуждает об этом вопросе П. Киевский.

Толкование неосуществимости в смысле «трудной осуществимости» по политическим причинам он определенно отклоняет. Он отвечает на вопрос прямо в смысле экономической невозможности.

«Значит ли,— пишет П. Киевский,— что самоопределение при империализме так же неосуществимо, как рабочие деньги при товарном производстве?» и отвечает: «Да, значит! Ибо мы говорим именно о логической противоречивости между двумя социальными категориями—«империализм» и «самоопределение наций»,—такой же логической противоречивости, какая существует между двумя другими категориями: рабочие деньги и товарное производство. Империализм есть отрицание самоопределения, и совместить самоопределение с империализмом не удастся никакому фокуснику».

Как ни страшно это сердитое слово «фокусник», которое направляет в нас П. Киевский, но мы все же должны заметить ему, что он просто-таки не понимает, что значит экономический анализ. «Логической противоречивости» при условии, конечно, правильного логического мышления—не должно быть ни в эко-

номическом, ни в политическом анализе. Поэтому ссылаться на «логическую противоречивость» в о о б щ е, когда речь идет именно о том, чтобы дать экономический анализ, а не политический, никак не доводится. К «социальным категориям» относится и экономическое и политическое. Следовательно, П. Киевский, ответив сначала решительно и прямо: «да, значит» (т.-е. самоопределение так же неосуществимо, как рабочие деньги при товарном производстве), отдался на деле тем, что походил кругом да около, а экономического анализа не дал.

Чем доказывается, что рабочие деньги неосуществимы при товарном производстве? Экономическим анализом. Этот анализ, который, как и всякий анализ, не допускает «логической противоречивости», берет экономические и т о л ь к о экономические (а не «социальные» вообще) категории и из них выводит невозможность рабочих денег. В первой главе «Капитала» ни о какой политике, ни о какой политической форме, ни о каких «социальных категориях» вообще нет и речи: анализ берет т о л ь к о экономическое,—обмен товаров, развитие обмена товаров. Экономический анализ показывает—путем, конечно, «логических» рассуждений,— что рабочие деньги при товарном производстве неосуществимы.

П. Киевский не делает даже и попытки приступить к экономическому анализу. Он с п у т ы в а е т экономическую сущность империализма с его политическими тенденциями, как это видно из первой же фразы первого же параграфа его статьи. Вот эта фраза:

«Промышленный капитал явился синтезом докапиталистического производства и торгово-ссудного капитала. Ссудный капитал оказался на услужении у промышленного. Теперь капитализм преодолевает разные виды капитала, возникает высший, унифицированный вид его—финансовый капитал, и потому всю эпоху можно назвать эпохой финансового капитала, адекватной системой внешней политики которого и является империализм».

Экономически все это определение никуда не годится: вместо точных экономических категорий одни фразы. Но останавливаться на этом сейчас невозможно. Важно то, что империализм П. Киевский объявляет «системой внешней политики».

Это, во-1-х, по существу неверное повторение неверной идеи Каутского.

Это, во-2-х, чисто политическое, только политическое определение империализма. Посредством определения империализма,

как «системы политики», П. Киевский хочет увернуться от экономического анализа, который он обещал дать, заявив, что самоопределение «так же» неосуществимо при империализме, как рабочие деньги при товарном производстве!

Каутский в споре с левыми заявлял, что империализм есть «только система внешней политики» (именно аннексии), что называть империализмом известную экономическую стадию, ступень развития капитализма нельзя.

Каутский не прав. Спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять «слово» империализм так или иначе невозможно. Но надо точно выяснить понятия, если想要 вести дискуссию.

Экономически империализм (или «эпоха» финансового капитала,—дело не в словах) есть высшая ступень развития капитализма,—именно такая, когда производство стало настолько крупным и крупнейшим, что с в о б о д у конкуренции сменяется монополия. В этом экономическая сущность империализма. Монополия проявляется и в трестах, синдикатах и проч., и в всесилии гигантских банков, и в скоплении источников сырья и пр., и в концентрации банковского капитала и т. д. В экономической монополии все дело.

Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция: «финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе», справедливо говорит Р. Гильфердинг в своем «Финансовом капитале».

Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или, тем более, противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, не марксистская, не научная мысль. И во внешней политике и во внутренней одинаково империализм стремится к нарушению демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание демократии вообще, в с е й демократии, а вовсе не одного из требований демократии, именно: самоопределения наций».

Будучи «отрицанием демократии», империализм та к же «отрицает и демократию» в национальном вопросе (т.-е. самоопределение наций): «также», т.-е. он стремится нарушить ее; осуществление ее ровно настолько же и в том же смысле труднее при-

империализме, насколько труднее при империализме (по сравнению с домонополистическим капитализмом) осуществление республики, милиции, выбора чиновников народом и т. д. Об «экономической» неосуществимости не может быть и речи.

П. Киевского ввело в ошибку здесь, вероятно, еще то обстоятельство (кроме общего непонимания требований экономического анализа), что с обывательской точки зрения аннексия (т.-е. присоединение чуженациональной области вопреки воле ее населения, т.-е. нарушение самоопределения наций) считается равнозначной «расширению» финансового капитала на более обширную хозяйственную территорию.

Но с обывательскими понятиями нельзя браться за теоретические вопросы.

Империализм есть экономически монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устраниć конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира. Есть ли экономическая возможность «в эру финансового капитала» устраниć конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство—финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента.

Американские тресты есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма. Для устраниć конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным. Но было бы глубокой ошибкой считать экономически неосуществимой монополию трестов при чисто экономических приемах борьбы. Напротив, действительность на каждом шагу доказывает «осуществимость» этого: тресты подрывают кредит конкурентов через посредство банков (хозяева трестов суть хозяева банков: скупка акций); тресты подрывают подвоз материалов конкурентам (хозяева трестов суть хозяева железных дорог: скупка акций); тресты на известное время сбивают цены ниже себестоимости, чтобы разорить конкурента и скупить его предприятия, его источники сырья (рудники, землю и проч.).

Вот чисто экономический анализ силы трестов и расширения их. Вот чисто экономический путь к расширению: скупка предприятий, заведений, источников сырья.

Крупный финансовый капитал одной страны, всегда может купить конкурентов чужой, политически независимой страны,

и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая «аннексия» в полне «осуществима» без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встретите на каждом шагу, такие, например, указания, что Аргентина есть на деле «торговая колония» Англии, что Португалия есть на деле «вассал» Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных железных дорог, рудников, земель и пр.—все это делает названные страны «аннексией» Англии в экономическом смысле, без нарушения политической независимости этих стран.

Самоопределением наций называется политическая независимость их. Империализм стремится нарушить ее, ибо при политической аннексии экономическая часто удобнее, дешевле (легче подкупить чиновников, добиться концессии, провести выгодный закон и пр.), сподручнее, спокойнее,—совершенно так же, как империализм стремится заменить демократию вообще олигархией. Но толковать об экономической «неосуществимости» самоопределения при империализме есть просто сапоги в смятку.

П. Киевский обходит теоретические трудности посредством одного чрезвычайно легкого и легковесного приема, который по-немецки называется «буршкозными» выражениями, т.-е. студенчески-простоватыми, грубоватыми, употребительными (и естественными) при студенческой попойке. Вот образец: «Всеобщее избирательное право,— пишет он,— 8-часовой рабочий день и даже республика логически совместимы с империализмом, хотя империализму они далеко не улыбаются (!!), а потому осуществление их до крайности затруднено».

Мы решительно ничего не имеем против буршкозного выражения: республика не «улыбается» империализму,—веселенькое словечко иногда скрашивает ученые материи!—если бы кроме них в рассуждении о серьезном вопросе был еще и экономический и политический анализ понятий. У П. Киевского буршкозность заменяет такой анализ, заслоняет отсутствие его.

Что это значит: «республика не улыбается империализму»? И почему это так?

Республика есть одна из возможных форм политической надстройки над капиталистическим обществом, и притом самая демократическая при современных условиях. Сказать: республика не «улыбается» империализму значит сказать, что есть противоречие

между империализмом и демократией. Очень может быть, что это наше заключение «не улыбается» и даже «далеко не улыбается» П. Киевскому, но оно все же неоспоримо.

Далее. Какого рода это противоречие между империализмом и демократией? Логическое или не логическое? П. Киевский употребляет слово «логический», не подумав, и потому не замечает, что это слово служит ему в данном случае для сокрытия (от глаз и ума читателя, как от глаз и ума автора) как раз того вопроса, о котором он взялся рассуждать. Этот вопрос—отношение экономики к политике; отношение экономических условий и экономического содержания империализма к одной из политических форм. Всякое «противоречие», которое отмечается в человеческих рассуждениях, есть логическое противоречие: это пустая тавтология. Посредством этой тавтологии П. Киевский обходит суть вопроса: есть ли «логичное» противоречие между двумя экономическими явлениями или положениями (1)? Или между двумя политическими (2)? Или между экономическим и политическим (3)?

Ведь в этом суть, раз встал вопрос об экономической неосуществимости или осуществимости при той или иной политической форме?

Если бы П. Киевский не обошел эту суть, он увидел бы, вероятно, что противоречие между империализмом и республикой есть противоречие между экономикой новейшего капитализма (именно: монополистического капитализма) и политической демократией вообще. Ибо никогда не докажет П. Киевский, что любая крупная и коренная демократическая мера (выбор чиновников или офицеров народом, полнейшая свобода союзов и собраний и пр.) менее противоречит империализму (более «улыбается» ему, если угодно), чем республика.

Получается именно то положение, на котором мы настаиваем в тезисах: империализм противоречит, «логически» противоречит всей вообще политической демократии. П. Киевскому «не улыбается» это наше положение, ибо оно разрушает его нелогические построения, но как же быть? Неужели в самом деле помириться с тем, когда хотят якобы опровергнуть известные положения, а на деле тайком проводят именно их посредством выражения «республика не улыбается империализму»?

Далее. Почему республика не улыбается империализму? И как «совмещает» империализм свою экономику с республикой?

П. Киевский не подумал об этом. Мы ему напомним следующие слова Энгельса. Речь идет о демократической республике. Вопрос стоит такой: может ли богатство господствовать при этой форме правления? Т.-е. вопрос именно о «противоречии» между экономикой и политикой.

Энгельс отвечает: «...Демократическая республика официально ничего не знает о различиях» (между гражданами) «по богатству. При ней богатство осуществляет свою власть косвенно, но зато вернее. С одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников» («классический образец—Америка») и, «с другой стороны, в форме союза правительства и биржи»...

Вот образчик экономического анализа по вопросу об «осуществимости» демократии при капитализме, частичкой какового вопроса является вопрос об «осуществимости» самоопределения при империализме.

Демократическая республика противоречит «логически» капитализму, ибо «официально» приравнивает бедного и богатого. Это есть противоречие между экономическим строем и политической надстройкой. С империализмом у республики то же противоречие, углубленное или усугубленное тем, что смена свободной конкуренции монополией еще более «затрудняет» осуществление всяких политических свобод.

Как же совмещается капитализм с демократией? Посредством косвенного проведения в жизнь всевластия капитала. Экономических средств для этого два: 1) подкуп прямой; 2) союз правительства с биржей. (В наших тезисах это выражено словами, что финансовый капитал «свободно купит и подкупит любое правительство и чиновников» при буржуазном строев.)

Раз господствует товарное производство, буржуазия, власть денег—подкуп (прямой и через биржу) «осуществим» при любой форме правления, при любой демократии.

Спрашивается, что изменяется в рассматриваемом отношении при замене капитализма империализмом, т.-е. домонополистического капитализма монополистическим?

Только то, что власть биржи усиливается! Ибо финансовый капитал есть крупнейший, дороший до монополии, промышленный капитал, слившись с банковым капиталом. Крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее. (В литературе об империализме говорят о падении роли биржи, но только в том смысле, что всякий гигантский банк есть биржа.)

Далее. Если для «богатства» вообще оказывается вполне осуществимым господство над любой демократической республикой посредством подкупа и биржи, то каким образом может П. Киевский утверждать, не впадая в забавное «логическое противоречие», что крупнейшее богатство трестов и банков, ворочающее миллиардами, не может «осуществить» власти финансового капитала над чужой, т.-е. политически независимой республикой?

Что же, подкуп чиновников «неосуществим» в чужом государстве? Или «союз правительства с биржей» есть только союз своего правительства?

Читатель видит уже отсюда, что для распутывания и популярного разъяснения нужны около десяти печатных страниц против десяти строк путаницы. Разбирать так же подробно каждое рассуждение П. Киевского—у него нет буквально ни одного без путаницы!—мы не можем, да и нет в этом надобности, раз главное разобрано. Остальное отметим вкратце.

4. Пример Норвегии.

Норвегия «осуществила» якобы неосуществимое право на самоопределение в 1905 г., в эру самого разнужданного империализма. Толковать о «неосуществимости» поэтому не только теоретически абсурдно, но и смешно.

П. Киевский хочет опровергнуть это, обзывая нас сердито «рационалистами» (при чем это? Рационалист ограничивается рассуждениями и при том абстрактными, мы же указали на конкретнейший факт! Не употребляет ли П. Киевский иностранное словечко «рационалист» так же... как бы помягче выразиться?.. так же «удачно», как он употребил в начале своей статьи слово «экстрактивный», предлагая свои соображения в «экстрактивном виде?»).

П. Киевский упрекает нас в том, что для нас «важна внешность явлений, а не подлинная суть».. Присмотримся же к подлинной сущи.

Опровержение начинается с примера: факт издания закона против трестов не доказывает неосуществимости запрещения трестов. Справедливо. Только пример неудачный, ибо он говорит против П. Киевского. Закон есть мера политическая, есть политика. Никакой политической мерой нельзя запретить экономики. Никакой политической формой Польши, будет ли она

частичкой царской России или Германии, или автономной областью, или независимым политическим государством, нельзя ни запретить, ни отменить ее зависимости от финансового капитала империалистических держав, скупки акций ее предприятий этим капиталом.

Независимость Норвегии «осуществлена» в 1905 г. только политическая. Экономической независимости она не собиралась и не могла затронуть. Как раз об этом говорят наши тезисы. Мы именно указали, что самоопределение касается только политики, и поэтому неверно даже ставить вопрос об экономической неосуществимости. А П. Киевский «опровергает» нас, приводя пример бессилия политических запретов против экономики! Хорошо «опровержение»!

Далее. «Одного или даже многих примеров победы мелких предприятий над крупными недостаточно для опровержения правильной тезисы Маркса о том, что общий ход развития капитализма сопровождается и концентрацией, и централизацией производства».

Этот довод опять состоит в неудачном примере, который выбирается, чтобы отвести внимание (читателя и автора) от действительной сущности спора. Наш тезис гласит, что об экономической неосуществимости самоопределения в том же смысле, в каком неосуществимы рабочие деньги при капитализме, говорить неверно. Ни единого «примера» такой осуществимости быть не может. П. Киевский молча признает нашу правоту по этому пункту, ибо переходит к иному толкованию «неосуществимости».

Почему он не делает этого прямо? Почему не формулирует открыто и точно своего тезиса: «самоопределение, будучи осуществимо в смысле экономической возможности его при капитализме, противоречит развитию и потому реакционно или является лишь исключением»?

Потому, что открытая формулировка контр-тезиса сразу разоблачила бы автора, и ему приходится прятаться.

Закон экономической концентрации, победы крупного производства над мелким, признан и нашей и Эрфуртской программой. П. Киевский прячет тот факт, что нигде не признан закон политической или государственной концентрации. Если это такой же закон или тоже закон, отчего бы П. Киевскому не изложить его и не предложить пополнить нашу программу? Справед-

лико ли с его стороны оставлять нас при плохой, неполной программе, когда он открыл этот новый закон государственной концентрации, закон, имеющий практическое значение, ибо он избавил бы нашу программу от ошибочных выводов?

П. Киевский не дает никакой формулировки закона, не предлагает пополнить нашу программу, ибо смутно чувствует, что он стал бы тогда смешным. Все расхохотались бы над курьезным «империалистическим экономизмом», если бы эта точка зрения выплыла наружу, и параллельно закону вытеснения мелкого производства крупным был бы выставлен «закон» (в связи с ним или рядом с ним) вытеснения мелких государств крупными!

Чтобы выяснить это, ограничимся одним вопросом П. Киевскому: почему экономисты без кавычек не говорят о «распаде» современных трестов или крупных банков? О возможности такого распада и об осуществимости его? Почему даже «империалистический экономист» в кавычках вынужден признать возможность и осуществимость распада крупных государств, и не только распада вообще, а, напр., отделения «малых народностей» (это заметьте!) от России (§ д в главе 2-й статьи П. Киевского)?

Наконец, чтобы еще нагляднее выяснить, до чего договаривается наш автор, и предостеречь его, отметим следующее: закон вытеснения мелкого производства крупным мы все открыто выставляем, и никто не боится назвать отдельные примеры «победы мелких предприятий над крупными» явлением реакционным.

Назвать реакционным отделение Норвегии от Швеции пока еще никто из противников самоопределения не решился, хотя мы с 1914 г. подняли этот вопрос в литературе.

Крупное производство неосуществимо, если сохраняются, напр., ручные станки; совершенно нелепа мысль о «распаде» фабрики на ручные мастерские. Империалистическая тенденция к крупным империям вполне осуществима и на практике нередко осуществляется в форме империалистического союза самостоятельных и независимых, в политическом значении слова, государств. Такой союз возможен и наблюдается не только в форме экономического срастания финансового капитала двух стран, но и в форме военного «сотрудничества» в империалистической войне. Национальная борьба, национальное восстание, национальное отделение вполне «осуществимы» и наблюдаются на деле при империализме, даже усиливаются, ибо империализм не устанавливает развития капитализма и роста демократических

тенденций в массе населения, а обостряет антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов.

Только с точки зрения «империалистического экономизма», т.-е. карикатурного марксизма, можно игнорировать, напр., следующее своеобразное явление империалистской политики: с одной стороны, теперешняя империалистская война показывает нам примеры того, как удается втянуть маленькое, независимое политически государство, силой финансовых связей и экономических интересов, в борьбу между великими державами (Англия и Португалия). С другой стороны, нарушение демократизма по отношению к маленьким нациям, гораздо более бессильным (и экономически, и политически) против своих империалистских «покровителей», вызывает либо восстание (Ирландия), либо переход целых полков на сторону врага (чехи). При таком положении дела не только «существимо» с точки зрения финансового капитала, но и иногда прямо выгодно для трестов, для их империалистской политики, для их империалистской войны дать как можно больше демократической свободы, вплоть до государственной независимости отдельным маленьким нациям, чтобы не рисковать порчей «своих» военных операций. Забывать своеобразие политических и стратегических соотношений и твердить, кстати и некстати, одно только заученное словечко «империализм», это совсем не марксизм.

О Норвегии П. Киевский сообщает нам, во-первых, что она «всегда была самостоятельным государством». Это неверно, и объяснить такую неверность нельзя иначе, как буршюкозной небрежностью автора и невниманием к политическим вопросам. Самостоятельным государством Норвегия до 1905 г. не была, она лишь пользовалась чрезвычайно широкой автономией. Государственную самостоятельность Норвегии Швеция признала лишь после того, как Норвегия отделилась от нее. Если бы Норвегия «всегда была самостоятельным государством», то шведское правительство не могло бы сообщить иностранным державам 26 октября 1905 г., что оно теперь признает Норвегию независимой страной.

Во-вторых, П. Киевский приводит ряд выписок, чтобы доказать, что Норвегия смотрела на запад, а Швеция на восток, что в одной «работал» преимущественно английский, в другой—немецкий финансовый капитал и пр. Отсюда делается торжественный

вывод: «этот пример» (Норвегии) «целиком укладывается в наши схемы».

Вот вам образчик логики «империалистического экономизма»! В наших тезисах значится, что финансовый капитал может господствовать в «любой» хотя бы и «независимой стране», и что поэтому все рассуждения о «неосуществимости» самоопределения с точки зрения финансового капитала—сплошная путаница. Нам приводят данные, подтверждающие наше положение о роли чужого финансового капитала в Норвегии и до отделения, и после отделения, — с таким видом, будто это опровергает нас!

Поговорить о финансовом капитале и на этом основании забыть политические вопросы,—неужели это значит рассуждать о политике?

Нет. От логических ошибок «экономизма» политические вопросы не исчезли. В Норвегии «работал» английский финансовый капитал и до и после отделения. В Польше «работал» немецкий финансовый капитал до ее отделения от России и будет «работать» при любом политическом положении Польши. Это до такой степени азбучно, что неловко повторять это, но как же быть, когда забывают азбуку?

Исчезает ли от этого политический вопрос о том или ином положении Норвегии? О ее принадлежности к Швеции? О поведении рабочих, когда встал вопрос об отделении?

П. Киевский уклонился от этих вопросов, ибо они больно бьют «экономистов». Но в жизни эти вопросы стояли и стоят. В жизни стоял вопрос, может ли быть с.-д-ом шведский рабочий, не признающий права Норвегии на отделение? Не может. Шведские аристократы были за войну против Норвегии, попы тоже. Этот факт не исчез от того, что П. Киевский «забыл» прочитать о нем в историях норвежского народа. Шведский рабочий мог, оставаясь с.-д-ом, советовать норвежцам голосовать против отделения (народное голосование в Норвегии по вопросу об отделении состоялось 13 августа 1905 г. и дало 368.200 голосов за отделение и 184 против, при чем участвовало в голосовании около 80 процентов имевших право голосовать). Но тот шведский рабочий, который, подобно шведской аристократии и буржуазии, этикал бы право норвежцев решить этот вопрос самим, без шведов, независимо от их воли, был бы социал-шовинистом и непримым в с.-д-ой партии негодяем.

Вот в чем состоит применение § 9 нашей партийной программы, через который пытался перескочить наш «империалистический экономист». Не перескочите, господа, не попадая в объятия шовинизма.

А норвежский рабочий? Обязан ли он был, с точки зрения интернационализма, голосовать за отделение? Нисколько. Он мог, оставаясь с.-д-ом, голосовать против. Он нарушил бы свой долг члена с.-д-ой партии лишь в том случае, если бы протянул товарищескую руку такому черносотенному шведскому рабочему, который бы высказался против сходы отделения Норвегии.

Этой элементарной разницы в положении норвежского и шведского рабочего не хотят видеть некоторые люди. Но они изобличают самих себя, когда обходят этот конкретнейший из конкретнейших политических вопросов, который мы в упор ставим им. Молчат, увертываются и этим сдают позицию.

Чтобы доказать, что «норвежский» вопрос может стоять в России, мы нарочно поставили тезис: при условиях чисто военного и стратегического характера вполне осуществимо и теперь особое государство польское. П. Киевский желает «дискутировать»—и молчит.

Добавим, Финляндия по чисто военным и стратегическим соображениям, при известном исходе данной империалистической войны (напр., присоединение Швеции к немцам и полупобеда их), вполне может стать отдельным государством, не подрывая «осуществимости» ни единой операции финансового капитала, не делая «неосуществимой» скупку акций финляндских железных дорог и прочих предприятий *).

---

*) Если при одном исходе современной войны вполне «осуществимо» без малейшего нарушения условий развития империализма и силы его, напротив, при усилении влияния, связей и давления финансового капитала—образование новых государств в Европе, польского, финляндского и т. п., то при другом исходе войны также «осуществимо» образование нового государства венгерского, чешского и т. п. Английские империалисты уже сейчас намечают этот второй исход на случай своей победы. Империалистская эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций, ни «осуществимости» этих стремлений в пределах мировых империалистических отношений. Вне же этих пределов «неосуществима» без ряда революций и непрочна без социализма ни республика в России, ни вообще какое бы то ни было очень крупное демократическое преобразование нигде в мире. П. Киевский совсем, совсем не понял отношений империализма и демократии.

П. Киевский спасается от неприятных для него вопросов под сень великолепной фразы, замечательно характерной для всего его «рассуждения»: ... «Каждую минуту»... (буквально так и стоит в конце главы I)... «Дамоклов меч может оборваться и прекратить существование «самостоятельной» мастерской» («намек» на маленькую Швецию и Норвегию).

Вот, должно быть, настоящий марксизм: каких-то всего 10 лет существует отдельное государство норвежское, отделение которого от Швеции шведское правительство назвало «революционной мерой». Но стоит ли нам разбирать вытекающие отсюда политические вопросы, если мы прочитали «Финансовый капитал» Гильфердинга и «поняли» его так, что «каждую минуту»—коль рубить, так уж с плеча!—малое государство может исчезнуть? Стоит ли обращать внимание на то, что мы марксизм исказили в «экономизме», а политику свою превратили в перепевы речей истинно-русских шовинистов?

Как ошибались, должно быть, русские рабочие в 1905 г., добиваясь республики: ведь финансовый капитал уже мобилизовался против нее и во Франции и в Англии и пр., и «каждую минуту» мог бы «Дамокловым мечом» срубить ее, если бы она возникла!

«Требование национального самоопределения не является... утопичным в минимальной программе: оно не противоречит общественному развитию, поскольку его осуществление не остановило бы этого развития». Эту цитату из Мартова оспаривает П. Киевский в том самом параграфе своей статьи, где он привел «выписки» о Норвегии, доказывающие паки и паки тот общеизвестный факт, что ни развития вообще, ни роста операций финансового капитала в частности, ни скупки Норвегии англичанами «самоопределение» и отделение Норвегии не остановило!

У нас не раз бывали большевики, напр., Алексинский в 1908—1910 г.г., которые спорили с Мартовым как раз тогда, когда Мартов был прав! Избави, боже, от таких «союзников».

5. О «монаизме и дуализме».

Упрекая нас в «дуалистическом толковании требования», П. Киевский пишет: «Монистическое действие Интернационала заменяется дуалистической пропагандой».

Это звучит совсем по-марксистски, материалистически: действие, которое едино, противополагается пропаганде, которая «дуалистична». К сожалению, присматриваясь ближе, мы должны сказать, что это такой же словесный «монизм», каким был «монизм» Дюринга. «От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с мlekопитающими,—писал Энгельс против «монизма» Дюринга,—от этого у нее не вырастут молочные железы».

Это значит, что **объявлять «единым»** можно лишь такие вещи, свойства, явления, действия, которые **едины** в объективной действительности. Эту «мелочь» как раз и забыл наш автор!

Он видит наш «дуализм», во-первых, в том, что от рабочих угнетающих наций мы требуем в первую голову **н е т о г о**,—речь идет только о национальном вопросе,—чего мы требуем от рабочих угнетенных наций.

Чтобы проверить, не является ли здесь «монизм» П. Киевского «монизмом» Дюринга, надо посмотреть, как обстоит дело в **объективной действительности**.

Однако ли **действительное** положение рабочих в угнетающих и угнетенных нациях с точки зрения национального вопроса?

Нет, не однаково.

1) **Экономически** разница та, что части рабочего класса в угнетающих странах пользуются крохами сверхприбыли, которую получают буржуа угнетающих наций, сдирая всегда по две шкуры с рабочих угнетенных наций. Экономические данные говорят, кроме того, что из рабочих угнетающих наций **б о л ь ш и й** процент проходит в «мастерки», чем из рабочих угнетенных наций,—**б о л ь ш и й** процент поднимается в аристократию рабочего класса». Это факт. Рабочие угнетающей нации до известной степени участники **своеї буржуазии** в деле ограбления **ею** рабочих (и массы населения) угнетенных наций.

2) **Политически** разница та, что рабочие угнетающих наций занимают **приоритетное** положение в целом ряде областей политической жизни по сравнению с рабочими угнетенной нации.

3) **Идеино** или духовно разница та, что рабочие угнетающей нации всегда воспитываются и школой и жизнью в духе презрения или пренебрежения к рабочим угнетенных наций.

Напр., всякий великоросс, воспитавшийся или живший среди великороссов, испытывал это.

Итак, в объективной действительности по всей линии различие, т.е. «дуализм» в объективном мире, независящем от воли и сознания отдельных лиц.

Как же отнестись после этого к словам П. Киевского о «монистическом» действии Интернационала? *).

Это — пустая звонкая фраза, ничего больше.

Для того, чтобы действие Интернационала, состоящего в жизни из рабочих, расколотых на принадлежащих к нациям угнетающим и к нациям угнетенным, было едино, для этого необходимо не одинаково вести пропаганду в этом и другом случае: вот как рассуждать надо с точки зрения действительного (а не Дюринговского) «монизма», с точки зрения материализма Маркса!

Пример? Пример мы уже привели (в легальной печати два с лишним года тому назад!) — относительно Норвегии и никто не попытался опровергнуть нас. Действие норвежских и шведских рабочих было в этом конкретном и взятом из жизни случае «монистическим», единым, интернационалистским лишь потому и постольку, поскольку шведские рабочие безусловно отстаивали свободу отделения Норвегии, а норвежские рабочие условно ставили вопрос об этом отделении. Если бы шведские рабочие не безусловно стояли за свободу отделения норвежцев, то они были бы шовинистами, соратниками шовинизма шведских помещиков, которые хотели силой,войной «удержать» Норвегию. Если бы норвежские рабочие не ставили вопроса об отделении условно, т.е. так, что голосовать и пропагандировать против отделения могут и члены с.-д-ой партии, то норвежские рабочие нарушили бы долг интернационалистов и впали в узкий, будущий норвежский национализм. Почему? Потому, что отделение совершила будущая, а не пролетариат! Потому что норвежская, как и всякая, буржуазия всегда старается расколоть рабочих своей страны и «чужой»! Потому что любое демократическое требование (в том числе и самоопределение) для сознательных рабочих подчинено высшим интересам социализма. Если

*) См., напр., английскую книгу Гурвича об иммиграции и положении рабочего класса в Америке.

бы, напр., отделение Норвегии от Швеции, наверное, или вероятно, означало бы войну Англии с Германией, то норвежские рабочие по этой причине должны были бы быть против отделения. А шведские получили бы право и возможность, не переставая быть социалистами, агитировать в подобном случае против отделения только в том случае, если они систематически, последовательно, постоянно боролись против шведского правительства за свободу отделения Норвегии. В противном случае норвежские рабочие и норвежский народ не поверили бы и не могли бы поверить в искренность совета шведских рабочих.

Вся беда противников самоопределения происходит от того, что они отделяются мертвыми абстракциями, боясь разобрать до конца хоть один конкретный пример из живой жизни. Наше конкретное указание в тезисах, что новое государство польское вполне «осуществимо» теперь, при известном сочетании условий исключительно военных, стратегических, осталось без возражений и со стороны поляков, и со стороны П. Киевского. Но подумать о том, что же вытекает из этого молчаливого признания нашей правоты, никто не пожелал. А вытекает отсюда явно то, что пропаганда интернационалистов не может быть одинаковой среди русских и поляков, если она хочет воспитать и тех и других к «единому действию». Великорусский (и немецкий) рабочий обязан стоять безусловно за свободу отделения Польши, ибо иначе он на деле, теперь — лакей Николая II или Гинденбурга. Польский рабочий мог бы стоять за отделение только условно, ибо спекулировать (как фраки) на победу той или иной империалистской буржуазии значит становиться ее лакеем. Не понять этой разницы, являющейся условием «монастырского действия» Интернационала, все равно, что не понять того, почему для «монастырского действия» против царской армии, допустим, под Москвой, революционное войско из Нижнего должно было ити на запад, а из Смоленска — на восток.

Во-вторых, наш новый сторонник Дюринговского монизма упрекает нас за то, что мы не заботимся о «теснейшем организационном сплочении различных национальных секций Интернационала» при социальном перевороте.

«При социализме самоопределение отпадает,— пишет П. Киевский, — ибо тогда отпадает государство». Это пишется якобы

в опровержение нас! Но у нас в трех строках — трех последних строках первого параграфа наших тезисов—сказано точно и ясно, что «демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство». Именно эту истину повторяет — конечно, «в опровержение» нас! — П. Киевский на нескольких страницах своего параграфа (глава I), при том повторяет, извращая. «Мы мыслим, — пишет он, — и всегда мыслили себе социалистический строй, как строго демократическую (!!) централизованную систему хозяйства, при которой государство, как аппарат господства одной части населения над другой, исчезает». Это путаница, ибо демократия есть тоже господство «одной части населения над другой», есть тоже государство. В чем состоит отмирание государства после победы социализма и каковы условия этого процесса, автор явно не понял.

Но главное—это его «возражения», относящиеся к эпохе социальной революции. Обругав нас ужасно страшным словом «талмудисты самоопределения», автор говорит: «Этот процесс (социальный переворот) мы мыслим, как объединенное действие пролетариев всех (!) стран, разрушающих границы буржуазного (!) государства, сносящих пограничные столбы» (независимо от «разрушения границ»?), «взрывающих (!!) национальную общность и устанавливающих общность классовую».

Не во гнев будь сказано суровому судии «талмудистов», — здесь много фраз и совсем не видать мысли.

Социальный переворот не может быть объединенным действием пролетариев в с е х стран по той простой причине, что большинство стран и большинство населения земли до сих пор стоит еще даже не на капиталистической или только в начале капиталистической ступени развития. Об этом мы сказали в § 6 наших тезисов, и П. Киевский просто по невнимательности или по неумению думать «не заметил», что этот § выставлен нами не зря, а как раз в опровержение карикатурных искажений марксизма. Для социализма созрели л и ш ь передовые страны запада и Северной Америки, и в письме Энгельса к Каутскому («Сборник Социал-Демократа») П. Киевский может прочитать конкретную иллюстрацию той — действительной, а не только обещанной — «мысли», что об «объединенном действии пролетариев в с е х стран» мечтать — значит откладывать социализм до греческих календ, т.-е. до «никогда».

Социализм осуществляют объединенными действиями пролетарии не всех стран, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития передового капитализма. Именно непонимание этого и вызвало ошибку П. Киевского. В этих передовых странах (Англия, Франция, Германия и пр.) национальный вопрос давно решен, национальная общность давно изжила себя, «общенациональных задач» объективно нет. Поэтому только в этих странах возможно теперь же «взорвать» национальную общность, установить общность классовую.

Иное дело в странах неразвитых, в тех странах, которые мы выделили (в § 6 наших тезисов) во 2 и 3 рубрику, т.-е. на всем востоке Европы и во всех колониях и полуколониях. Здесь есть, по общему правилу, угнетенные и капиталистически неразвитые нации. В таких нациях есть еще объективные общенациональные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чуждого национального гнета.

Именно как образец таких наций приводит Энгельс Индию, говоря, что она может сделать революцию против победившего социализма, — ибо Энгельс был далек от того смешного «империалистического экономизма», который воображает, что победивший в передовых странах пролетариат «само собою» без определенных демократических мер уничтожит национальный гнет везде и всюду. Победивший пролетариат реорганизует те страны, в коих он победил. Этого нельзя сделать сразу, да и «победить» буржуазию нельзя сразу. Мы нарочно подчеркнули это в своих тезисах, и П. Киевский опять-таки не подумал, для чего мы подчеркивали это в связи с национальным вопросом.

Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и отражает ее контр-революционные попытки, — неразвитые и угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией, совсем маленьким кризисом, кризисом империалистской буржуазии, как войны 1915 — 1916 г.г., для восстаний (колонии, Ирландия), то не подлежит сомнению, что великий кризис гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний.

Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата

буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях.

Почему? Поэтому, что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высоко развитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически. П. Киевский абсолютно не продумал обективных условий социальной революции с точки зрения экономической зрелости разных стран, и потому его упрек, будто бы «выдумываем», где бы применить самоопределение, направляется поистине с большой головы на здоровую.

С усердием, достойным лучшей участи, П. Киевский повторяет много раз цитаты из Маркса и Энгельса на тему о том, что «не выдумывать из головы, а открывать посредством головы в наличных материальных условиях» должны мы средства к избавлению человечества от тех или иных социальных бедствий. Читая эти повторные цитаты, я не могу не вспомнить печальной памяти «экономистов», которые так же скучно... жевали свое «новое открытие» о победе капитализма в России. П. Киевский хочет этими цитатами «поразить» нас, ибо мы -де из головы выдумываем условия применения самоопределения наций в империалистическую эпоху! Но у того же самого П. Киевского мы читаем следующее «неосторожное признание»:

«Уже одно то, что мы против (курсив автора) защиты отечества, яснее ясного говорит о том, что мы будем активно сопротивляться всякому подавлению национального восстания, так как этим мы будем вести борьбу против нашего смертельного врага — империализма» (гл. II, § с в статье П. Киевского).

Нельзя критиковать известного автора, нельзя отвергнуть ему, если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи. А как только приведем целиком хотя бы одно положение П. Киевского, всегда оказывается, что у него на любую фразу приходится две-три ошибки или непродуманности, извращающие марксизм.

1) П. Киевский не заметил, что национальное восстание есть тоже «защита отечества». А между тем капелька размышления убедит всякого, что это именно так, ибо всякая «вос-

стаяющая нация» «зашщищает» себя от нации угнетающей, защищает свой язык, свой край, свое отечество.

Всякий национальный гнет вызывает отпор в широких массах народа, тенденция всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание. Если мы наблюдаем нередко (особенно в Австрии и России), что буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и против своего народа, то в таких случаях критика революционных марксистов должна направляться не против национального движения, а против измельчания, опошления его, извращения в мелочную драку. Кстати сказать, очень многие австрийские и российские с.-д-ты забывают это и свою за конную ненависть к мелкой, пошлой, мизерной национальной грызне вроде споров и драк из-за того, на каком языке название улицы должно стоять наверху вывески и на каком внизу,—свою законную ненависть к этому превращают в отрицание поддержки национальной борьбы. Мы не будем «поддерживать» комедийной игры в республику в каком-нибудь княжестве Монако или «республиканские» авантюры «генералов» в мелких государствах южной Америки или на каком-нибудь острове в Тихом океане, но отсюда отнюдь не вытекает позволительность забыть лозунг республики для серьезных демократических и социальных движений. Мы осмеиваем и должны осмеивать мизерную национальную грызню и национальное торгашество наций в России и Австрии, но отсюда не вытекает, чтобы позволительно было отказать в поддержке национальному движению или всякой серьезной, общенародной борьбе против национального гнета.

2) Если национальные восстания невозможны в «империалистскую эпоху», то П. Киевский не вправе говорить о них. Если они возможны, то все его бесконечные фразы о «монизме», о том, что мы «выдумываем» примеры самоопределения при империализме и прочее и тому подобное,—все это разлетается в прах. П. Киевский побивает сам себя.

Если «мы» активно сопротивляемся подавлению национального восстания,—случай, взятый, как возможный, «самим» П. Киевским,—то что это значит?

Это значит, что «действие» получается двоякое, «дуалистическое», если употреблять философский термин столь же не-

кстати, как некстати употребляет его наш автор: во-1-х, «действие» национально-угнетенного пролетариата и крестьянства в месте с национально-угнетенной буржуазией против угнетающей нации; во-2-х, «действие» пролетариата или сознательной его части в угнетающей нации против буржуазии и всех идущих за ней элементов угнетающей нации.

Бесконечное количество фраз против «национального блока», «национальных иллюзий», против «яда» национализма, против «разжигания национальной ненависти» и тому подобное—фраз, которые наговорил П. Киевский, оказались пустяками, ибо, советуя пролетариату угнетающих стран (не забудем, что автор считает этот пролетариат силой серьезной) «активно сопротивляться подавлению национального восстания», автор тем самым разжигает национальную ненависть, автор тем самым поддерживает «блок с буржуазией» рабочих угнетенных стран.

3) Если возможны национальные восстания при империализме, то возможны и национальные войны. Никакой серьезной разницы между тем и другим в политическом отношении нет. Военные историки войн вполне правы, когда восстания относят тоже к войнам. П. Киевский, не подумав, побил не только себя, но и Юниуса и группу «Интернационал», которые отрицают возможность национальных войн при империализме. А это отрижение есть единственное мыслимое теоретическое обоснование для взгляда, отрицающего самоопределение наций при империализме.

4) Ибо—что такое «национальное» восстание? Восстание, стремящееся создать политическую независимость угнетенных наций, т.-е. особое национальное государство.

Если пролетариат угнетающей нации является серьезной силой (как предполагает и должен предполагать автор для эпохи империализма), то решимость этого пролетариата «активно сопротивляться подавлению национального восстания» не есть и содействие созданию особого национального государства? Конечно, есть.

Наш храбрый отрицатель «осуществимости» самоопределения договорился до того, что сознательный пролетариат передовых стран должен содействовать осуществлению этой «неосуществимой» меры.!

5) Почему мы должны «активно сопротивляться» подавлению национального восстания? П. Киевский приводит только

один довод: «так как этим мы будем вести борьбу против нашего смертельного врага—имperialизма». Вся сила этого довода сводится к сильному словечку «смертельный», как вообще у автора сила аргументов заменяется силой крепких и звонких фраз, «вбиванием копа в трепещущее тело буржуазии» и тому подобным украшением стиля в духе Алексинского.

Но этот аргумент П. Киевского неверен. Имperialизм такой же «смертельный» наш враг, как и капитализм. Это так. Но ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму, а имperialизм по отношению к домонополистическому капитализму. Значит, *не* всякую борьбу против имperialизма мы вправе поддержать. Борьбу реакционных классов против имperialизма мы *не* поддержим, восстания реакционных классов против имperialизма и капитализма мы *не* поддержим.

Значит, если автор признает необходимость помочь восстанию угнетенных наций («активно сопротивляться» подавлению значит помогать восстанию), то автор тем самым признает прогрессивность национального восстания, прогрессивность образования, в случае успеха этого восстания, особого и нового государства, установления новых границ и т. д.

Автор буквально не сводит концов с концами и в одном своем политическом рассуждении.

Ирландское восстание 1916 года, происшедшее после опубликования в «Vorbote» № 2 наших тезисов, доказало, кстати сказать, что о возможности национального восстания даже в Европе говорилось не на ветер!

6. Остальные политические вопросы, затронутые и извращенные П. Киевским.

Мы заявили в своих тезисах, что освобождение колоний есть не что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы тоже нации, но терпеть такую «забывчивость» значит терпеть шовинизм.

П. Киевский «возражает»:

«Пролетариата в собственном смысле слова нет» в чистом типе колоний (§ с в гл. II). «Для кого же тогда выставлять «самоопределение»? Для колониальной буржуазии? Для феллахов? Для крестьян? Конечно, нет. По отношению к колониям

социалистам (курсив П. Киевского) нелепо выставлять лозунг самоопределения, ибо вообще нелепо выставлять лозунг рабочей партии для стран, где нет рабочих».

Как ни страшен гнев П. Киевского, объявляющего нашу точку зрения «нелепой», мы все же осмелимся почтительно заметить ему, что его доводы ошибочны. Только печальной памяти «экономисты» думали, что «лозунги рабочей партии» выставляются только для рабочих *). Нет, эти лозунги выставляются для всего трудящегося населения, для всего народа. Демократической частью нашей программы, о значении которой «вообще» не подумал П. Киевский, мы обращаемся специально ко всему народу и потому говорим в этой части программы о «народе» **).

К колониальным и полуколониальным народам мы отнесли 1.000 миллионов населения, и П. Киевский этого конкретнейшего заявления нашего опровергнуть не потрудился. Из 1.000 миллионов населения свыше 700 миллионов (Китай, Индия, Персия, Египет) принадлежат странам, где рабочие есть. Но даже для тех колониальных стран, где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только не нелепо, а обязательно для всякого марксиста выставлять «самоопределение». Немножко подумав, П. Киевский, вероятно, поймет это, как поймет и то, что «самоопределение» выставляется всегда «для» в у х наций: угнетенной и угнетающей.

Другое «возражение» П. Киевского:

«Потому мы ограничиваемся по отношению к колониям отрицательным лозунгом, т.е. требованием, предъявляемым социалистами к своим правительствам—«вон из колонии!» Это требование, не реализуемое в пределах капитализма, заостряет борьбу против империализма, но не противоречит развитию, ибо социалистическое общество не будет владеть колониями».

Неспособность или нежелание автора хоть сколько-нибудь подумать о теоретическом содержании политических лозунгов прямо поразительны! Неужели дело меняется от того, что мы вместо теоретически точного политического термина употребим

*) Некоторые курьезные противники «самоопределения наций» возражают против нас тем доводом, что «нации» разделены на классы! Этим карикатурным марксистам мы указываем обычно, что у нас в демократической части программы говорится о «самодержавии народа».

**) Советуем П. Киевскому прочесть писания А. Мартынова и К-о 1899—1901 гг.¹⁸⁹ Он найдет там много «своих» аргументов.

агитационную фразу? Сказать «вон из колонии»—значит именне спрятаться от теоретического анализа за сень агитационной фразы. Всякий агитатор нашей партии, говоря об Украине, Польше, Финляндии и пр., вправе сказать царизму («своему правительству») «вон из Финляндии» и т. д., но толковый агитатор поймет, что нельзя выставлять ни положительных, ни отрицательных лозунгов только для «заостривания». Только люди типа Алексинского могли настаивать на том, что «отрицательный» лозунг «вон из черной Думы» можно оправдать стремлением «заострить» борьбу против известного зла.

Заостривание борьбы есть пустая фраза субъективистов, забывающих, что марксизм требует для оправдания всякого лозунга точного анализа и экономической действительности, и политической обстановки, и политического значения этого лозунга. Неловко разжевывать это, но как же быть, когда вынуждают к этому?

Обрывать теоретическую дискуссию по теоретическому вопросу агитационными выкриками,—к этой манере Алексинского мы присмотрелись, но это плохая манера. Политическое и экономическое содержание лозунга «вон из колоний» одно и только одно: свобода отделения для колониальных наций, свобода образования отдельного государства! Если общие законы империализма, как думает П. Киевский, препятствуют самоопределению наций, делают его утопией, иллюзией и пр. и пр., то как же можно, не подумав, устанавливать исключения из этих общих законов для большинства наций мира? Ясно, что «теория» П. Киевского есть карикатура на теории

Товарное производство и капитализм, ниточки связей финансового капитала, существуют в громадном большинстве колониальных стран. Как же можно призывать государства, правительства империалистических стран убраться «вон из колоний», если сточки зрения товарного производства, капитализма и империализма это «не-научное», с азим Ленчем, Куновым и пр. «опровергнутое», «утопическое» требование?

Ни тени мысли нет в рассуждении автора!

О том, что освобождение колоний «не реализуемо» лишь в смысле: «не реализуемо без ряда революций», автор не подумал. О том, что оно реализуемо в связи с социалистической революцией в Европе, он не подумал. О том, что «социалистическое общество не будет владеть» не только колониями, но и

угнетенными нациями в о об щ е, он не подумал. О том, что никакой экономической разницы между «владением» со стороны России Польшей или Туркестаном по рассматриваемому нами вопросу н е т, он не подумал. О том, что «социалистическое общество» хочет убраться «вон из колоний» т оль к о в смысле предоставления им права свободно отделяться, отнюдь не в смысле рекомендации им отделиться, он не подумал.

За это отличие вопроса о праве на отделение от вопроса о том, рекомендуем ли мы отделение, П. Киевский обругал нас «фокусниками» и, чтобы «научно обосновать» сие суждение перед рабочими, он пишет:

«Что же подумает рабочий, спрашивающий пропагандиста, как пролетарию следует относиться к вопросу о самостоятельности» (т.-е. политической самостоятельности Украины), «когда он получит ответ: социалисты добиваются права отделяться и ведут пропаганду против отделения?»

Я думаю, что могу дать довольно точный ответ на этот вопрос. Именно: я полагаю, что всякий толковый рабочий подумает, что П. Киевский не умеет думать.

Всякий толковый рабочий «подумает»: ведь вот тот же П. Киевский учит нас, рабочих, кричать: «вон из колоний». Значит, мы, великорусские рабочие, должны требовать от своего правительства, чтобы оно убралось вон из Монголии, из Туркестана, из Персии и т. д. Но разве это значит, чтобы мы, пролетарии, хотели отделяться от египетских рабочих и феллахов, от монгольских или туркестанских или индийских рабочих и крестьян. Разве это значит, чтобы мы советовали трудащимся массам колоний «отделяться» от сознательного европейского пролетариата? Ничего подобного. Мы всегда стояли, стоим и будем стоять за самое тесное сближение и слияние сознательных рабочих передовых стран с рабочими, крестьянами, рабами в с е х угнетенных стран. Мы всегда советовали и всегда будем советовать всем угнетенным классам всех угнетенных стран, колоний в том числе, не отделяться от нас, а как можно теснее сближаться, сливаться с нами.

Если мы требуем от своих^{*} правительств, чтобы они убрались «вон из колоний»,—т.-е. выражаясь не агитационными выкриками, а точным политическим выражением,—чтобы оно предоставило колониям полную свободу отделения. действительное право

на самоопределение, если мы сами обязательно осуществим это право, предоставим эту «свободу», как только за-воюем власть, то мы требуем этого от теперешнего правительства, и мы сделаем это, когда сами будем правительством, вовсе не для «рекомендации» отделения, а, наоборот, для облегчения и ускорения демократического сближения и слияния наций. Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться, слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет непрочен. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», по прекрасному выражению польских с.-д-ов, т.-е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму

Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому, что мы за свободное, добровольное сближение и слияние, а не за насилиственное. Только поэтому!

И в этом отношении единственную разницу между монгольским или египетским мужиком и рабочим и польским или финляндским мы видим в том, что последние—высоко развитые люди, более опытные политически, чем великороссы, более экономически подготовленные и пр., и потому они наверное очень скоро убедят свои народы, законно ненавидящие теперь великороссов за роль палача, которую они играют, что неразумно распространять эту ненависть на социалистических рабочих и на социалистическую Россию, что экономический расчет, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма, требует скорейшего сближения и слияния всех наций в социалистическом обществе. Так как поляки и финляндцы высоко культурные люди, то они, по всей вероятности, очень скоро убедятся в правильности этого рассуждения, и отделение Польши и Финляндии после победы социализма может произойти лишь не надолго. Неизмеримо менее культурные феллахи, монголы, персы могут отделиться на более долгое время, но мы его постараемся сократить, как уже сказано, бескорыстной культурной помощью.

Никакой другой разницы в нашем отношении к полякам и монголам нет и быть не может. Никакого «противоречия» между пропагандой свободы отделения наций и твердой решимостью осуществить эту свободу, когда мы будем правительством,—и между пропагандой сближения и слияния наций нет и быть не может.

Вот что «подумает», по нашему убеждению, всякий толковый рабочий, действительный социалист, действительный интернационалист, по поводу нашего спора с П. Киевским.

Повидимому, П. Киевский просто повторил за некоторыми немецкими и голландскими марксистами лозунг «войн из колоний», не подумав не только о теоретическом содержании и значении этого лозунга, но и о конкретной особенности России. Голландскому, немецкому марксисту извинительно—до известной степени—ограничиваться лозунгом «войн из колоний», ибо, во-1-х, для большинства западно-европейских стран типично случаем угнетения наций является именно угнетение колоний, а, во-2-х, в западно-европейских странах особенно ясно, наглядно, жизненно понятие «колоний».

А в России? Ее особенность как раз та, что между «нашими» «колониями» и «нашими» угнетенными нациями разница неясна, неконкретна, нежизненна.

Насколько извинительно было бы пишущему, скажем, по-немецки марксисту забыть эту особенность России, настолько не извинительно это П. Киевскому. Для русского социалиста, который хочет не только повторять, но и думать, должно бы быть ясно, что для России особенно нелепо пытаться провести какое-либо серьезное различие между угнетенными нациями и колониями.

Через всю статью П. Киевского красной нитью проходит основное недоумение: к чему проповедывать и—когда мы будем у власти—осуществлять свободу отделения наций, раз все развитие идет к слиянию наций? К тому же, ответим мы, к чему проповедуем и, когда будем у власти, осуществим диктатуру пролетариата, хотя все развитие идет к уничтожению насилиственного господства одной части общества над другой. Диктатура есть господство одной части общества над всем обществом, и притом господство, опирающееся непосредственно на насилие. Диктатура пролетариата, как единственного до конца революционного класса, необходима для свержения буржуазии

и отражения ее контр-революционных попыток. Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом с.-д-ой партии, кто отрицает или только словесно признает ее. Но нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, напр., в каком-нибудь маленьком государстве, после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в бесполезности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы. Гораздо вероятнее, конечно, что и в маленьких государствах без гражданской войны социализм не осуществится, и потому единственной программой интернациональной с.-д-ии должно быть признание такой войны, хотя в нашем идеале нет места насилию над людьми. То же самое *mutatis mutandis* (с соответственными изменениями) применимо к нациям. Мы стоим за слияние их, но от насилиственного слияния, от аннексий, и мы не можем быть переходом к добровольному слиянию без свободы отделения. Мы признаем — и совершенно справедливо — главенство экономического фактора, но толковать его à la П. Киевский — значит впадать в карикатуру на марксизм. Даже тресты, даже банки в современном империализме, будучи одинаково неизбежны при развитии капитализма, не одинаковы в их конкретном виде в разных странах. Тем более не одинаковы, несмотря на их однородность в основном, политические формы в передовых империалистических странах, — Америке, Англии, Франции, Германии. Такое же разнообразие проявляется и на том пути, который пробегает человечество от кынешнего империализма к социалистической революции завтрашнего дня. Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы сузdalской мазней, не более того. И если бы даже действительность показала, что до первой победы социалистического пролетариата освободится и отделится $\frac{1}{500}$ из угнетенных ныне наций, что до последней победы социалистического пролетариата на земле (т.-е. во время перипетий начавшейся социалистической

революции) отделится тоже лишь $1/500$ угнетенных наций и на самое короткое время,—даже в этом случае мы оказались бы и теоретически и практически и политически правы, советуя рабочим уже теперь не пускать на порог с.-д.-ских партий тех социалистов угнетающих наций, которые не признают и не проповедуют свободы отделения в с е х угнетенных наций. Ибо в действительности мы не знаем и не можем знать, какому числу угнетенных наций понадобится на практике отделение, чтобы внести свою лепту в разнообразие ф о р м демократии и ф о р м перехода к социализму. А что отрижение свободы отделения теперь есть бесконечная теоретическая фальшивь и практическое услужение шовинистам угнетающих наций,—это мы знаем, видим и осозаем ежедневно.

«Мы подчеркиваем,— пишет П. Киевский в примечании к приведенному нами месту,—что вполне поддерживаем требование «против насильственных аннексий».

На наше совершенно определенное заявление, что такое «требование» равносильно признанию самоопределения, что нельзя дать правильного определения понятию «аннексия», не сводя его к самоопределению, автор не отвечает ни звука. Он думает, должно быть, что для дискуссии достаточно выставлять положения и требования, а не доказывать их!

«... Вообще ряд требований,—продолжает он,—заостривающих сознание пролетариата против империализма, мы вполне принимаем в их отрицательной формулировке, при чем подобрать соответствующие положительные формулировки, оставаясь на почве существующего строя, нет никакой возможности. Против войны, но не за демократический мир...».

Неверно—от первого слова до последнего. Автор читал нашу резолюцию «пасифизм и лозунг мира» (стр. 44—45 брошюры «Социализм и война») *) и даже, кажется, одобрял ее, но явно ее не понял. Мы за демократический мир, предостерегая рабочих лишь от того обмана, будто он возможен при нынешних буржуазных правительствах «без ряда революций», как сказано в резолюции. Мы объявили одурачением рабочих «абстрактную» проповедь мира, т.-е. не считающуюся с действительной классовой природой, частнее: империалистской природой т е п е р е ш н и х

---

*) См. 108 стр. этого тома. Р е п.

правительств воюющих стран. Мы заявили определенно в тезисах газеты «С.-Д.» (№ 47) *), что наша партия, если бы революция поставила ее у власти еще во время теперешней войны, немедленно предложила бы демократический мир всем воюющим странам.

А П. Киевский, уверяя себя и других, что он «только» против самоопределения, а вовсе не против демократии вообще, договорился до того, что мы «не за демократический мир». Ну, разве это не курьез?

Нет надобности останавливаться на каждом из дальнейших примеров П. Киевского, ибо не стоит тратить места на опровержение столь наивных логических ошибок, которые вызовут улыбку у каждого читателя. Нет и быть не может ни одного «отрицательного» лозунга у с.-д-ии, который бы служил только для «заостривания сознания пролетариата против империализма», не давая в то же время положительного ответа на то, как с.-д-ия решит соответственный вопрос, когда сама будет у власти. «Отрицательный» лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не «заостривает», а отупляет сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная деклamation.

Отличие между лозунгами, «отрицающими» или клеймящими политические бедствия и экономические, осталось непонятным у П. Киевского. Это отличие состоит в том, что известные экономические бедствия свойственны капитализму вообще, при любых политических надстройках над ними, что уничтожить эти бедствия, не уничтожая капитализма, экономически невозможно, ни единого примера такого уничтожения привести нельзя. Наоборот, политические бедствия состоят в отступлениях от демократизма, который экономически вполне возможен «на почве существующего строя», т.-е. при капитализме, и в виде исключения осуществляется при нем, в одном государстве одной своей частью, в другом—другой. Опять и опять автор не понял именно общих условий осуществимости демократии вообще.

То же самое на вопросе о разводе. Напомним читателю, что вопрос этот в дискуссии понациональному вопросу затронула впервые Роза Люксембург. Она высказала то справед-

---

*) См. 209 стр. этого тома. Ред.

пивое мнение, что, защищая автономию внутри государства (области или края и т. п.), мы должны, как с.-д-ы централисты, отстаивать решение общегосударственной властью, общегосударственным парламентом важнейших государственных вопросов, к числу которых относится законодательство о разводе. Пример развода наглядно показывает, что нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение угнетенного пола, женщины, хотя вовсе не трудно сmekнуть, что признание в ободы ухода от мужей не есть приглашение всем женам уходить!

П. Киевский «возражает»:

«Как же выглядело бы это право» (развода), «если бы в э т и х случаях» (когда жена хочет уйти от мужа) «жена не могла бы его реализовать? Или, если эта реализация зависела бы от третьих лиц или, еще хуже, от воли претендентов на «руку» данной жены? Стали бы мы добиваться провозглашения т а к о г о права? Разумеется, нет!»

Это возражение показывает самое полное непонимание отношения, существующего между демократией вообще и капитализмом. При капитализме обычны, не как отдельные случаи, а как типичное явление, такие условия, когда для угнетенных классов «реализовать» их демократические права невозможно. Право развода в большинстве случаев останется нереализуемым при капитализме, ибо угнетенный пол задавлен экономически, ибо женщина при какой угодно демократии остается «домашней рабыней» при капитализме, рабыней, запертой в спальной, детской, кухне. Право выбирать «своих» народных судей, чиновников, учителей, присяжных и т. д. так же в большинстве случаев при капитализме неосуществимо именно в силу экономической задавленности рабочих и крестьян. То же относится к демократической республике: наша программа «проводглашает» ее, как «самодержавие народа», хотя все с.-д-ы отлично знают, что при капитализме самая демократическая республика ведет к подкупу чиновников буржуазией и к союзу биржи с правительством.

Только люди, совершенно неспособные думать или совершенно незнакомые с марксизмом, выводят: отсюда: значит республика ни к чему, свобода развода ни к чему, демократия ни к чему, самоопределение наций ни к чему! Марксисты же знают, что демо-

кратия не устраниет классового гнета, а лишь делает классовую борьбу чище, шире, открынее, резче; этого нам и надо. Чем полнее свобода развода, тем яснее женщине, что источник ее «домашнего рабства»—капитализм, а не бесправие. Чем более демократичен государственный строй, тем яснее рабочим, что корень зла капитализм, а не бесправие. Чем полнее социальное равноправие (оно не полно без свободы отделения), чем яснее рабочим угнетенной нации, что дело в капитализме, а не в бесправии. И т. д.

Еще и еще раз: неловко разжевывать азбуку марксизма, но как же быть, когда П. Киевский не знает ее?

П. Киевский рассуждает о разводе вроде того, как рассуждал в парижском «Голосе», помнится, один из заграничных секретарей О. К., Семковский. Правда, рассуждал он, свобода развода не есть приглашение всех жен уходить от мужей, но если доказывать жене, что все мужья лучше вашего, сударыня, то дело сводится к тому же.

Рассуждая так, Семковский забыл, что чудачество не есть нарушение обязанностей социалиста и демократа. Если бы Семковский стал убеждать любую жену, что все мужья лучше ее мужа, в этом никто не усмотрел бы нарушения обязанностей демократа. Самое большее, что сказали бы: нельзя в большой партии без больших чудаков! Но если бы Семковский вздумал защищать и называть демократом человека, который отрицал бы свободу развода, напр., прибег бы к суду или к полиции или к церкви против уходящей от него жены, то, мы уверены, даже большинство коллег Семковского по заграничному секретариату, хотя социалисты они и плохонькие, отказались бы от солидарности с Семковским.

И Семковский и П. Киевский «поговорили» о разводе, обнаружили непонимание вопроса и суть дела обошли: право развода, как и все без исключения демократические права, при капитализме трудно осуществимо, условно, ограничено, формально-узко, но тем не менее отрицающих это право ни один порядочный социал-демократ не считает не только социалистами, но и демократами. А в этом вся суть. Вся «демократия» состоит в провозглашении и осуществлении «прав», осуществимых весьма мало и весьма условно при капитализме, а без такого провозглашения, без борьбы за права немедленно и тотчас, без воспитания масс в духе такой борьбы социализм—невозможен.

— че поняв этого, П. Киевский обошел в своей статье и главный вопрос, относящийся к его специальной теме, именно вопрос: как мы уничтожим, мы, с.-д-ы, национальный гнет? П. Киевский отделался фразами о том, как будет мир «залит кровью» и т. п. (что к делу совершенно не относится). По существу же осталось одно: социалистическая революция все разрешит. Или, как говорят иногда сторонники взглядов П. Киевского: самоопределение при капитализме невозможно, при социализме излишне.

Это теоретически вздорный, практически-политически шовинистский взгляд. Этот взгляд есть непонимание значения демократии. Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: 1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию; 2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отрицанию государства без осуществления полностью демократии. Поэтому, когда говорят: самоопределение при социализме излишне, это такой же вздор, такая же беспомощная путаница, как если бы кто сказал: демократия при социализме излишня.

Самоопределение не более невозможно при капитализме и настолько же излишне при социализме, как и демократия вообще.

Экономический переворот создает необходимые предпосылки для уничтожения всех видов политического гнета. Именно поэтому нелогично, неверно отделяться ссылкой на экономический переворот, когда вопрос стоит: как уничтожить национальный гнет? Его нельзя уничтожить без экономического переворота. Бессспорно. Но ограничиваться этим— значит впасть в смешной и жалкий империалистический «экономизм».

Надо провести национальное равноправие; провозгласить, формулировать и осуществить равные «права» всех наций. С этим все согласны, кроме разве одного П. Киевского. Но тут-то и встает вопрос, который обходят: отрицание права на свое национальное государство не есть ли отрицание равноправия?

Конечно, есть. И последовательная, то есть социалистическая демократия провозглашает, формулирует и осуществляет это право, без которого нет пути к полному и добровольному сближению и слиянию наций.

7. Заключение. Приемы Алексинского.

Мы разобрали не все рассуждения П. Киевского. Разобрать все — значило бы написать статью впятеро больше настоящей, ибо ни одного правильного рассуждения у него нет. Правильно у него,—если нет ошибок в цифрах,—только одно примечание, дающее цифры о банках. Все остальное какой-то невозможный клубок путаницы, приправленной фразами вроде «вблизания кола в трепещущее тело», «побеждающих героев мы будем не только судить, но и осуждать на смерть и исчезновение», «в жесточайших конвульсиях будет рождаться новый мир», «не о грамотах и правах, не о провозглашении свободы народов будет итти речь, а об установлении действительно свободных отношений, о разрушении векового рабства, об уничтожении социального гнета вообще и национального гнета в частности» и т. д., и т. д.

Эти фразы прикрывают две «вещи»: во-1-х, в основе их лежит «идея» империалистического экономизма — такой же уродливой карикатуры на марксизм, такого же полного непонимания отношения социализма к демократии, каким был печальной памяти «экономизм» 1894—1902 г.г.

Во-2-х, в этих фразах мы воочию видим повторение приемов Алексинского, на чем приходится особо остановиться, ибо П. Киевский составил целый особый параграф своей статьи (гл. II § e: «Особое положение евреев») исключительно из этих приемов.

Бывало, еще на Лондонском съезде 1907 г. большевики отходили от Алексинского, когда он, в ответ на теоретические доводы, становился в позу агитатора и выкрикивал, совсем не на тему, звонкие фразы о каком-либо виде эксплоатации и угнетения. «Ну, это уже пошел визг», — выражались наши делегаты в таком случае. И «визг» не довел Алексинского до добра.

Совершенно такой же «визг» видим мы у П. Киевского. Не зная, что ответить на поставленный в тезисах ряд теоретических вопросов и соображений, он становится в позу агитатора и начинает выкрикивать фразы по поводу угнетения евреев, хотя вся кому, сколько-нибудь способному думать человеку ясно, что ни малейшего отношения к теме ни вопрос о евреях вообще, ни все «выкрики» П. Киевского абсолютно не имеют.

Приемы Алексинского до добра не доведут.

О сепаратном мире.

Между Россией и Германией ведутся уже переговоры о сепаратном мире. Эти переговоры официальные, и в главном обе державы уже столкнулись.

Такое заявление было напечатано недавно в бернской социалистической газете, на основании имеющихся у нее сведений. И когда русское посольство в Берне поспешило выступить с официальным опровержением, а французские шовинисты приписали распространение этих слухов тому, что «немец гадит», то социалистическая газета отказалась придать какое бы то ни было значение опровержению и в подтверждение своего заявления сослалась еще на тот факт, что в Швейцарии находятся как раз теперь и немецкие (Бюлов), и русские «государственные люди» (Штурмер, Гирс и один дипломат, приехавший из Испании), и что в торговых кругах Швейцарии имеются аналогичные положительные сведения из торговых кругов России.

Разумеется, одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно.

Чтобы разобраться в вопросе о сепаратном мире, мы должны исходить не из слухов и сообщений о том, что происходит теперь в Швейцарии, и чего проверить по существу дела невозможно, а из непреоборимо установленных фактов политики за последние десятилетия. Пусть господа Плеханов, Чхенкели, Потресов и К-о, играющие теперь роль марксистообразных лакеев или шутов при Пуришкевиче и Милюкове, лезут из кожи вон, доказывая «вину Германии» и «оборонительный характер» войны со стороны России,—этих шутов сознательные рабочие не слушали и не слушают. Война порождена империалистскими отношениями

между великими державами, т.-е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, при чем на первом месте стоят в этой войне л в а столкновения. Первое—между Англией и Германией. Второе—между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные—несамостоятельные союзники.

Оба столкновения подготовлялись в с е й политикой этих держав за не ск оль к о д е с я т и л е т и й, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который был ее беспощаден своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, был и побил так, что без войны Англия не могла отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя—и вполне справедливо—имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности воюет за подчинение себе Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной, конечно), за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран.

На-ряду со столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее—если не более—глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и т о й ж е Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять в с ю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.

И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия. С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю, и английский флот по-

явился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Цареграде»—до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск вглубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии)—и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну ее против России—за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов.

А теперь? Посмотрите, что происходит в настоящей войне. Нестерпимо слушать «социалистов», перешедших от пролетариата к буржуазии и толкующих о «защите отечества» со стороны России в данной войне или о «спасении страны» (Чхеидзе). Нестерпимо слушать сладеньского Каутского и К-о, толкующих о демократическом мире так, как будто его можно и заключить теперешние и вообще буржуазные правительства. Ибо на деле эти правительства опутаны сетью тайных договоров между собой, со своими союзниками и против своих союзников, при чем содержание этих договоров не случайно, не только «злой волей» определено, а зависит от всего хода и развития империалистской внешней политики. Те «социалисты», которые засоряют глаза и умы рабочих пошлыми фразами о хороших вещах вообще (защита отечества, демократический мир), не разоблачая тайных договоров своего правительства о грабеже чужих стран, такие «социалисты» совершают полную измену по отношению к социализму.

Правительству и германскому, и английскому, и русскому только выгодно, чтобы из лагерей социалистов раздавались речи о добренском мире, ибо этим, во-первых, внушается вера в возможность такого мира при современном правительстве, а во-вторых, отвлекается внимание от разбойничьей политики тех же правительств.

Война есть продолжение политики. И политика тоже «продолжается» в время войны! Германия имеет тайные договоры с Болгарией и Австрией о дележе добычи и продолжает вести такие переговоры. Россия имеет тайные договоры с Англией, Францией и т. д., и все они посвящены разбою и грабежу, грабежу колоний Германии, грабежу Австрии, разделу Турции и пр.

«Социалист», который при таком положении дела говорит народам и правительствам речи о добренъком мири, вполне подобен попу, который видит перед собою в церкви на первых местах содергательницу публичного дома и станового пристава, находящихся в стачке друг с другом, и «проповедует» им и народу любовь к ближнему и соблюдение христианских заповедей.

Между Россией и Англией, несомненно, есть тайный договор, между прочим, о Константинополе. Известно, что Россия надеется получить его, и что Англия не хочет дать его, а если даст, то либо постарается затем отнять, либо обставит «уступку» условиями, направленными против России. Текст тайного договора неизвестен, но что борьба между Англией и Россией идет именно вокруг этого вопроса, идет и сейчас, это не только известно, но и не подлежит ни тени сомнения. В то же время известно, что между Россией и Японией, в дополнение к их прежним договорам (например, к договору 1910 года, предоставлявшему Японии «скусить» Корею, а России скусить Монголию), заключен уже во время теперешней войны и о в ы й тайный договор, направленный не только против Китая, но до и з в е с т н о й с т е п е н и и п р о т и в А н г л и и. Это несомненно, хотя текст договора неизвестен. Япония при помощи Англии побила в 1904—1905 г.г. Россию и теперь осторожно подготавливает возможность при помощи России побить Англию.

В России в «правящих сферах»—в придворной шайке Николая Кровавого, в дворянстве, в армии и т. д.—есть немцефильская партия. В Германии за последнее время по всей линии виден поворот буржуазии (а за ней и социалистов-шовинистов) к руссофильству, к сепаратному миру с Россией, к тому, чтобы задобрить Россию и со всей силой ударить на Англию. Со стороны Германии этот план ясен и не возбуждает сомнений. Со стороны России дело обстоит так, что царизм предпочел бы, конечно, сначала вполне разбить Германию, чтобы «взять» как можно больше, и всю Галицию, и всю Польшу, и всю Армению, и Константинополь, и «дсбить» Австрию и т. д. Тогда было бы удобнее, при помощи Японии, повернуть против Англии. Но сил, очевидно, не хватает. В этом гвоздь.

Если бывший социалист г. Плеханов изображает дело так, будто реакционеры в России хотят вообще мира с Германией, а «прогрессивная буржуазия»—разрушения «пруссского милитаризма» и дружбы с «демократической» Англией, то это детская сказ-

ка, приноровленная к уровню политических младенцев. На деле и царизм, и все реакционеры в России, и вся «прогрессивная» буржуазия (октябристы и кадеты) хотят одного: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идет между этими «милыми дружками» только из-за того, когда и как к а к повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как.

А решение этого единственно спорного между милыми дружками вопроса зависит от военных и дипломатических соображений, которые полностью известны только царскому правительству, а Милюковым и Гучковым известны только на одну четверть.

Отнять всю Польшу у Германии и Австрии! Царизм за это, но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Отнять Константинополь и проливы! Добить и раздробить Австрию! Царизм вполне за это. Но хватит ли силы? и позволит ли Англия?

Царизм знает, сколько именно миллионов солдат уложено и сколько можно еще взять с народа, сколько именно снарядов расходуется и сколько еще можно добавить (Япония в случае грозящей и вполне возможной войны с Китаем не даст больше снарядов). Царизм знает, как шли у него и как идут теперь тайные переговоры с Англией о Константинополе, о силе английских войск в Салониках, в Месопотамии и проч. Царизм знает все это, имеет все карты в руках и рассчитывает точно,—насколько мыслимо вообще точное знание в таких делах, где роль сомнительного, недостоверного, роль «военного счастья» особенно велика.

А Милюковы и Гучковы чем меньше знают, тем больше болтают на ветер. А Плехановы, Чхенкели, Потресовы совсем ничего не знают о тайных сделках царизма, забывают даже то, что раньше знали, не изучают того, что можно знать по иностранной печати, не вникают в ход внешней политики царизма до войны, не следят за ходом ее во время войны, и потому играют роль просто социалистических Иванушек.

Если царизм убедился, что даже при всей помощи со стороны либерального общества, при всем усердии военно-промышленных комитетов, при всем содействии благородному делу умножения снарядов от господ Плехановых, Гвоздевых, Потресовых, Булкиных, Чиркиных, Чхеидзе («спасение страны», не шутите!), Кро-

поткиных и прочей челяди,—даже при всем этом и при данном состоянии военных сил (или военного бессилия) всех возможных и втянутых в войну союзников не льзя добиться большего, нельзя сильнее победить Германию или это непомерно дорого стоит (например, стоит еще потери десяти миллионов русских солдат, на рекрутование, обучение и снаряжение коих требуется еще столько-то миллиардов и столько-то лет войны), тогда царизм не может не искать сепаратного мира с Германией.

Если «мы» погонимся за чересчур большой добычей в Европе, то «мы» рискуем обессилить «свои» военные ресурсы окончательно, не получить почти ничего в Европе и потерять возможность получить «свое» в Азии,—так рассуждает царизм и рассуждает правильно с точки зрения империалистских интересов. Рассуждает правильное, чем буржуазные и оппортунистические говоруны, Милюковы, Плехановы, Гучковы, Потресовы.

Если нельзя взять большего в Европе, даже после присоединения Румынии и Греции (от коей «мы» взяли все, что могли), тогда возьмем, что можно! Англия «нам» сейчас ничего дать не может. Германия нам даст, возможно, и Курляндию, и часть Польши назад, и, наверное, восточную Галицию—это «нам» особенно важно, дабы удушить украинское движение, движение многочисленного, исторически еще спавшего доныне, народа к свободе и к родному языку,—наверное также турецкую Армению. Беря это т е п е р ь, мы можем выйти из войны, у с и л и в ш и с ь, и тогда за т р а мы при помощи Японии и Германии сможем получить, при умненькой политике и при дальнейшей помощи Милюковых, Плехановых, Потресовых в деле «спасения» возлюбленного «отечества», хороший кусок Азии при войне против Англии (всю Персию и Персидский залив с выходом в открытый океан, а не так, как в Константинополе, где выход есть только в Средиземное море, да и те через острова, которые легко может взять и укрепить Англия, лишая «нас» всякого выхода в свободное море) и т. д.

Именно так рассуждает царизм, и, повторяем, он рассуждает правильно не только с узко-монархической, но и с обще-империалистической точки зрения; он знает больше и видит дальше, чем либералы и Плехановы с Потресовыми.

Поэтому вполне возможно, что мы завтра или послезавтра пронесемся и получим манифест трех монархов: «внимая голосу воз-

любленных народов, решили мы осчастливить их благами мира, установить перемирие и созвать общеевропейский конгресс мира». Три монарха могут даже при этом недурно сострить, повторив несколько обрывков фраз из Вандервельде, Плеханова, Каутского: мы-де «обещаем»—обещания есть единственная вещь, которая дешева даже в эпоху бешеной дороговизны,—обсудить вопрос о сокращении вооружений и о «постоянном» мире и т. п. Вандервельде, Плеханов и Каутский побегут петушком устраивать свой конгресс «социалистов» в том же городе, где будет заседать конгресс мира; добреных пожеланий, сладеньких фраз, уверений в необходимости «защищать отчество» будет наговорено без конца на всех языках. Обстановочка будет недурная—для прикрытия перехода от империалистского союза англо-русского против Германии к такому же союзу германо-русскому против Англии!

Кончится ли данная война таким образом в очень близком будущем или Россия «продержится» в стремлении победить Германию и побольше ограбить Австрию несколько дольше, сыграют ли переговоры о сепаратном мире роль маневра ловкого шантажиста (царизм покажет Англии готовый проект договора с Германией и скажет: столько-то миллиардов рубликов и такие-то уступочки или гарантии, а не то я подпишу завтра этот договор)—всяким случаем империалистская война не может кончиться никаким иным, кроме как империалистским, миром, если эта война не превратится в гражданскую войну пролетариата с буржуазией за социализм. Во всяком случае, за исключением этого последнего исхода, империалистская война поведет к усилению тех или иных из трех сильнейших империалистских держав, Англии, Германии, России, на счет слабых (Сербии, Турции, Бельгии и пр.), при чем вполне возможно, что в се эти три разбойника усилятся после войны, поделив награбленное (колонии, Бельгию, Сербию, Армению), и весь спор будет итти лишь о том, в каких пропорциях разделить эту добычу.

Во всяком случае неминуемо, неизбежно и несомненно будут одурачены и ошельмованы как социалисты-шовинисты цельные и открытие, т.-е. субъекты, прямо признающие «защиту отечества» в данной войне, так и социал-шовинисты прикрытые, половинчатые, т.-е. каутскианцы, проповедующие «мир» в ообще, «без победителей и побежденных» и т. п. Всякий мир, заключенный теми же или столь же буржуазными правительствами, которые

начали эту войну, покажет наглядно всем народам, какую роль холопов империализма сыграли те и другие социалисты.

Каков бы ни был исход данной войны, окажутся правы те, кто говорил, что единственный социалистический выход из нее возможен в виде гражданской войны пролетариата за социализм. Окажутся правы те русские социал-демократы, которые говорили, что поражение царизма, полный военный разгром его есть меньшее зло «во всяком случае». Ибо история никогда не стоит на месте, она идет вперед и во время теперешней войны; и если вперед к социализму пролетариат Европы не сможет перейти теперь, не сможет скинуть с себя иго социал-шовинистов и каутскианцев во время первой великой империалистской войны, то вперед к демократии восточная Европа и Азия пошли бы семимильными шагами только в случае полного военного разгрома царизма и отнятия у него всякой возможности практиковать империалистскую политику полуфеодального типа.

Война убьет и добьет все слабое, в том числе социал-шовинизм и каутскианство. Империалистский мир сделает эти слабости еще нагляднее, еще позорнее, еще отвратительнее.

«Социал-Демократ» № 56
от 6 ноября 1916 г.

Целый десяток „социалистических“ министров.

Секретарь Международного Социал-Шовинистского Бюро Гюисманс послал притетвенную телеграмму датскому министру без портфеля Ставнингу, вождю датской якобы «социал-демократической» партии: «Вижу из газет, что Вы назначены министром. Мои сердечные поздравления. Итак, мы имеем уже десять социалистических министров во всем свете. Дела идут вперед! Лучшие приветы».

Дела идут вперед, слов нет. II Интернационал движется быстро — к полному слиянию с национал-либеральной политикой. Боевой орган немецких крайних оппортунистов и социал-шовинистов, хемницкий «Народный Голос», приводя эту телеграмму, замечает не без ядовитости: «Секретарь Международного Социалистического Бюро приветствует, без оговорок, принятие социал-демократом поста министра. А незадолго до войны все партийные съезды и международные конгрессы резко выска-

вались против этого. Времена меняются, взгляды тоже—и по этому пункту».

Хейльманы, Давиды, Зюдекумы имеют полное право презрительно похлопывать по плечу Гюисманов, Плехановых, Вандервельдов...

Стаунинг недавно опубликовал свое письмо к Вандервельде, полное язвительности иемцефильструющего социал-шовиниста против французского социал-шовиниста. В этом письме, между прочим, Стаунинг гордится тем, что «мы (датская партия) резко и определенно отреклись от организационно-вредной раскольнической работы, осуществляемой по инициативе итальянской и швейцарской партии, так называемым циммервальдским движением». Буквально так!

В Дании образование национального государства относится к XVI веку. Массы датского народа давно уже проделали буржуазно-освободительное движение. В Дании население состоит более чем на 96 сотых из датчан, родившихся в Дании. Датчан в Германии нет и двухсот тысяч. (Населения в Дании 2,9 миллиона.) Можно судить поэтому, каким грубым буржуазным обманом являются разговоры датской буржуазии на тему о «самостоятельном национальном государстве», как задачи дня! Это говорят в XX веке буржуа и монархисты Дании, в ладеюще колонии, население которых почти равняется числу датчан в Германии и которыми топрут теперь датское правительство.

Кто это сказал, что людьми не торгуют в наше время? Отлично торгуют. Дания продает Америке за столько-то миллионов (еще не сторговались) три острова—все населенные, конечно.

Специфической чертой датского империализма является кроме того получение сверхприбыли, вследствие монопольно-выгодного положения рынка молочных и мясных продуктов:—сбыт самым дешевым морским путем в Лондон, самый крупных рынок мира. Благодаря этому датская буржуазия и датские богатые крестьяне (чистейшие буржуа, вопреки рассказам русских народников) превратились в «процветающих» захребетников английской империалистской буржуазии, в участников ее особенно спокойных и особо-жирных прибылей.

Этой интернациональной обстановке целиком поддалась датская «социал-демократическая» партия, которая горой стояла и стоит за правое крыло, за оппортунистов немецкой социал-демократии. Датские социал-демократы голосовали буржуазно-мо-

нархическому правительству кредиты—«для охраны нейтральности», как это благовидно говорится. На съезде 30 сентября 1916 года большинство в $\frac{9}{10}$ высказалось за участие в министерстве, за сделку с правительством. Корреспондент бернской социалистической газеты сообщает, что оппозицию министериализму в Дании представляли Герсон Трир и редактор И. П. Сундбо. Трир в блестящей речи защищал революционно-марксистские взгляды и, когда партия решила участвовать в министерстве, вышел и из Центрального Комитета и из партии, заявив, что не желает быть членом будущей партии. За последние годы датская «социал-демократическая» партия ничем не отличалась от буржуазных радикалов.

Привет товарищу Г. Триру! «Дела идут вперед», Гюисман прав,—вперед к отчетливому, ясному, политически честному, социалистически необходимому разделению между революционными марксистами, представителями мас с революционного пролетариата, и плехановски-потресовски-гюисмановскими союзниками и агентами империалистской буржуазии, имеющими большинство «вождей», но представляющими интересы не массы угнетенных, а меньшинства привилегированных рабочих, уходящих на сторону буржуазии.

Захотят ли русские сознательные рабочие, те, что выбрали депутатов, сосланных в Сибирь, те, что голосовали против участия в военно-промышленных комитетах для поддержки империалистской войны, захотят ли они числиться в «Интернационале» десяти министров? В Интернационале Ставинго? В Интернационале, из коего уходят Триры?

«Социал-Демократ» № 56
от 6 ноября 1916 года.

Речь на съезде швейцарской с.-д. партии (4—5 XI 1916 г.) *).

Соц.-дем. партия Швейцарии имела недавно честь навлечь на себя гнев вождя официальной датской соц.-дем. партии—господина министра Ставининга. Последний в письме на имя

*.) Произнесена Н. Лениным на немецком языке; помещена в «Протоколах» съезда: «Protocoll über die Verhandlungen der Parteitag in Zürich 4 und 5 Nov. 1916», S. 17—20. Ред.

Кругого — также quasi-социалистического министра Вандервельде, от 19 сент. с. г., заявляет, что «мы (датская партия) резко и определенно отделились от дезорганизаторской работы, которая по инициативе итальянской и швейцарской партии выступила на арену под именем «Циммервальдского движения». Приветствуя от имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. России съезд швейцарской соц.-дем. партии, я делаю это в надежде, что эта партия будет и впредь поддерживать международное объединение революционных социал-демократов, начавшееся в Циммервальде и должноствующее окончиться полнейшим разрывом социалистического движения с его министерскими и социал-патриотическими предателями.

Этот раскол назревает во всех странах развитого капитализма. В Германии единомышленник Карла Либкнехта т. Отто Рюле подвергся нападениям оппортунистов и так называемого центра, когда он заявил в центр. органе немецкой партии, что раскол стал неизбежен («Vorwärts», 12 января 1916 г.). Но факты все яснее говорят за то, что тов. Рюле прав, что в Германии имеются в действительности две партии: одна помогает буржуазии и правительству в ведении грабительской войны, вторая, развивающая свою деятельность, преимущественно нелегально, распространяет действительно-социалистические воззвания среди активно выступающих (wirklichen Massen) масс организует массовые демонстрации и политические забастовки.

Во Франции «Комитет для восстановления международных связей» опубликовал недавно брошюру: «Циммервальдские социалисты и война», в которой мы читаем, что во Франции внутри партии развились три главных направления: первое, к которому принадлежит большинство, в брошюре заклеймено именем социалистов-националистов и социал-патриотов, заключило «священный союз» с нашими классовыми врагами; второе направление, по данным брошюры, составляет меньшинство, это — приверженцы депутатов Лонгэ и Прессмана, идущие в важнейших вопросах заодно с большинством и бессознательно льющие воду на мельницу большинства, заманивая на свою сторону недовольные элементы усыплением их социалистической совести и заставляя их следовать за официальной политической партией. Как третье направление, брошюра отмечает циммервальдистов; последние признают, что Франция ввязалась в войну не вследствие объявления войны Франции Германией, но вследствие ее империалисти-

ческой политики, которая договорами и займами привязала ее к России. Это третье направление недвусмысленно провозглашает, что защита отечества является не социалистическим делом.

Так же и у нас, в России, равно как и в Англии, в нейтральных странах и в Соединенных Штатах Америки, словом, во всем мире, создались по существу те же три направления. Борьба этих направлений определила судьбу рабочего движения на ближайшее время.

Разрешите мне несколькими словами коснуться еще одного пункта, о котором в эти дни особенно много говорят и относительно которого мы, русские социал-демократы, обладаем особенно богатым опытом, это — вопрос о терроре.

Мы не имеем еще никаких известий об австрийских революционных социал-демократах, которые и там имеются налицо; последние сведения также весьма скучны. Вследствие этого мы не знаем, является ли убийство Штюргка тов. Фрицем Адлером применением террора как тактики, которая состоит в систематическом организованном устройстве политических убийств без связи с революционной борьбой масс, или же это убийство является единичным актом в переходе от оппортунистической несоциалистической тактики официальных австрийских социал-демократов, стоящих на точке зрения обороны отечества, к тактике революционного массового действия. Это второе допущение, кажется, скорее соответствует обстоятельствам, и вследствие этого заслуживает полной симпатии приветствие по адресу Фрица Адлера, предложенное в заключении Центральным Комитетом Итальянской Партии и опубликованное в «Avanti» от 29 октября.

Во всяком случае, мы убеждены, что опыт революции и контрреволюции в России подтвердил правильность более чем 20 лет продолжающейся борьбы нашей партии против террора, как тактики. Не следует забывать, что эта борьба велась в тесной связи с беспощадной борьбой против оппортунизма, который был склонен отвергать всякое применение насилия со стороны угнетенных классов против угнетателей. Мы всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой. Во-вторых, мы связали борьбу против террора с многолетней пропагандой вооруженного восстания, — пропагандой, начатой еще задолго до декабря 1905 года. В вооруженном восстании мы видели не только лучший ответ пролетариата на поли-

тику правительства, но также и неизбежный результат развития классовой борьбы по пути к социализму и демократии. В-третьих, мы не удовольствовались принципиальным признанием насилиственных методов и пропагандой вооруженного восстания. Так, например, еще за 4 года до революции мы поддерживали применение насилия со стороны масс против их угнетателей, особенно во время уличных демонстраций. Мы старались, чтобы урок каждой такой демонстрации усвоила вся страна. Мы стали все чаще думать над организацией выдержанного и систематического противодействия масс по отношению к полиции и армии, над вовлечением посредством этого противодействия возможно большей части армии в борьбу между пролетариатом и правительством, над привлечением крестьянства и армии к принятию сознательного участия в этой борьбе. Вот та тактика, которую мы применяли в борьбе против террора и которая, по нашему глубокому убеждению, увенчана успехом.

Товарищи по партии! Я кончаю повторением моих приветствий съезду соц.-дем. партии Швейцарии и желанием успеха вашей работе. (Аплодисменты).

Итоги дискуссии о самоопределении.

В № 2 марксистского журнала Циммервальдской левой «Предвестник» («Vorbote», № 2; апрель 1916) помещены тезисы за и против самоопределения наций, подписанные редакцией нашего центрального органа «Социал-Демократа» и редакцией органа польской социал-демократической оппозиции «Газеты Работничей». Читатель найдет выше перепечатку первых и перевод вторых тезисов. На международной арене вопрос этот ставится так широко едва ли не впервые: в дискуссии, которую вели в немецком марксистском журнале «Neue Zeit» двадцать лет тому назад, 1895—1896, перед Лондонским Международным Социалистическим Конгрессом 1896 года Роза Люксембург, К. Каутский и польские «неподлеглосцевцы» (сторонники независимости Польши, П. П. С.), представлявшие три различных взгляда, вопрос ставился только о Польше. До сих пор, насколько нам известно, вопрос о самоопределении обсуждался сколько-нибудь систематично только голландцами и поляками. Будем надеяться что «Предвестнику» удастся двинуть вперед обсу-

ждение этого, столь насущного теперь, вопроса у англичан, американцев, французов, немцев, итальянцев. Официальный социализм, представляемый как прямыми сторонниками «своего» правительства, Плехановыми, Давидами и К-о, так и прикрытыми защитниками оппортунизма, каутскианцами (в том числе Аксельрод, Мартов, Чхеидзе и пр.),—до такой степени изолгался по этому вопросу, что на очень долгое время неизбежны будут, с одной стороны, потуги отмолчаться и увернуться, а с другой стороны, требования рабочих дать им «прямые ответы» на «проклятые вопросы». О ходе борьбы взглядов среди заграничных социалистов мы постараемся своевременно осведомлять читателей.

Для нас же, русских социал-демократов, вопрос имеет еще особую важность; эта дискуссия является продолжением дискуссии 1903 и 1913 годов; вопрос вызвал во время войны некоторое шатание мысли среди членов нашей партии; он обострен ухищрениями таких видных вождей гвоздевской или шовинистской рабочей партии, как Мартов и Чхеидзе, обойти суть дела. Поэтому подвести хотя бы первые итоги начатой на международной арене дискуссии необходимо.

Как видно из тезисов, наши польские товарищи дают нам прямой ответ на некоторые из наших доводов, например, о марксизме и прудонизме. Но большей частью они отвечают нам не прямо, а косвенно, противопоставляя свои утверждения. Рассмотрим их косвенные и прямые ответы.

1. Социализм и самоопределение наций.

Мы утверждали, что было бы изменой социализму отказаться от осуществления самоопределения наций при социализме. Нам отвечают: «право самоопределения не применимо к социалистическому обществу». Расхождение коренное. В чем же его источник?

«Мы знаем,—возражают наши оппоненты,—что социализм уничтожит всякое национальное угнетение, так как он уничтожает классовые интересы, которые ведут к нему»... При чем это рассуждение об экономических предпосылках уничтожения национального гнета, которые давным-давно известны и бесспорны, когда спор идет об одной из форм политического гнета, именно: о насилиственном удержании одной нации внутри границ государства другой нации? Ведь это простое

попытка уклониться от политических вопросов! И дальнейшие рассуждения еще более убеждают нас в такой оценке: «Мы не имеем никаких оснований предполагать, что нации в социалистическом обществе будет принадлежать характер хозяйственно-политической единицы. По всей вероятности, она будет иметь только характер культурной и языковой единицы; так как территориальное разделение социалистического культурного круга, поскольку такое будет существовать, может произойти только по потребностям производства, при чем решать вопрос об этом разделении, разумеется, должны не отдельные нации, по одиночке, имея всю полноту собственной власти (как этого требует «право самоопределения»), а совместно определять будут все заинтересованные граждане»...

Этот последний довод, насчет совместного определения вместо самоопределения, так нравится польским товарищам, что они три раза повторяют его в своих тезисах! Но частота повторения не превращает этого октябристского и реакционного довода в социал-демократический. Ибо все реакционеры и буржуа предоставляют нациям, насильственно удерживаемым в границах данного государства, право «совместно определять» его судьбы, в общем парламенте. Вильгельм II тоже предоставляет бельгийцам право «совместно определять» в общем немецком парламенте судьбы немецкой империи.

Как раз то, что спорно,—именно то, что исключительно и поставлено на дискуссию, право отделения,—наши оппоненты и усиливаются обойти. Это было бы смешно, когда бы не было так грустно!

У нас сказано в первом же тезисе, что освобождение угнетенных наций предполагает, в области политической, двоякое преобразование: 1) полное равноправие наций. Об этом нет спора, и это относится только к происходящему внутри государства; 2) свободу политического отделения. Это относится к определению границ государства. Только это спорно. И как раз об этом наши оппоненты молчат. Ни о границах государства, ни даже вообще о государстве они думать не желают. Это какой-то «империалистский экономизм», подобный старому «экономизму» 1894—1902 годов, который рассуждал: капитализм победил, поэтому политические вопросы ни к чему. Империализм победил, поэтому политические вопросы ни к чему! Подобная «политическая» теория в корне враждебна марксизму.

Маркс писал в критике Готской программы: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, государством которого не может быть ничего иного, кроме как революционная диктатура пролетариата». До сих пор эта истина была бесспорна для социалистов, а в ней заключается признание государства вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм. Известно изречение Энгельса об отмирании государства. Мы нарочно подчеркнули в первом же тезисе, что демократия есть форма государства, которая тоже отомрет, когда отомрет государство. И пока наши оппоненты не заменили марксизма какой-то новой, «а-государственной», точкой зрения, их рассуждения—сплошная ошибка.

Вместо того, чтобы говорить о государстве (и значит, об определении его границ!), они говорят о «социалистическом культурном круге», т.-е. нарочно выбирают неопределенное в том отношении выражение, что все государственные вопросы стираются! Получается смешная тавтология: конечно, если нет государства, то нет и вопроса о его границах. Тогда ненужна и вся демократически-политическая программа. Республики тоже не будет, когда «отомрет» государство.

Немецкий шовинист Ленч в статьях, отмеченных нами в тезисе 5 (примеч.), привел одну интересную цитату из сочинения Энгельса: «По и Рейн». Энгельс говорит там, между прочим, что границы «больших и жизнеспособных европейских наций» в ходе исторического развития, поглотившего ряд мелких и нежизнеспособных наций, определялись более и более «языком и симпатиями населения». Эти границы Энгельс называет «естественными». Так было дело в эпоху прогрессивного капитализма, в Европе, около 1848—1871 г.г. Теперь реакционный, империалистский, капитализм все чаще ломает эти, демократически определяемые, границы. Все признаки говорят за то, что империализм оставит в наследство идущему ему на смену социализму границы, менее демократические, ряд аннексий в Европе и в других частях света. Что же, победивший социализм, восстановляя и проводя до конца полную демократию по всей линии, откажется от демократического определения границ государств? не пожелает считаться с «симпатиями населения»? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы наглядно

видеть, как польские наши коллеги катятся от марксизма к «империалистическому экономизму».

Старые «экономисты», превращая марксизм в карикатуру, учили рабочих, что для марксистов важно «только» «экономическое». Новые «экономисты» думают то ли, что демократическое государство победившего социализма будет существовать без границ (вроде «комплекса ощущений» без материи), то ли, что границы будут определяться «только» по потребностям производства. На деле эти границы будут определяться демократически, т.-е. согласно воле и «симпатиям» населения. Капитализм насилиет эти симпатии и тем прибавляет новые трудности делу сближения наций. Социализм, организуя производство без классового гнета, обеспечивая благосостояние всем членам государства, тем самым дает полный простор «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций.

Чтобы читатель несколько отдохнул от тяжелого и неуклюжего «экономизма», приведем рассуждение одного постороннего нашему спору социалистического писателя. Писатель этот— Отто Бауэр, который имеет тоже свой «пунктик», «культурно-национальную автономию», но который очень правильно рассуждает о целом ряде важнейших вопросов. Например, в § 29 своей книги «Национальный вопрос и социал-демократия» он в высшей степени верно отметил прикрытие национальной идеологией империалистской политики. В § 30: «Социализм и принцип национальности» он говорит:

«Никогда социалистическая община не в состоянии будет насиливо включать в свой состав целые нации. Представьте себе народные массы, обладающие всеми благами национальной культуры, принимающие полное и активное участие в законодательстве и управлении, наконец, снабженные оружием,—возможно ли было бы насиливо подчинить такие нации господству чуждого общественного организма? Всякая государственная власть поконится на силе оружия. Текущая народная армия, благодаря искусному механизму, все еще оставляет орудие в руках определенного лица, фамилии, класса, точно так же, как рыцарское и наемное войско минувших времен. Армия же демократической общины социалистического общества представляет собой не что иное, как вооруженный народ, так как она состоит из высококультурных людей, непринужденно работающих в обще-

ственных мастерских и принимающих полное участие во всех областях государственной жизни. При таких условиях исчезает всякая возможность чуже-национального господства».

Вот это верно. При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет не льзя. Для этого необходи-
мо уничтожить классы, т.-е. ввести социализм. Но, бази-
руясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней.
Для устранения национального гнета необходим фундамент—
социалистическое производство, но на этом фундаменте необхо-
дима еще демократическая организация государства, демократи-
ческая армия и пр. Перестроив капитализм в социализм, про-
летариат создает возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в действи-
тельность «только»—«только!»—при полном проведении демо-
кратии во всех областях, вплоть до определения границ го-
сударства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной
свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется
практически абсолютное устранение малейших наци-
ональных трений, малейшего национального недоверия, создадтся
ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится
отмиранием государства. Вот теория марксизма, от кото-
рой ошибочно отошли наши польские коллеги.

2. «Осуществима» ли демократия при империализме?

Вся старая полемика польских социал-демократов против самоопределения наций построена на доводе о «неосуществимости» его при капитализме. Еще в 1903 году, в программной комиссии II съезда Р. С.-Д. Р. П., мы, искровцы, смеялись над этим доводом и говорили, что он повторяет карикатуру на марксиз-
м у (печальной памяти) «экономистов». В наших тезисах мы особенно подробно остановились на этой ошибке, и как раз здесь, где заключается теоретическая база всего спора, польские товарищи не пожелали (или не смогли?) ответить ни на один наш аргумент.

Экономическая невозможность самоопределения должна была бы быть доказанной посредством экономического анализа, каким мы доказываем неосуществимость запрещения машин или вве-
дения рабочих денег и т. п. Никто и не пытается дать такой анализ.
Никто не станет утверждать, чтобы хоть в одной стране «в виде

исключений» удалось ввести при капитализме «рабочие деньги», как удалось одной маленькой стране, в виде исключения, в эру самого разнужданного империализма осуществить неосуществимое самоопределение и даже без войны и революции (Норвегия 1905 г.).

Вообще политическая демократия есть лишь одна из возможных (хотя теоретически для «чистого» капитализма и нормальная) форм надстройки над капитализмом. И капитализм, и империализм, как показывают факты, развиваются при всяких политических формах, подчиняя себе все их. Поэтому теоретически в корне неверно говорить о «неосуществимости» одной из форм и одного из требований демократии.

Отсутствие ответа польских коллег на эти доводы заставляет признать дискуссию по этому пункту конченной. Для наглядности, так сказать, мы выставили самое конкретное утверждение, что было бы «смешно» отрицать «существимость» восстановления Польши теперь в зависимости от стратегических и т. п. моментов данной войны. Ответа не последовало!

Польские товарищи просто повторили явно неверное утверждение (§ II, 1), говоря: «в вопросах присоединения чужих областей формы политической демократии устраниены; открытое насилие решает... Капитал никогда не предоставит народу решения вопроса о своих государственных границах»... Как будто «капитал» может «предоставить народу» выбор его, служащих империализму, чиновников народа! Или как будто бы в о б щ е были мыслимы без «открытого насилия» какие бы то ни было крупные решения важных демократических вопросов, например, о республике вместо монархии, о милиции вместо постоянной армии! Субъективно польские товарищи желают «углублять» марксизм, но делают это совсем неудачно. О б ъ е к т и в н о , их фразы о неосуществимости суть оппортунизм, ибо предполагается молча: «неосуществимо» без ряда революций, как неосуществима при империализме и вся демократия, все ее требования вообще.

Один только раз, в самом конце § I, 1, в рассуждении об Эльзасе, польские коллеги покинули позицию «империалистического экономизма», подойдя к вопросам одной из форм демократии с конкретным ответом, а не с общей ссылкой на «экономическое». И как раз этот подход оказался неверным! Было бы «партикуляристичным, недемократичным», — пишут они, — если бы

о д н и эльзасцы, не спросив французов, «навязали» им присоединение Эльзаса к Франции, хотя бы часть Эльзаса тяготела к немцам, и это грозило войной!!! Путаница совсем забавная: самоопределение предполагает (это ясно само собой и мы особо подчеркнули это в наших тезисах) свободу от отделения от угнетающего государства; о том, что присоединение к данному государству предполагает его согласие, в политике так же «не принято» говорить, как в экономике не говорят о «согласии капиталиста получать прибыль или рабочего получать заработную плату! Говорить об этом смешно.

Если быть марксистским политиком, то, говоря об Эльзасе, надо напасть на негодяев немецкого социализма за то, что они не борются за свободу отделений Эльзаса,—на негодяев французского социализма за то, что они мирятся с французской буржуазией, желающей насильственно присоединить весь Эльзас,—на тех и других за то, что они служат империализму «своей» страны, боясь отдельного, хотя бы и маленького, государства;—надо показать, каким образом социалисты, признавая самоопределение, в несколько недель решили бы вопрос, не нарушая воли эльзасцев. Рассуждать вместо этого об ужасной опасности того, что французские эльзасцы «навяжут» себя Франции, есть просто перл.

3. Что такое аннексия?

Этот вопрос мы поставили в наших тезисах со всей определенностью (§ 7). Польские товарищи не ответили на него: они обошли его, усиленно заявляя: 1) что они против аннексий и 2) объясняя, почему они против. Это очень важные вопросы, слов нет. Но это другие вопросы. Если мы сколько-нибудь заботимся о теоретической продуманности своих принципов, об их ясной и отчетливой формулировке, мы не можем обходить вопроса о том, что такое аннексия, раз это понятие фигурирует в нашей политической пропаганде и агитации. Обход же этого вопроса в коллегиальной дискуссии нельзя истолковать иначе, как отказ от позиции.

Почему мы поставили этот вопрос? Мы объяснили это, ставя его. Потому что «протест против аннексий есть не что иное, как признание права самоопределения». В понятие аннексии входит обычно 1) понятие насилия (насильственное

присоединение); 2) понятие чуже-национального гнета (присоединение «чужой» области и т. п.) и—иногда—3) понятие нарушения *statu quo*. И это мы указали в тезисах, и это наше указание не встретило критики.

Спрашивается, могут ли быть социал-демократы вообще против насилия? Ясно, что нет. Значит, мы не потому против аннексий, что они суть насилие, а почему-то другому. Точно также не могут быть социал-демократы и за *statu quo*. Как ни вертитесь, вы не минуете вывода: аннексия есть нарушение самоопределения нации, есть установление границ государства вопреки воле населения.

Быть против аннексий, значит быть за право самоопределения. Быть «против насильственного удержания любой нации в границах данного государства» (мы нарочно употребили и эту, чуточку видоизмененную, формулировку той же самой мысли, в § 4 наших тезисов, и польские товарищи ответили и здесь нам в полне ясно, заявив в своем § I, 4, в начале, что они «против насильственного удержания угнетенных наций в границах аннексирующего государства»)—это тоже самое, что быть за самоопределение нации.

О словах спорить мы не хотим. Если есть партия, которая скажет в своей программе (или в обязательной для всех резолюции, дело не в форме), что она против аннексий *), против насильственного удержания угнетенных наций в границах ее государства, то мы заявляем полное принципиальное согласие с такой партией. За слово «самоопределение» было бы нелепо держаться. И если в нашей партии найдутся люди, которые захотят изменить в этом духе слова, формулировку § 9 нашей партийной программы, мы сочтем разногласие с такими товарищами совсем не принципиальным!

Дело только в политической ясности и в теоретической продуманности наших лозунгов.

В словесных дискуссиях по этому вопросу—важности которого особенно теперь, в связи с войной, никто не отрицает—встречался такой довод (мы не нашли его в печати): протест против известного зла не обязательно означает признание положительного понятия, исключающего зло. Довод явно несо-

*) «Против старых и новых аннексий» сформулировал это К. Радек в одной из своих статей в «*Berner Tagwacht*».

стоятельный и поэтому, очевидно, нигде и не воспроизведенный в печати. Если социалистическая партия заявляет, что она «против насильственного удержания угнетенной нации в границах аннексирующего государства», то эта партия тем самым обязуется отказаться от насильственного удержания, когда она будет у власти.

Мы ни минуты не сомневаемся, что, если завтра Гинденбург полупобедит Россию и выражением этой полупобеды явится (в связи с желанием Англии и Франции немного ослабить царизм) новое государство польское, вполне «осуществимое» с точки зрения экономических законов капитализма и империализма, и если затем послезавтра победит социалистическая революция в Питере, Берлине и Варшаве, то польское социалистическое правительство, подобно русскому и немецкому, откажется от «насильственного удержания», скажем украинцев, «в границах польского государства». Если в этом правительстве будут члены редакции «Газеты Работничей», они, несомненно, принесут свои «тезисы» в жертву и этим опровергнут ту «теорию», что «к социалистическому обществу неприменимо право самоопределения». Если бы мы думали иначе, мы поставили бы на очередь дня не товарищескую дискуссию с социал-демократами Польши, а беспощадную борьбу с ними, как шовинистами.

Допустим, я выхожу на улицу любого европейского города и заявляю публично, повторяю потом в газетах «протест» против того, что мне не позволяют купить человека в рабство. Нет сомнения, что меня вправе будут счесть рабовладельцем, сторонником принципа или системы, как хотите, рабства. Что мои симпатии к рабству облечены в отрицательную форму протеста, а не в положительную («я за рабство»), это никого не обманет. Политический «протест» в полне равносителен политической программе, это до того очевидно, что как-то неловко даже быть вынужденным разъяснять это. Во всяком случае мы твердо уверены, что со стороны, по крайней мере, циммервальдских левых—не говорим обо всех циммервальдцах, ибо там есть Мартов и другие каутскианцы,—мы не встретим «протеста», если скажем, что в III Интернационале не будет места для людей, способных отделять политический протест от политической программы, противопоставлять одно другому и т. п.

Не желая спорить о словах, мы позволим себе выразить твердую надежду, что польские социал-демократы постараются вскоре

формулировать официально как свое предложение удалить § 9 из нашей (и их тоже) партийной программы, а равно из программы Интернационала (резолюция Лондонского конгресса 1896 года), так и свое определение соответствующих политических мыслей о «старых и новых аннексиях» и о «насильственном удержании угнетаемой нации в границах аннексирующего государства». — Перейдем к следующему вопросу.

4. За аннексии или против аннексий?

В § 3 первого отдела своих тезисов польские товарищи со всей определенностью заявляют, что они против всяких аннексий. К сожалению, в § 4 того же отдела мы встречаем утверждения, которые приходится признать аннексионистскими. Начинается этот § следующей... как бы помягче сказать?.. странной фразой:

«Исходный пункт борьбы социал-демократии против аннексий, против насильственного удержания угнетенных наций в границах аннексирующего государства составляет отклонение в всякой защите отечества (курсив авторов), которая в эру империализма является защитой прав собственной буржуазии на угнетение и ограбление чужих народов»...

Что это? Как это?

«Исходным пунктом борьбы против аннексий является отклонение в всякой защите отечества»... Но ведь «защитой отечества» можно назвать и до сих пор общепринято было называть всякую национальную войну и всякое национальное восстание! Мы против аннексий, но... мы понимаем это так, что мы против войны аннексированных за их освобождение от аннексировавших, мы против восстания аннексированных с целью освобождения от аннексировавших. Разве это не аннексионистское утверждение?

Авторы тезисов мотивируют свое... странное утверждение тем, что «в эру империализма» защита отечества есть защита прав своей буржуазии на угнетение чужих народов. Но это верно только по отношению к империалистской войне, т.-е. войне между империалистскими державами, или группами держав, когда обе воюющие стороны не только угнетают «чужие народы», но и ведут войну из-за того, кому больше угнетать чужих народов!

Повидимому, авторы ставят вопрос о «защите отечества» совсем не так, как ставит его наша партия. Мы отвергаем «защиту отечества» в империалистской войне. Это яснее ясного сказано и в манифесте Центрального Комитета нашей Партии, и в бернских резолюциях, перепечатанных в брошюре «Социализм и война», которая вышла и по-немецки, и по-французски. Мы подчеркнули это дважды и в наших тезисах (примечание к § 4 и к § 6). Повидимому, авторы польских тезисов отвергают защиту отечества вообще, т.-е. и для национальной войны, считая, может быть, национальные войны «в эру империализма» невозможными. Говорим: «может быть», потому что в своих тезисах польские товарищи такого взгляда не изложили.

Такой взгляд ясно выражен в тезисах немецкой группы «Интернационал» и в брошюре Юниуса, которой мы посвящаем особую статью. Заметим, в дополнение к сказанному там, что национальное восстание аннексированной области или страны против аннексировавшей могут назвать именно восстанием, а не войной (мы слышали такое возражение, и потому приводим его, хотя считаем этот терминологический спор несерьезным). Во всяком случае, отрицать то, что аннексированные Бельгия, Сербия, Галиция, Армения назовут свое «восстание» против аннексировавшего «защитой отечества» и назовут правильно, едва ли кто решится. Выходит, что польские товарищи против такого восстания на том основании, что в этих аннексированных странах есть тоже буржуазия, которая тоже угнетает чужие народы, или вернее: может угнетать, ибо речь идет только о «праве ее на угнетение». Для оценки данной войны или данного восстания берется, следовательно, не его действительное социальное содержание (борьба угнетенной нации против угнетающей за свое освобождение), а возможное осуществление угнетенной ныне буржуазией ее «права на угнетение». Если Бельгия, скажем, в 1917 году будет аннексирована Германией, а в 1918 году восстанет за свое освобождение, то польские товарищи будут против восстания на том основании, что бельгийская буржуазия имеет «право на угнетение чужих народов»!

Ни марксистского, ни революционного вообще в этом рассуждении нет ни грана. Не изменяя социализму, мы должны поддерживать всякое восстание против нашего главного врага, буржуазии крупных государств, если это не восстание

реакционного класса. Отказываясь от поддержки восстания аннексированных областей, мы—объективно—становимся аннексионистами. Именно «в эру империализма», которая есть эра начинаяющейся социальной революции, пролетариат поддерживает с особой энергией сегодня восстание аннексированных областей, чтобы завтра же или одновременно напасть на ослабляемую таким восстанием буржуазию «великой» державы.

Однако польские товарищи идут еще дальше в своем аннексионизме. Они не только против восстания аннексированных областей, они против *всякого* восстановления их независимости, хотя бы мирного! Слушайте:

«Социал-демократия, отклоняя всякую ответственность за последствия угнетательской политики империализма, борясь с ними самым резким образом, никоим образом не выступает за установление новых пограничных столбов в Европе, за восстановление снесенных империализмом» (курсив авторов).

Сейчас «империализмом снесены пограничные столбы» между Германией и Бельгией, между Россией и Галицией. Международная социал-демократия должна быть, видите ли, против их восстановления вообще, каким бы то ни было образом. В 1905 году, «в эру империализма», когда автономный сейм Норвегии провозгласил отделение от Швеции, а война Швеции против Норвегии, проповедывавшаяся реакционерами Швеции, не удалась как в силу сопротивления шведских рабочих, так и в силу международной империалистской ситуации,—социал-демократия должна была бы быть против отделения Норвегии, ибо это означало, несомненно, «установление новых пограничных столбов в Европе»!!

Это уже прямой, открытый аннексионизм. Опровергать его нет надобности, он сам себя опровергает. Ни одна социалистическая партия не решится принять этой позиции: «мы против аннексий вообще, но для Европы мы санкционируем аннексии или миримся с ними, раз только они произведены»..

Остановиться надо лишь на теоретических источниках ошибки, доведшей наших польских товарищ до такой самоочевиднейшей... «невозможности». О неосновательности выделения «Европы» мы скажем ниже. Следующие две фразы из тезисов поясняют другие источники ошибки:

«...Там, где колесо империализма прошло над образовавшимся уже капиталистическим государством, давя его, там в зверской форме империалистского угнетения происходит политическая и экономическая концентрация капиталистического мира, подготовляющая социализм»...

Это оправдание аннексий есть струвизм, а не марксизм. Русские социал-демократы, помнящие 1890 годы в России, хорошо знают эту манеру извращения марксизма, общую г.г. Струве, Куновы, Легинам и К-о. Как раз насчет немецких струвистов, так называемых «социал-империалистов», в другом тезисе (II, 3) польских товарищей читаем:

...(Лозунг самоопределения) «дает социал-империалистам возможность, доказывая иллюзорный характер этого лозунга, представлять нашу борьбу против национального угнетения исторически неправомерной сантиментальностью и тем подрывать доверие пролетариата к научной обоснованности социал-демократической программы»...

Это значит, что позицию немецких струвистов авторы считают «научной»! Поздравляем.

Только одна «мелочь» разрушает этот удивительный аргумент, грозящий нам тем, что Ленчи, Куновы, Парвусы правы против нас: именно, эти Ленчи, последовательные по-своему люди, и в номере 8—9 шовинистского немецкого «Колокола»—мы нарочно процитировали эти именно номера в наших тезисах—Ленч доказывает одновременно и «научную необоснованность» лозунга самоопределения (польские социал-демократы признали, видимо, эту аргументацию Ленча неотразимой, как явствует из приведенного нами рассуждения в их тезисах...) и «научную необоснованность» лозунга: против аннексий!!

Ибо Ленч прекрасно понял ту простую истину, на которую мы указали польским коллегам, не пожелавшим ответить на наше указание: нет разницы, ни «экономической», ни политической», ни вообще логической, между «признанием» самоопределения и «протестом» против аннексий. Если польские товарищи считают доводы Ленчей против самоопределения неотразимыми, то нельзя же не признать факта: все эти доводы Ленчи направляют и против борьбы с аннексиями.

Теоретическая ошибка, лежащая в основе всех рассуждений наших польских коллег, довела их до того, что они оказались непоследовательными аннексионистами.

5. Почему социал-демократия против аннексий?

С нашей точки зрения ответ ясен: потому, что аннексия нарушает самоопределение наций или, иначе, составляет одну из форм национального гнета.

С точки зрения польских социал-демократов, приходится особенно выяснить, почему мы против аннексий, и эти разъяснения (I, 3 в тезисах) запутывают авторов неминуемо в новый ряд противоречий.

Два довода приводятся ими в «оправдание» того, почему мы (вопреки «научно-обоснованным» аргументам Ленчей) против аннексий. Первый:

«...Утверждению, что аннексии в Европе необходимы для военного обеспечения победоносного империалистского государства, социал-демократия противопоставляет тот факт, что аннексии только усиливают антагонизмы и тем увеличивают опасность войны».

Это недостаточный ответ Ленчам, ибо их главный довод не военная необходимость, а экономическая прогрессивность аннексий, означающих концентрацию при империализме. Где же тут логика, если польские социал-демократы в одно и то же время признают прогрессивность такой концентрации, отказываясь в Европе восстанавливать снесенные империализмом пограничные столбы, и возражают против аннексий?

Далее. Опасность каких войн усиливают аннексии? Не империалистские, ибо они порождаются другими причинами; главные антагонизмы в настоящей империалистской войне, бесспорно, суть антагонизмы Англии с Германией, России с Германией. Аннексии тут не было и нет. Речь идет об усилении опасности национальных войн и национальных восстаний. Но как же можно, с одной стороны, объявлять национальные войны «в эру империализма» невозможными, а с другой стороны, выдвигать «опасность» национальных войн? Это не логично.

Второй довод. Аннексии «создают пропасть между пролетариатом господствующей и угнетенной наций»... «пролетариат угнетающей нации соединился бы с своей буржуазией и видел врага в пролетариате господствующей нации. На место интернациональной классовой борьбы пролетариата против интерна

циональной буржуазии наступил бы раскол пролетариата, его идейное развращение»...

Эти доводы мы вполне разделяем. Но логично ли по одному и тому же вопросу, в одно и то же время, выдвигать взаимно исключающие доводы? В § 3 отдела I тезисов, мы читаем приведенные доводы, видящие раскол пролетариата в аннексиях, а рядом, в § 4, нам говорят, что в Европе надо быть против отмены совершенных уже аннексий, за «воспитание рабочих масс угнетенных и угнетающих наций к солидарной борьбе». Если отмена аннексий — реакционная «сантиментальность», тогда нельзя аргументировать так, что аннексии роют «пропасть» между «пролетариатом» и создают «раскол» его, тогда надо, наоборот, видеть в аннексиях условие сближения пролетариата разных наций.

Мы говорим: для того, чтобы мы были в силах совершить социалистическую революцию и низвергнуть буржуазию, рабочие должны соединяться теснее и этому тесному соединению служит борьба за самоопределение, т.-е. против аннексий. Мы остаемся последовательны. Польские же товарищи, признавая «неотменность» европейских аннексий, признавая «невозможность» национальных войн, побивают сами себя, когда спорят «против» аннексий именно доводами от национальных войн! Именно доводами такого рода, что аннексии затрудняют сближение и слияние рабочих разных наций!

Другими словами: чтобы возразить против аннексий, польским социал-демократам приходится брать доводы из такого теоретического багажа, который они же принципиально отвергают.

Еще и еще нагляднее это на вопросе о колониях.

6. Можно ли противополагать колонии «Европе» в данном вопросе?

В наших тезисах сказано, что требование немедленного освобождения колоний так же «неосуществимо» (т.-е. неосуществимо без ряда революций и непрочно без социализма) при капитализме, как и самоопределение наций, выбор чиновников народом, демократическая республика и проч., — а с другой стороны, что требование освобождения колоний есть не что иное, как «признание самоопределения наций».

Польские товарищи не ответили ни на один из этих аргументов. Они-то пытались провести различие между «Европой» и колониями. Только для Европы они становятся непоследовательными аннексионистами, отказываясь отменять аннексии, раз они уже совершены. Для колоний же они провозглашают безусловное требование: «прочь из колоний!»

Русские социалисты должны требовать: «прочь из Туркестана, из Хивы, из Бухары и пр.», но они впадут дескать в «утопизм», «ненаучную» «сантиментальность» и пр., если такой же свободы отделения потребуют для Польши, Финляндии, Украины и пр. Английские социалисты должны требовать: «прочь из Африки, из Индии, из Австралии», но не из Ирландии. Какими теоретическими основаниями можно объяснить такое бьющее в глаза своей неверностью различие? Обойти этот вопрос нельзя.

Главная «база» противников самоопределения: «неосуществимость». Ту же мысль с небольшим оттенком выражает ссылка на «экономическую и политическую концентрацию».

Ясно, что концентрация происходит и посредством присоединения колоний. Экономическое различие между колониями и европейскими народами—по крайней мере, большинством последних—состояло прежде в том, что колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии. Вырвать их из зависимости от европейского финансового капитала нельзя. С военной точки зрения, как и с точки зрения экспансии (расширения), отделение колоний осуществимо, по общему правилу, лишь с социализмом, а при капитализме или в виде исключения, или ценой ряда революций и восстаний как в колонии, так и в метрополии.

В Европе большей частью зависимые нации капиталистически развитее (хотя не все: албанцы, многие инородцы России), чем в колониях. Но именно это вызывает большой отпор национальному гнету и аннексиям! Именно в силу этого развитие капитализма обеспечено в Европе при всяких политических условиях, в том числе и при отделении, чем в колониях... «Там,—говорят польские товарищи про колонии (I, 4),—капитализму предстоит еще задача самостоятельного развития производительных сил»... В Европе это еще заметнее: капитализм

в Польше, в Финляндии, Украине, Эльзасе, несомненно, развивает производительные силы и сильнее, и быстрее, и самостоятельнее, чем в Индии, в Туркестане, в Египте и других колониях чистейшего типа. Ни самостоятельное, ни вообще какое бы то ни было развитие в обществе товарного производства невозможно без капитала. В Европе у зависимых наций есть и свой капитал, и легкая возможность на разнообразнейших условиях добыть его. В колониях своего капитала нет или почти нет, добывать его иначе как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может. Что же значит, в силу всего этого, требование немедленно и безусловно освободить колонии? Не ясно ли, что оно гораздо «утопичнее» в том вульгарном, карикатурно-«марксистском» смысле слова: «утопия», в котором его употребляют г.г. Струве, Ленчи, Куновы, а за ними, к сожалению, и польские товарищи? Под «утопизмом» здесь понимается собственно отступление от обывательски-обычного, в том числе все революционное. Но революционные движения в сех видов—в том числе и национальные—в европейской обстановке возможнее, осуществимее, упорнее, сознательнее, труднее победимы, чем в колониях.

«Социализм,—говорят польские товарищи (I, 3),—сумеет дать неразвитым народам в колониях бескорыстную культуру и помощь, не господствуя над ними». Совершенно справедливо. Но где же основание думать, что большая нация, большое государство, перейдя к социализму, не сумеет привлечь маленькой угнетенной нации в Европе посредством «бескорыстной культурной помощи»? Именно свобода отделения, которую польские социал-демократы «дают» колониям, и привлечет к союзу с большими социалистическими государствами малые, но культурные и политически-требовательные, угнетенные нации Европы, ибо крупное государство при социализме будет значить: столько-то часов работы в день меньше, на столько-то заработка в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой «культурной помощи», лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства, самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство.

При капитализме этот «опыт» означает войны, обособление, замкнутость, узкий эгоизм привилегированных мелких наций (Голландия, Швейцария). При социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто-экономическим, вышеуказанным мотивам, а разнообразие политических форм, свобода выхода из государства, опыт государственного строительства—все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще,—основой богатой культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций.

Выделяя колонии и противополагая их Европе, польские товарищи впадают в такое противоречие, которое сразу разрушает всю их ошибочную аргументацию.

7. Марксизм или прудонизм.

Нашу ссылку на отношение Маркса к отдельению Ирландии польские товарищи парируют, в виде исключения, не косвенно, а прямо. В чем же состоит их возражение? Ссылки на позицию Маркса 1848—1871 г.г. не имеют, по их мнению, «ни малейшей ценности». Это необыкновенно сердитое и решительное заявление мотивируется тем, что Маркс «одновременно» выступал против стремлений к независимости «чехов, южных славян и т. п.».

Мотивировка именно потому особенно сердита, что она особенно несостоятельна. У польских марксистов вышло, что Маркс был просто путаником, который «одновременно» говорил противоположные вещи! Это совсем не верно, и это совсем не марксизм. Как раз требование «конкретного» анализа, которое польские товарищи выдвигают, чтобы не применять его, обязывает нас рассмотреть, не вытекало ли различное отношение Маркса к различным конкретным «национальным» движениям из одного и того же социалистического мировоззрения.

Как известно, Маркс стоял за независимость Польши с точки зрения интересов европейской демократии в ее борьбе против силы и влияния—можно сказать: против всесилия и преобладающего реакционного влияния—царизма. Правильность этой точки зрения получила самое наглядное и фактическое подтверждение в 1849 году, когда русское крепостное войско раздавило национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии. И с тех пор до смерти Маркса, даже позже, до 1890 года, когда грозила реакционная война

царизма в союзе с Францией против не империалистической, а национально независимой Германии, Энгельс стоял прежде всего и больше всего за борьбу с царизмом. Поэтому и только поэтому Маркс и Энгельс были против национального движения чехов и южных славян. Простая справка с тем, что писали Маркс и Энгельс в 1848—1849 г.г., покажет всякому, кто интересуется марксизмом не для того, чтобы отмахиваться от марксизма, что Маркс и Энгельс противополагали тогда прямо и определенно «целые реакционные народы», служащие «русскими форпостами» в Европе, «революционным народам»: немцам, полякам, мадьярам. Это факт. И этот факт был тогда бесспорно верно указан: в 1848 году революционные народы бились за свободу, главным врагом которой был царизм, а чехи и т. п. действительно были реакционными народами, форпостами царизма.

Что же говорит нам этот конкретный пример, который надо разобрать конкретно, если想要 быть верным марксизму? Только то, что: 1) интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций; 2) что требование демократии надо брать в общеевропейском—теперь следует сказать: мировом—масштабе, а не изолированно.

Ничего больше. Ни тени опровержения того элементарного социалистического принципа, который забывают поляки и которому в сего да был верен Маркс: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Если конкретная ситуация, перед которой стоял Маркс в эпоху преобладающего влияния царизма в международной политике, повторится, например, в такой форме, что несколько народов начнут социалистическую революцию (как в 1848 г. в Европе начали буржуазно-демократическую революцию), а другие народы окажутся главными столпами буржуазной реакции,—мы тоже должны быть за революционную войну с ними, за то, чтобы «раздавить» их, за то, чтобы разрушить все их форпосты, какие бы мелко-национальные движения здесь ни выдвигались. Следовательно, вовсе не отбрасывать должны мы примеры тактики Маркса,—это значило бы на словах исповедывать марксизм, на деле рвать с ним,—а из их конкретного анализа выводить неоценимые уроки для будущего. Отдельные требования демократии, в том числе самоопределение, ие абсолют, а частичка обще-демократиче-

ского (ныне: обще-социалистического) м и р о в о г о движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях, частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее. Возможно, что республиканское движение в одной из стран является лишь орудием клерикальной или финансово-монархической интриги других стран,—тогда мы должны не поддерживать это данное, конкретное движение, но было бы смешно на таком основании выбрасывать из программы международной социал-демократии лозунг республики.

Как именно изменилась конкретная ситуация с 1848—1871 по 1898—1916 г.г. (беру крупнейшие вехи империализма, как периода: от испано-американской империалистской войны до европейской империалистской войны)? Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-первых, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Франции, во-вторых, в силу 1905 года. Тогда система крупных национальных государств—демократий Европы—несла миру демократию и социализм вопреки царизму *). До империализма Маркс и Энгельс не дожили. Теперь сложилась система горстки (5—6 числом) «великих» империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, при чем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма господствующих над миром империалистических наций. Тогда западно-европейская демократия, совобождающая крупнейшие нации, была против царизма, использующего в целях реакции отдельные маленькие национальные движения. Теперь союз царистского с передовым капиталистическим, европейским, империализмом, на базе всеобщего угнетения ими ряда наций, стоит против социалистического пролетариата, рас-

*) Рязанов опубликовал в «Архиве по истории социализма» Грюнберга (1915, I) интереснейшую статью Энгельса 1866 г. по польскому вопросу. Энгельс подчеркивает необходимость для пролетариата признать политическую независимость и «самоопределение» (right to dispose of itself) крупных, великих наций Европы, отмечая нелепость «принципа национальностей» (особенно в его бонапартистском использовании), т.е. приравнивание любой мелкой нации к этим крупным. «Россия,—говорит Энгельс,—есть владелец громадного количества украденной собственности» (т.е. угнетенных наций), «которую ей придется отдать назад в день расчета». И бонапартизм и царизм используют мелко-национальные движения в свою выгоду, против европейской демократии.

к лотого на шовинистский, «социал-империалистский», и на революционный.

Вот в чем конкретное изменение ситуации, как раз игнорируемое польскими социал-демократами, вопреки их обещанию быть конкретными! Отсюда конкретное изменение в приложении и и тех же социалистических принципов: тогда в первую голову «против царизма» (и против используемых им в антидемократическом направлении некоторых мелко-национальных движений) за крупно-национальные, революционные, народы запада. Теперь против единого, выравнившегося, фронта империалистских держав, империалистской буржуазии, социал-империалистов, за использование в целях социалистической революции в сех национальных движений против империализма. Чем чище теперь борьба пролетариата против общемпериалистского фронта, тем наущнее, очевидно, интернационалистский принцип: «не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы».

Прудонисты, в о имя доктринерски-понятой социальной революции, игнорировали международную роль Польши и отмакивались от национальных движений. Совершенно так же, доктринерски, поступают польские социал-демократы, разбиваяще интернациональный фронт борьбы с социал-империалистами, помогая (объективно) этим последним своими колебаниями по вопросу об аннексии. Ибо именно интернациональный фронт пролетарской борьбы видоизменился в отношении конкретной позиции мелких наций: тогда (1848—1871) мелкие нации имели значение, как возможный союзник либо «западной демократии» и революционных народов, либо царизма; теперь (1898—1914) мелкие нации потеряли такое значение; их значение ныне—один из питательных источников паразитизма, и, следовательно, социал-империализма «великодержавных наций». Не то важно, освободится ли до социалистической революции $1/50$ или $1/1000$ мелких наций, а то важно, что пролетариат в империалистскую эпоху, в силу объективных причин, разделился на два международных лагеря, из коих один разверзен крохами, падающими со стола великодержавной буржуазии,—между прочим, и от двойной или тройной эксплоатации мелких наций,—а с другой не может освободиться сам, не освобождая мелких наций, не воспитывая массы в анти-шовинистском, т.-е. антианнексионистском, т.-е. «самоопределенческом» духе.

Сту, самую главную, сторону дела игнорируют польские товарищи, смотрящие на вещи не с центральной, в эпоху империализма, позиции, не с точки зрения двух лагерей международного пролетариата.

Вот еще наглядные примеры их прудонизма: 1) отношение к ирландскому восстанию 1916 года, о чем речь ниже; 2) заявление в тезисах (II, 3, в конце § 3), что лозунг социалистической революции «не должен быть ничем прикрыт». Это как раз глубоко антимарксистская идея, будто можно «прикрыть» лозунг социалистической революции, связывая его с последовательно революционной позицией во всяком, в том числе и национальном вопросе.

Нашу программу польские социал-демократы находят «национально-реформистской». Сопоставьте два практических предложения: 1) за автономию (польские тезисы III, 4) и 2) за свободу отделения. Ведь этим и только этим отличаются наши программы! И не ясно ли, что реформистской является именно первая в отличие от второй? Реформистское изменение есть такое, которое не подрывает основы власти господствующего класса, будучи лишь уступкой его, при сохранении его господства. Революционное подрывает основу власти. Реформистское в национальной программе не отменяет в с е х привилегий господствующей нации, не создает полного равноправия, не устраивает в с я к о г о национального гнета. «Автономная» нация не равноправна с «державной» нацией; польские товарищи не могли бы не заметить этого, если бы не игнорировали упорно (точно наши старые «экономисты») анализа политеческих понятий и категорий. Автономная Норвегия пользовалась, как часть Швеции, до 1905 года, самой широкой автономией, но равноправна Швеции она не была. Лишь ее свободное отделение проявило на деле и доказало ее равноправие (при чем—добавим в скобках—именно этот свободный отход создал базу для более тесного, более демократического сближения, основанного на равенстве прав). Пока Норвегия была только автономна, шведская аристократия имела одну лишнюю привилегию, и эта привилегия была не «ослаблена» (—сущность реформизма в ослаблении зла, а не уничтожении его), а отделением устранена совершенно (—основной признак революционного в программе).

Кстати сказать: автономия, как реформа, принципиально отлична от свободы отделения, как революционной меры. Это

несомненно. Но реформа—всем известно—часто есть на практике лишь шаг к революции. Именно автономия позволяет нации, насильственно удерживаемой в границах данного государства, окончательно конституироваться как нация, собрать, узнать, сорганизовать свои силы, выбрать вполне подходящий момент для заявления... в «норвежском» духе: мы, автономный сейм нации такой-то или края такого-то, объявляем, что император всероссийский перестал быть королем польским и т. п. На это «возражают» обычно: такие вопросы решаются войнами, а не декларациями. Справедливо: в громадном большинстве случаев войнами (как вопросы о форме правления крупных государств в громадном большинстве случаев решаются лишь войнами и революциями). Однако не мешает подумать, логично ли подобное «возражение» против политической программы революционной партии? Разве мы против войн и революций за справедливое и полезное для пролетариата, за демократию и за социализм?

«Но не можем же мы стоять за войну между великими народами, за избиение 20-ти миллионов людей ради проблематического освобождения маленькой нации, может быть, состоящей из 10—20 миллионов населения! Конечно, не можем! Но не потому, что мы выкидываем из своей программы полное национальное равенство, а потому, что интересы демократии одной страны надо подчинять интересам демократии нескольких и всех стран. Представим себе, что между двумя большими монархиями находится одна маленькая, королек которой родственными и иными узами «связан» с монархами обеих соседних стран. Представим себе, далее, что провозглашение республики в маленькой стране, изгнание ее монарха, означало бы на практике войну между двумя соседними большими странами из-за восстановления того или иного монарха маленькой страны. Нет сомнения, что вся международная социал-демократия, как и действительно интернационалистская часть социал-демократии маленькой страны была бы против замены монархии республикой в ближайшем случае. Замена монархии республикой—не абсолют, а одно из демократических требований, подчиненное интересам демократии (и еще более, конечно, социалистического пролетариата) в целом. Наверное, такой случай не вызвал бы ни тени разногласий между социал-демократами любых стран. Но если бы на этом основании какой-либо социал-демократ

предложил выкинуть из программы международной социал-демократии вообще лозунг республики,—его, наверное, сочли бы сумасшедшим. Ему сказали бы: нельзя все же забывать элементарное логическое отличие особенного от общего.

Этот пример подводит нас, несколько с другой стороны, к вопросу об интернационалистском воспитании рабочего класса. Может ли это воспитание—о необходимости и настоятельнейшей важности которого немыслимы разногласия в среде циммервальдских левых—быть конкретно одинаково в нациях больших и угнетающих и в нациях маленьких, угнетаемых? в нациях аннексирующих и нациях аннексируемых?

Очевидно, нет. Путь к одной цели: к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему слиянию всех наций идет здесь, очевидно, различными конкретными дорогами,—все равно, как путь, скажем, к точке, находящейся в середине данной страницы, идет налево от одного бокового края ее и направо от противоположного края. Если социал-демократ большой, угнетающей, аннексирующей нации, исповедуя вообще слияние наций, забудет хоть на минуту о том, что «его» Николай II, «его» Вильгельм, Георг, Пуанкаре и пр. тоже за слияние с мелкими нациями (путем аннексий)—Николай II за «слияние» с Галицией, Вильгельм II за «слияние» с Бельгией и проч.,—то подобный социал-демократ окажется смешным доктринером в теории, пособником империализма на практике.

Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого нет интернационализма. Мы вправе и обязаны третировать всякого социал-демократа угнетающей нации, который не ведет такой пропаганды, как империалиста и как негодяя. Это безусловное требование, хотя бы случай отделения был возможен и «существим» до социализма всего в 1 из 1000 случаев.

Мы обязаны воспитывать рабочих в «равнодушии» к национальным различиям. Это бесспорно. Но не в равнодушии анексионистов. Член угнетающей нации должен быть «равнодушен» к вопросу о том, принадлежат ли маленькие нации его государству или соседнему или сами себе, смотря по их симпатиям: без такого «равнодушия» он не социал-демократ. Чтобы быть социал-демократом интернациона-

листом, надо думать не о своей только нации, а выше все ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие. В «теории» все с этим согласны, но на практике проявляют как раз аннексионистское равнодушие. Здесь корень зла.

Наоборот. Социал-демократ маленькой нации должен центр тяжести своей агитации кланять на втором слове нашей общей формулы: «добровольное соединение» наций. Он может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть и за политическую независимость своей нации, и за ее включение в соседнее государство X. Y. Z., и пр., но во всех случаях он должен бороться против мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего.

Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят «противоречивым», чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на «свободе отделения», а социал-демократы угнетенных наций на «свободе соединения». Но небольшое размыщение показывает, что иного пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели от данного положения нет и быть не может.

И здесь мы подошли к особому положению голландской и польской социал-демократии.

8. Особое и общее в позиции голландских и польских социал-демократических интернационалистов.

Нет ни малейшего сомнения, что стоящие против самоопределения голландские и польские марксисты принадлежат к лучшим революционным и интернационалистским элементам международной социал-демократии. Как же это может быть, что их теоретические рассуждения представляют из себя, как мы видели, сплошную сеть ошибок? ни одного правильного общего рассуждения, ничего кроме «империалистского экономизма»!

Дело объясняется вовсе не особо дурными субъективными качествами голландско-польских товарищ, а особенно и объективными условиями их стран. Обе страны: 1) маленькие и беспомощные в современной «системе» великих держав; 2) обе географически расположены между наиболее остро соперничающими империалистскими хищниками гигантской силы (Англия и Германия; Германия и Россия); 3) в обеих страшно сильны воспоми-

нания и традиции тех времен, когда обе были самими «великодержавными»: Голландия была более сильной, чем Англия, колониальной великой державой; Польша была более культурной и более сильной великой державой, чем Россия и Пруссия; 4) обе сохранили до сих пор привилегии, состоящие в угнетении чужих народов: голландский буржуа владеет богатейшей голландской Индией; польский помещик угнетает украинского и белорусского «хлопа», польский буржуа — еврея и т. д.

Такого своеобразия, которое состоит в сочетании этих четырех особых условий, вы не найдете в положении Ирландии, Португалии (она была одно время аннексией Испании), Эльзаса, Норвегии, Финляндии, Украины, края латышского, белорусского и мн. др. И вот в этом-то своеобразии вся суть дела! Когда голландские и польские социал-демократы рассуждают против самоопределения, при помощи аргументов об щих, т.е. касающихся империализма вообще, социализма вообще, демократии вообще, национального гнета вообще, у них, поистине, можно сказать, ошибка на ошибке едет и ошибкой погоняет. Но стоит только отбросить эту явную ошибочную оболочку общих аргументов и посмотреть на суть дела с точки зрения своеобразия особых условий Голландии и Польши, как становится понятной и вполне законной их своеобразная позиция. Можно сказать, не боясь впасть в парадокс, что когда голландские и польские марксисты с пеной у рта восстают против самоопределения, они не совсем то говорят, что хотят сказать, или иначе: они хотят сказать не совсем то, что они говорят *).

Один пример приведен уже нами в наших тезисах. Гортер против самоопределения своей страны, но за самоопределение угнетенной «его» нацией Голландской Индии! Удивительно ли, что мы видим в нем более искреннего интернационалиста и более близкого к нам единомышленника, чем в людях, которые так признают самоопределение — так словесно, так лицемерно признают самоопределение, как Каутский у немцев, Троцкий и Мартов у нас? Из общих и коренных принципов марксизма безусловно вытекает долг бороться за свободу отделения наций, угнетаемых «моей собственной» нацией, но вовсе не вытекает

*) Напомним, что в своей Циммерваальдской декларации все польские социал-демократы признали самоопределение вообще, только в чуточку иной формулировке.

необходимость ставить во главу угла независимость именно Голландии, которая страдает всего более от узкой, заскорузлой, корыстной и отупляющей замкнутости: пусть весь свет горит, наша хата с краю, «мы» довольны нашей старой добычей и ее богатейшим «остаточком», Индией, больше «нам» ни до чего дела нет!

Другой пример. Карл Радек, польский социал-демократ, который снискал себе особенно большую заслугу своей решительной борьбой за интернационализм в германской социал-демократии после начала войны, в статье «Право нации на самоопределение» (*Lichtstrahle*—запрещенный прусской цензурой, леворадикальный ежемесячник, редактируемый 10. Борхардтом—1915, 5 декабря, III год, № 3) восстает яро против самоопределения, приводя, между прочим, только голландские и польские авторитеты в свою пользу, и выдвигая в числе других такой аргумент: самоопределение питает ту мысль, «будто обязанностью социал-демократии является поддержка всякой борьбы за независимость».

С точки зрения общевой теории этот аргумент прямо возмутителен, ибо он явно не логичен: во-первых, ни единого частного требования демократии нет и быть не может, которое бы не порождало злоупотреблений, если не подчинять частное общему; мы не обязаны поддерживать ни «всякой» борьбы за независимость, ни «всякое» республиканское или антипоповское движение. Во-вторых, нет и быть не может ни одной формулировки борьбы против национального гнета, которая не страдала бы тем же «недостатком». Сам Радек в *Berner Tagwacht* употребил формулу (1915, № 253): «против старых и новых аннексий». Любой польский националист законно «выведет» из этой формулы: «Польша есть аннексия, я против аннексии, то есть я за независимость Польши». Или Роза Люксембург, помнится, в статье 1908 года, высказала мнение, что достаточно формулы: «против национального угнетения». Но любой польский националист скажет—и с полным правом,—что аннексия есть один из видов национального угнетения, а, следовательно, и т. д.

Возьмите, однако, вместо этих общих доводов, особые условия Польши: ее независимость теперь «неосуществима» без войн или революции. Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши—это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа

поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны. А ведь именно таковы, например, «фраки» (П. П. С. правица), которые социалисты только на словах и против которых тысячу раз правы польские социал-демократы. Ставить лозунг независимости Польши теперь, в обстановке данного соотношения империалистских соседних держав, значит, действительно, гоняться за утопией, впадать в узкий национализм, забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революции. Точно так же ставить, как самостоятельный лозунг, лозунг свободы коалиций в России 1908—1914 г.г., значило гоняться за утопией, объективно помогая Столыпинской рабочей партии (ныне потресовско-гвоздевской, что, впрочем, одно и то же). Но было бы сумасшествием удалять вообще требование свободы коалиции из программы социал-демократии!

Третий—и, пожалуй, самый важный пример. В польских тезисах (III, § 2 в конце) мы читаем против идеи независимого польского государства-буфера, что это «пустая утопия маленьких, бессильных групп. Будучи осуществлена, эта идея означала бы создание маленького польского обломка-государства, которое было бы военной колонией той или другой группы великих держав, игрушкой их военных и экономических интересов, областью эксплуатации чужого капитала, полем битвы в будущих войнах». Все это очень верно против лозунга независимости Польши теперь, ибо даже революция в одной Польше ничего бы тут не изменила, внимание польских масс отвлечено было бы от главного: от связи их борьбы с борьбой русского и немецкого пролетариата. Это не парадокс, а факт, что польский пролетариат, как таковой, может помочь теперь делу социализма и свободы, в том числе и польской, лишь борьбой совместно с пролетариями соседних стран, против узко-польских националистов. Невозможно отрицать исторически-крупной заслуги польских социал-демократов в борьбе против этих последних.

Но те же самые аргументы, верные с точки зрения о собых условий Польши в данную эпоху, явно неверны в той общей форме, которая им придана. Полем битвы в войнах между Германией и Россией Польша останется всегда, пока будут войны, это не довод против большей политической свободы (и, следовательно, политической независимости) в периоды между

войн. То же относится и к соображению об эксплоатации чужим капиталом, о роли игрушки чужих интересов. Польские социал-демократы не могут ставить теперь лозунга независимости Польши, ибо как пролетарии-интернационалисты поляки и че го сделать для этого не могут, не впадая, подобно «фракам», в низкое прислужничество одной из империалистских монархий. Но русским и немецким рабочим не безразлично, будут ли они участниками аннексии Польши (это означает воспитание немецких и русских рабочих и крестьян в духе самого подлого хамства, примирения с ролью палача чужих народов), или Польша будет независима.

Положение безусловно очень запутанное, но из него есть выход, при котором все участники остались бы интернационалистами: русские и немецкие социал-демократы требуя безусловной «свободы отделения» Польши; польские социал-демократы борясь за единство пролетарской борьбы в маленькой и в больших странах без выставления для данной эпохи или для данного периода лозунга независимости Польши.

9. Письмо Энгельса к Каутскому.

В своей брошюре «Социализм и колониальная политика» (Берлин 1907) Каутский, тогда еще бывший марксистом, опубликовал письмо к нему Энгельса от 12 сентября 1882 года, представляющее громадный интерес по интересующему нас вопросу; вот главная часть этого письма:

«...По моему мнению, собственно колонии, т.-е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и, так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, при чем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться и в других еще местах, например, в Америке и в Египте, и для нас это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы

у себя дома. Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода»...

Энгельс вовсе не полагает, чтобы «экономическое» само собой и непосредственно уладило все трудности. Экономический переворот побудит все народы потянуться к социализму, но при этом возможны и революции—против социалистического государства—и войны. Приспособление политики к экономике произойдет неизбежно, но не сразу и не гладко, не просто, не непосредственно. Как «несомненное» Энгельс выставляет лишь один, безусловно интернационалистский, принцип, который он применяет ко всем «чужим народам», т.-е. не только к колониальным: навязывать им осчастливление — значило бы подрывать победу пролетариата.

Пролетариат не сделается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только оттого, что он совершил социальную революцию. Но возможны ошибки (и корыстные интересы— попытаться усесться на чужой спине) приведут его неизбежно к сознанию этой истины.

Мы все, циммервальдские левые, убеждены в том, в чем был убежден, например, и Каутский до своего поворота в 1914 году от марксизма к защите шовинизма, именно, что социалистическая революция вполне возможна в самом близком будущем, «с сегодня на завтра», как однажды выразился тот же Каутский. Национальные антипатии так быстро не исчезнут; ненависть—и вполне законная—у нации угнетаемой к угнетающей останется на время; она испарится лишь после победы социализма и после окончательного установления вполне демократического отношения между нациями. Если мы хотим быть верными социализму, мы должны уже теперь вести интер-

националистское воспитание масс, невозможное в угнетающих нациях без проповеди свободы отделения для угнетенных наций.

10. Ирландское восстание 1916 года.

Наши тезисы писаны до этого восстания, которое должно послужить материалом для проверки теоретических взглядов.

Взгляды противников самоопределения ведут к тому выводу, что жизненность мелких наций, угнетенных империализмом, уже исчерпана, никакой роли против империализма сыграть они не могут, поддержка их чисто национальных стремлений ни к чему не поведет и т. п. Опыт империалистской войны 1914—1916 г.г. дает фактическое опровержение подобных выводов.

Война явилась эпохой кризиса для западно-европейских наций, для всего империализма. Всякий кризис отбрасывает условное, срывает внешние оболочки, отмечает отжившие, вскрывает более глубокие пружины и силы. Что же вскрыл он с точки зрения движения угнетенных наций? В колониях ряд попыток восстания, которые, конечно, угнетающие нации при содействии военной цензуры всячески старались скрыть. Известно, тем не менее, что англичане зверски расправлялись в Сингапуре с восстанием своих индийских войск; что были попытки восстания в французской Аннаме (см. «Наше Слово») и в немецком Камеруне (см. брошюру Юниуса); что в Европе, с одной стороны, восстала Ирландия, которую казнями усмиряли «свободолюбивые» англичане, не посмевшие привлечь ирландцев к всеобщей воинской повинности; а, с другой стороны, австрийское правительство осуждало на казнь депутатов чешского сейма «за измену» и расстреливало за то же «преступление» целые чешские полки.

Разумеется, этот перечень далеко и далеко не полон. И все же он доказывает, что огоньки национальных восстаний в связях с кризисом империализма вспыхивали и в колониях, и в Европе, что национальные симпатии и антипатии проявили себя вопреки драконовским угрозам и мерам репрессий. А ведь кризис империализма был далек еще от высшей точки своего развития: могущество империалистской буржуазии было еще не подорвано (война «до истощения» может довести до этого, но еще не довела); пролетарские движения внутри империалистских держав совсем еще слабы. Что же будет тогда, когда война доведет до полного истощения или когда хотя бы в одной державе

под ударами пролетарской борьбы власть буржуазии закачается так, как власть царизма в 1905 году?

В газете «*Wegner Tagwacht*», органе циммервальдистов вплоть до некоторых левых, появилась 9 мая 1916 года по поводу ирландского восстания статья за инициалами К. Р. под заглавием: «Песня спета». Ирландское восстание объявлялось, ни много ни мало, «путшем», ибо де «ирландский вопрос был аграрный вопрос», крестьяне были успокоены реформами, националистическое движение теперь было «чисто городским, мелко-буржуазным движением, за которым, несмотря на большой шум, который оно производило, социально стояло не многое».

Неудивительно, что эта чудовищная по своему доктринерству и педантству оценка совпала с оценкой русского национал-либерала, кадета г. А. Кулишера («Речь» 1916, № 102 от 15 апреля), который тоже обозвал восстание «дублинским путшем».

Позволительно надеяться, что по пословице «нет худа без добра», многим товарищам, не понимавшим того, в какое болото скатываются они, отрицая «самоопределение» и пренебрежительно относясь к национальным движениям мелких наций, откроются глаза теперь под влиянием этого «случайного» совпадения оценки представителя империалистской буржуазии с оценкой социал-демократов!!

О «путше», в научном смысле слова, говорить можно только тогда, когда попытка восстания ничего кроме кружка заговорщиков или нелепых маньяков не обнаружила, никаких симпатий в массах не вызвала. Ирландское национальное движение, имея за собой века, проходя через различные этапы и сочетания классовых интересов, выразилось, между прочим, в массовом ирландском национальном конгрессе в Америке («*Verwärts*», 20. III. 1916), высказавшемся за независимость Ирландии,—выразилось в уличных битвах части городской мелкой буржуазии и частично рабочих, после долговременной массовой агитации, демонстраций, запрещения газет и т. п. Кто называет такое восстание путшем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию, как живое явление.

Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрасудками без движения несознательных про-

летарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,—думать так, значит отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое, и скажет: «мы за империализм», и это будет социальная революция! Только с подсобной педантски-смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание «путшем».

Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции.

Русская революция 1905 года была буржуазно-демократической. Она состояла из ряда битв в сех недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д. Объективно, движение масс ломало царизм и расчищало дорогу для демократии, поэтому сознательные рабочие руководили им.

Социалистическая революция в Европе не может быть не чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия не возможна массовая борьба, не возможна никакая революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелко-буржуазных шлаков.

Социал-демократия,—читаем в польских тезисах (I, 4),—«должна использовать направленную против европейского империализма борьбу молодой колониальной буржуазии для обострения революционного кризиса в Европе» (Курсив авторов).

Не ясно ли, что в этом отношении противополагать Европу колониям всего менее позволительно? Борьба угнетенных наций в Европе, способная доходить до восстаний и уличных сражений, до нарушения железной дисциплины войска и осадного положения, эта борьба неизмеримо сильнее «обострит революционный кризис в Европе», чем гораздо более развившееся восстание в отдаленной колонии. Удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистской буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке.

Недавно французская шовинистская пресса сообщила, что в Бельгии вышел 80-й номер нелегального журнала «Свободная Бельгия». Конечно, шовинистская пресса Франции лжет очень часто, но это сообщение похоже на правду. В то время, как шовинистская и каутскианская немецкая социал-демократия за два года войны не создала себе свободной печати, холопски сиоя иго военной цензуры (только лево-радикальные элементы издавали, к чести их, брошюры и прокламации без цензуры),—в это время угнетенная культурная нация на неслыханные свирепства военного угнетения отвечает созданием органа революционного престеста! Диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные как самостоятельный фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену настоящей силы против империализма, именно: социалистического пролетариата.

Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы—ирландское восстание, французы—чешское движение и т. п. И с своей точки зрения они поступают вполне правильно. Нельзя сегоезно относиться к серьезной войне, не используя малейшей слабости противника, ие ловя всякого шанса, тем более, что нельзя знать наперед, в какой именно момент и с какой именно силой «взорвст» здесь или там тот или иной склад пороха. Мы бы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать всякого народного движения против отдельных бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса. Если бы мы стали, с одной стороны, заявлять и повторять на тысячи ладов, что мы «против» всякого национального гнета, а с другой

стороны, называть «путшем» геройское восстание наиболее подвижной и интеллигентной части некоторых классов угнетенной нации против угнетателей,—мы низвели бы себя до уровня столь же тупого, как каутскианцы.

Несчастье ирландцев в том, что они восстали несвоевременно,—когда европейское восстание пролетариата еще не созрело. Капитализм не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений. Наоборот, именно разновременность, разнородность, разнотесность восстаний ручается за широту и глубину общего движения; только в опыте революционных движений несвоевременных, частных, раздробленных и потому неудачных, массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев, и подготовят тем общий натиск, как отдельные стачки, демонстрации городские и национальные, вспышки в войске, взрывы в крестьянстве и т. д. подготовили общий натиск в 1905 году

11. Заключение.

Требование самоопределения наций играло, вопреки неверному утверждению польских социал-демократов, не меньшую роль в нашей партийной агитации, чем, например, вооружение народа, отделение церкви от государства, выбор чиновников народом и др. так называемые обывателями «утопические» пункты. Наоборот, оживление национальных движений после 1905 года вызвало естественно оживление и нашей агитации: ряд статей в 1912—1913 г.г., резолюцию нашей партии 1913 года, давшую точное и «анти-каутскианское» (т.-е. непримиримое по отношению к чисто словесному «признанию») определение суть дела.

Уже тогда обнаружился факт, обходить который непозволительно: оппортунисты разных наций, украинец Юркевич, бундовец Либман, российский прислужник Потресова и К-о—Семковский выступили за доводы Розы Люксембург против самоопределения! То, что у польской социал-демократии было только неправильным теоретическим обобщением о социальных условиях движения в Польше, то оказалось сразу на деле, в более широкой обстановке, в условиях не маленького государства, а большого, в масштабе интернациональном, а не узко-

польском, оказалось о бъект и в н о оппортунистической поддержкой великокорусского империализма. История течений политической мысли (в отличие от взглядов лиц) подтвердила правильность нашей программы.

И теперь, откровенные социал-империалисты, вроде Ленча, прямо восстают и против самоопределения, и против отрицания аннексий. А каутскианцы лицемерно признают самоопределение,—у нас в России по этому пути идут Троцкий и Мартов. На словах о б а за самоопределение, как и Каутский. А на деле? У Троцкого—взмите его статьи «Нация и хозяйство» в «Нашем Слове»—видим обычный его эклектизм: с одной стороны, хозяйство слияет нации, с другой стороны, национальный гнет разъединяет. Вывод? Вывод тот, что царящее лицемерие остается неразоблаченным, агитация безжизненной, не затрагивающей главного, коренного, существенного, близкого к практике: отношения к нации, угнетаемой «моей» нацией. Мартов и друг. заграничные секретари предпочли просто забыть—выгодная забывчивость!—борьбу их коллеги и сочлена, Семковского, против самоопределения. В легальной печати гвоздевцев («Наш Голос») Мартов писал за самоопределение, доказывая ту бесспорную истину, что в империалистской войне оно еще не обязывает к участию и пр., но обходя главное—он обходит это и в нелегальной, свободной печати!—именно, что Россия и во время мира побила всемирный рекорд угнетения наций на основе империализма, гораздо более грубого, средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического. Русский социал-демократ, который «признает» самоопределение наций приблизительно так, как признают его г.г. Плеханов, Потресов и К-о, т.-е. не борясь за свободу отделения угнетенных царизмом наций, на деле есть империалист и лакей царизма.

Каковы бы ни были субъективные «благие» намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм. Империалистская эпоха превратила все «великие» державы в угнетателей ряда наций, и развитие империализма неминуемо приведет к более отчетливому делению течений по этому вопросу и в международной социал-демократии.

«Сборник Социал-Демократа» № 1,
октябрь 1916 года.
За подписью Н. Ленин.

О брошюре Юниуса ¹⁴⁰⁾.

Наконец-то в Германии вышла нелегально, без приспособления к подлой юнкерской цензуре, социал-демократическая брошюра, посвященная вопросам войны! Автор, принадлежащий, очевидно, к «леворадикальному» крылу партии, подписался Юниус (что значит по-латыни: младший) и назвал свою брошюру: «Кризис социал-демократии». В приложении напечатаны те «тезисы о задачах международной социал-демократии», которые были уже внесены в Бернскую И. С. К. (Интернациональную Социалистическую Комиссию) и напечатаны в номере 3-ем ее бюллетеня; они принадлежат группе «Интернационал», издавшей весной 1915 года один номер журнала под этим заглавием (со статьями Цеткиной, Меринга, Р. Люксембург, Талгеймера, Дункер, Штребеля и других) и устроившей зимой 1915—1916 г.г. совещание социал-демократов из всех частей Германии, принявшее эти тезисы.

Брошюра написана в апреле 1915 года, как говорит автор в введении, помеченном 2 января 1916 года, и печаталась «без всяких изменений». Издать ее раньше помешали «внешние обстоятельства». Посвящена она не только «кризису социал-демократии», сколько анализу войны, опровержению легенды о ее освободительном, национальном характере, доказательству того, что это—империалистская и со стороны Германии, и со стороны других великих держав война, затем революционной критике поведения официальной партии. Написанная чрезвычайно живо, брошюра Юниуса, несомненно, сыграла и сыграет крупную роль в борьбе против перешедшей на сторону буржуазии и юнкеров бывшей социал-демократической партии Германии, и мы от всей души приветствуем автора.

Русскому читателю, который знаком с социал-демократической литературой, напечатанной по-русски за границей в 1914—1916 г.г., брошюра Юниуса не дает принципиально ничего нового. Когда читаешь эту брошюру, сопоставляя с аргументами немецкого революционного марксиста, то, что было изложено, например, в манифесте Центрального Комитета нашей Партии (сентябрь—ноябрь 1914 г.)*), в Бернских резолюциях (март 1915 г.**)

*) См. выше 5—12 стр. этого тома. Ред.

**) См. выше 46—52 стр. этого тома. Ред.

и в многочисленных комментариях к ним, приходится убедиться только в большой неполноте аргументов Юниуса и в двух ошибках его. Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала. Брошюра Юниуса в общем и целом—прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер.

Главным недостатком брошюры Юниуса и прямым шагом назад по сравнению с легальным (хотя и запрещенным тотчас после выхода) журналом «Интернационал» является умолчание о связи социал-шовинизма (автор не употребляет ни этого термина, ни менее точного выражения социал-патриотизм) с оппортунизмом. Автор вполне правильно говорит о «капитуляции» и крахе германской социал-демократической партии, об «измене» «официальных вождей» ее, но далее не идет. А между тем уже журнал «Интернационал» дал критику «центра», т.-е. каутскианства, вполне справедливо осыпав насмешками его бесхарактерность, проституирование им марксизма, лакейство перед оппортунистами. И тот же журнал и а ч а л разоблачение действительной роли оппортунистов, опубликовав, например, важнейший факт, что 4 августа 1914 года оппортунисты явились с ультиматумом, с готовым решением голосовать во в с я к о м случае за кредиты. Ни в брошюре Юниуса, ни в тезисах и е говорится ни об оппортунизме, ни о каутскианстве! Это теоретически неверно, ибо нельзя о бъя с н и ть «измены», не поставив ее в связь с оппортунизмом, как н а п р а в л е н и е м, имеющим за собой длинную историю,—историю всего II Интернационала. Это практически-политически ошибочно, ибо нельзя ни понять «кризиса социал-демократии», ни преодолеть его, не выяснив значения и роли в у х н а п р а в л е н и й: открыто-оппортунистического (Легин, Давид и т. д.) и прикрыто-оппортунистического (Каутский и К-о). Это шаг назад по сравнению, например, с исторической статьей Отто Рюле в «Vorwärts'e» от 12 января 1916 года, где он прямо, открыто доказывает н е и з б е ж н о с т ь раскола социал-демократической партии Германии (редакция «Vorwärts'a» ответила ему повторением славных и лицемерных каутскианских фраз, не найдя ни единого аргумента по существу против того, что на лицо у ж е две партии и что примирить их нельзя). Это—по-

разительно непоследовательно, ибо в 12-ом тезисе «Интернационала» говорится *ц* *р* *я* *м* *о* о необходимости создать «новый» Интернационал ввиду «измены» и «перехода на почву буржуазно-империалистской политики» «официальных представителей социалистических партий руководящих стран». Ясно, что говорить об участии в «новом» Интернационале старой социал-демократической партии Германии или партии, мириющейся с Легиным, Давидом и К-о, просто смешно.

Чем объясняется этот шаг назад группы «Интернационал», мы не знаем. Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму, и по отношению к каутскианству. Это тем более необходимо, что у немецких революционных социал-демократов отняты две последних ежедневных газеты: бременская («Bremer Bürger-Zeitung») и брауншвейгская («Volksfreund»), которые обе перешли к каутскианцам. Только группа: «Интернацион. социалисты Германии» (I. S. D.) остается на своем посту—ясно и определенно для всех.

Некоторые члены группы «Интернационала», видимо, скатились опять в болото беспринципного каутскианства. Например, Штребель дошел до того, что в «Neue Zeit» расшаркивался перед Бернштейном и Каутским! А совсем на-днях, 15 августа 1916 года, он поместил в газетах статью: «Пасифизм и социал-демократия» с защитой пошлайшего каутскианского пасифизма. Что касается Юниуса, он восстает против каутскианского про-жектерства в духе «разоружения», «уничтожения тайной дипломатии» и т. п. самым решительным образом. Возможно, что в группе «Интернационал» есть два течения: революционное и колеблющееся в сторону каутскианства.

Из ошибочных положений Юниуса первое закреплено в 5-ом тезисе группы «Интернационал»: «... В эпоху (эру) этого разнужданного империализма не может более быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу: империализму»... Начало 5-го тезиса, который оканчивается этим положением, посвящено характеристике данной войны, как империалистской. Возможно,

что отрицание национальных войн вообще есть либо недосмотр, либо случайное увлечение при подчеркивании совершенно правильной мысли, что данная война есть империалистская, а не национальная. Но, так как возможно и обратное, так как ошибочное отрицание всяких национальных войн по случаю облыжного представления данной войны в виде национальной замечается у различных социал-демократов, то на этой ошибке нельзя не остановиться.

Юниус совершенно прав, когда подчеркивает решающее влияние «империалистской обстановки» в данной войне, когда он говорит, что за Сербией стоит Россия, «за сербским национализмом стоит русский империализм», что участие, например, Голландии в войне было бы тоже империалистским, ибо она, во-первых, защищала бы свои колонии, а, во-вторых, была бы союзницей одной из империалистских коалиций. Это бесспорно—по отношению к данной войне. И когда Юниус подчеркивает при этом особенно то, что для него в первую голову важно: борьбу с «phantom национальной войны», «который в настоящее время господствует над социал-демократической политикой» (стр. 81), то нельзя не признать рассуждения его и правильными, и вполне уместными.

Ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений против империализма. Единственным доводом в защиту тезиса: «национальных войн больше быть не может» является тот, что мир поделен между горсткой «великих» империалистских держав, что поэтому всякая война, хотя бы она была в начале национальной, превращается в империалистскую, задевая интересы одной из империалистских держав или коалиций (стр. 81, у Юниуса).

Неправильность этого довода очевидна. Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет ни и одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны:

защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие, в свою очередь, национально-освободительные войны против империализма Наполеона.

Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа данного в его обстановке и в его развитии.

Что данная империалистская война, 1914—1916 г.г., превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие вперед, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а затем еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно, и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но невозможным такое превращение объявить нельзя: если бы пролетариат Европы оказался лет на 20 бессильным; если бы данная война кончилась победами вроде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; если бы внеевропейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, например, в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это не невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически не верно.

Далее. Не только вероятны, но и избежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полу-колоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1000 миллионов человек, т.-е. больше половины населения земли. Национально-освободительные дви-

жения здесь либо уж очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально - освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма. Такие войны могут повести к империалистской войне теперешних «великих» империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств.

Пример: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т.-е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства, и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высокоразвитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних С. Штатов, из вражды к Англии, т.-е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии Штатами. Французские войска вместе с американскими бьют англичан. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения, элементом,— обратное тому, что мы видим в войне 1914—1916 г.г. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием). Отсюда видно, как нелепо было бы применять понятие империализм шаблонным образом, выводя из него «невозможность» национальных войн. Национально-освободительная война, например, союза Персии, Индии и Китая против тех или иных империалистских держав вполне возможна и вероятна, ибо она вытекает из национально-освободительного движения этих стран, при чем превращение такой войны в империалистскую войну между теперешними империалистскими державами будет зависеть от очень многих конкретных обстоятельств, ручаться за наступление которых было бы смешно.

В-третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. «Эпоха империализма» сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной по-

литику теперешних великих держав, но эта «эпоха» никаким образом не исключает национальных войн, например, со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально-угнетенных) государств против империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы. Про Австрию, например, Юниус судит очень здраво, учитывая не одно только «экономическое», а и своеобразно политическое, отмечая «внутреннюю нежизнеспособность Австрии», признавая, что «габсбургская монархия есть не политическая организация буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких клик общественных паразитов», и что «ликвидация Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ним является требованием исторического процесса развития». С некоторыми балканскими государствами и с Россией дело обстоит не лучше. И при условии сильного истощения «великих» держав в данной войне или при условиях победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные. Вмешательство империалистских держав осуществимо на практике не при всех условиях, это—с одной стороны. А с другой стороны, когда рассуждают «скандачка»: война маленького государства против гиганта безнадежна, то на это приходится заметить, что безнадежная война есть тоже война; а затем, известные явления внутри «гигантов»—например, начало революции—могут «безнадежную» войну сделать очень «надежной».

Мы остановились подробно на неверности положения, будто «больше не может быть национальных войн», не только потому, что оно явно ошибочно теоретически. Было бы, конечно, глубоко печально, если бы «левые» стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе не-вульгаризированного марксизма. Но и в практически-политическом отношении эта ошибка очень вредна: из нее выводят нелепую пропаганду «разоружения», ибо будто бы никаких войн, кроме реакционных, быть не может; из нее выводят еще более нелепое и прямо реакционное равнодушие к национальным движениям. Такое равнодушие становится шовинизмом, когда члены европейских «великих» наций, т.-е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют с якобы ученым видом: «национальных войн более быть не может! Национальные войны про-

ти в империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и прогрессивны, революционны, хотят, конечно, для успеха их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов в взятом нами примере Индии и Китая), либо особо благоприятное сочетание условий интернационального положения (например, парализованность вмешательства империалистских держав их обесцениванием, их войной, их антагонизмом и т. д.), либо одновременное восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата).

Надо заметить, однако, что было бы несправедливо обвинять Юниуса в равнодушии к национальным движениям. Он отмечает, по крайней мере, в числе грехов социал-демократической фракции ее молчание по поводу казни за «измену» (очевидно, за попытку восстания по случаю войны) одного вождя туземцев в Камеруне, подчеркивая в другом месте специально (для г.г. Легинов, Ленчей и т. п. негодяев, числящихся «социал-демократами»), что колониальные нации суть тоже нации. Он заявляет с полнейшей определенностью: «социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими судьбами»; «международный социализм признает право свободных, независимых, равноправных наций, но только он может создать такие нации, только он может осуществить право наций на самоопределение. И этот лозунг социализма—справедливо замечает автор—служит, как и все остальные, не к оправданию существующего, а как указатель пути, как стимул к революционной, преобразующей, активной политике пролетариата» (стр. 77 и 78). Глубоко ошиблись бы, следовательно, те, кто подумал бы, что все левые немецкие социал-демократы впали в ту узость и карикатуру на марксизм, до которого дошли некоторые голландские и польские социал-демократы, отрицая самоопределение наций даже при социализме. Впрочем, о специальных голландско-польских источниках этой ошибки мы говорим в другом месте.

Другое ошибочное рассуждение Юниуса связано с вопросом о защите отечества. Это—кардинальный политический вопрос во время империалистской войны. И Юниус подкрепил нас в том убеждении, что наша Партия дала единственно пра-

вильную постановку этого вопроса: пролетариат против защиты отечества в этой империалистской войне ввиду ее грабительского, рабовладельческого, реакционного характера, ввиду возможности и необходимости противопоставить ей (и стремиться превратить ее в) гражданскую войну за социализм. Юниус же, с одной стороны, прекрасно вскрыл империалистский характер данной войны, в отличие от национальной, а с другой стороны, впал в чрезвычайно странную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к данной, не национальной, войне! Это звучит почти невероятно, но это факт.

Казенные социал-демократы, как легиновского, так и каутскианского оттенка, лакеиствую перед буржуазией, которая всего более кричала об иностранном «нашествии», чтобы обмануть народные массы насчет империалистского характера войны, повторяли с особым усердием этот довод о «нашествии». Каутский, уверяющий теперь наивных и доверчивых людей (между прочим, через российского окиста, Спектатора), что он с конца 1914 года перешел к оппозиции, продолжает ссылаться на этот «довод»! Ставяясь опровергнуть этот довод, Юниус приводит поучительнейшие исторические примеры, чтобы доказать, что «нашествие и классовая борьба в буржуазной истории являются не противоречием, как гласит официальная легенда, а одно является средством и проявлением другого». Примеры: Бурбоны во Франции вызывали иностранное нашествие против якобинцев, буржуа в 1871 г.—против Коммуны. Маркс писал в «Гражданской войне во Франции»:

«Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается—отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах».

«Классическим примером всех времен является,—пишет Юниус, ссылаясь на 1793 год,—Великая Французская Революция». Из всего этого делается вывод: «Вековой опыт доказывает, следовательно, что не осадное положение, а беззаветная классовая борьба, которая пробуждает самоуважение, героизм и нравственную силу народных масс, является лучшей защитой, лучшей обороны страны против внешнего врага».

Практический вывод Юниуса: «Да, социал-демократы обязаны защищать свою страну во время великого исторического кризиса. И как раз в том и состоит тяжкая вина социал-демократической фракции рейхстага, что она торжественно провозгласила в своей декларации 4 августа 1914 года: «В час опасности мы не оставим без защиты нашей родины», а в то же самое время отреклась от своих слов. Она оставила родину без защиты в час величайшей опасности. Ибо первым долгом ее перед родиной в этот час было: показать родине истинную подкладку данной империалистской войны, разорвать сеть патриотической и дипломатической лжи, которой было опутано это посягательство на родину; громко и ясно заявить, что для немецкого народа в этой войне и победа, и поражение одинаково губительны; сопротивляться до последней крайности удушению родины посредством осадного положения; провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и предоставления народу решать вопрос о войне и мире; требовать со всей решительностью перманентного (беспрерывного) заседания народного представительства на все времена войны, чтобы обеспечить бдительный контроль народного представительства за правительством и народа за народным представительством; требовать немедленной отмены всех политических правоограничений, ибо только свободный народ может с успехом защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе войны,—программе, направленной к сохранению Австрии и Турции, т.-е. к сохранению реакции в Европе и в Германии,—старую истинно-национальную программу патриотов и демократов 1848 года, программу Маркса, Энгельса и Лассалля: лозунг единой великой немецкой республики. Таково было знамя, которое следовало бы развернуть перед страной, которое было бы истинно национальным, истинно освободительным, находилось бы в соответствии с лучшими традициями Германии и международной классовой политики пролетариата»... «Таким образом тяжелая дилемма между интересами родины и международной солидарностью пролетариата, трагический конфликт, который побудил наших парламентариев «с тяжким сердцем» встать на сторону империалистской войны, есть чистое воображение, буржуазно-националистическая фикция. Напротив, между интересами страны и классовыми интересами пролетарского Интернационала существует и во время войны, и во время мира полная гармония: и война,

и мир требуют самого энергичного развития классовой борьбы, самого решительного отстаивания социал-демократической программы».

Так рассуждает Юниус. Ошибочность его рассуждений бьет в глаза, и если наши открытые и прикрытие лакеи царизма, господа Плеханов и Чхенкели, а может быть, даже г.г. Мартов и Чхеидзе, с злорадством ухватятся за слова Юниуса, помышляя не о теоретической истине, а о том, чтобы вывернуться, замести следы, набросать песку в глаза рабочим, то нам надо остановиться подробнее на выяснении теоретических источников ошибки Юниуса.

Империалистской войне он предлагает «противопоставить» национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему! В 1793 и 1848 г.г. и во Франции, и в Германии, и во всей Европе о бъективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция. Этому о бъективному историческому положению вещей соответствовала «истинно-национальная», т.-е. национально-буржуазная программа тогдашней демократии, которую в 1793 году осуществили наиболее революционные элементы буржуазии и плебейства, а в 1848 году провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодально-династическим войнам противопоставлялись тогда, о бъективно, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи.

Теперь для передовых, крупнейших государств Европы о бъективное положение иное. Развитие вперед—если не иметь в виду возможных, временных, шагов назад—осуществимо лишь к социалистическому обществу, к социалистической революции. Империалистско-буржуазной войне, войне высокого развитого капитализма о бъективно может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война пролетариата с буржуазией за власть, война, без которой серьезного движения вперед быть не может, а затем—лишь при известных, особых, условиях, возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных государств. Поэтому те большевики (к счастью, совсем единичные и немедленно сданные нами призывающим), которые готовы были стать на точку

зрения условной обороны,—обороны отечества под условием победоносной революции и победы республики в России, оставались верны б у к в е большевизма, но изменяли д у х у его; ибо втянутая в империалистскую войну передовых европейских держав Россия и в республиканской форме вела бы т о ж е империалистскую войну!

Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, Юниус применил марксову диалектику лишь на половину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия,—это верно и по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, и по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко в с я к о м у классовому угнетению, это с л и ш к о м об щ е и потому недостаточно по отношению к данному осо б о м у случаю. Гражданская война против буржуазии есть т о ж е один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествий. «Велико-германская республика», если бы она существовала в 1914—1916 г.г., вела бы т а к у ю ж е империалистическую войну.

Юниус вплотную подошел к правильному ответу на вопрос и к правильному лозунгу: гражданская война против буржуазии за социализм и, точно побоявшись сказать всю правду до конца, повернул на з а д, к фантазии «национальной войны» в 1914, 1915, 1916 годах. Если взглянуть на вопрос не с теоретической, а с чисто практической стороны, то ошибка Юниуса станет не менее ясна. Все буржуазное общество, все классы Германии вплоть до крестьянства стояли з а войну (в России, по всей вероятности, т о ж е—по крайней мере, большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось, видимо, под обаянием буржуазного империализма). Буржуазия была вооружена до зубов. При таком положении «провозгласить» программу республики, перманентного парламента, выбора офицеров народом («вооружение народа») и пр. значило бы на практике—«п р о в о з г л а с и ть» р е в о л ю ц и ю (с н е в е р н о й революционной программой!).

Юниус говорит здесь же, вполне правильно, что революции «сделать» нельзя. Революция стояла на очереди в 1914—1916 г.г.,

таясь в недрах войны, вырастая из войны. Надо было «провозгласить» это от имени революционного класса, указать до конца, безбоязненно, его программу: социализм, невозможный в эпоху войны без гражданской войны против архиреакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия, буржуазии. Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, безусловно осуществимые при всяком темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции. Эти действия указаны в резолюции нашей партии: 1) голосование против кредитов; 2) разрыв «гражданского мира»; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс. Успех всех этих шагов неминуемо ведет к гражданской войне.

Провозглашение великой исторической программы имело, несомненно, гигантское значение; только не старой и устаревшей для 1914—1916 г.г. национально-германской программы, а пролетарско-интернациональной и социалистической Вы, буржуа, воюете для грабежа; мы, рабочие в сех воюющих стран, объявляем войну вам, войну за социализм,—вот содержание речи, с которой должны были выступить 4 августа 1914 года в парламентах социалисты, не изменившие пролетариату, как Легины, Давиды, Каутские, Плехановы, Гэды, Самба и т. д.

Повидимому, двоякого рода ошибочные соображения могли вызвать ошибку Юниуса. Несомненно, Юниус решительно против империалистской войны и решительно за революционную тактику: этого факта не устранит никакие злорадства г.г. Плехановых по поводу «оборончества» Юниуса. На возможные и вероятные клеветы этого рода необходимо ответить сразу и прямо.

Но Юниус, во-первых, не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договариваться до конца революционные лозунги *).

*) Та же ошибка в рассуждениях Юниуса на тему: что лучше—победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохи (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пасифистского мелкого буржуа. Если говорить о «революционном вмешательстве» пролетариата—а об этом, хотя, к сожалению, слишком обще, говорит и Юниус, и тезисы группы «Интернационала»,—то обязательно было поставить вопрос с иной точки зрения: 1) возможно ли «револю-

Это—ошибочная боязнь, и левые социал-демократы Германии должны будут избавиться и избавятся от нее. Ход их борьбы с социал-шовинистами приведет к этому. А они борются с своими социал-шовинистами решительно, твердо, искренне, в этом их громадное, принципиальное, коренное отличие от г.г. Мартовых и Чхеидзе, которые одной рукой (à la Скобелев) развертывают знамя с приветом «Либкнектам всех стран», а другой рукой нежно обнимают Чхенкели и Потресова!

Во-вторых, Юниус хотел, повидимому, осуществить нечто вроде меньшевистской, печальной памяти, «теории стадий», хотел начать проводить революционную программу с ее «наиболее удобного», «популярного», приемлемого для мелкой буржуазии конца. Нечто вроде плана «перехитрить историю», перехитрить филистеров. Дескать, против лу че й обороны истинного отечества никто не может быть: а истинное отечество есть велико-германская республика, лучшая оборона есть милиция, перманентный парламент и пр. Будучи раз принята, такая программа сама собой повела бы, дескать, к следующей стадии: социалистической революции.

Вероятно, подобные рассуждения сознательно или полу-сознательно определили тактику Юниуса. Нечего и говорить, что они ошибочны. В брошюре Юниуса чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток—было бы глубоко неправильно забывать это—не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости в сех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам. Сторонники Юниуса сумели, несмотря на свое одиночество, приступить к изданию нелегальных листков и к войне с каутскианством. Они сумеют пойти и дальше вперед по верному пути.

«Сборник Социал-Демократа» № 1,
октябрь 1916 года.
За подписью Н. Ленин.

ционное вмешательство» без риска поражения? 2) возможно ли бичевать буржуазию и правительство своей страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?

О лозунге „разоружения“.

В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, например, в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта социал-демократической программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» новым: «разоружение». В органе международной организации молодежи: «Jugend-Internationale» («Интернационал молодежи») помещена в № 3 редакционная статья за разоружение. В «тезисах» Р. Гримма по военному вопросу, составленных для съезда швейцарской социал-демократической партии, находим уступку идеи «разоружения». В швейцарском журнале «Neues Leben» («Новая Жизнь») за 1915 год Роланд-Гольст выступает якобы за «примирение» обоих требований, на деле за такую же уступку. В органе международной левой «Vorbote» («Предвестник») помещена в № 2 статья голландского марксиста Вейнкопа за старое требование вооружения народа. Скандинавские левые, как видно из печатаемых ниже статей, принимают «разоружение», признавая иногда, что в нем есть элемент пацифизма.

Присмотримся к позиции защитников разоружения.

Одной из основных посылок в пользу разоружения является не всегда высказываемое прямо соображение: мы против войны, вообще против всякой войны, а самое определенное, ясное, недвусмысленное выражение этого нашего взгляда и есть требование разоружения.

На неправильности этого соображения мы остановились в статье о брошюре Юниуса, куда и отсылаем читателя. Социалисты не могут быть против всякой войны, не переставая быть социалистами. Нельзя давать себя ослеплять теперешней империалистской войной. Для империалистской эпохи типичны именно такие войны между «великими» державами, но вовсе не невозможны и демократические войны и восстания, например, угнетенных наций, против угнетающих их, за освобождение от гнета. Неизбежны гражданские войны пролетариата против буржуазии.

за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других, буржуазных или реакционных стран.

Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществляется разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма п о м и м о социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века,—как и вообще в эпоху цивилизации,—это не кулак и не дубина, а войско. Поставить в программу «разоружение» значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом также нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия!

Заметим, что международная дискуссия по данному вопросу велась главным образом, если не исключительно, на немецком языке. А по-немецки употребляются два слова, различие между которыми не легко передать по-русски. Одно значит собственно «разоружение» и употребляется, например, Каутским и каутскианцами в смысле сокращения вооружений. Другое значит собственно «обезоружение» и употребляется преимущественно левыми в смысле отмены милитаризма, отмены всякой милитарской (военной) системы. Мы говорим в этой статье о втором, обычном среди некоторых революционных социал-демократов, требовании.

Каутскианская пропозиция «разоружения», обращенная именно к теперешним правительствам империалистских великих держав, есть пошлейший оппортунизм, буржуазный пасифизм, служащий на деле—вопреки «благим пожеланиям» сладеньких каутскианцев—отвлечению рабочих от революционной борьбы. Ибо рабочим внушается подобно проповедью та мысль, будто теперешние буржуазные правительства империалистских держав не опутаны тысячами нитей финансового капитала и десятками или сотнями соответственных (т.-е. грабительских, разбойничьих, готовящих империалистскую войну) тайных договоров между собой.

II.

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами. Не можем же мы,

не превращаясь в буржуазных пасифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и быть не может иного выхода, кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса.

Во всяком классовом обществе,—будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде— угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция—даже в самых демократических буржуазных республиках, например, в Швейцарии—есть вооружение буржуазии против пролетариата. Это—такая элементарная истина, что особенно останавливаются на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска (республиканской-демократической милиции в том числе) против стачечников, явление, общее всем без исключения капиталистическим странам. Вооружение буржуазии против пролетариата есть один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества.

И перед лицом такого факта революционным социал-демократам предлагать, чтобы они выставили «требование» «разоружения»! Это равносильно полному отказу от точки зрения классовой борьбы, отречению от всякой мысли о революции. Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это—единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего объективного развития капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитием. Лишь после того, как пролетариат обезоружил буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но—только тогда, никоим образом не раньше.

Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и проч., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготавляет конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние. А не чем иным, как проявлением именно отчаяния, является, по своему

объективному значению, «требование» разоружения—вернее сказать: мечтание о разоружении—в такое время, когда на глазах у всех силами самой буржуазии подготавляется единственная законная и революционная война, именно: гражданская война против империалистской буржуазии.

Кто скажет, что эта оторванная от жизни теория, тому мы напомним два всемирно-исторических факта: роль трестов и фабричной работы женщин, с одной стороны, Коммуну 1871 года и декабрьское восстание 1905 года в России, с другой.

Дело буржуазии—разивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его, мы боремся против него. Но как боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим итти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!

Это рассуждение, учитывающее объективный ход развития, применимо, с соответственными изменениями, и к теперешней милитаризации народа. Сегодня империалистская буржуазия милитаризует не только весь народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по поводу этого: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма. Как могут социал-демократы давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны? Это не «оторванная от жизни теория», не мечта, а факт. И было бы поистине совсем уже плохо, если бы социал-демократы, вопреки всем экономическим и политическим фактам, начали сомневаться в том, что империалистская эпоха и империалистские войны неизбежно должны вести к повторению таких фактов.

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете: «Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!». Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны на-ряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих.

Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году, и из теперешних запуганных наций—вернее: из теперешнего рабочего движения, дезорганизованного более оппортунистами, чем правительствами—вырастет, несомненно, рано или поздно, но абсолютно несомненно, интернациональный союз «ужасных наций» революционного пролетариата.

Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная борьба великих держав за раздел и передел мира,—он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

«Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорбашенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев—не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне, и как советуют тебе делать изменники социализма,—а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам, не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее».

Если отказаться от ведения такой пропаганды и именно такой пропаганды в связи с теперешней войной, то лучше вовсе не говорить больших слов о международной революционной социал-демократии, о социалистической революции, о войне против войны.

III.

Сторонники разоружения выступают против программного пункта «вооружения народа», между прочим, потому, что это последнее требование будто бы легче ведет к уступкам оппортунизму. Мы рассмотрели выше самое важное: отношение разоружения к классовой борьбе и к социальной революции. Рассмотрим теперь вопрос об отношении требования разоружения к оппортунизму. Одной из важнейших причин неприемлемости этого требования является именно то, что оно и порождаемые им иллюзии неизбежно ослабляют и обессиливают нашу борьбу с оппортунизмом.

Нет сомнения, эта борьба—главный очередной вопрос Интернационала. Борьба против империализма, не связанная неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая фраза или обман. Один из главных недостатков Циммервальда и Кинталя, одна из основных причин возможного фиаско (неудачи, краха) этих зародышей III Интернационала состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами. Оппортунизм победил—на время—внутри европейского рабочего движения. Во всех крупнейших странах образовалось два главных оттенка оппортунизма: во-первых, откровенный, циничный и поэтому менее опасный социал-империализм господ Плехановых, Шейдеманов, Легиных, Альберров Тома и Самба, Вандервельдов, Гайндманов, Гендersonов и пр. Во-вторых, прикрытый, каутскианский: Каутский—Гаазе, и «социал-демократическая трудовая группа» в Германии; Лонгэ, Прессман, Майерас и пр. во Франции; Рамсэй Макдональд и др. вожди «Независимой Рабочей Партии» в Англии; Мартов, Чхеидзе и пр. в России; Тревес и др. так называемые левые реформисты в Италии.

Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различные формы этого союза, начиная от участия в министерстве и кончая участием в военно-промышленных комитетах. Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первым при помощи благовидно звучащих тоже «марксистских» словечек и пасифистских лозунгов. Борьба против этих обеих форм господствующего оппортунизма должна быть проведена на всех поприщах пролетарской политики: парламентаризм, профессиональные союзы, стачки, военное дело и т. д.

В чем же состоит главная особенность, отличающая обе эти формы господствующего оппортунизма?

В том, что замалчивается, прикрывается или трактуется с оглядкой на полицейские запреты конкретный вопрос о связи теперешней войны с революцией и другими конкретными вопросами революции. И это—несмотря на то, что перед войной бесчисленное количество раз указывалось на связь именно этой грядущей войны с

пролетарской революцией и неофициально, и в базельском манифесте официально.

Главный же недостаток требования разоружения состоит именно в том, что здесь обходятся все конкретные вопросы революции. Или сторонники разоружения стоят за совершенно новый вид безоружной революции?

IV.

Далее. Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживает — на худой конец — еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны, несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы сторонники такой программы реформ, которая тоже должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные высоты какого-нибудь «разоружения», спасаясь бегством из печальной действительности. «Разоружение» есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее.

Кстати: один из крупных недостатков в постановке вопроса, например, о защите отечества у некоторых левых состоит в недостаточной конкретности ответа. Гораздо вернее теоретически и неизмеримо важнее практически сказать, что в данной империалистской войне защита отечества есть буржуазно-реакционный обман, чем выдвинуть «общее» положение против «всякой» защиты отечества. Это и неверно, и не «бьет» непосредственного врага рабочих внутри рабочих партий: оппортунистов.

По вопросу о милиции мы должны были бы сказать, вырабатывая конкретный и практически необходимый ответ: мы не за буржуазную милицию, а только за пролетарскую. Поэтому «ни одного гроша и ни одного человека» не только на постоянное войско, но и на буржуазную милицию, даже в таких странах, как Соединенные Штаты или Швейцария, Норвегия и т. п. Тем более, что мы видим в самых свободных республиканских странах (например, в Швейцарии) все большее и большее опружинение, милиции, проституирование ее для мобилизации войска против стачечников. Мы можем требовать: выбора офицеров народом

отмены всякой военной юстиции, уравнение в правах заграничных рабочих и туземных (особенно важный пункт для тех империалистических государств, которые, подобно Швейцарии, все в большем числе и все бесстыднее эксплоатируют иностранных рабочих, оставляя их бесправными), далее: права каждой, скажем, сотни жителей данной страны образовывать свободные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для себя, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата. Русская революция доказала, что всякий успех, хотя бы даже и частичный успех революционного движения, — например, завоевание известного города, известного фабричного поселка, известной части армии, — неизбежно заставит победивший пролетариат осуществить именно такую программу.

Наконец, с оппортунизмом нельзя бороться, само собой разумеется, посредством одних программ, а только посредством неуклонного наблюдения за тем, чтобы они действительно проводились в жизнь. Самая крупная, роковая ошибка обанкротившегося II Интернационала состояла в том, что слово не соответствовало делу, что воспитывалась привычка к бессовестной революционной фразе (см. теперешнее отношение Каутского и К-о к Базельскому манифесту). Подходя с этой стороны к требованию разоружения, мы должны прежде всего поставить вопрос об его обективном значении. Разоружение, как социальная идея, — т.-е. такая, которая порождается известной социальной обстановкой и может действовать на известную социальную среду, а не остается личной и кружковой причудой, — порождена, очевидно, особыми, в виде исключения «спокойными» условиями жизни отдельных мелких государств, которые стояли в сторонке довольно долгое время от кровавой мировой дороги войн и надеются так и остаться в сторонке. Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься, например, в аргументацию норвежских сторонников разоружения: «мы де страна маленькая, войско у нас маленькое, мы ничего не можем поделать против великих держав» (а поэтому также бессильны против насилиственного вовлечения в империалистский союз с той или иной группой великих держав!), «мы хотим остаться в покое в своем уголке-захолустье и продолжать вести захолустную по-

литику, требовать разоружения, обязательных третейских судов, постоянной нейтральности и т. п.» («постоянной»—должно быть вроде бельгийской?).

Мелкое стремление мелких государств оставаться в сторонке, мелко-буржуазное желание быть подальше от великих битв мировой истории, использовать свое сравнительно-монопольное положение для пребывания в заскорузлой пассивности— вот объективная общественная обстановка, которая может обеспечивать идею разоружения известный успех и известное распространение в некоторых маленьких государствах. Разумеется, это стремление реакционно и поконится сплошь на иллюзиях, ибо империализм так или иначе втягивает мелкие государства в водоворот всемирного хозяйства и мировой политики.

Поясним это на примере Швейцарии. Ее империалистская обстановка объективно предписывает ей две линии рабочего движения. Оппортунисты стремятся в союзе с буржуазией к тому, чтобы сделать из Швейцарии республикански-демократический монопольный союз для получения прибыли от туристов империалистской буржуазии и чтобы это «спокойное» монопольное положение использовать как можно выгоднее и как можно спокойнее. На деле эта политика есть политика союза небольшого привилегированного слоя рабочих небольшой, поставленной в привилегированное положение, страны с буржуазией своей страны против масс пролетариата. Действительные социал-демократы Швейцарии стремятся к тому, чтобы использовать сравнительную свободу Швейцарии, ее «международное» положение (соседство наиболее высококультурных стран), затем то обстоятельство, что Швейцария говорит, слава богу, не на «своем самостоятельном» языке, а на трех мировых языках, для расширения, упрочения, укрепления революционного союза революционных элементов пролетариата всей Европы. Поможем своей буржуазии удержаться подальше в монопольном положении архи-спокойной торговли прелестями Альп, авось, нам тоже перепадет копеечка—вот объективное содержание политики швейцарских оппортунистов. Поможем союзу революционного пролетариата среди французов, немцев, итальянцев для свержения буржуазии—вот объективное содержание политики швейцарских революционных социал-демократов. К сожалению, эта политика проводится «левыми» в Швейцарии далеко еще недостаточно, и прекрасное решение съезда их партии в Аареу

1915 года (признание революционной массовой борьбы) остается пока больше на бумаге. Но речь идет у нас сейчас не об этом.

Интересующий нас сейчас вопрос стоит так: соответствует ли требование разоружения революционному направлению среди швейцарских социал-демократов? Очевидно, нет. Объективно, «требование» разоружения соответствует оппортунистической, узко-национальной, ограниченной кругозором маленьского государства линии рабочего движения. Объективно, «разоружение» есть самая национальная, специфически-национальная программа мелких государств, отнюдь не интернациональная программа интернациональной революционной социал-демократии.

P. S. В последнем номере английского «Социалистического Обозрения»—«The Socialist Review» (сентябрь 1916), орган оппортунистической «Независимой Рабочей Партии», мы находим, на стр. 287, резолюцию Ньюкастльской конференции этой партии: отказ от поддержки какой бы то ни было войны со стороны какого-то ни было правительства, хотя бы «номинально» это и была война «оборонительная». А на стр. 205 встречаем следующее заявление в редакционной статье: «Мы не одобляем восстания син-фениев» (ирландского восстания 1916 года). «Мы не одобляем никакого вооруженного восстания, как не одобляем мы никакой другой формы милитаризма и войны».

Надо ли доказывать, что эти «антимилитаристы», подобные сторонники разоружения не в маленькой, а в большой державе, суть злейшие оппортунисты? А ведь теоретически они вполне правы, когда они рассматривают вооруженное восстание тоже как «одну из форм» милитаризма и войны.

«Сборник Социал-Демократа» № 2,
декабрь 1916 г.

За подписью Н. Ленин.

„Интернационал Молодежи“.

(З а м е т к а).

Под этим заглавием выходит в Швейцарии с 1 сентября 1915 года на немецком языке «Боевой и пропагандистский Орган Международного Союза Социалистических Организаций Молодежи». Всего вышло уже 6 номеров этого издания, которое необ-

ходимо вообще отстить и затем усиленно рекомендовать вниманию всех членов нашей партии, имеющих возможность соприкасаться с заграничными с.-д. партиями и с организациями молодежи.

Большинство официальных социал-демократических партий Европы стоит теперь на позиции самого низменного и подлого социал-шовинизма и оппортунизма. Таковы партии немецкая, французская, фабианская и «рабочая» в Англии, шведская, голландская (партия Трульстры), датская, австрийская и пр. В швейцарской партии, несмотря на выделение (к великому благу рабочего движения) крайних оппортунистов в непартийный «Грютлисоюз», внутри самой с.-д. партии остались многочисленные оппортунистические, социал-шовинистские и каутскианского толка вожди, имеющие громадное влияние на дела партии.

При таком положении дел в Европе, союзу социалистических организаций молодежи выпадает громадная, благодарная—но зато и трудная—задача борьбы за революционный интернационализм, за истинный социализм против царящего оппортунизма, перешедшего на сторону империалистской буржуазии. В «Интернационале Молодежи» помещен ряд хороших статей в защиту революционного интернационализма, и все издание проникнуто превосходным духом горячей ненависти к изменникам социализма, «защищающим отчество» в настоящей войне, самым искренним стремлением к очищению международного рабочего движения от разъедающих его шовинизма и оппортунизма.

Разумеется, теоретической ясности и твердости в органе молодежи е щ е нет, а может быть и никогда не будет именно потому, что это—орган кипящей, бурлящей, ищущей^{*} молодежи. Но к недостатку теоретической ясности таких людей надо относиться совсем иначе, чем мы относимся—и должны относиться—к теоретической каше в головах и к отсутствию революционной последовательности в сердцах наших «окислов», «соц.-революционеров», толстовцев, анархистов, всеевропейских каутскианцев («центра») и т. п. Одно дело—сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, претендующие на то, чтобы вести и учить других: с ними необходима беспощадная борьба. Другое дело—организации м о л о д е ж и, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело—готовить работников соц. партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постеп-

шенно и путем преимущественно убеждения, а не борьбы. Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых не умеют подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы. Поэтому, между прочим, за организацию национальную самостоятельность союза молодежи мы должны стоять безусловно и не только вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед.

За полную самостоятельность союзов молодежи, но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Льстить молодежи мы не должны.

К числу ошибок названного нами превосходного органа принадлежат, в первую голову, следующие три:

1) По вопросу о разоружении (или «обезоружении») занята неверная позиция, которую мы критикуем выше, в особой статье. Есть основания думать, что ошибка вызвана исключительно хорошим стремлением подчеркнуть необходимость стремиться к «полному уничтожению милитаризма (что вполне верно) при забвении роли гражданских войн в социалистической революции.

2) По вопросу о различии социалистов и анархистов в их отношении к государству в статье тов. Nota-Bene (№ 6) сделана очень крупная ошибка (как и по некоторым другим вопросам, например, о мотивировке нашей борьбы против лозунга «защиты отечества»). Автор хочет дать «ясное представление о государстве вообще» (наряду с представлением об империалистическом разбойничестве государстве). Он цитирует несколько заявлений Маркса и Энгельса. Он приходит, между прочим, к следующим двум выводам:

а) «...Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые—сторонники, вторые—противники государства. Различие в самом деле заключается в том, что революционная соц.-демократия хочет сорганизовать новое общественное производство, как централизованное, т.-е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад к старой технике, к старой форме предприятий». Это неверно. Автор ставит вопрос о

том, в чем отличие отношения социалистов и анархистов к государству, а отвечает не на этот, а на другой вопрос, в чем различие их отношения к экономической основе будущего общества. Это очень важный и необходимый вопрос, конечно. Но отсюда не вытекает, чтобы можно было забывать главное в различии отношения социалистов и анархистов к государству. Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, той же государством, является диктатура пролетариата.

Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать» («спреп-ген») его, как выражается в одном месте т. Nota-Bene, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты—автор цитировал, к сожалению, слишком неполно относящиеся сюда слова Энгельса—признают отмирание, «постепенное» «засыпание» государства по сле экспроприации буржуазии.

б) «Для соц.-демократии, которая является или по крайней мере должна быть воспитательницей масс, теперь более, чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству... Текущая война показала, как глубоко корни государственности проникли в души рабочих».—Так пишет т. Nota-Bene. Чтобы «подчеркивать» «принципиальную враждебность» к государству, надо действительно «ясно» понять ее, а у автора как раз ясности нет. Фраза же о «корнях государственности» совсем уже путаная, не марксистская и не социалистическая. Не «государственность» столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т.-е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулась с революционной с.-д. политикой (т.-е. с революционным социал-демократическим отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее свержения). Это вещи совсем, совсем различные. К этому крайне важному вопросу мы надеемся вернуться в особой статье.

3) В «принципиальном заявлении международного союза социалистических организаций молодежи», напечатанном в № 6, как «проект секретариата», немало отдельных неточностей и совсем нет главного: ясного сопоставления тех трех коренных направлений (социал-шовинизм; «центр»; «левые»), которые борются теперь в социализме всего мира.

Еще раз: эти ошибки надо опровергать и разъяснять, из всех сил ища соприкосновения и сближения с организациями молодежи, всячески помогая им, но подходить к ним надо умеючи.

«Сборник Социал-Демократа» № 2,

декабрь 1916 г.

За подписью Н. Ленин.

Потуги обелить оппортунизм.

Парижское «Наше Слово», запрещенное недавно французским правительством, обслуживающим царизму (повод для запрещения: у русских солдат, взбунтовавшихся в Марсели, нашли экземпляры «Нашего Слова»!), возмутилось «плачевной» ролью депутата Чхеидзе. Он выступил на Кавказе с разрешения властей на публичных собраниях с призывом к населению не устраивать «волнений» (с разгромом лавок и пр.), а устраивать кооперативы и т. п. Хороша-де эта поездка якобы социал-демократа, «организованная под протекторатом губернатора, полковника, попа и пристава» («Наше Слово» № 203).

Л. Мартов сейчас же поспешил в «Бюллетень» бундовцев, чтобы благородно протестовать против этого «изображения Чхеидзе каким-то» (?? не «каким-то», а «таким же, как все ликвидаторы») «гасителем пробуждающегося революционного духа». Защита Чхеидзе Мартовым идет по двум линиям: фактической и принципиальной.

Фактическое возражение состоит в том, что «Наше Слово» цитирует кавказскую черносотенную газету, и что выступавшие рядом с Чхеидзе: Миколадзе есть отставной офицер, «известный в своем уезде радикальный общественный деятель», а священник Хундадзе «привлекался в 1905 г. к ответственности за участие в соц.-демократическом движении» («в грузинском с.-д. движении, как известно,—добавляет Мартов—участие сельских священников довольно обычное явление»).

Такова «защита» Чхеидзе Мартовым. Защита из рук вон плохая. Если о выступлении Чхеидзе рядом с попом писала черносотенная газета, то факт это нисколько не опровергает, и Мартов сам признает, что выступления были.

Что Хундадзе «в 1905 г. привлекался», это ровно ничего не говорит, ибо тогда и Гапон и Алексинский «привлекались». Ка-

кой партии т е п е р ь принадлежат или сочувствуют Хундадзе и Миколадзе, не о б о р о н ц ы ли они, вот о чем надо было разузнать Мартову, если бы он хотел искать правды, а не «аблакатствовать». «Известный в своем уезде радикальный общественный деятель»—такая фраза сплошь да рядом означает у нас «в нашей печати, просто либерального помещика

Крича, что «Наше Слово» дало «совершенно ложную картину», Мартов своим криком хочет заслонить п р а в д у, которой он не опроверг ни на иоту.

Но главное еще не в этом. Это цветочки, а ягодки впереди. Не опровергнув «плачевности» поведения Чхеидзе своим фактическим опровержением, Мартов подтвердил ее своей п р и н ц и п и а л ь н о й защитой.

«Остается несомненным,—пишет Мартов,—что товарищ (??Потресова и К-о?) «Чхеидзе счел необходимым выступить не только против реакционного направления, принятого кавказскими волнениями, поскольку оно попало» (? они попали?) «под влияние черносотенцев, ио и против тех его разрушительных форм (разгром лавок, насилия над купцами), в которые, вообще говоря, может народное недовольство выливаться и независимо от реакционных влияний». Заметьте: «остается несомненным»!

И Мартов заливается соловьем не хуже В. Маклакова: беспомощность, распыленность, «растерянность, а то и малая сознательность» масс... «путь этого рода «бунтов» не ведет к цели и в конечном счете вреден с точки зрения интересов пролетариата»... С одной стороны, «плоха та революционная партия, которая стала бы спиной к возникающему движению потому, что оно сопровождается стихийными и нецелесообразными эксцессами», с другой стороны, «плоха была бы та партия, которая считала бы своим революционным долгом отказаться от борьбы с этими эксцессами, как с выступлениями нецелесообразными»... «Поскольку у нас в России... организованная кампания борьбы против войны до сих пор не начата (?), поскольку распыленность сознательных элементов пролетариата не позволяет сравнивать нашего положения не то что с 1904—1905, но и с 1914—1915 г.г. (?),—постольку вспыхивающие на почве дорогоизны и т. п. народные волнения, являясь очень важными с и м п т о м а м и, не могут (?) н е п о с р е д с т в е н н о (?) стать источниками того движения, которое составляет нашу задачу. Их целесообразное «использование» может заключаться только в отведении прорывающегося в них недоволь-

ства в русло какой бы то ни было организованной борьбы, вне которой не может быть и речи о постановке массами революционных задач. Поэтому даже (!!) призыв к организации кооперативов, к давлению на городские думы в целях таксации цен и т. п. паллиативам на основе развития самодеятельности масс, является делом более революционным (ха-ха!) и плодотворным, чем кокетничанье... легкомысленные спекуляции «прямо преступны» и т. д.

Трудно сохранять спокойствие, когда читаешь эти возмутительные речи. Даже бундовская редакция, видимо, почувствовала, что Мартов мошенничает, и снабдила его статью двусмысленным обещанием «еще вернуться»...

Вопрос яснее ясного. Допустим, что Чхеидзе имел дело с волнениями такой формы, которую он считал нецелесообразной. Ясно, что его правом и обязанностью революционера было бороться против не целесообразной формы... во имя чего? во имя целесообразных революционных выступлений? или во имя целесообразной либеральной борьбы?

В этом все дело! А Мартов это-то и запутывает!

Господин Чхеидзе «отводил» проявляющееся революционно «недовольство масс» «в русло либеральной борьбы (только мирные кооперативы, только легальное, одобренное губернатором, давление на гор. думы и т. п.), а не в русло целесообразной революционной борьбы. В этом суть, а Мартов льет водицу и защищает либеральную политику!

Революционный с.-д. скажет: громить лавченку нецелесообразно, устроимте посерьезнее демонстрацию хотя бы одновременно с бакинскими, тифлисскими, питерскими рабочими, направим свою ненависть на правительство, привлечем к себе часть войска, желающую мира. Так ли говорил г. Чхеидзе? Нет, он звал к «борьбе», приемлемой для либералов!

Мартов подмахнул «платформу», рекомендующую революционные массовые действия,—надо же показать себя революционером перед рабочими!—а когда на месте, в России, доходит дело до первых зачатков этих действий, тогда он начинает всеми правдами и неправдами защищать «лево»-либерального Чхеидзе.

«В России организованная кампания борьбы против войны до сих пор не начата»... Во-1-х, это неправда. Она начата хотя бы в Питере прокламациями, митингами, стачками, демонстрациями. Во-2-х, если она где-либо в провинции не начата, ее надо

начинать, а Мартов выдает «начинаемую» г-ном Чхеидзе либеральную кампанию за «более революционную».

Разве это не обеление оппортунистической гнусности?

«Сборник Социал-Демократа» № 2,

декабрь 1916 г.

За подпись Н. Ленин.

Фракция Чхеидзе и ее роль.

Мы всегда указывали, что г.г. Чхеидзе и К-о не представляют с.-д. пролетариата и что никогда действительно с.-д. рабочая партия не помирится и не объединится с этой фракцией. Наши доводы состояли в ссылке на бесспорные факты: 1) формула «спасения страны», употребляемая Чхеидзе, ничем по сути не отличается от обороночества; 2) против г. Потресова и К-о фракция Чхеидзе не выступала никогда, даже когда Мартов выступил против него; 3) против участия в военно-промышленных комитетах — факт решающий — эта фракция не выступила.

Фактов этих никто и не пытался оспорить. Сторонники Чхеидзе просто замалчивают их.

«Наше Слово» и Троцкий, браня нас за «фракционность», под давлением фактов все больше приходили к борьбе против О. К. и Чхеидзе; но нашесловцы именно только «под давлением» (нашей критики и критики фактов) отступали с позиции на позицию, а решительного слова до сих пор не сказали. Единство или раскол с фракцией Чхеидзе? — они все еще боятся додумать!

№ 1 бюллетеня загран. ком. Бунда (сентябрь 1916) содержит письмо из Питера от 26 февраля 1916. Это письмо — ценный документ, вполне подтверждающий нашу оценку. Автор письма без обиняков признает «несомненный кризис в лагере самого меньшевизма», при чем — что особенно характерно — о ме нь ш е в и к а х — п р о т и в н и к а х участия в в.-пр. комитетах он в о в с е и н е г о в о р и т! В России он их не видал и о них не слыхал!

Он заявляет, что трое из пяти членов фракции Чхеидзе против «позиции обороны» (как и О. К.), д в о е — з а

«Обслуживающим фракцию лицам — пишет он — не удается сдвинуть большинство фракции с занятой им позиции. На помощь большинству фракции приходит местная «инициативная группа», отвергающая позицию обороны».

Обслуживающие лица, это—господа либеральные интеллигенты, типа Потресова, Маслова, Ортодокс¹⁴¹⁾ и К-о, называющие себя с.-д. Наши многократные указания, что эта группа и н т е л и г е н т о в есть «очаг» оппортунизма и либеральной рабочей политики, подтвердил теперь бундист.

Он пишет далее: «Жизнь выдвинула (а не Пуришкевич и Гучков выдвинули?)... новый орган, рабочую группу, которая все более становится центром рабочего движения». (Автор говорит о гучковском, или, употребляя прежний термин, Столыпинском рабочем движении: другого он не признает!) «При в y б о r e e e сошлись на компромиссе: не оборона и самозащита, а спасение страны, под которым предполагалось нечто более широкое».

Вот вам разоблачение Чхеидзе и Мартовской лжи насчет него б у н д и с т о м! Чхеидзе и О. К. при в y б o r e гучковских молодцов (Гвоздева, Брайде и прочих) в в.-пр. комитеты, за к лю ч и ли компромисс. Формула, употребляемая Чхеидзе есть компромисс с Потресовым и Гвоздевыми!

Мартов скрывает и скрывает это.

Компромисс этим не кончился. Декларацию вырабатывали тоже путем компромисса, который б у н д и с т о м характеризуется так:

«И с ч е з л а определенность». «Представители большинства фракции и инициативной группы» остались недовольны, ибо все же эта декларация большой шаг вперед в смысле формулировки позиции обороны. «К о м п р о м и с с — в сущности позиция немецкой соц.-демократии, и о применительно к России».

Так пишет бундист.

Дело, кажется, ясное? Одна партия—окистская, Чхеидзевская, Потресовская. В ней борются два крыла и соглашаются, заключают компромисс, остаются в одной партии. Компромисс заключается на почве участия в в.-пр. комитетах. Спорят только из-за формулировки «мотивов» (т.-е. из-за способа надуть рабочих). В итоге компромисса получается «е сущности позиция нем. соц.-демократии».

Что же? Не правы мы были, когда говорили, что партия О. К. социал-шовинистская? Что О. К. и Чхеидзе, как партия, то же, что Зюдекумы в Германии?

Их тождество с Зюдекумами вынужден признать даже бундист!

Нигде и никогда ни Чхеидзе с К-о, ни О. К., хотя и «недовольные» компромиссом, не выступали против него.

Так обстояли дела в феврале 1916 г., а в апреле 1916 г. Мартов является в Кинтале с мандатом от «инициативной группы» и представляет весь О. К., О. К. в о б щ е.

Это не обман Интернационала?

Посмотрите, что получается теперь! Потресов, Маслов, Ортодокс основывают с в о й орган «Д е л о», открыто оборонческий, п р и г л а ш а ю т в с о т р у д н и к и Плеханова, группируют г.г. Дмитриевых, Череваниных, Маевских, Гр. Петровичей и т. д., всю кампанию интеллигентов, бывших столпом ликвидаторства. Сказанное мною от имени большевиков в мае 1910 года («Дискуссионный Листок») об окончательном сплочении г р у п п ы л е г а л и с т о в - н е з а в и с и м ц е в подтверждается вполне.

«Дело» занимает нагло шовинистскую и реформистскую позицию. Стоит взглянуть на то, как г-жа Ортодокс фальсифицирует Маркса, подводя его посредством умолчаний под союз с Гинденбургом (с «философскими» обоснованиями, не шутите!), как г. Маслов защищает (особ. № 2 «Дела») реформизм по всей линии, как г. Потресов Аксельрода и Мартова обвиняет в «максимализме» и анархо-синдикализме, как весь журнал обязанность обороны выдает за дело «демократии», скромно обходя неприятный вопрос о том, не царизм ли ведет в целях грабежа эту реакционную войну из-за удушения Галиции, Армении и пр.

Фракция Чхеидзе и О. К. молчат. Скобелев шлет привет «Либкнехтам всех стран», хотя на с т о я щ и й Либкнехт беспощадно разоблачал и клеймил с в о и х Шейдеманов и своих каутскианцев, а Скобелев пребывает в постоянном единении и дружбе как с русскими Шейдеманами (Потресов и К-о, Чхенкели и пр.), так и с русскими каутскианцами (Аксельрод и пр.).

Мартов в «Голосе» № 2 (Самара, от 20 сент. 1916) отказывается за себя и за своих заграничных друзей сотрудничать в «Деле» и в то же время занимается обелением Чхеидзе, в то же время («Известия» № 6 от 12 сент. 1916) уверяет публику, будто он разошелся с Троцким и «Нашим Словом» из-за «троцкистской» идеи об отрицании буржуазной революции в России, когда все знают, что это ложь, что Мартов ушел из «Нашего Слова», ибо последнее не могло терпеть о б е л е н и я О. К. Мартовым! В тех же «Известиях» Мартов защищает свой, возмущивший даже Роланд-Гольст, обман немецкой публики, произведенный посредством изда-

ния немецкой брошюры, в которой опущена как раз та часть декларации питерских и московских меньшевиков, где говорится об их согласии участвовать в в.-пр. комитетах!

Припомните полемику Троцкого и Мартова в «Нашем Слове» перед выходом последнего из редакции. Мартов упрекал Троцкого, что он до сих пор не знает, пойдет ли он в решительный момент за Каутским. Троцкий говорил Мартову, что его роль есть роль «наживки», «приманки» революционных рабочих к оппортунистской и шовинистской партии Потресовых, затем О. К. и т. д.

Оба спорившие повторяли и а ш и доводы. И оба были правы.

Как ни прячут правду о Чхеидзе и К-о, она пробивается наружу. Роль Чхеидзе—заключать компромиссы с Потресовыми, прикрывая неопределенными или почти «левыми» словами оппортунистскую и шовинистскую политику. А роль Мартова—обелять Чхеидзе.

«Сборник Социал-Демократа» № 2,
декабрь 1916 г.
За подписью Н. Ленин.

Империализм и раскол социализма.

Есть ли связь между империализмом и той чудовищно-отвратительной победой, которую одержал оппортунизм (в виде социал-шовинизма) над рабочим движением в Европе?

Это основной вопрос современного социализма. И после того, как мы вполне установили в нашей партийной литературе, во-первых, империалистский характер нашей эпохи и данной войны; во-вторых, неразрывную историческую связь социал-шовинизма с оппортунизмом, а равно их идейно-политическое одинаковое содержание, можно и должно перейти к разбору этого основного вопроса.

Начать приходится с возможно более точного и полного определения империализма. Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) монополистический капитализм; (2)—паразитический или загнивающий капитализм; (3)—умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, суть империализма. Монополизм проявляется в пяти главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти

монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников сырья трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившись с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями начался. Таких международных картелей, владеющих всем мировым рынком и делящих его «полюбовно»—пока война не *переделила* его—насчитывают уже свыше ста! Вывоз капитала, как особенно характерное явление в отличие от вывоза товаров при немонополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира. 5) Раздел мира территориальный (колонии) закончился.

Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 г.г. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1900—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 года—вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории.

Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется, прежде всего, в тенденции к загниванию, отличающейся в связи с монополией при частной собственности на средства производства. Разница между республиканской-демократической и монархически-реакционной империалистской буржуазией стирается именно потому, что та и другая гниет заживо (чем нисколько не устраниется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды). Во-вторых, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя рабыни, капиталистов, живущих «стрижкой купонов». В четырех передовых империалистских странах, Англии, Северной Америке, Франции и Германии, капитал в ценных бумагах составляет по 100—150 миллиардов франков, что означает ежегодный доход не менее 5—8 миллиардов на страну. В-третьих, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В-четвертых, «финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе». Политическая реакция по всей линии—свойство империализма. Продажность, подкуп в гигантских размерах, Панама всех видов. В-пятых, эксплоатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплоатация колоний

горсткой «великих» держав все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Римский пролетарий жил на счет общества. Теперь общество живет на счет современного пролетария. Это глубокое замечание Сисмонди Маркс особенно подчеркивал. Империализм несколько изменяет дело. Привилегированная пролетария империалистских держав живет отчасти на счет сотен миллионов нецивилизованных народов.

Понятно, почему империализм есть умирающий капитализм, переходный к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское обобщение труда империализмом (то, что апологеты—буржуазные экономисты зовут «переплетением») означает то же самое.

Выставляя это определение империализма, мы приходим в полное противоречие с К. Каутским, который отказывается видеть в империализме «фазу капитализма» и определяет империализм, как политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом, как стремление «промышленных стран аннексировать «аграрные» страны *). Это определение Каутского теоретически насквозь фальшиво. Особенность империализма—господство как раз не промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз не только аграрных, а всяких стран. Каутский отрывается политику империализма от его экономики, отрывает монополизм в политике от монополизма в экономике, чтобы расчистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма вроде «разоружения», «ультра-империализма» и тому подобного вздора. Смысл и цель этой теоретической фальши всецело сводятся к тому, чтобы затушевать самые глубокие противоречия империализма и оправдать таким образом теорию «единства» с апологетами империализма, откровенными социал-шовинистами и оппортунистами.

На этом разрыве Каутского с марксизмом мы уже достаточно останавливались и в «Социал-Демократе», и в «Коммунисте». Наши российские каутскианцы, «окисты», с Аксельродом и Спек-

*) «Империализм есть продукт высоко развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении всякой промышленной капиталистической нации подчинять и присоединять себе все больше и больше аграрных областей, без отношения к тому, какой нацией населены они» (Каутский в «Neue Zeit» 11 IX. 1914).

татором во главе, не исключая Мартова и в значительной степени Троцкого,—предпочли обойти молчанием вопрос о каутскианстве как направлении. Защищать то, что писал Каутский во время войны, они побоялись, отдаваясь либо простым восхвалением Каутского (Аксельрод в своей немецкой брошюре, которую О. К. обещал напечатать по-русски), либо частными письмами Каутского (Спектатор), где он уверяет, что принадлежит к оппозиции, и иезуитски пробует свести на нет свои шовинистские заявления.

Заметим, что в своем «понимании» империализма,—которое равносильно подкрашиванию его,—Каутский идет назад не только по сравнению с «Финансовым капиталом» Гильфердинга (как бы усердно сам Гильфердинг ныне ни защищал Каутского и «единство» с социал-шовинистами!), но и по сравнению с социал-либералом Дж. А. Гобсоном. Этот английский экономист, не имеющий и тени претензий на звание марксиста, гораздо глубже определяет империализм и вскрывает его противоречия в своем сочинении 1902 года *). Вот что писал этот писатель (у которого можно найти почти все пасифистские и «примириительные» пошлости Каутского) по особенно важному вопросу о паразитизме империализма:

Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению Гобсона, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое обстоятельство есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет:

«Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма» (в устах социал-либерала Гобсона эти песенки о «слепоте» империалистов уместнее, чем у «марксиста» Каутского) «является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев».

*) J. A. Hobson, «Imperialism», London, 1902.

почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами».

Перспектива раздела Китая вызывала у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькие кучки богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полупабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дела всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки, и при помощи этой дани содержать большие прирученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы) «как незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех окружов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала» (раньше), их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это и любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом

Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они будут работать в направлении именно такого завершения процесса».

Социал-либерал Гобсон не видит того, что это «противодействие» может оказать только революционный пролетариат и только в виде социальной революции. На то он и социал-либерал! Но он превосходно подошел еще в 1902 году к вопросу и о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают лицеевые каутскианцы разных стран, именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией как раз в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, что оппортунисты объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, подкуплена на средства империалистской сверх-прибыли, превращенную в сторожевые посты капитализма, в раз вратителей рабочего движения.

На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом, мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях нашей Партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос! Мартов, например, еще в своих рефератах пускал в ход софизм, который в «Известиях загр. секр. О. К.» (№ 4 от 10 апреля 1916 года) выражен следующим образом:

«...Дело революционной социал-демократии было бы очень плохо, даже безнадежно, если бы наиболее приблизившиеся по умственному развитию к «интеллигенции» и наиболее квалифицированные группы рабочих фатально уходили от нее к оппортунизму»...

Посредством глупенького словечка «фатально» и некоторой «подтасовочки» обойден тот факт, что известные прослойки рабочих отошли к оппортунизму и к империалистской буржуазии! А софистам О. К. только и надо обойти этот факт! Они отдельываются тем «казенным оптимизмом», которым ныне щеголяет и каутскианец Гильфердинг и многие другие: дескать, объективные условия ручаются за единство

пролетариата и за победу революционного течения! дескать, мы «оптимисты» насчет пролетариата!

А на самом-то деле они, все эти каутскианцы, Гильфердинг, окисты, Мартов и К-о-- о п т и м и с т ы... насчет о п п о р т у н и з м а. В этом суть!

Пролетариат есть детище капитализма—мирового, а не только европейского и не только империалистского. В мировом масштабе, 50 лет раньше или 50 лет позже—с точки зрения э т о г о масштаба вопрос частный,—«пролетариат», конечно, «будет» един, и в нем «неизбежно» победит революционная социал-демократия. Не в этом вопрос, г.г. каутскианцы, а в том, что в ы сейчас, в империалистских странах Европы л а к е й - с т в у е т е перед оппортунистами, которые ч у ж д ы пролетариату, как классу, которые суть слуги, агенты, проводники влияния буржуазии, и б e з o c s v o b o j d e n i j a от которых рабочее движение остается б у r j u a z n y m r a b o ч i m d v i j e n i e m. Ваша проповедь «единства» с оппортунистами, с Легинами и Давидами, Плехановыми или Чхенкели и Потресовыми и т. д. есть, объективно, защита п o r a б o щ e n i я рабочих империалистской буржуазией через посредство ее лучших агентов в рабочем движении. Победа революционной социал-демократии в мировом масштабе абсолютно неизбежна, но она идет и пойдет, происходит и произойдет только п р o t i в в а с , будет победой н а д в а м и.

Те две тенденции, даже д в e партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире в 1914—1916 г.г., были прослежены Энгельсом и Марксом в Англии в течение ряда десятилетий, приблизительно с 1858 по 1892 год.

Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи всемирного капитализма, которая начинается не раньше как в 1898—1900 годах. Но особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что, по крайней мере, д в e крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились на-лицо: (1) необъятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали с в я з ь его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении.

В письме к Марксу от 7 октября 1858 года Энгельс писал: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». В письме к Зорге от 21 сентября 1872 года Энгельс сообщает, что Хэйльз (Hales) поднял в федеральном совете Интернационала великий скандал и провел вотум порицания Марксу за его слова, что «английские рабочие вожди продались». Маркс пишет к Зорге от 4 апреля 1874 года: «Что касается городских рабочих здесь (в Англии), то приходится пожалеть, что вся банда вождей не попала в парламент. Это был бы вернейший путь к освобождению от этой сволочи». Энгельс говорит в письме к Марксу от 11 августа 1881 года о «худших английских трэд-юнионах, которые позволяют руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею». В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 года Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

7 декабря 1889 года Энгельс пишет Зорге: «...Самое отвратительное здесь (в Англии)—перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная «почтеннность» (respectability)... даже Том Мэн, которого я считаю наилучшим из всех, говорит охотно о том, что он будет завтракать с лордом-мэром. Когда сравниваешь с этим французов,—видишь, что значит *революция*». В письме от 19 апреля 1890 года: «движение (рабочего класса в Англии) идет вперед под поверхностью, захватывает все более широкие слои и при том большей частью среди неподвижной доселе самой низшей (курсив Энгельса) массы, и не далек уже день, когда эта масса найдет сама себя, когда ей ясно станет, что именно она сама является этой колоссальной двигающейся массой». 5 марта 1891 года: «неудача распавшегося союза докеров, «старые», консервативные трэд-юнионы, богатые и именно потому трусливые, остаются одни на

поле битвы»... 14 ноября 1891 года: на нью-кастльском конгрессе трэд-юнионов побеждены старые юнионисты, противники восьмичасового рабочего дня, «и буржуазные газеты признают поражение буржуазной рабочей партии» (курсив везде Энгельса)...

Что эти мысли Энгельса, повторяемые в течение десятилетий, высказывались им и публично, в печати, доказывает предисловие его ко второму изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1892 года. Здесь говорится об «аристократии в рабочем классе», о «привилегированном меньшинстве рабочих» в противоположность «широкой массе рабочих». «Маленькое, привилегированное, охраняемое меньшинство» рабочего класса одно только имело «длительные выгоды» от привилегированного положения Англии в 1848—1868 г.г., «широкая масса в лучшем случае пользовалась лишь кратковременным улучшением»... «С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение»... Члены «новых» юнионов, союзов необученных рабочих «имеют одно неизмеримое преимущество: их психика является еще девственной почвой, совершенно свободной от унаследованных, «почтенных» буржуазных предрассудков, которые сбивают с толку головы лучше поставленных «старых юнионистов»... «Так называемыми рабочими представителями» называют в Англии людей, «которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма».

Мы нарочно привели довольно подробные выписки из прямых заявлений Маркса и Энгельса, чтобы читатели могли в целом изучить их. А их необходимо изучить, в них стоит внимательно вдуматься. Ибо здесь гвоздь той тактики в рабочем движении, которая предписывается объективными условиями империалистской эпохи.

Каутский и здесь уже попытался «замутить воду» и подменить марксизм сладеньким примиренчеством с оппортунистами. В полемике с открытыми и наивными социал-империалистами (вроде Ленча), которые оправдывают войну со стороны Германии, как разрушение монополии Англии, Каутский «и спрятал» эту очевидную фальшь посредством другой столь же очевидной фальши. На место циничной фальши он ставит слашивую фальшь! Промышленная монополия Англии давно сломана, говорит он, давно разрушена, ее нечего и нельзя разрушать.

В чем фальшь этого аргумента?

В том, что, во-первых, обойдена колониальная монополия Англии. А Энгельс, как мы видели, уже в 1882 году, 34 года тому назад, вполне ясно указал на нее! Если промышленная монополия Англии разрушена, то колониальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена! Посредством своей сладенькой лжи Каутский протаскивает буржуазно-пацифистскую и оппортунистически-мещанскую идеику, что де «воевать не из-за чего». Напротив, капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и нельзя не воевать, если хотеть сохранить капитализм! ибо без насилиственного передела колоний новые империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы.

Во-вторых. Почему монополия Англии объясняет победу оппортунизма (на время) в Англии? Потому, что монополия дает сверх-прибыль, т.-е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли. Из этой сверх-прибыли капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупить своих рабочих, создать нечто вроде союза (вспомните знаменитые «аллиансы» английских трэд-юнионов со своими хозяевами, описанные Уэббами)— союза рабочих данной нации со своими капиталистами против остальных стран. Промышленная монополия Англии разрушена еще в конце XIX века. Это бесспорно. Но как произошло это разрушение? Так ли, что всякая монополия исчезла?

Если бы это было так, то примиренческая (с оппортунизмом) «теория» Каутского получала бы известное оправдание. Но в том-то и суть, что это *не* так. Империализм есть монополистический капитализм. Каждый картель, трест, синдикат, каждый гигантски-крупный банк есть монополия. Сверх-прибыль не исчезла, а осталась. Эксплоатация одной, привилегированной, финансово-богатой, страной в *всех* остальных осталась и усилилась. Горстка богатых стран—их всего четыре, если говорить о самостоятельном и действительном гигантски-крупном, «современном» богатстве: Англия, Франция, Соединенные Штаты и Германия—эта горстка развила монополии в необъятных размерах, получает сверх-прибыль в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, «едет на спине» сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собой за деляж

особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи.

В этом как раз экономическая и политическая суть империализма, глубочайшие противоречия коего Каутский притупляет, а не вскрывает.

Буржуазия «великой» империалистской державы экономически может подкупать верхние прослойки «своих» рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо ее сверхприбыль составляет, вероятно, около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими-министрами, «рабочими-депутатами» (вспомните великолепный анализ этого понятия у Энгельса), рабочими участниками военно-промышленных комитетов, рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узко-чеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., это уже вопрос второстепенный.

В 1848—1868 г.г. и частью позже монополией пользовалась только Англия; поэтому в ней мог на десятилетия победить оппортунизм; других стран ни с богатейшими колониями, ни с промышленной монополией не было.

Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистской эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих, великих держав. (В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала.) Из этой разницы вытекает то, что монополия Англии могла быть неоспоренной десятилетия. Монополия современного финансового капитала бешено оспаривается; началась эпоха империалистских войн. Тогда рабочий класс одной страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй даже невозможно, но зато меньше (чем в Англии 1848—1868 г.г.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает каждая империалистская «великая» держава. Тогда «буржуазная рабочая партия», по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране, ибо только одна имела монополию, но зато надолго. Теперь «буржуазная рабочая партия» неизбежна и типична для всех империалистских стран, но, ввиду их отчаянной борьбы за дележ добычи, неевентually,

чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран. Ибо тресты, финансовая олигархия, дороговизна и пр., п о з в о л я я подкупать горстки верхов, все сильнее давят, гнетут, губят, мучают м а с с у пролетариата и полупролетариата.

С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплоатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция м а с с, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, ниспревергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения. Ибо первая тенденция не случайна, а экономически «обоснована». Буржуазия уже родила, вскормила, обеспечила себе «буржуазные рабочие партии» социал-шовинистов во в с е х странах. Различие между оформленной партией, например, Биссолати в Италии, партией вполне социал-империалистской, и, скажем, полуоформленной почти-партией Потресовых, Гвоздевых, Булкиных, Чхеидзе, Скобелевых и К-о,—эти различия несущественны. Важно то, что экономический откол слоя рабочей аристократии к буржуазии назрел и завершился, а политическую форму себе, ту или иную, этот экономический факт, эта передвижка в отношениях между классами найдет без особого «труда».

На указанной экономической основе политические учреждения новейшего капитализма—пресса, парламент, союзы, съезды и пр.—создали соответствующие экономическим привилегиям и подачкам для почтительных, смиренных, реформистских и патриотических служащих и рабочих п о л и т и ч е с к и е привилегии и подачки. Доходные и спокойные местечки в министерстве или в военно-промышленном комитете, в парламенте и в разных комиссиях, в редакциях «солидных» легальных газет или в правлениях не менее солидных и «буржуазно-послушных» рабочих союзов—вот чем привлекает и награждает империалистская буржуазия представителей и сторонников «буржуазных рабочих партий».

Механика политической демократии действует в том же направлении. Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма

н е л ь з я вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, москенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,—лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии. Я бы назвал эту систему ллойд-джорджизмом, по имени одного из самых передовых и ловких представителей этой системы в классической стране «буржуазной рабочей партии», английского министра Ллойд-Джорджа. Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие-угодно, даже прреволюционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Ллойд-Джордж служит буржуазии великолепно *) и служит ей именно среди рабочих, проводит ее влияние именно в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы.

А велика ли разница между Ллойд-Джорджем и Шейдеманами, Легинами, Гендерсонами и Гайндманами, Плехановыми, Реноделями и К-о? Из последних, возразят нам, некоторые вернутся к революционному социализму Маркса. Это возможно, но это—ничтожная разница в степени, если брать вопрос в политическом, т.-е. массовом масштабе. Отдельные лица из нынешних социал-шовинистских вождей могут вернуться к пролетариату. Но течение социал-шовинистское или (что то же) оппортунистическое не может ни исчезнуть, ни «вернуться» к революционному пролетариату. Где популярен среди рабочих марксизм, там это политическое течение, эта «буржуазная рабочая партия», будет клясться и божиться именем Маркса. Запретить им этого нельзя, как нельзя торговой фирме запретить употребление любого ярлыка, любой вывески, любой рекламы. В истории всегда бывало, что имена популярных среди угнетенных классов революционных вождей после их смерти враги их пытались присвоить себе для обмана угнетенных классов.

Факт тот, что буржуазные рабочие партии, как политическое явление, создались уже во всех капиталистических

*) Недавно в одном английском журнале я встретил статью тори, политического противника Ллойд-Джорджа: «Ллойд-Джордж с точки зрения тори». Война открыла глаза этому противнику на то, какой превосходный приказчик буржуазии этот Ллойд-Джордж! Тори помирились с ним!

передовых странах, что без решительной, беспощадной борьбы по всей линии против этих партий—или, все равно, групп, течений и т. п.—не может быть и речи ни о борьбе с империализмом, ни о марксизме, ни о социалистическом рабочем движении. Фракция Чхеидзе, «Наше Дело», «Голос Труда» в России и «окисты» за границей—не более как разновидность одной из таких партий. Мы не имеем ни тени оснований думать, что эти партии могут исчезнуть *до* социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем большую роль будет играть в рабочем движении борьба революционного—массового потока против оппортунистического—мещанского. Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в массах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Но опасность каутскианства в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого, усиливается примирить пролетариат с «буржуазной рабочей партией», отстоять единство его с ней, поднять тем авторитет ее. За открытыми социал-шовинистами массы уже не идут: Ллойд-Джорджа освистали в Англии на рабочих собраниях, Гайндман ушел из партии, Реноделей и Шейдеманов, Потресовых и Гвоздевых защищает полиция. Прикрытая защита социал-шовинистов каутскианцами всего опаснее.

Один из самых распространенных софизмов каутскианства— ссылка на «массы». Мы де не хотим отрываться от масс и массовых организаций! Но вдумайтесь в постановку этого вопроса Энгельсом. «Массовые организации» английских трэд-юнионов были в XIX веке на стороне буржуазной рабочей партии. Маркс и Энгельс не мирились с ней на этом основании, а разоблачали ее. Они не забывали (1), что организации трэд-юнионов непосредственно обнимают меньшинство пролетариата. И в Англии тогда, и в Германии теперь не более $\frac{1}{5}$ пролетариата состоит в организациях. Серьезно думать о том, что при капитализме возможно включить в организации большинство пролетариев, не доводится. Во-вторых,—и это главное, вопрос не столько в числе членов организации, сколько в реальном, объективном, значении ее политики: массы ли представляет эта политика, массам ли служит, т.-е. освобождению масс от капитализма, или представляет интересы меньшинства, его примирение

с капитализмом? Именно последнее было верно для Англии в XIX веке,—верно теперь для Германии и пр.

От «буржуазной рабочей партии» старых трэд-юнионов, от привилегированного меньшинства Энгельс отличает «ни зи-шую массу», действительное большинство, апеллирует к нему, не зараженному «буржуазной почтенностью». Вот в чем суть марксистской тактики!

Мы не можем—и никто не может—усчитать, какая именно часть пролетариата идет и пойдет за социал-шовинистами и оппортунистами. Это покажет только борьба, это решит окончательно только социалистическая революция. Но мы знаем с достоверностью, что «защитники отечества» в империалистской войне представляют лишь меньшинство. И наш долг поэому, если мы хотим остаться социалистами, итти ниже и глубже, к настоящим массам: в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы. Разоблачая, что оппортунисты и социал-шовинисты на деле предают и предают интересы массы, что они отстаивают временные привилегии меньшинства рабочих, что они проводят буржуазные идеи и влияние, что они на деле союзники и агенты буржуазии,—мы тем самым учим массы распознавать их действительные политические интересы, бороться за социализм и за революцию через все, долгие и мучительные, перипетии империалистских войн и империалистских перемирий.

Разъяснять массам неизбежность и необходимость раскола с оппортунизмом, воспитывать их к революции беспощадной борьбой с ним, учитывать опыт войны для вскрытия всех мерзостей национал-либеральной рабочей политики, а не для прикрытия их,—вот единственная марксистская линия в рабочем движении мира.

В следующей статье мы попытаемся подытожить главные отличительные особенности этой линии в противовес каутскианству.

«Сборник Социал-Демократа» № 2,
декабрь 1916 года.
За подписью Н. Ленин.

Поворот в мировой политике.

На улице пасифистов нечто вроде праздника. Ликуют добродетельные буржуа нейтральных стран: «мы достаточно нагрели руки на военных прибылях и дороживизне; не довольно ли? больше, пожалуй, все равно прибыли уже не получишь, а народ может и не стерпеть до конца»...

Как же им не ликовать, когда «сам» Вильсон «перефразирует» пасифистское заявление итальянской социалистической партии, только что принявшей в Кинтале официальную и торжественную резолюцию о полнейшей несостоительности социал-пасифизма?

Удивительно ли, что Турати торжествует в «Аванти» по поводу этой перефразировки Вильсоном их, итальянских «тоже-социалистических» пасифистских фраз? Удивительно ли, что французские социал-пасифисты и каутскианцы в своем «Le Populaire» любовно «объединяются» с Турати и с Каутским, который выступил в немецкой социал-демократической печати с пятью особенно глупыми пасифистскими статьями, тоже, конечно, «перефразирующими» поставленную событиями на очередь дня болтовню о добреньком демократическом мире.

А эта болтовня в настоящее время действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная объективная почва. Такую почву создал поворот в мировой политике от империалистской войны, наградившей народы величайшими бедствиями и величайшим предательством социализма господами Плехановыми, Альбертами Тома, Легиными, Шейдеманами и проч., к империалистическому миру, который имеет наградить народы величайшим обманом добреньких фраз, полуреформ, полууступочек и т. п.

Этот поворот наступил.

Нельзя знать в данный момент,—и сами руководители империалистской политики, финансовые короли и коронованные разбойники не в состоянии определить этого с точностью—когда именно придет этот империалистский мир, какие до тех пор произойдут изменения на войне, каковы будут детали этого мира. Но это и не важно. Важен факт поворота к миру, важен основной характер этого мира, а эти два обстоятельства достаточно уже выяснены предыдущим развитием событий.

За 29 месяцев войны ресурсы обеих империалистских коалиций достаточно определились, все или почти все возможные союзники из числа ближайших «соседей», представляющих серьезную величину, втянуты в войну, силы армии и флотов испытаны и переиспытаны, измерены и переизмерены. Финансовый капитал нажил миллиарды: гора военных долгов показывает размеры дани, которую пролетариат и неимущие массы «должны» теперь выплачивать десятилетиями международной буржуазии за то, что она всемилостивейше позволила им перебить миллионы своих братьев по наемному рабству в войне за дележ империалистской добычи.

Содрать при помощи да иной войны еще больше шкур с волов наемного труда, пожалуй, уже нельзя—в этом одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике. Нельзя потому, что исчерпываются ресурсы вообще. Американские миллиардеры и их младшие братья в Голландии, Швейцарии, Дании и прочих нейтральных странах начинают замечать, что золотой родник оскудевает,—в этом источник роста нейтрального пасифизма, а не в благородных гуманистических чувствах, как думают наивные, жалкие, смешные Турати, Каутский и К-о.

А к тому же растет недовольство и возмущение масс. Мы привели в предыдущем номере свидетельства Гучкова и Гельфериха, показывающие, что оба они боятся революции. Не пора ли кончать первую империалистскую войну?

Объективные условия, вынуждающие прекращение войны, дополняются таким образом воздействием классового инстинкта и классового расчета обожравшейся военными прибылями буржуазии.

Политический поворот на почве этого экономического поворота идет по двум главным линиям: победившая Германия отказалась от своего главного врага, Англии, ее союзников, с

одной стороны тем, что как раз не Англии, а именно этим союзникам нанесены (и могут быть еще нанесены) самые тяжелые удары, а с другой стороны, тем, что награбивший очень и очень много германский империализм в состоянии дать союзникам Англии полууступочки.

Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией все-таки за к л ю ч е н. Изменена только ф о р м а политической сделки между этими двумя разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: «если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов. Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?»

«Конечно, не расчет» — должен был ответить Вильгельм, если ему прямо или косвенно сказана была такая вещь. «Да и к чему нам открытый сепаратный мир или вообще написанный на бумаге? Разве нельзя того же добиться иным, более тонким, путем? Я обращусь открыто ко всему человечеству с предложением осчастливить его благами мира. Под сурдинку я мигну французам, что я готов отдать назад всю или почти всю Францию и Бельгию за «божеckие» уступки их колоний в Африке, — а итальянцам, что они могут рассчитывать на «кусочек» итальянских земель Австрии, плюс кусочки на Балканах. Я в силах добиться того, что мои предложения и планы станут известны народам: смогут ли тогда англичане удержать дальше своих западно-европейских союзников? А мы с тобой разделим Румынию, Галицию, Армению — Константиполя же тебе, о мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать. Польши, о мой августейший брат, все равно, как ушей, не увидать!».

Был ли такой разговор, знать нельзя. Да это и не существенно. Существенно то, что дела пошли и м е н н о т а к. Если царь не согласился на доводы германских дипломатов, то «д о в о д ы» армии Макензена в Румынии должны были подействовать повнушительнее.

А о плане дележа Румынии между Россией и «четверным союзом» (т.-е. союзниками Германии, Австрией и Болгарией) говорят уже о т к р ы т о в германской империалистской печати! А болт-

ливый Эрвэ уже пробалтывается: мы не сможем заставить народ воевать, если он узнает, что мы с е й ч а с ж е можем получить назад Бельгию и Францию. И пасифистские дурачки из нейтральной буржуазии уже пущены «в дело»: им развязал рот Вильгельм! А пасифистские... мудрецы из социалистов, Турати в Италии, Каутский в Германии и пр., и пр., лезут из кожи, прилагая свою гуманность, свое человеколюбие, свою неземную добродетель (и свой высокий ум) к прикрашиванию грядущего империалистского мира!

Как хорошо вообще устроено все в этом лучшем из миров! Запутались мы, финансовые короли и коронованные разбойники, в политике империалистского грабежа, пришлось воевать—ну, что ж? мы наживемся на войне не хуже, чем на мире, даже гораздо лучше! А лакейской челяди для провозглашения нашей войны «освободительной», всех этих Плехановых, Альбертов Тома, Легинов, Шейдеманов и К-о, у нас сколько угодно! Приходит пора заключить империалистский мир?—ну, что ж? Военные долги, ведь это уже обязательства, гарантирующие наше священное право на взимание стократной дани с народов? А простаков для прикрашивания этого империалистского мира, для надувания народов сладенькими речами, у нас сколько угодно, возьмите хоть Турати, Каутского и прочих «вождей» всемирного социализма!

В том-то и состоит трагикомедия выступлений Турати и Каутского, что они не понимают той действительной, объективной политической роли, которую они играют, роли попиков, утешающих народы, вместо того, чтобы поднимать их на революцию, роли буржуазных адвокатов, которые пышными фразами о всяких хороших вещах вообще и о демократическом мире в особенности затушевывают, прикрывают, прикрашивают, приодевают отвратительную наготу торгующего народами и кромсающего страны империалистского мира.

В том-то и состоит принципиальное единство социал-шовинистов (Плеханов и Шейдеман) и социал-пасифистов (Турати и Каутского), что и те, и другие объекты представляют из себя устаревших империализма: одни «служат» ему, прикрашивая империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», другие служат тому же империализму, прикрашивая фразами о демократическом мире назревающий и подготовляемый империалистический мир.

Империалистской буржуазии нужны лакеи обоих видов и оттенков: Плехановы—чтобы криками «долой завоевателей» поощрять продолжение бойни, Каутские—чтобы сладеньким воспеванием мира утешать и успокаивать слишком озлобленные массы.

Поэтому и общее объединение социал-шовинистов всех стран в социал-пацифистами,—тот общий «заговор против социализма», о котором говорит одно обращение Международной Социалистической Комиссии в Берне, та «всеобщая амнистия», о которой не раз говорили мы,—не будет случайностью, а лишь проявлением³ принципиального единства обоих этих направлений мирового тоже «социализма». Не случайно, что Плеханов в одно и то же время иступленно кричит об «измене» Шейдеманов и намекает на мир и единство с этими господами, когда придет тому время.

Но—возразит, пожалуй, читатель—разве можно забывать, что империалистский мир «все же лучше» империалистской войны? Что если не вся, то, «по возможности», «частями» программа демократического мира может быть осуществлена? Что независимая Польша лучше, чем русская Польша? Что присоединение итальянских земель Австрии к Италии есть шаг вперед?

Подобными соображениями и прикрывают себя защитники Турали и Каутского, не замечая, что из революционных марксистов они превращаются тем в дюжинных буржуазных реформистов.

Разве можно, не сойдя с ума, отрицать, что Бисмарковская Германия и ее социальные законы «лучше» Германии до 1848 года? Столыпинские реформы «лучше» России до 1905 года? Разве на этом основании немецкие социал-демократы (они были еще тогда социал-демократами) голосовали за Бисмарковские реформы? Разве Столыпинские реформы прикрашивались или хотя бы поддерживались русскими социал-демократами, кроме, конечно, г. г. Потресова, Маслова и К-о, от коих теперь отвертывается с презрением даже член их собственной партии Мартов?

История не стоит на месте и во время контр-революций. История шла вперед и во время империалистской бойни 1914—1916 годов, которая была продолжением империалистской политики предыдущих десятилетий. Мировой капитализм, который в 60—70-х годах прошлого века был передовой и прогрессивной силой свободной конкуренции и который в начале XX века пе-

перос в монополистический капитализм, т.-е. империализм, сделал за время войны изрядный шаг вперед не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в государственный капитал. Силу национального сцепления, значение национальных симптомов обнаружило в эту войну поведение, например, ирландцев в одной империалистской коалиции, чехов в другой. Сознательные вожди империализма говорят себе: мы не можем, конечно, осуществить свои цели без удушения мелких народов, но ведь есть два способа удушения. Бывают случаи, когда надежнее—и выгоднее—получить искренних, добросовестных «защитников отечества» в империалистской войне путем создания политически независимых государств, о финансовой зависимости которых «мы» уже позаботимся! Выгоднее быть союзником (при серьезной войне империалистских держав) независимой Болгарии, чем господином зависимой Ирландии! Довершение недоделанного в области национальных реформ может иногда внутренно укрепить империалистскую коалицию—это правильно учитывает, например, один из особенно подлых холопов германского империализма, К. Реннер—разумеется, герой, стоящий за «единство» социал-демократических партий вообще и за единство с Шейдеманом и Каутским в особенности.

Объективный ход вещей берет свое, и как душители революций 1848 и 1905 г.г. были, в известном смысле, их душеприказчиками, так дирижеры империалистской бойни вынуждены проводить известные государственно-капиталистические, известные национальные реформы. А к тому же надо уступочками уступить массы, озлобленные войной и дороговизной: почему не обещать (и не провести частично—это ведь ни к чему не обязывает!) «сокращения вооружений». Все равно ведь война есть такая «отрасль промышленности», которая похожа на лесоводство: нужны десятилетия, чтобы подросли достаточно большие деревья... то бишь достаточно обильное и взрослое «пузечное мясо». А через десятилетия, мы надеемся, в недрах «единой» международной социал-демократии подрастут новые Плехановы, новые Шейдеманы, новые сладенькие примиренцы Каутские...

Буржуазные реформисты и пасифисты суть люди, которым, по общему правилу, в той или иной форме, платят за то, чтобы они укрепляли господство капитализма посредством починочек его, чтобы они усыпляли народные массы и отвлекали их от

революционной борьбы. Когда такие «вожди» социализма, как Турати и Каутский, посредством ли прямых заявлений (одним из них «обмолвился» Турати в своей печально-знаменитой речи 17 декабря 1916 года) или посредством умолчаний (на которых такой мастер Каутский) внушают массам мысль о возможности демократического мира, вырастающего из теперешней империалистской войны, при сохранении буржуазных правительств, без революционного восстания против всей сети империалистских мировых соотношений,—тогда мы обязаны заявить, что подобная проповедь есть обман народа, что она не имеет ничего общего с социализмом, что она сводится к подкрашиванию империалистского мира.

Мы за демократический мир. И именно поэтому мы не хотим лгать народам, как лгут—конечно, из самых благих намерений и с самыми добродетельными побуждениями—Турати и Каутский. Мы будем говорить правду: что демократический мир невозможен, если революционный пролетариат Англии, Франции, Германии и России не свергнет буржуазных правительств. Мы считаем величайшей нелепостью, если бы революционные социал-демократы стали отрекаться от борьбы за реформы вообще, в том числе и за «государственное строительство». Но именно теперь Европа переживает такой момент, когда, больше, чем обыкновенно, следует памятовать истину, что реформы суть побочный результат революционной классовой борьбы. Ибо на очередь дня—не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей—поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс, создающих новые устои, а не сделками на почве сгнившего и отмирающего старого.

Именно теперь, когда правящая буржуазия готовится к тому, чтобы мирно разоружить миллионы пролетариев и безопасно перевести их—под прикрытием благовидной идеологии и непременно окропив их святой водицей сладеньких пасифистских фраз!—из грязных, вонючих смрадных траншей, где они занимались бойней, на каторги капиталистических фабрик, где они должны «честным трудом» отрабатывать сотни миллиардов государственного долга, именно теперь получает еще большее значение, чем в начале войны тот лозунг, с которым обратилась к народам наша партия осенью 1914 года: превращение империалистской войны в гражданскую войну за социализм. Карл Либкнехт, осу-

жденный на каторгу, присоединился к этому лозунгу, когда сказал с трибуны рейхстага: обратите оружие против своих классовых врагов внутри страны! Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию всей хозяйственной жизни свыше, чем полусотни миллионов человек из одного центра. Если это возможно под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горстки финансовых тузов, то это наверное не менее возможно под руководством сознательных рабочих в интересах девяти десятых населения, истомленного голодом и войной.

Но чтобы руководить массами, сознательные рабочие должны понять полную гнильность таких вождей социализма, как Турати, Каутский и К-о. Эти господа мнят себя революционными социал-демократами и глубоко возмущаются, когда им говорят, что их место в партии г. г. Биссолати, Шейдемана, Легина и К-о. Но у Турати и Каутского нет никакого понимания того, что только революция масс способна решить поставленные на очередь дня великие вопросы, у них нет ни капли веры в революцию, ни капли внимания и интереса к тому, как зреет она в сознании и настроении масс именно в связи с войной. Их внимание целиком поглощено реформами, сделками между частями господствующих классов, к ним они обращаются, их «уговаривают», к ним хотят приспособить рабочее движение.

А все дело теперь именно в том, чтобы сознательный авангард пролетариата устремил свои помыслы и собрал свои силы для революционной борьбы за свержение своих правительств. Таких революций не бывает, какие «готовы» признать и Турати, и Каутский, именно таких, чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы. Революционная ситуация в Европе на-лицо. На-лицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс. На усиление этого потока должны направить все свои силы революционные социал-демократы. От силы революционного движения, в случае его малого успеха, будет зависеть то, какая доля из «обещанных» реформ осуществится на деле, и принесет хоть сколько-нибудь пользы дальнейшей борьбе рабочего класса. От силы революционного движения, в случае его успеха, будет зависеть победа социализма в Европе и осуществление неимпериалистского перемирия между борьбой Германии против России и Англии и борьбой России с

Германией против Англии или борьбой Соединенных Штатов против Германии и Англии и т. п., а действительно прочного и действительно демократического мира.

«Социал-Демократ» № 58
от 31 января 1917 года.

Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии.

Цюрихский съезд соц.-дем. партии Швейцарии (4—5 ноября 1916 г.) окончательно доказал, что решения этой партии о присоединении к Циммервальду и о признании революционной массовой борьбы (резолюция съезда в Аареу 1915) остаются только на бумаге и что внутри партии вполне сложился «центр», т.-е. направление, соответствующее направлению Каутского-Гаазе и «Arbeitsgemeinschaft» в Германии, Longuet-Pressemanne и К-о во Франции. Этот «центр», во главе которого оказался Р. Гримм, соединяет «левые» заявления с «правой», т.-е. оппортунистической, тактикой.

Поэтому задачей левых циммервальдцев в швейцарской с.-д. партии является немедленно и безусловно сплотить свои силы для систематического воздействия на партию в таком духе, чтобы решение съезда в Аареу не оставалось мертвой буквой. Такое сплочение сил левых циммервальдцев тем более настоятельно необходимо, что и аараусский и цюрихский съезды не оставляют ни тени сомнения в революционных и интернационалистских симпатиях швейцарского пролетариата. Недостаточно принимать резолюции сочувствия Либкнехту; надо взять всерьез его лозунг, что теперешние с.-д. партии нуждаются в возрождении (Regeneration).

Платформа левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии должна бы быть, приблизительно, следующая:

I. Отношение к войне и к буржуазному правительству вообще.

1. «Защита отечества» со стороны Швейцарии как в настоящей империалистской войне, так и в готовящихся новых империалистских войнах есть не что иное, как буржуазный обман народа, ибо

на деле участие Швейцарии в теперешней войне и в других подобных войнах было бы лишь участием в грабительской и реакционной войне в союзе на стороне одной из империалистических коалиций, а отнюдь не войной за «свободу», «демократию», «независимость» и т. п.

2. Отношение швейцарской с.-д. партии к буржуазному швейцарскому правительству и ко всем буржуазным партиям Швейцарии должно быть отношением полного недоверия. Ибо это правительство—а) находится в самой тесной экономической и финансовой связи и полной зависимости от буржуазии «великих» империалистских держав; б) оно давно уже и по всей линии повернуло к политической реакции в международных и внутренних делах (политич. полиция; раболепство перед европейской реакцией и европейскими монархиями и т. д.); с) оно доказало всей своей политикой за целый ряд лет (военная реорганизация 1907 г. и т. д.; «дела» Эгли, де-Ло и пр. и пр.), что оно все больше и больше превращается в пешку в руках реакционнейшей швейцарской военной партии и военной клики.

3. В силу этого единственной насущнейшей задачей с.-д. партии в Швейцарии является разоблачать истинный характер раболепствующего перед империалистической буржуазией и военщины правительства, раскрывать обман им народа посредством фраз о демократии и пр., выяснять полнейшую возможность того, что это правительство (с согласия всей правящей Швейцарии буржуазии) продаст интересы швейцарского народа той или иной империалистской коалиции.

4. Поэтому в случае вовлечения Швейцарии в данную войну обязанность с.-д. безусловно отвергать «защиту отечества» и разоблачать обман народа этим лозунгом. Не за свои интересы и не за демократию, а за интересы империалистской буржуазии стали бы умирать рабочие и крестьяне в такой войне. Социалисты Швейцарии, как и др. передовых стран, могут и должны признать военную защиту отечества, лишь, когда это отечество будет перестроено социалистически, т.-е. защиту пролетарской социалистической революции против буржуазии.

5. Ни в мирное, ни в военное время с.-д. партия и депутаты ее никоим образом не могут голосовать за военные кредиты, какими бы обманными речами о «защите нейтральности» и пр. такое голосование ни оправдывалось.

. . . тветом на войну со стороны пролетариата должна быть пропаганда, подготовление и осуществление революционных массовых действий с целью низвержения господства буржуазии, завоевания политической власти и осуществления социалистического строя, который один избавит человечество от войн, и решимость осуществить который зреет в сознании рабочих в с е х стран с невиданной раньше быстротой.

7. В числе революционных действий должны быть демонстрации и массовые стачки, но никоим образом не отказ от военной службы. Напротив, не отказ брать оружие, а только обращение оружия против с в о е й буржуазии может отвечать задачам пролетариата и соответствовать лозунгам лучших представителей интернационализма, напр., К. Либкнехта.

8. Малейшие шаги правительства перед войной или во время войны к отмене или стеснению политических свобод должны повести к образованию с.-д. рабочими нелегальных организаций, имеющих целью систематическую, настойчивую, не останавливающуюся перед жертвами пропаганду войны войне перед массами и разъяснение массам истинного характера войны.

II. Д о р о г о в и з н а и н е в ы н о с и м о е э к о н о м и- ческое положение масс.

9. Не только в воюющих странах, но и в Швейцарии война привела к неслыханному, скандальному обогащению кучки богатых и к невероятной нужде масс вследствие дороговизны и недостатка жизненных припасов. Главной задачей с.-д. партии должна быть не реформистская, а революционная борьба против этого бедствия,—систематическая и настойчивая, не останавливающаяся перед неизбежными временными трудностями и поражениями, пропаганда и подготовка такой борьбы.

10. В ответ на многочисленные буржуазные проекты финансовых реформ главной задачей с.-д. партии должно быть разоблачение попыток буржуазии свалить на рабочих и беднейших крестьян тяжести мобилизации и войны.

Ни в каком случае и ни под какими предлогами не может соц.-дем. соглашаться на косвенные налоги. И решение съезда в Аарau (1915), и резолюция Huber-Grimm на съезде в Цюрихе (1916), допускающие согласие с.-д. на косвенные налоги, должны быть отменены. Все с.-д. организации должны тотчас же начать

самую энергичную подготовку к съезду партии в феврале 1917 г. в Берне и выбирать на съезд только таких делегатов, которые согласны на такую отмену.

Это задача либеральных чиновников, а никоим образом не революц. с.-д., помогать буржуазному правительству вывернуться из теперешних трудностей при сохранении капиталистического строя, т.-е. при увековечении нужды масс.

11. С.-д. должны как можно шире пропагандировать перед массами насущную необходимость единого федерального поимущественного и подоходного налога с высокими и возрастающими ставками, не ниже следующих:

Имущество.	Доход.	Процент налога.
20.000 фр.	5.000	Свобода от налога.
50.000 »	10.000	10%
100.000 »	25.000	40%
200.000 »	60.000	60% и т. д.

Налог на пользующихся пайсионами:

до 4 фр. в день	—	свобода от налога.
в 5 » » »		1%
» 10 » » »		20%
» 20 » » »		25% и т. д.

12. С.-д. должны беспощадно бороться с той буржуазной ложью, которую распространяют и многие оппортунисты среди с.-д. партии и которая состоит в том, будто «непрактично» пропагандировать революционно-высокие ставки поимущественного и подоходного налога. Напротив, это есть единственная и единственная с.-д-ая политика, ибо, во-первых, мы должны не приспособляться к тому, что «приемлемо» для богатых, а апеллировать к широким массам бедных и неимущих, относящихся равнодушно или с недоверием к с.-д-ой партии в значительной степени именно в силу реформистского оппортунистического характера ее. Во-вторых, единственный способ добиться уступок от буржуазии состоит не в «сделках» с ней, не в «приспособлении» к ее интересам или к ее предрассудкам, а в подготовке революционных сил масс против нее. И чем большую часть народа убедим мы в справедливости революционно-высоких ставок налога и в необходимости борьбой завоевать их, тем скорей пойдет на уступки буржуазия, а мы воспользуемся каждой, даже маленькой, уступкой для неуклонной борьбы за полную экспроприацию буржуазии.

13. Установление предельного максимума для жалованья всех без исключения служащих и чиновников, *Bundesräte* *) и пр., в размере 5—6 тыс. фр. в год, смотря по числу членов семьи. Запрещение всякой кумуляции других доходов под угрозой тюремного заключения и конфискации этих доходов.

14. Принудительное отчуждение фабрик и заводов—в первую голову необходимых для обеспечения средств к жизни населению, а также всех сельско-хозяйственных предприятий, имеющих свыше 15 ha земли (свыше 40 «Jucharten») (число таких предприятий в Швейцарии всего 22 тыс. из 252 тыс., т.-е. менее $\frac{1}{10}$ всего числа с.-х. предприятий). Систематические меры на почве этих преобразований для повышения производства съестных припасов и обеспечения народа дешевыми продуктами.

15. Немедленное принудительное отчуждение в пользу государства всех водных сил Швейцарии, с применением к этому, как и к другим отчуждениям, вышеуказанных ставок поимущественного и подоходного налогов.

III. Особо наущные демократические преобразования и использование политической борьбы и парламентаризма.

16. Использование парламентской трибуны и права инициативы и референдума не реформистски, т.-е. не для защиты реформ, «приемлемых» для буржуазии, и потому бессильных устраниТЬ главные и коренные бедствия масс, а для пропаганды социалистического преобразования Швейцарии, которое вполне осуществимо экономически и становится все более настоятельно-необходимым как вследствие невыносимой дороговизны и гнета финансового капитала, так и в силу международных отношений, создаваемых войной и толкающих пролетариат всей Европы на путь революции.

17. Отмена в сех без исключения ограничений политических прав женщин по сравнению с правами мужчин. Разъяснение массам особой наущности этого преобразования в такое время, когда война и дороговизна волнуют широкие народные массы и привлекают в особенности интересы и внимание женщин к политике.

---

*) Члены союзного правительства. Ред.

18. Введение принудительного перехода иностранцев в швейцарское подданство (*Zwangseinbürgerung*), без всяких расходов. Каждый иностранец, пробывший 3 месяца в Швейцарии, становится швейцарским подданным, если он в силу особо уважительных причин не будет ходатайствовать об отсрочке не более как на 3 месяца. Разъяснение массам особой насущности такой реформы для Швейцарии не только с общедемократической точки зрения, но и ввиду того, что империалистская обстановка Швейцарии сделала ее государством с наибольшим во всей Европе процентом иностранцев. $\frac{9}{10}$ этих иностранцев говорят на одном из 3 языков Швейцарии. Политическое бесправие иностранных рабочих и отчужденность их усиливает и без того растущую политическую реакцию и ослабляет интернациональную солидарность пролетариата.

19. Немедленный приступ к агитации за то, чтобы кандидаты от с.-д. партии на выборах 1917 г. в *Nationalrat* выставлялись лишь на основе предварительного и всестороннего обсуждения перед избирателями политической платформы, в особенности вопроса об отношении к войне и к защите отечества и вопроса о реформистской или революционной борьбе с дороживизной.

IV. О ч е р е д н ы е з а д а ч и п а р т и й н о й п р о п а г а н д ы, а г и т а ц и и и о р г а н и з а ц и и.

20. Действительное проведение в жизнь Аарауского решения о революционной борьбе масс невозможно без систематической и упорной работы над расширением с.-д. воздействия на массы, без вовлечения новых слоев трудящейся и эксплуатируемой массы в движение. Пропаганда и агитация за социальную революцию должны вестись более конкретно, наглядно, непосредственно-практически, так чтобы быть понятными не только для организованных рабочих, которые всегда останутся при капитализме меньшинством пролетариата и угнетенных классов вообще, но и для большинства эксплуатируемых, неспособных в силу ужасного гнета капитализма к систематической организации.

21. Для воздействия на более широкие массы партия должна перейти к более систематическому изданию раздаваемых даром летучих листков, разъясняющих массам, что революционный пролетариат борется за социалистическое преобразование Швейцарии

необходимое для $\frac{9}{10}$ населения и лежащее в его интересах. Организация открытого соревнования всех секций партии и особенно организаций молодежи в деле распространения таких листков, агитация по улицам, домам и квартирам; усиление внимания и и энергии, обращаемых на агитацию среди сельских рабочих, батраков и поденщиков, а также беднейшей части крестьян, которая не эксплуатирует наемных рабочих и не наживается на земледелии, а страдает от нее. Требование от парламентских представителей партии (National-, Kantons-, Gross- und sonstige и пр. Räte), чтобы они использовали свое особо выгодное политическое положение не столько для реформистского празднословия в парламенте, законно вызывающего скучу и недоверие рабочих, сколько для проповеди социалистической революции среди наименее отсталых слоев пролетариата и полу proletariата в городах и особенно в деревне.

22. Решительный разрыв с теорией «нейтральности» экономических организаций рабочего класса, служащих и т. д. Разъяснение массам той истины, которую особенно наглядно подтвердила война, именно: что так называемая «нейтральность» есть буржуазный обман или лицемерие, что она означает на деле пассивность подчинение буржуазии и ее особо гнусным предприятиям, вроде империалистской войны. Усиление с.-д. работы среди всех и всяких союзов рабочего класса и беднейших слоев мелкой буржуазии или служащих, образование особых групп с.-д. внутри всех таких союзов, систематическая подготовка такого положения дела, чтобы во всех этих союзах революционная с.-д-тия была в большинстве и имела правление в своих руках. Разъяснение массам особой важности этого условия для успеха революционной борьбы.

23. Расширение и усиление с.-д. работы в войске как перед вступлением молодежи в ряды его, так и во время отбывания службы. Создание с.-д. групп во всех воинских частях. Разъяснение исторической неизбежности и законности, с точки зрения социализма, употребления оружия в единственno-законной войне, именно в войне пролетариата с буржуазией за освобождение человечества от наемного рабства. Пропаганда против изолированных аттентатов (покушений) во имя связи борьбы революционной части войска с широким движением пролетариата и эксплуатируемых в населении вообще. Усиление пропаганды той части Ольтенского решения, которое рекомендует солдатам

отказ в повиновении при употреблении войска против стачечников, а равно необходимости не ограничиваться пассивным отказом в повиновении.

24. Развяснение массам неразрывной связи между практической работой в последовательном революционно-социал-демократическом направлении, развитом выше, и систематической практикой борьбой между времяглавами и направлениями современного рабочего движения, сложившимися во всех цивилизованных странах и окончательно обрисовавшихся также в Швейцарии (особенно на Цюрихском съезде 1916 г.). Эти три направления: 1) социал-патриоты, т.е. открыто признающие «защиту отечества» в данной, империалистской войне 1914—1916 г.г. Это оппортунистическое направление агентов буржуазии в рабочем движении; 2) левые циммервальдисты, принципиально отвергающие «защиту отечества» в империалистской войне, стоящие за раскол с социал-патриотами, как с агентами буржуазии, и за революционную борьбу масс в связи с полной реорганизацией с.-д. тактики применительно к пропаганде и подготовке такой борьбы; 3) так называемый «центр» (Каутский-Гаазе, «Arbeitsgemeinschaft» в Германии; Longuet-Pressemann во Франции) *), стоящий за единство 1-го и 2-го направления. Такое «единство» лишь связывает руки революционной с.-д-тии, не позволяя ей развернуть работы и разворачивая массы отсутствием неразрывной полной связи между принципами партии и ее практикой.

[Развяснение массам значения речей Грейлиха, Нэна и Платтена на съезде в Цюрихе в 1916 г., соглашавшихся в признании наличности 2-х главных направлений, но с разных сторон подходивших к оценке их и не делавших всех выводов до конца] **).

На съезде швейцарской с.-д. партии в Цюрихе в 1916 г. в трех речах по вопросу о Nationalratsfraktion ***), именно в речах Платтена, Нэна и Грейлиха, особенно ясно выразилось признание того, что борьба различных направлений с.-д. политики внутри

*) В немецкой с.-д. печати «центр» приравнивают иногда, и совершенно справедливо, к правому крылу «циммервальдцев».

**) Строки, заключенные в квадратные скобки, зачеркнуты в оригинале самим автором. Ред.

***) Парламентской фракции. Ред.

с.-д. партии Швейцарии давно стала фактом. Сочувствие большинства делегатов было явно на стороне Платтена, когда он говорил о необходимости стоять последовательно за работу в духе революционной с.-д. Нэн прямо, точно, определенно заявил, что внутри Nationalratsfraktion борются постоянно два направления и что рабочие организации должны сами позаботиться о посыпке в Nationalrat действительно солидарных между собою сторонников революционного направления. Когда Грейлих говорил о том, что партия бросила своих старых «любимчиков» (Lieblinge) и нашла себе новых «любимчиков», он признал тот же факт существования и борьбы разных направлений. Но с «теорией любимчиков» не согласится ни один сознательный и думающий рабочий. Именно для того, чтобы неизбежная и необходимая борьба направлений не вырождалась в состязание «любимчиков», в личные конфликты, в мелкие заподозривания, в скандалчики, именно для этого обязаны все члены с.-д. партии заботиться об открытой принципиальной борьбе различных направлений с.-д. политики.

25. Усиленная борьба против Grütli-Verein'a с принципиальной точки зрения, как с наглядным проявлением на швейцарской почве тенденций; буржуазной рабочей политики, именно оппортунизма, реформизма, социал-патриотизма, развращения масс буржуазно-демократическими иллюзиями. Разъяснение массам всей ошибочности и всего вреда политики социал-патриотизма и «центра» на примере конкретной деятельности Grütli-Verein'a.

26. Немедленный приступ к подготовке выборов на февральский (1917 г.) съезд партии в Берне, с тем, чтобы эти выборы происходили не иначе как на основании обсуждения в каждой организации партии принципиальных и конкретно-политических платформ. Таковой платформой последовательных революционных с.-д. интернационалистов должна явиться настоящая платформа. Выборы должностных лиц на все руководящие посты партии, в Presskommission, во все представительные учреждения, во все правления и пр. не иначе, как на основании такого же обсуждения платформы

Внимательный контроль каждой местной организации за местным партийным органом печати с точки зрения проведения взглядов и тактики не только с.-д. вообще, а именно точно о пределенной платформе с.-д. политики.

V. Международные задачи швейцарских с.-д.

27. Чтобы признание интернационализма швейцарскими с.-д. не оставалось пустым, ни к чему не обязывающим словом,—таким же пустым словом, каким всегда ограничиваются сторонники «центра» и вообще с.-д. эпохи II Интернационала,—для этого необходимо, во-первых, последовательно и неуклонно бороться за организационное сближение и слияние в одних и тех же союзах и за полное (гражданское и политическое) равноправие рабочих иностранных и рабочих швейцарских. Специфическая особенность империализма в Швейцарии состоит именно в растущей эксплоатации бесправных иностранных рабочих швейцарской буржуазией которая строит свои надежды на отчуждении этих двух разрядов рабочих.

Во-вторых, необходимо все усилия приложить, чтобы среди немецких, французских и итальянских рабочих Швейцарии выработалось единое, на деле, по всей практике рабочего движения, единое интернационалистское направление, борющееся одинаково решительно и одинаково принципиально с социал-патриотизмом и французским (романской Швейцарии) и немецким и итальянским. Настоящая платформа должна лежать в основу общей и единой платформы рабочих в трех главных нациях или языков, живущих в Швейцарии. Без такого слияния рабочих, стоящих на стороне революционной с.-дем. во всех нациях Швейцарии, интернационализм есть пустое слово.

Для облегчения проведения в жизнь такого слияния надо добиться издания приложений (хотя бы ежемесячных и только в 2 страницы для начала) ко всем с.-д. газетам (и ко всем органам экономических союзов рабочих, служащих и т. д.) Швейцарии, перепечатываемых на трех языках и развивающих, в связи с политикой каждого дня, настоящую платформу.

28. Швейцарские с.-д. должны поддерживать только революционно-интернационалистские, стоящие на почве циммервальдской левой, элементы всех других социалистических партий, при чем эта поддержка не должна оставаться платонической. Особенно важно переиздание в Швейцарии воззваний, печатаемых тайно против правительства в Германии, Франции, Италии, перевод их на все 3 языка и распространение как среди швейцарского пролетариата, так и среди пролетариата всех соседних стран.

29. С.-д. партия Швейцарии должна не только провести на съезде в Берне (февр. 1917 г.) присоединение, и притом безоговорочное, к решениям Кантальской конференции, но и требовать, с своей стороны, немедленного, полного, организационного разрыва с I. S. B. *) в Гааге, которое является оплотом оппортунизма и социал-патриотизма, непримиримо враждебных интересам социализма.

30. С.-д. партия Швейцарии, находящаяся в исключительно благоприятных условиях для ознакомления с происходящим в рабочем движении передовых стран Европы и для объединения революционных элементов этого рабочего движения, должна не ждать пассивно развития внутренней борьбы внутри него, а и т т и в п е р е д и такой борьбы. Именно: она должна итти по тому пути циммервальдской левой, правильность которого с каждым днем все нагляднее обнаруживается ходом событий в социализме Германии, Франции, Англии, Соед. Штатов и всех вообще цивилизованных стран.

Открытое письмо к Шарлю Нэну, члену Межд. Соц. Комиссии в Берне.

Уважаемый товарищ! Выступление господина нац. советника Роберта Гrimма 7 января т. г. на заседании правления партии вместе со всеми социал-националистами и в значительной степени во главе их за резолюцию об отсрочке партийного съезда переполняет чашу терпения и окончательно разоблачает г. нац. советника Р. Гrimма.

Председатель Международной Социалистической Комиссии, выбранной в Циммервальде, председатель Циммервальдской и Кантальской конференций, самый «авторитетный» представитель перед всем миром всего циммервальдского объединения, выступает вместе с социал-патриотами и во главе их, как прямой изменник Циммервальду, выступает с предложением сорвать партийный съезд, давно и специально назначенный для решения — в самой свободной и по условиям места и времени, самой интернационально влиятельной стране Европы — для решения вопроса о защите отечества в империалистской войне!!

---

*) Междунар. Соц. Бюро. Ред.

Можно ли молчать? Можно ли сохранять спокойствие пред лицом такого факта, который навсегда опозорил бы, навсегда превратил бы в комедию все циммервальдское движение, если бы с г. нац. советника Р. Гrimма не была сорвана маска?

Швейцарская социалистическая партия, единственная из европейских социалистических партий, которая прямо и официально на открытом съезде, без помехи военной цензуры и военных властей примкнула к Циммервальду, поддержала его, дала двух членов Международной Социалистической Комиссии, выступила перед всем миром как главнейшая представительница циммервальдского движения, если не говорить об итальянской партии, поставленной в неизмеримо более трудные условия вследствие гнета военного положения. И вот, в швейцарской социалистической партии, которая на своем съезде в Цюрихе 4—5 ноября 1916 года окончательно решила после проволочек, вызванных, между прочим, борьбой пристив откровенных социал-патриотов, только осенью 1916 года отколовшихся от партии в особый *Grütli-Verein*, — решила созвать особый партийный съезд в феврале 1917 года в Берне для решения военного вопроса и вопроса о защите отечества, — в этой партии нашлись люди, которые решили не допустить этого съезда, сорвать его, не дать рабочим с а м и м, и притом именно во время войны, обсудить и решить вопрос об отношении к военщине и к защите отечества.

И во главе этих людей, политика которых бьет в лицо всему циммервальдскому движению, оказался председатель М. С. Комиссии!

Разве это не полная измена Циммервальду? Разве это не оплевание всех циммервальдских решений?

Стоит взглянуть хотя бы на некоторые из тех мотивов, которыми официально объясняется отсрочка съезда, чтобы понять все значение этай меры.

«Рабочие, видите ли, не готовы» еще решать этот вопрос!

Во всех манифестах, во всех резолюциях Циммервальда и Кинтала говорится много и много раз о том, что защита отечества в империалистской войне, войне между двумя империалистскими коалициями, войне из-за грабежа колоний и удушения слабых наций есть измена социализму все равно, относится ли это к «великим державам» или к маленьким нациям, сохранявшим до поры до времени свою нейтральность. На десятки ладов повторяется эта мысль во всех официальных документах Циммервальда и Кинтала. В сотнях статей и заметок все соц. газеты Швей-

царии и особенно «Berner Tagwacht», редактируемая г. нац.-советником Р. Гриммом, жевала и пережевывала эту мысль. В заявлениях симпатии К. Либкнехту, Хёглунду, Маклину и т. п., сотни раз подчеркивалось общее всем циммервальдцам убеждение, что эти люди в е р н о поняли положение и интересы м а с с ы, что сочувствие именно м а с с ы, т.-е. большинства угнетенных и эксплуатируемых, на их стороне, что пролетарии своим классовым инстинктом — всюду, и в «великой» воюющей Германии, и в маленькой нейтральной Швеции — схватывают ту истину, что защита отечества в империалистской войне есть изм ен а с о ц и а л и з м у.

А теперь председатель М. С. Комиссии, при восторженном одобрении и горячей поддержке всех определенных представителей социал-патриотизма внутри швейцарской соц. партии, Н. Gruelich'a, Р. Pflüger'a, Manz-Schäppi и т. д. и т. п., выступает с лицемерным и лживым доводом, будто съезд партии откладывается, ибо «рабочие не готовы».

Это — возмутительное, непереносимое лицемерие и ложь. Всем известно — и газета «Grüttliapeter» открыто печатает эту горькую правду, — что съезд откладывают потому, что названные социал-патриоты боятся рабочих, боятся рабочего решения против защиты отечества, г р о з я т сложить свои мандаты в нац.-рате *), если пройдет решение об отказе от защиты отечества. Социал-патриотические «вожди» швейц. соц. партии, стоящие и по сю пору, два с половиной года спустя после начала войны, за «защиту отечества», т.-е. за з а щ и т у империалистской буржуазии той или другой коалиции, эти вожди решили с о р в а т ь съезд, сорвать волю швейцарских социалистических рабочих, не позволить им обсудить во время войны, определить свое отношение к войне, к «защитникам отечества», т.-е. к лакеям империалистской буржуазии.

Вот в чем настоящая, всем прекрасно известная причина отсрочки съезда, вот в чем измена Циммервальду председателя М. С. Комиссии, перебежавшего на сторону социал-патриотов швейцарской соц. партии против швейц. сознательных рабочих!

Вот в чем горькая правда, которую уже высказал откровенно социал-патриотический «Grütlianer», — между прочим, всегда на-

*) Национальном совете — парламенте Швейцарии. Ред.

лучше осведомленный о том, что думают и делают г р ю т л и а-
н е р с к и е вожди — Грейлих, Пфлюгер, Huber, Manz-Schäppi
и К-о, в н у т р и соц. партии, — между прочим, писавший з а-
т р и д н я до заседания 7/I 1917 года... *).

Другой «официальный» мотив отсрочки съезда: комиссия, спе-
циально выбранная в декабре или даже ноябре 1916 г. для соста-
вления резолюций по военному вопросу, «не пришла к единс-
гласию»!!

Точно Гримм и К-о знали раньше, что единогласие н с, в о з м о ж и о по такому вопросу в швейцарской соц. партии, если в ней остаются, не переходя в социал-патриотическую грют-
ли-партию, такие «вожди», как Грейлих, Пфлюгер, Г. Мюллер, Губер, Манц-Шеппи, Отто Ланг и прочие, в п о л н е разделя-
ющие социал-патриотическую точку зрения «Грюти-союза» и
лишь о б м а н ы в а ю щ и е социалистических рабочих своим
участием в социалистической партии!

Точно летом 1916 года Гримм и К-о не видели ясно, что единогласия нет и быть не может по вопросу о защите отечества, ибо летом 1916 г. были напечатаны социал-патриотичес-
к и е тезисы Пфлюгера, Г. Мюллера и др., а Гримм, разумеется, тысячи раз не мог не видеть в Nat.-Rath'e социал-патриотических взглядов Грейлиха и К-о, если не большинства членов с.-д. фракции в Nat.-Rath'e!

Гримм и К-о желают обманывать социалистических рабочих Швейцарии. Поэтому, назначая комиссию, они не опубликовали имена членов. «A Grütlianer» сказал правду, опубликовав эти имена и добавив, как само собою разумеющуюся истину, всем известную истину, что единогласного ре-
шения подобная комиссия вынести не может!

Чтобы обманывать рабочих, Гримм и К-о не приняли поста-
новления н е м е д л е н н о опубликовать резолюций комиссии, скрывая от рабочих правду. А резолюции давно готовы и даже конфиденциально напечатаны!!

Как и следовало ожидать, имена Huber, Pflüger, Klöti, G. Müller значатся и под резолюцией, призывающей «защиту отечества», т.-е. оправдывающей измену социализму во время войны, империалистский характер которой разоблачен

*) В рукописи В. И-чем оставлено свободное место для цитаты.
Ред.

уже тысячу раз!! Имена Hebs, Affolter, Schneid *), Naine, Craber значатся под резолюцией, отвергающей «защиту отечества».

Посмотрите же, какую бесстыдную, бессовестную игру с социалистическими рабочими ведут Гримм и социал-патриоты.

Они кричат, что рабочие не готовы, и кричат это как раз тогда, когда сам же эти вожди скрывают от рабочих уже готовые резолюции, определенно ставящие перед рабочими два круга идей, две непримиримые политики, — политику социал-патриотическую и политику циммервальдскую!!

Гримм и социал-патриоты — бессовестные обманщики рабочих, ибо они именно и решили сорвать съезд, не публиковать резолюций, не дать рабочим открыто взвесить и обсудить обе политики, и они же кричат о «неподготовленности» рабочих!

Другие «официальные» доводы за отсрочку съезда: надо бороться с дороговизной, надо вести выборную кампанию и т. п.

Эти доводы — просто издевательство над рабочими. Кто же не знает, что мы — с.-д. — не против борьбы за реформы, но в отличие от социал-патриотов, в отличие от оппортунистов и реформистов мы не ограничиваемся борьбой за реформы, а подчиняя ее борьбе за революцию? Кто не знает, что именно эта политика изложена неоднократно в манифестах Циммервальда и Кинтала? Мы не против выборов и реформ для ослабления дороговизны, но на первую очередь мы ставим открытое заявление перед массами правды, именно: что нельзя преодолеть дороговизны иначе, как экспроприируя банки и крупные предприятия, т.-е. совершая социальную революцию.

А к чему зовет пролетариат каждый манифест циммервальдского объединения в ответ на войну? в связи с войной?

К революционной массовой борьбе, к обращению оружия против врага в собственной стране (см. последнее обращение I. S. K. «an die Arbeiterklasse», от конца декабря 1916 г.), т.-е. к обращению оружия против своей буржуазии, своего правительства.

Неужели не ясно отсюда для всякого, сколько-нибудь умеющего думать человека, что именно политика отказа от защиты

---

*) Полное имя — Schneider. Ред.

отечества связана с действительно революционной, с действительно социалистической борьбой против дороживши? с действительно социалистическим, а не буржуазно-реформистским, использованием выборной кампании?

Неужели не ясно, что именно социал-патриотическая политика, политика «защиты отечества» в империалистской войне есть политика реформизма, т.-е. буржуазно-реформистской, а не социалистической борьбы с дорожившой, борьбы со время выборной кампании?

Как же можно «откладывать» съезд, решающий вопрос о «защите отечества» (т.-е. о выборе между социал-патриотической и социалистической политикой), «под предлогом» борьбы с дорожившой и т. п.? Этым фальшивым, лживым доводом Гrimm и социал-патриоты хотят заставить от рабочих ту правду, что они и борьбу с дорожившой, и выборы, и проч. хотят проводить в буржуазно-реформистском, а не в циммервальдском духе?

6 августа 1916 г. в Цюрихе Grimm выступал перед 115 *Arbeitervertrauensleute aus der ganzen Schweiz* *) и он развил перед ними именно буржуазно-реформистскую и только реформистскую борьбу с дорожившой! Grimm «твердою поступью» идет к своей цели: к сближению с социал-патриотами против социалистических рабочих, против Циммервальда.

Но что особенно отвратительно при этом, так это то, что Grimm прикрывает свой переход на сторону социал-патриотов усиленной бранью против социал-патриотов нешвейцарских. Вот где один из самых глубоких корней изменины Grimm, вот где один из самых глубоких источников всей той политики обмана, которую вскрыло 7 января 1917 года.

Посмотрите на «*Berne Tagwacht*»: каких только ругательных слов не расточала эта газета по адресу социал-патриотов русских, французских, английских, немецких, австрийских, — одним словом, всех... кроме швейцарских! Grimm договорился до того, что назвал немецкого социал-патриота Эберта, члена *Parteivorstand'a* германской с.-д. партии «*einen Rausschmeisser in einem Bordell*» (*Berner Tagwacht* № от...).

Не правда ли, какой храбрец этот Grimm! Какой рыцарский воин этот Grimm! Как мужественно нападает он из Берна на

*) Ответственными работниками партии со всей Швейцарии. Ред.

социал-патриотов... в Берлине! Как благородно этот рыцарь умалчивает о социал-патриотах... в Берне и в Цюрихе!

Но чем же отличается Эберт в Берлине от Грейлиха, Манц-Шеппи, Пфлюгера в Цюрихе? от Густава Мюллера, Шнеебергера, Дюрра в Берне? Решительно ничем. Они все— социал-патриоты. Они все стоят на совершенно одинаковой принципиальной позиции. Они все проводят в массу идеи и е социалистические, а «грютиановские», т.-е. реформистские, националистские, буржуазные.

Когда Гримм летом 1916 г. составил свои тезисы по военному вопросу и составил их умышленно длинно и неясно, надеясь обмануть и левых, и правых, надеясь «сыграть» на расхождении тех и других, он закончил эти тезисы следующей фразой:

«Органы партии и профессиональных союзов должны войти в соглашение между собой» (именно на случай угрозы войной и необходимости революционных массовых действий).

Но кто стоит во главе профессиональных союзов Швейцарии? Между прочим, именно Шнеебергер и Дюрр, которые оба подписывали летом 1916 г. газету «Schweizerische Metallarbeiterzeitung» как редакторы, вели эту газету в реакционном, реформистском, социал-патриотическом духе, прямо заявляя, что они за «защиту отечества», прямо восставая против в с е й политики Циммервальда.

А во главе швейцарской социалистической партии, как доказало еще и еще раз 7 января 1917 года, стоят социал-патриоты Грейлих, Пфлюгер, Манц-Шеппи, Губер и т. д. и т. п.

Итак, что же мы получаем?

Мы получаем, что Гримм в своих тезах предлагал партии поручить руководство революц. массовых действий против войны как раз социал-патриотам — Шнеебергерам, Дюррам, Грейлихам, Пфлюгерам и К-о! Как раз противников таких действий, как раз реформистов!!

Теперь, после 7 января 1917 года, вся «тактика» Гримма разоблачена до конца.

Он хочет считаться вождем левых, председателем И. С. К., представителем и руководителем циммервальдистов, он обманывает рабочих какими угодно «революционными» фразами, на деле прикрывая ими старую, социал-патриотическую, буржуазно-реформистскую практику партии.

Он клянется и оожится, что он сочувствует К. Либкнехту, Хёглунду и т. п., что он их сторонник, что он их политику проводит.

Но К. Либкнехт в Германии, Хёглунд в маленькой нейтральной Швеции боролись не с иностранными, а со своими собственными социал-патриотами, они нападали на реформистов и националистов у себя в Берлине, у себя в Стокгольме, а не в других странах. Они снискали себе своим беспощадным разоблачением социал-патриотов почетную ненависть берлинских и стокгольмских Грейлихов, Пфлюгеров, Шнессбергеров, Дюрров.

Неужели трудно понять, что когда французские шовинисты хвалят немца Либкнехта, а немецкие — англичанина Маклина, то они поступают, как мошенники, желая «интернационалистскими» фразами похвалы чужому интернационализму прикрыть свой национализм? Неужели трудно понять, что совершенно так же поступает Гримм, когда ругает социал-патриотов всех стран, кроме Швейцарии, и делает это именно для того, чтобы прикрыть свой переход на сторону швейцарских социал-патриотов?

Гримм обругал германского социал-патриота Эберта «Raus-schmeisser in einem Bordell» за то, что он украл у немецких рабочих «Vorwärts», за то, что он, крича о расколе, в шизи вышибает из партии левых.

Ну, а что делает Гримм у себя дома, в Швейцарии, вместе с печальными героями печального 7 января 1917 г.?

А Гримм не украл у швейцарских рабочих обещанного им торжественно специального съезда по вопросу о защите отечества? А Гримм, крича о расколе, не подготавляет исключения из партии циммервальдистов?

Не будем же детски наивны, посмотрим же правде прямо в лицо!

На собрании 7 января 1917 г. новые друзья и покровители Гримма, социал-патриоты, вместе с ним кричали против раскола, при чем особенно обвиняли в раскольничестве организацию молодежи, а один крикнул секретарю партии Платтену, что Платтен «er sei kein Parteisekretär, er sei Parteiverräter» *).

Неужели можно молчать, когда такие вещи говорятся и когда «вожди» хотят скрыть их от партии? Неужели швейцарские со-

---

*) Он — не секретарь партии, а изменник. Ред.

циалистические рабочие не возмутятся подобными приемами?

В чем вина союза молодежи и Платтена? Только в том, что они искренние сторонники Циммервальда, искренние циммервальдисты, а не карьеристы. Только в том, что они против отсрочки съезда. И если сплетники кричат, будто против отсрочки съезда, как и вообще «против его величества Гrimma», выступают только циммервальдистские левые; как особая фракция, так разве не доказало 7 января 1917 г., что это сплетня? Разве не выступили против Гrimma вы, тов. Ш. Нэп, никогда не примыкавший ни прямо, ни косвенно, ни формально, ни неформально к циммервальдистам?

Обвинение в расколе! Вот поистине избитое обвинение, с которым теперь во всех странах выступают как раз социал-патриоты всех стран для прикрытия того, как они вышибают из партии Либкнехтов и Хёглундов.

ДОБАВЛЕНИЕ.

У задачах оппозиции во Франции,

(Письмо к товарищу Сафарову).

10/II 1916.

Дорогой товарищ! Ваша высылка из Франции, отмеченная, между прочим, протестом даже в шовинистской газете «La Bataille», которая, однако, не пожелала сказать правды, именно, что Вы высланы за сочувствие к оппозиции, эта высылка снова и снова напомнила мне большой вопрос о положении и задачах оппозиции во Франции.

Я видел в Циммервальде Бурдероа и Мергейма. Я слышал их отчеты и читал в газетах об их работе. Для меня невозможно ни малейшее сомнение в их искренности и преданности делу пролетариата. Но тем не менее очевидно, что их тактика ошибочна.

Оба они больше всего боятся раскола. Ни одного шага, ни одного слова, которые бы могли вести к расколу социалистической партии или рабочих синдикатов во Франции или к расколу II Интернационала, к созданию III Интернационала, — таков лозунг и Бурдерона, и Мергейма.

Между тем раскол рабочего движения и социализма во всем мире есть факт. На лицо две непримиримых тактики и политики рабочего класса по отношению к войне. Закрывать глаза на это смешно. Пытаться примирить непримиримое значит осуждать всю свою работу на бессилие. В Германии даже депутат Otto Rühle, товарищ Либкнехта, открыто признал неизбежность раскола партии, ибо теперешнее большинство ее, официальные «верхи» гемецкой партии, встали на сторону буржуазии. Воз-

ражения, с которыми выступили против Рюле и против раскола так называемые представители «центра» или «болота» (le marais), Каутский и «Vorwärts», состоят только из лжи и лицемерия, как бы «благонамеренно» это лицемерие ни было. Каутский и «Vorwärts» не могут и даже не пытаются опровергнуть того факта, что большинство немецкой партии ведет на деле политику буржуазии. Единство с таким большинством вредно для рабочего класса. Такое единство есть подчинение рабочего класса буржуазии «своей» нации, есть раскол международного рабочего класса. И на деле Рюле прав, что в Германии две партии. Одна, официальная, ведет политику буржуазии. Другая, меньшинство, издает нелегальные воззвания, устраивает демонстрации и т. д. Во всем мире та же картина, и бессильные дипломаты или «болото», вроде Каутского в Германии, Лонгэ во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая фикцию единства и этим мешая назревшему насущному объединению оппозиции и всех стран, созданию III Интернационала. В Англии даже такая умеренная газета, как «Labour Leader», печатает письма Russel Williams'a о необходимости раскола с «вождями» рабочих синдикатов и с «Рабочей Партией» (Labour Party), «продавшей» интересы рабочего класса. И ряд членов «независимой рабочей партии» (Independent Labour Party) печатно заявляет о своем сочувствии Russel Williams'у. В России даже «примиритель» Троцкий вынужден теперь признать неизбежность раскола с «патриотами», т.-е. партией «Орг. К-та», О. К., оправдывающими вхождение рабочих в военно-промышленные комитеты. И только из ложного самолюбия Троцкий продолжает защищать «единство» с думской фракцией Чхеидзе, которая является вернейшим другом, прикрытием, защитой «патриотов» и «О. К.».

Даже в Соед. Штатах Америки на деле полный раскол. Ибо одни социалисты стоят там за армию, за «подготовку» («preparedness»), за войну. Другие, в том числе самый популярный вождь рабочих, Евгений Дэбс (Debs), кандидат соц. партии на пост президента республики, прощеведуют гражданскую войну против войны народов!

И посмотрите на дела самих Бурдерона и Мергейма! На словах они против раскола. А прочтайте резолюцию, которую Бурдерон внес на конгресс французской социалистической партии. В этой резолюции требуется выход социалистов из министерства!!

Резолюция прямо desapprouve и С. А. Р. и Г. Р. *)!!! Ясно, как день, что принятие такой резолюции означало бы раскол и соц. партии, и синдикатов, ибо г.г. Ренодель, Самба, Jouhaux et С-о никогда не могут помириться с этим.

Bourderon и Meerheim разделяют ошибку, слабость, робость большинства Циммервальдской конференции. С одной стороны, это большинство косвенно призывает в своем манифесте к революционной борьбе, но боится сказать это прямо. С одной стороны, оно пишет: капиталисты в сех стран лгут, говоря о «защите отечества» в данной войне. С другой стороны, большинство побоялось прибавить очевидную правду, которую все равно прибавит каждый мыслящий рабочий, именно: что лгут не только капиталисты, но и Ренодель, Самба, Лонгэ, Гайндман, Kautsky, Plechanoff et С-о!! Большинство Циммервальдской конференции хочет снова помириться с Вандервельде, Гюисманом, Реноделем и К-о!! Это вредно для рабочего класса, и «Циммервальдская левая» поступила правильно, открыто сказав правду рабочим.

Посмотрите, как лицемерят les socialistes-chauvins: во Франции они хвалят немецкое «minorité», в Германии — французское!!

Какое бы громадное значение имело выступление французской оппозиции, если бы она прямо, безбоязненно, открыто заявила перед всем миром: мы солидарны только с немецкой оппозицией, только с Рюль и его единомышленниками!! Только с теми, кто безбоязненно рвет и с прямым, и с прикрытым социал-шовинизмом, socialisme chauvin, т.-е. со всеми «защитниками отечества» в данной войне!! Мы сами не боимся разрыва с французскими «патриотами», называющими «защитой отечества» защиту колоний, и мы зовем к такому же разрыву социалистов и синдикалистов всех стран. Мы протягиваем руку Otto Rühle и Либкнехту, им и только им единомышленникам, мы клеймим и французское и немецкое «majorité» и «le marais». Мы провозглашаем великое международное объединение тех социалистов всего мира, которые в данной войне порвали с лживой фразой о «защите отечества» и работают над проповедью и подготовкой всемирной пролетарской революции.

---

*) С. А. Р.—Сен. Адм. Пар., Г. Р.—Группе Парлем.

Такое возвзвание имело бы гигантское значение. Оно бы разгнало лицемеров, вскрыло и разоблачило международный обман дало бы величайший толчек сближению действительности с оставшихся верными интернационализму рабочих во всем мире

Во Франции всегда много вредила анархистская фраза. Но теперь анархисты-патриоты, анархисты-chauvin, вроде Кропоткина, Grave, Cornelissen и прочих рыцарей de la «Bataille Chauviniste», помогут исцелить очень и очень многих рабочих от анархистской фразы. Долой социалистов-патриотов и социалистов-chauvins, — как «долой анархистов-патриотов» и анархистов-chauvins! Этот клич буде т находить отзыв в сердцах рабочих Франции. Не анархистская фраза о революции, а длительная, серьезная, упорная, настойчивая, систематическая работа по созданию по всему ду нелегальных организаций среди рабочих, по распространению свободной, т.-е. нелегальной, литературы, по подготовке движения масс против своих правительств. Вот что нужно рабочему классу всех стран.

Неправда, что «французы неспособны» на систематическую нелегальную работу. Неправда! Французы быстро научились прятаться в траншеях, быстро научатся они и новым условиям нелегальной работы и систематической подготовке революционного движения масс. Я верю в французский революционный пролетариат. Он подтолкнет и французскую оппозицию.

Лучшие пожелания. Ваш Ленин.

P. S. Предлагаю французским товарищам издать отдельным листком перевод этого моего письма (полный перевод).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) *Резолюция Штуттгартского Конгресса о войне.*

V. Милитаризм и международные конфликты.

Конгресс подтверждает резолюции предшествовавших международных конгрессов против милитаризма и империализма и еще раз указывает на то, что борьба с милитаризмом неотделима от социалистической классовой борьбы, в ее целом.

Войны между капиталистическими государствами обычно являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только обеспечить за собой область сбыта, но и завоевать новые области, при чем главную роль при этом играет порабощение чужих народов и стран. Эти войны порождаются затем беспрерывными военными вооружениями, вызываемыми милитаризмом, который является главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса.

Войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах, в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности.

Таким образом войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй, или же когда громадность человеческих и денежных жертв, требуемых военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устраниению этой системы.

Рабочий класс, который, главным образом, поставляет солдат и на который, главным образом, падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войн, так как войны противоречат цели, преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов.

Конгресс считает поэтому обязанностью трудящегося класса, в особенности же его представителей в парламенте, указывая на классовый характер буржуазного общества и побудительные причины, заставляющие поддерживать национальную рознь, бороться всеми силами против морских и сухопутных вооружений, отказывать в ассигновках на вооружение, а также содействовать тому, чтобы молодежь из среды рабочего класса воспитывалась в духе братства народов и социализма и проникалась классовым самосознанием.

В замене постоянного войска демократически - организованной милицией конгресс видит существенную гарантию, которая сделает невозможными наступательные войны и облегчит исчезновение национальной розни.

Интернационал не в состоянии наперед установить строго-определенные формы борьбы рабочего класса различных стран против милитаризма, ибо

Формы борьбы естественно видоизменяются, смотря по месту и по времени. Поэтому обязанностью Интернационал считает всячески поддерживать и координировать усилия рабочего класса, направленные против милитаризма и войны.

В действительности, со времени международного конгресса в Брюсселе, пролетариат неустанно боролся против милитаризма путем отказа в ассигновках на сухопутные и морские вооружения, путем усилий демократизировать организацию военного дела; он прибегал с все возрастающей энергией и успехом ко всевозможного рода средствам, чтобы предотвратить объявление войны или положить ей конец, а также, чтобы использовать в интересах освободительной борьбы рабочего класса вызванное войной потрясение всех слоев общества; таковыми именно были: после инцидента в Фашоле, соглашение английских и французских профессиональных союзов с целью обеспечения мира и восстановления дружественных отношений между Англией и Францией; поведение социалистических партий в немецком и французском парламенте во время Мароккского кризиса; демонстрации, которые были с тою же целью организованы французскими и немецкими социалистами; совместное выступление австрийских и итальянских социалистов, которые собрались в Триесте, чтобы предотвратить конфликт между обоими государствами; энергичное вмешательство социалистических рабочих Швеции для того, чтобы помешать нападению на Норвегию; наконец, героические жертвы и массовая борьба социалистических рабочих и крестьян в России и Польше,—борьба, которая велась против начальной царизмом войны, с целью положить ей конец и использовать кризис в интересах освобождения страны и трудящихся классов. Все эти усилия свидетельствуют о растущей силе пролетариата и о растущем стремлении его обеспечить мир путем энергичного вмешательства.

Выступление рабочего класса будет тем успешнее, чем больше будут подготовлены к нему умы постоянной агитацией и чем больше будет Интернационал оказывать в этом отношении влияния на рабочие партии различных стран, и координировать их действия.

Конгресс убежден сверх того в том, что под давлением пролетариата местожалких попыток со стороны правительства займет серьезное применение третейского суда и станет осуществимым благо всеобщего разоружения народов, которое даст возможность громадные затраты энергии и денег, поглощаемые вооружениями и войнами, обратить на культурные цели.

Когда грозит война, рабочие классы соответствующих стран и их представители в парламенте должны, при поддержке Интернационального Социалистического Бюро, сделать все возможное, чтобы помешать войне такими средствами, которые они сочтут наиболее действительными и которые, естественно, изменяются в зависимости от обострения классовой борьбы и общей политической ситуации.

В случае, если война все же разразится, они должны активно выступить за скорейшее окончание ее и стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства.

²⁾ Речь идет о статье Г. В. Плеханова.

³⁾ Фон-Клюк—немецкий генерал, первый прорвавшийся в Бельгию и Северную Францию.

4) *Муссолини* — теперешний вождь итальянских фашистов, диктатор Италии.

5) *Организационный комитет* — так называлась центральная организация ликвидаторов, образованная на августовской конференции 1912 г. и заменявшая для ликвидаторов Ц. К.

6) *Резолюция «Летнего совета» Ц. К. Р. С. - Д. Р. П.*

9. О народниках.

1. Лондонский съезд, подводя итоги деятельности народнических партий и, между прочим, партии с.-р. в революционную эпоху, точно указал на то, что эти партии постоянно колебались между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства, равно как и на псевдо-(мнимо) социалистический характер их проповеди, затушевывающей противоположность между пролетарием и мелким хозяйствчиком.

2. Реакционная эпоха еще более усилила эти черты, создав в партии с.-р., с одной стороны, отказ от последовательно-демократической политики и превратив даже некоторые элементы партии в идущих по следам либералов, критиков революции; а с другой стороны, превратив ее в чисто интеллигентскую группу, оторванную от жизни масс.

3. Партия с.-р. продолжает официально отстаивать террор, история которого в России совершенно оправдала с.-д. критику этого метода борьбы и закончилась полным крахом. Рядом с этим бойкот выборов и полная неспособность этой интеллигентской организации к планомерному воздействию на ход общественного развития страны сделали то, что новый подъем революционного движения всюду прошел вне всякого влияния этой партии.

4. Мелко-буржуазный социализм народничества сводится лишь к вредной проповеди перед лицом рабочего класса идей, затушевывающих всю растущую пропасть между интересами труда и капитала и пытающихся представить в смягченном виде остроту классовой борьбы, и приводит к мещанским утопиям в области кооперативной.

5. Шатания в области отстаивания демократических лозунгов, кружковой характер партии и ее мелко-буржуазные предрассудки в сильнейшей степени мешают народничеству развить республиканско-демократическую пропаганду в широких кругах крестьянства. Таким образом и сами интересы этой пропаганды требуют в первую голову от с.-д. решительной критики народничества.

Совещание, отнюдь не исключая тех совместных действий с народническими партиями, которые специально предусмотрены Лондонским съездом, полагает поэтому, что задачей с.-д. должно быть:

а) разоблачать шатания и отказ от последовательного демократизма, проявляющийся в народнических партиях;

б) бороться с мелко-буржуазным социализмом народничества, затушевывающим противоположность между капиталом и трудом;

с) поддерживать республиканско-демократические течения в крестьянской массе, постоянно указывая, что только последовательный в своем демократизме социалистический пролетариат может быть надежным руководителем масс крестьянской бедноты в ее борьбе с монархией и помещичьим землевладением;

д) направить усиленное внимание на пропаганду с.-д. идей среди тех, хотя и немногочисленных групп рабочих, которые до сих пор не освободились еще от отсталых теорий народничества.

- 7) *Гарденин*—псевдоним В. Чернова; здесь очевидное недоразумение об его «социал-демократической болтовне».
- 8) *Бобров*—Н. А. Натансон, один из лидеров интернационалистского крыла с-р-ов, их делегат в Кинтале, вождь левых с-р-ов.
- 9) *Максимович*—М. М. Литвинов.
- 10) О «Брюссельском блоке» см. в брошюре: «Социализм и война», «Теперьшнее положение дел с-д. в России» (стр. 123 этого тома).
- 11) С. Д. Р. Фракцию IV Гос. Думы в эпоху империалистской войны составляли Муранов, Бадаев, Петровский (теперешний председатель ВУЦИКа), Шагов и Самойлов.
- 12) В том числе и *Л. Б. Каменев*.
- 13) *Ионов* (Койген) см. 13 прим. к 2-й части XI тома Собр. сочинений.
- 14) «Оккисты»—члены Орг. Ком. (см. о нем выше прим. 5).
- 15) *Гинденбург* и *Хофф*—верховные военные вожди двух империалистических коалиций: первый—немецкой, второй—французской.
- 16) 4 августа 1914 г. с-д. фракция германского рейхстага голосовала за военные кредиты.
- Крайне характерно то, что произошло перед историческим голосованием 4 августа. Официальная партия набросила на это покрывало казенного лицемерия: большинство решило, и все голосовали, как один человек, за. Но Штребель в журнале «Die Internationale» разоблачил лицемерие и рассказал правду. В социал-демократической фракции были две группы, пришедшие с готовым ультиматумом, т.е. с фракционным, т.е. с раскольническим решением. Одна группа—оппортунистов, около 30 человек, решила во всяком случае голосовать за; другая, левая, около 15 человек, решила—менее твердо—голосовать против. Когда не имеющий никакой твердой позиций «центр» или «болото» голоснул с оппортунистами,—левые оказались разбитыми на голову и... подчилились! «Единство» германской социал-демократии есть сплошное лицемерие, прикрывающее фактически неизбежное подчинение ультиматумам оппортунистов.
- 17) *Ливарская Конференция 1912 г.*—подробнее см. в 1 ч. XII тома Собр. соч.
- 18) Сборник «Марксизм и ликвидаторство» со статьями Н. Ленина, Г. Зиновьева, Л. Каменева; предисловие и послесловие к нему см. во 2-й части XII тома Собр. соч.
- 19) *Ан* (Жордания)—см. 119 прим. к IV тому Собр. сочинений.
- 20) *Забытые слова*.
- 1) Манифест Базельского Международного Социалистического Конгресса *).
- На своих конгрессах в Штуттгарте и Копенгагене Интернационал установил следующие основные принципы борьбы пролетариата всех стран против войны:
- «Если война грозит разразиться, то в соответствующих странах рабочий класс и его парламентские представители обязаны сделать, при поддержке объединяющей деятельности Международного Социалистического Бюро, все, что только могут, чтобы, применяя те средства, которые они находят самыми действительными, воспрепятствовать наступлению войны, при чем самые эти средства, конечно, различны смотря по степени обострения классовой борьбы и общей политической ситуации».

*) 24—25 ноября 1912 года.

«В случае, если война все-таки разразится, социалисты обязаны вмешаться для скорейшего прекращения ее и всемерно использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение господства капитала».

События последнего времени с особой силой возлагают на пролетариат обязанность придать своим общим планомерным действиям максимальную силу и энергию. С одной стороны, всеобщая мания вооружений усилила вздорожание предметов первой необходимости и, тем самым, обострила классовые противоречия и внесла в рабочий класс неукротимый дух возмущения. Этой системе беспокойства и бесцельного расточительства рабочие хотят положить конец. С другой стороны, все более и более возбуждающее действует постоянно вспыхивающая угроза войны. В любой момент великие европейские народы могут быть брошены друг против друга, при чем такое преступление против человечности и разума не может быть оправдано ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса.

Балканский кризис, который уже принес с собой такие ужасные бедствия, явился бы, в случае распространения, величайшей опасностью для цивилизации и пролетариата. Он был бы, одновременно, величайшим в мировой истории позорным деянием, ибо чудовищно противоречие между величиной катастрофы и незначительностью интересов, о которых идет дело.

Поэтому-то Конгресс с радостью констатирует полнейшее единодушие социалистических партий и профессиональных союзов всех стран в войне против войны.

Тем, что пролетарии всех стран одновременно восстали для борьбы против империализма, каждая секция Интернационала противопоставила правительству своей страны сопротивление пролетариата и мобилизовала общественное мнение своей нации против всяческих воинственных поползновений, тем самым создалось грандиозное сотрудничество рабочих всех стран, которое уже до этого времени много содействовало сохранению международного мира, которому грозят все большие опасности. Страх господствующих классов перед пролетарской революцией, как следствием мировой войны, оказался существенной гарантией мира.

Поэтому Конгресс предлагает социал-демократическим партиям продолжать эту деятельность, прибегая ко всем средствам, которые они находят целесообразными. В этой общей деятельности он намечает для каждой социалистической партии ее особую задачу.

Перед с.-д. партиями Балканского полуострова стоит трудная задача. Систематическим торможением всяких реформ великие державы Европы не- мало содействовали возвращению в Турции невыносимых экономических, национальных и политических порядков, которые с неизбежностью должны были привести к возмущению и войне. Против эксплоатации этого состояния в интересах династий и буржуазии, балканские социал-демократические партии выдвинули с героическим мужеством требование демократической федерации. Конгресс предлагает им оставаться на прежней, достойной удивления, позиции; он ожидает, что после войны балканская социал-демократия приложит все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать династиям, военщие и жаждущей экспансии буржуазии балканских государств использовать в своих интересах результаты балканской войны, купленные столь дорогой ценой. Но Конгресс

особенно призывает балканских социалистов противодействовать не только возобновлению прежней вражды между сербами, болгарами, румынами и греками, но и всякому угнетению тех балканских народов, которые ныне находятся в противоположном военном лагере, именно Турции и Албании.

Поэтому долгом балканских социалистов является борьба против всякого лишения прав этих народов; они обязаны противопоставить также разнозданному национальному шовинизму братство всех балканских народов, включая албанцев, турок и румын.

Социал-демократические партии Австрии, Венгрии, Кроации и Славонии Боснии и Герцеговины обязаны всеми силами продолжать свою плодотворную деятельность против покушения Дунайской монархии на Сербию. Ныне, как и прежде, так и впредь, их задача—противодействовать плану отнять у Сербии силою оружия плоды войны, превратить ее в колонию Австрии и подвергнуть, ради династических интересов, народы самой Австро-Венгрии, а вместе с ним все европейские нации величайшим опасностям. Равным образом, социал-демократические партии Австро-Венгрии должны и в будущем бороться за то, чтобы той части южно-славянского народа, которая находится под державой дома Габсбургов, было уже в пределах австро-венгерской монархии завоевано право демократического самоуправления.

Особое внимание должны обратить социал-демократические партии Австро-Венгрии, как и социалисты Италии, на албанский вопрос. Конгресс признает право народа на автономию. Он не допускает, однако, чтобы, под прикрытием автономии, Албания стала жертвой австро-венгерских и итальянских стремлений к господству. В этом Конгресс видит не только опасность для самой Албании, но и в непродолжительном времени угрозу миру между Австро-Венгрией и Италией. Действительно независимое существование Албания может получить лишь как автономный член демократической балканской федерации. Ввиду этого, Конгресс предлагает социал-демократам Австро-Венгрии и Италии бороться со всякими попытками их правительства втянуть Албанию в их сферу влияния. Он предлагает им продолжать свою деятельность по укреплению мирных отношений между Австро-Венгрией и Италией.

С великой радостью приветствует Конгресс стачки протеста русских рабочих; он приветствует их как доказательство того, что пролетариат России и Польши начинает оправляться от ударов, нанесенных ему царской контр-революцией. В этом Конгресс видит наибольшую гарантию против преступных интриг царизма, который, потопив в крови народы своей собственной страны, бесчисленное количество раз предательски выдав балканские народы их врагам, колеблется теперь между страхом перед последствиями, которые может навлечь на него война, и страхом перед вызванным им самим националистическим движением.

Если царизму удастся, однако, снова предстать в виде освободителя балканских наций, то это произойдет лишь ради того, чтобы под этим предлогом снова добиться путем кровопролитной войны преобладания на Балканах. Конгресс надеется, что крупнейший городской и сельский пролетариат России, Финляндии и Польши разорвет эту паутину лжи, будет противодействовать всякой военной авантюре, бороться со всяким покушением царизма на Арmenию, Константинополь и т. п. и сосредоточит все свои силы на возобновлении революционной освободительной борьбы. Ведь царизм—надежда всех реакцион-

ных сил Европы, самый ужасный враг всей демократии вообще и народов, над которыми он господствует в частности. Его низвержение весь Интернационал должен рассматривать как одну из своих самых главных задач.

Но важнейшая задача, в пределах деятельности Интернационала, выпадает на долю рабочего класса Германии, Франции и Англии. В настоящий момент задача рабочих этих стран состоит в том, чтобы потребовать от своих правительств отказа от всякой поддержки как Австро-Венгрии, так и России, воздержания от всякого вмешательства в балканские неурядицы и сохранения безусловного нейтралитета. Война между тремя великими передовыми культурными народами из-за австро-сербского спора из-за гаваней была бы преступным безумием. Рабочие Германии и Франции не могут признать существования какой-либо обязанности, установленной тайными договорами, вмешаться в балканский конфликт.

В случае, если, однако, военный крах Турции приведет к потрясению оттоманского господства в Малой Азии, то задачей социалистов Англии, Франции и Германии является всемерное противодействие завоевательной политике в Малой Азии, которая прямым путем должна привести к мировой войне. Величайшей опасностью для мира Конгресс считает искусственно питаемый антагонизм между Великобританией и Германской империей. Конгресс приветствует поэтому усилия рабочего класса обеих стран преодолеть этот антагонизм. Лучшим средством для достижения этой цели он считает [заключение соглашения между Германией и Англией относительно ограничения морского вооружения и упразднения права морской добычи. Конгресс предлагает социалистам Англии и Германии продолжать их агитацию за такое соглашение.

Преодоление противоречия между Германией на одной стороне и Англией с Францией на другой—устричило бы величайшую опасность, угрожающую нарушить мир, поколебало бы могущество вскаплоатирующего это противоречие царизма, сделало бы невозможным нападение Австро-Венгрии на Сербию и обеспечило бы миру мир. К этой цели, поэтому, должны быть направлены все усилия Интернационала.

Конгресс констатирует, что весь социалистический Интернационал единодушен в этих основных принципах внешней политики. Он предлагает рабочим всех стран противопоставить капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата. Он предостерегает господствующие классы всех государств относительно последствий дальнейшего ухудшения, создаваемого капиталистическим способом производства, бедственного положения масс посредством военных действий. Он самым решительным образом требует мира. Пусть правительства не забывают, что, при нынешнем положении Европы и настроении рабочего класса, они не могут выпустить фурию войны, не создавая этим опасности для самих себя, пусть они припомнят, что за французско-немецкой войной последовала Коммуна, что русско-японская война привела в движение революционные силы народов Российской империи, что рост военных и военно-морских вооружений придал классовым конфликтам в Англии и на континенте неслыханную остроту и привел к грандиозным забастовкам. Только полнейшей слепотой или безумием можно было бы объяснить, если бы правительства не поняли того, что одна только мысль о чудовищной мировой войне должна вызвать негодование и возмущение рабочего класса. Пролетариат считает преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей

капиталистов, честолюбия династий или во славу тайных договоров дипломатии.

Если правящие власти, уничтожая всякую возможность нормального развития, тем самым толкнут пролетариат на отчаянные шаги, то они сами понесут всю ответственность за последствия вызванного ими кризиса.

Интернационал удвоит свои усилия, чтобы воспрепятствовать наступлению этого кризиса, со все большей силой будет звучать его протест, все энергичное и шире поведет он свою пропаганду. Конгресс поручает, поэтому Международному Социалистическому Бюро все внимательнее следить за событиями и, что бы ни случилось, поддерживать и укреплять связь между пролетарскими партиями.

В этот момент пролетариат сознает себя носителем всей будущности человечества. Чтобы воспрепятствовать уничтожению цвета всех народов, которому угрожают все ужасы массового убийства, голода и эпидемия, пролетариат пустит в ход всю свою энергию.

Конгресс обращается к вам, пролетарии и социалисты всех стран, — в этот слушный час должен быть услышан наш голос! Объявляйте вашу волю всюду и во всяких формах, пусть можно раздается ваш протест в парламентах, собирайтесь большими массами, чтобы оповестить мир о ваших намерениях, используйте все средства, предоставляемые вам организациями и силой пролетариата! Страйтесь, чтобы правительства имели постоянно перед глазами бдительную и страстную волю к миру всего пролетариата! Противопоставьте, таким образом, капиталистическому миру эксплоатации и массовых убийств — пролетарский мир мира и братства народов!

2) *Резолюция хемницкого партайтага Германской социал-демократической партии* *).

Империализм.

Мощно развивающееся производство, при ухудшении условий существования эксплоатируемого пролетариата, побуждает расширять рынки, а гигантское накопление капитала приводит к погоне за все новыми сферами приложения и за все новыми возможностями для усиления процесса возрастания ценности.

Вместе с растущим вывозом товаров и капитала, средств производства и транспорта, мировое обращение все более усиливается, а мировое хозяйство все более распространяется. Энергично поддерживаемые охранительными пошлинами организации предпринимателей, картели и тресты, которые в возрастающей степени овладевают хозяйственной жизнью, используют свое влияние на правительство своего государства для того, чтобы поставить государственную власть на службу своим стремлением к расширению, чтобы включить большие части мировой хозяйственной области в сферу своего влияния, своего господства и исключить таким образом чужих конкурентов. Для этой цели при-

*) Предложена Гаазе. Принята 20/IX 1912 г. всеми голосами против 3, при 2 воздержавшихся. Редакция «Коммуниста» отнюдь не подписывается под всеми утверждениями резолюции (например, о разоружении); она приводит резолюцию лишь как документ.

смлемым считается самое грубое насилие, раз только оно обещает успех. Беззастенчивая политика грабежей и захватов, антинародный характер которой заклеймен еще Майнцским партейтагом в 1900 году, есть следствие этих империалистических стремлений к расширению. Для того, чтобы победоносно проводить разбойничьи экспедиции и обеспечить грабеж, орудия убийства умножаются и совершенствуются в неслыханной степени.

Между государствами, в которых класс капиталистов имеет ту же самую потребность в расширении и преследует, ради уловлетворения ее, те же самые цели, возникают тяжелые конфликты и резкие противоречия, которые, в свою очередь, стимулируют вооружения, разрастающиеся до прямого безумия.

Порожденная этим опасность несущей неисчислимые бедствия мировой войны еще более обостряется бесстыдной травлей со стороны магнатов капитала и юнкеров, особенно заинтересованных в поставках военного материала, в увеличении бюрократического аппарата и руководящих местах в войске и флоте.

Империализм усиливает власть шарфмахеров, угрожает праву коалиций и задерживает прогресс социальной политики. Расходы на вооружение наваливают на народные массы невыносимое бремя, в то время как вздорожание всех предметов первой необходимости подрывает их здоровье.

Буржуазные партии все целиком стали на путь империализма,—они без сопротивления соглашаются на уловлетворение всех требований на армию и флот. Социал-демократия самым настойчивым образом борется со всеми империалистическими и шовинистическими стремлениями, где бы они ни проявлялись, и, напротив, со всей решимостью воспитывает интернациональную солидарность пролетариата, нигде не питающего враждебных чувств к другим народам.

И если империализм, являющийся следствием капиталистического строя хозяйства, может быть вполне преодолен лишь вместе с этим последним, то, вместе с тем, нельзя упускать ни единой возможности, чтобы смягчать его общеопасные действия.

Партия объявляет свою решительную волю сделать все, чтобы установить взаимопонимание между нациями и охранить мир.

Партия требует, чтобы путем международных соглашений был положен конец бешеному состязанию в вооружениях, угрожающему миру и быстрыми шагами ведущему человечество к ужаснейшей катастрофе.

Партия требует, чтобы на место жадной к добыче политики захватов и завоеваний была поставлена политика свободы мирового оборота и устранения системы охранительных пошлин, служащей лишь к обогащению магнатов капитала и крупных землевладельцев.

Партия ожидает, что члены партии будут неустанно прилагать все свои силы к строительству политических, профессиональных и кооперативных организаций сознательного пролетариата, для того чтобы с усиленной энергией бороться против империализма до тех пор, пока он не будет низвергнут. Ведь задача пролетариата — превратить достигший наивысшей ступени развития капитализм в социалистическое общество и длительно обеспечить, таким образом, мир, самостоятельность и свободу народов. «Коммунист» № 1—2, за 1915 год.

21) Речь идет о статьях: 1) «Один немецкий голос о войне» (стр. 17—19 этого тома), 2) «К иллюстрации лозунга гражданской войны» (стр. 59—60) и 3) «Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия» стр. 68—70).

22) Речь идет об Январской Конференции 1912 г. (см. 1 часть XII тома собр. сочинений).

23) Военно-промышленные комитеты—организации крупной буржуазии во главе с Рябушинским и Гучковым после разгрома русской армии немцами летом 1915 г. для мобилизации русской промышленности в целях обороны; в состав комитетов вошли и социал-соглашатели с Гвоздевым во главе. Подробнее см. след. прим.

24) *Преательство совершилось.*

29 ноября 1915 г. гвоздевцы спелись с Гучковым, а уже 1 декабря 1915 г. на петербургских фабриках и заводах распространялось следующее воззвание.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ко всему петербургскому пролетариату.

Товарищи! Предательство совершилось! 29 ноября, под руководством Гучкова, господином Гвоздевым с компанией была разыграна комедия выборов представителей петербургского пролетариата в Центральный и Петербургский Военно-Промышленные комитеты.

Кучка изменников и ренегатов, за спину рабочего класса, вступила в темную сделку с буржуазией и продала классовую непримиримость и международную солидарность пролетариата за честь заседать на мягких креслах в Военно-Промышленных Комитетах, под председательством Гучкова,—соратника Столыпина, защитника военно-полевых судов над революционерами в 1906 году.

Буржуазная печать, замолчавшая результаты собрания 27 сентября—призывает торжествующими возгласами совершившееся предательство. Она видит в нем победу шовинизма и старается оповестить весь мир о том, что отныне и российский пролетариат встал на защиту отечества и желает спасать романовскую монархию вместе с черносотенцами и либералами. Прибавляя к бесконечному ряду подлогов, ею совершенных, еще новый, российская либеральная пресса старается выдать самозванцев и авантюристов за действительных выразителей воли рабочего класса. В ответ на это пролетариат должен решительно заявить:

— Руки прочь! Красные знамена революционного социализма по прежнему широко развернуты и не дрогнули в мощных руках российского пролетариата; как и в войну 1904—1905 г. г., он чужд шовинизма и выкрикам националистов противопоставляет свой лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Отметая в сторону ренегатов, стремящихся использовать рабочее движение в интересах хищнического империализма (захватной войны), рабочий класс неуклонно стремится к превращению данной войны в войну гражданскую и к дальнейшему обострению классовых противоречий, помня, что враг каждого народа—в его собственной стране: его правительство, его буржуазия.

Товарищи!

Чтобы облегчить себе путь к победе над царским правительством, крепостниками-помещиками и поддерживающей их предательской буржуазией, пролетариат должен обеспечить себя от изменнических ударов в спину. Он должен

положить предел проискам ренегатов и предателей, самым решительным образом отмежеваться от всех, предающих его интересы, и повести с ними беспощадную борьбу всеми доступными ему средствами.

Долой изменников! Долой предателей!

Да здравствует революционный пролетариат и его международная солидарность!

Да здравствует гражданская война:

1 декабря 1915 года. *Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П.*

25) Сводка цифр по «Annalen des Deutschen Reichs», 1911.

26) «Statistical Abstract of the United States», 1912, p. 202.

27) «Финанс. Капитал», рус. пер., стр. 286—287.

28) Hans Hideon Heymann: «Die gemischten Werke im deutschen Grosseisen- gewerbe», St. 1904, S.S. 256. 278.

29) Hermann Levy: «Monopole, Kartelle und Trusts», Jena, 1909, S.S. 286, 290, 298.

30) Th. Vogelstein: «Die finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie und die Monopolbildung» в «Grundriss der Sozialökonomik», VI Abth., Tüb. 1914.—Cp. того же автора: «Organisationsformen der Eisenindustrie und Textilindustrie in England u. Amerika», Bd. I, Lpz. 1910.

31) Dr. Riesser: «Die deutschen Grossbanken u. ihre Konzentration im Zusammenhange mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland», 4 Aufl., 1912, стр. 149.—R. Liefmann: «Kartelle und Trusts und die Weiterbildung der volkswirtschaftlichen Organisation», 2 Aufl., 1910, S. 25.

32) Dr. Fritz Kestner: «Der Organisationszwang. Eine Untersuchung über die Kämpfe zwischen Kartellen u. Aussenseitern», Brl. 1912, стр. 11.

33) R. Liefmann: «Beteiligungs- und Finanzierungsgesellschaften. Eine Studie über den modernen Kapitalismus und das Effektenwesen», 1 Aufl., Jena 1909, стр. 212.

34) Там же, стр. 218.

35) Dr. S. Tschierschky: «Kartell und Trust», Gött. 1903, стр. 13.

36) Th. Vogelstein: «Organisationsformen», стр. 275.

37) «Report of the Comission of Corporations on the Tabacco industry, Washington», 1909, p. 266. Цитировано по книге Dr. Tafel: «Die nordamerikanischen Trusts u. ihre Wirkungen auf den Fortschritt der Technik», Stuttg. 1913, стр. 48.

38) Там же, стр. 49.

39) Riesser, н. соч., стр. 547 и сл. по 3 изд.

40) Kestner, стр. 254.

41) «Zement» von L. Eschwege,—«Die Bank», 1909, 1, стр. 115 и сл.

42) Jeidls: «Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie mit besonderer Brücksichtigung der Eisenindustrie», Lpz. 1905, стр. 271.

43) Liefmann: «Beteiligungs- etc. Ges.», стр. 434.

44) Там же, стр. 466.

45) Jeidels, стр. 108.

46) Alfred Lansburgh: «Fünf Jahre d. Bankwesen», «Die Bank», 1913, № 8, 728.

47) Schulze-Gaevernitz: «Die deutsche Kreditbank» в «Grundriss der Sozialökonomik», Tüb. 1915, стр. 12 и 137.

48) A. Lansburgh: «Das Beteiligungssystem im deutschen Bankwesen», «Die Bank», 1910, 1, 500.

- 49) E. Kaufmann: «Das französische Bankwesen», Tüb. 1911, 356 и 362.
- 50) Jean Lescure: «L'épargne en France», P. 1914, p. 52.
- 51) A. Lansburgh: «Die Bank mit den 300 Millionen», «Die Bank», 1914, 1, 426.
- 52) S. Tschierschky, 128.
- 53) Данные американской National Monetary Comission, «Die Bank», 1900, 1, 1200.
- 54) Там же, 1913, 811, 1022; 1914, 743.
- 55) «Die Bank», 1914, 1, 316.
- 56) Dr. Oscar Stillich: «Geld und Bankwesen», Br. 1907, 169.
- 57) Риссер, стр. 630 по 4 изд.
- 58) «Die Bank», 1912, 1, 435.
- 59) Цитировано у Шульце-Геверница в Grdr. d. S.-Oek., 155.
- 60) Ейдельс и Риссер, и. соч.
- 61) Ейдельс, 157.
- 62) Статья Евг. Кауфмана о франц. банках в «Die Bank», 1909, 2, 851.
- 63) Osc. Stillich, 148.
- 64) Ейдельс, 184.
- 65) Там же, 181.
- 66) Гильфердинг: «Фин. Кап.», М. 1912. 33·6
- 67) R. Liefmann, и. соч., 476.
- 68) H. Gid. Heymann, и. с., 269.
- 69) Liefmann: «Beteiligungsgesellsch.», 258 (1 изд.).
- 70) Schulze-Gaevernitz в Grdr. d. S.-Oek. V, 2, с. 111.
- 71) L. Eschwege: «Tochtergesellschaften», «Die Bank», 1914, 1, 545.
- 72) Kurt Heinig: «Der Weg des Elektrotrusts», «Neue Zeit», 1912, 30 Jahrg., 2, 484.
- 73) E. Agahd: «Grossbanken und Weltmarkt. Die Wirtschaftliche und politische Bedeutung der Grossbanken im Weltmarkt unter Berücksichtigung ihres Einflusses auf Russlands Volkswirtschaft und die deutsch-russischen Beziehungen», Br. 1914.
- 74) Lysis: «Contre l'oligarchie financière en France», 5 éd., P. 1908, p. 11, 12, 26, 39, 40, 48.
- 75) «Die Bank», 1913, № 7, 630.
- 76) Stillich, и. с. 143; W. Sombart: «Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert», 2 А., 1909, 526, Anlage 8.
- 77) «Фин. кап.», 172.
- 78) Stillich, 138; Liefmann, 51.
- 79) «Die Bank», 1913, 952. L. Eschwege: «Der Sumpf», там же, 1912, 1, 223.
- 80) «Verkehrstrust», «Die Bank», 1914, 1, 89.
- 81) «Der Zug zur Bank», там же, 1909, 1, 79.
- 82) Там же, 301.
- 83) Там же, 1912, 2, 825; 1913, 2, 962.
- 84) E. Agahd, 202.
- 85) «Bulletin de l'institut international de statistique», t. XIX, livre II, La Haye, 1912. Данные о государствах мелких, второй столбец, взяты приблизительно по нормам 1902 г., увел. на 20%.
- 86) Hobson: «Imperialism», L. 1902, p. 58.—Riesser, и. с., 395, 404.—P. Arndt в «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 7, 1916, S. 35; Neymarck в Bulletin; Гильфердинг: «Фин. Кап.», 492; Lloyd-George: речь в парламенте 4 мая 1915 г., «Dayl

Telegraph» 5 мая 1915.—B. Harms: «Probleme der Weltwirtschaft», Jena 1912, 253.—Dr. Siegmund Schilder: «Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft», Brl. 1912, Bd. 1, 150.—George Paish: «Great Britains Capital Investments etc.» в «Journal of the Royal Statistical Society», Vol. LXXIV, 1910—11, c. 167.—George Diouritch: «L'Expansion des banques allemandes à l'étranger, ses rapports avec le développement économique de l'Allemagne», P. 1909, p. 84.

⁸⁷⁾ «Die Bank», 1913, 2, 1024.

⁸⁸⁾ Schilder, н. с., 346, 350, 371.

⁸⁹⁾ Riesser, н. с., 375 по 4 изд., и Diouritsch, 283.

⁹⁰⁾ «The Annals of the American Academy of Political and social Science», vol. LIX, May 1915, 301. Здесь же, стр. 331, читаем, что известный статистик Пэйш в последнем выпуске финансового журнала «Statist» определял сумму капитала, вывезенного Англией, Германией, Францией, Бельгией и Голландией, в 40 миллиардов долл., т.е. 200 миллиардов франков.

⁹¹⁾ Ейдельс, 232.

⁹²⁾ Riesser, н. с.; Diouritch, 239; Kurt Heinig, н. с.

⁹³⁾ Ейдельс, 193.

⁹⁴⁾ Diouritch, 245.

⁹⁵⁾ «Die Bank», 1912, 1, 1032; 1912, 2, 629; 1913, 1, 388.

⁹⁶⁾ Риссер, 125.

⁹⁷⁾ Vogelstein: «Org.-formen», 100.

⁹⁸⁾ Liefmann: «Kart. u. Tr.», 2 А., 161.

⁹⁹⁾ A. Supan: «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien», 1906, 254.

¹⁰⁰⁾ Henry C. Morris: «The history of colonization», N.-Y. 1900, II, 88; I, 419, 304.

¹⁰¹⁾ «Die Neue Zeit», XVI, 1, 1898, 302.

¹⁰²⁾ Там же, 304.

¹⁰³⁾ C. P. Lucas: «Greater Rome and Greater Britain». Oxf. 1912, Earl of Cromer: «Ancient and modern Imperialism», L. 1910.

¹⁰⁴⁾ Schilder, н. с., 38—42.

¹⁰⁵⁾ Wahl: «La France aux colonies», цит. у Henri Russier: «Le partage de l'Océanie», P. 1905, p. 167.

¹⁰⁶⁾ Schulze-Gaevernitz: «Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des XX Jahrhunderts», Lpz. 1906, 318. То же говорит Sartorius v. Waltershausen «Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande», Brl. 1907 46

¹⁰⁷⁾ Шильдер, 1, 160—161.

¹⁰⁸⁾ I.-E. Driautt: «Problèmes politiques et sociaux», P. 1907, 299.

¹⁰⁹⁾ «Die Neue Zeit», 1914, 2 (32 т.); 90, 11 ноября 1914 г.—Ср. 1915, 2, 107 сл.

¹¹⁰⁾ Hobson: «Imperialism», 324.

¹¹¹⁾ «Die Neue Zeit», 1915, 1, 144, 30 апр. 1915 г.

¹¹²⁾ R. Calwer: «Einführung in die Weltwirtschaft», Brl. 1906.

¹¹³⁾ «Stat. Jahrbuch für das Deutsche Reich 1915»; Archiv für Eisenbahnwesen, 1892; за 1890 год небольшие частности относительно распределения жел. дорог между колониями разных стран пришлось определять приблизительно.

¹¹⁴⁾ Ср. также Elgar Cramond: «The Economic Relation of the British and German Empires» в «Journal of the Royal Statistical Society», 1914, july, 777.

- ¹¹⁵⁾ Hobson, 59, 60.
¹¹⁶⁾ Schulze-Gaevernitz: «Br. Imp.», 320 и др.
¹¹⁷⁾ Sart. von Waltershausen: «D. volksw. Syst. etc.», Buch IV.
¹¹⁸⁾ Schilder, 393.
¹¹⁹⁾ «Die Bank», 1911, 1, стр. 11.
¹²⁰⁾ Hobson, 103, 205, 144, 335, 386.
¹²¹⁾ Gerhard Hildebrand: «Die Erschütterung der Industrieherrschaft und des Industriesozialismus», 1910, 229.
¹²²⁾ «Statistik des Deutschen Reichs», Band 211.
¹²³⁾ Henger: «Die Kapitalsanlage der Franzosen», St. 1913.
¹²⁴⁾ Hourwich: «Immigration and Labor», N.-Y. 1913.
¹²⁵⁾ «Briefwechsel von Marx und Engels», Bd. II, 290; IV, 453. — K. Kautsky: «Sozialismus und Kolonialpolitik», Brl. 1907, 79; эта брошюра писана еще в те бесконечно далекие времена, когда Каутский был марксистом.
¹²⁶⁾ Русский социал-шовинизм господ Потресовых, Чхенкели, Масловых и т. д., как в своем откровенном виде, так и в прикровенном (т.г. Чхеидзе, Скобелев, Аксельрод и пр.) тоже вопрос из русской разновидности оппортунизма, именно: ликвидаторства.
¹²⁷⁾ «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. II, 193.
¹²⁸⁾ J. Patouillet: «L'impérialisme américain», Dijon 1904, 272.
¹²⁹⁾ «Bull. de l'Inst. int. de stat.» t. XIX, livr. II, 225.
¹³⁰⁾ Kautsky: «Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund» Nürnb. 1915, 72 и 70.
¹³¹⁾ «Фин. кап.», 567.
¹³²⁾ «Die Bank», 1909, 2, 810.
¹³³⁾ «Neue Zeit», 30 апр. 1915, 144.
¹³⁴⁾ David Jayne Hill: «A History of the Diplomacy in the international development of Europe», vol. I, p. X.
¹³⁵⁾ Schiller, n. с., 178.
¹³⁶⁾ «Фин. кап.», 487.
¹³⁷⁾ «Grdr. der Soz.-Oek.», 146.
¹³⁸⁾ П. Киевский — Ю. Л. Пятаков.
¹³⁹⁾ О писаниях Мартынова и Кричевского — см. подробнее в брошюре «Что делать?», перепечатанной в V томе Собр. сочинений.
¹⁴⁰⁾ Юниус — псевдоним Р. Люксембург.
¹⁴¹⁾ Ориодокс — Л. И. Аксельрод.

* * *

В виду крайней специности работы над XIII томом Собр. соч. Н. Ленина редакция была вынуждена отказаться отдать: 1) документальные приложения и 2) целый ряд примечаний, освещавших эпоху империалистской войны.

Указатель имен.

А.

- Агад — 275—276, 324.
Агвиальдо — 323.
В. Адлер — 24, 116—117.
Ф. Адлер — 307.
П. Аксельрод — 34, 39—42, 52, 58, 66, 72, 74, 77, 85—87, 112, 122, 137—138, 142, 196, 202, 220, 222, 223, 225—226, 234, 399, 470.
Алексинский — 14, 65—66, 85, 127, 225, 238, 339, 364, 375, 385.
Ап (Жордания) — 128.
Армстронг — 287.
Астроп — 220.

Б.

- Бадаев — 115.
Барбони — 190, 194—197.
Барресс — 83.
О. Бауэр — 44, 109, 402.
Бебель — 102.
Беленин (Ильиников) — 30.
Бельгер — 167.
Берар — 324.
Бернштейн — 87, 181; 185, 437.
Бисмарк — 7, 28, 79, 487.
Биссолати — 13, 32, 35, 115, 168, 194, 479, 490.
Блэй — 104.
Бобринский — 27—28.
Бобров (Натасон) — 45—46.
Борисов — 58.
Борхардт — 42—43, 425.
Брайтинг — 168—169.
Броде — 466.
Брейлсфорд — 144.
Булыгин — 157.
Бунаков — 215.
Бурдерон — 510—512.
Бурцев — 26, 111.
Бухарин — 268.
М. Бэр — 297.
Бюлов — 386.

В.

- Фон-Вальтерсхайзен — 167, 315.
Вальян — 10, 13, 45—46, 115, 120, 161—163.
Вандервельде — 23, 32, 35, 40, 45—46, 60, 67, 77, 114, 117, 120, 128, 137, 170, 178, 200, 392, 394, 396, 454, 512.
Вейнкоп — 449.
Вивиани — 57.
Вильгельм II — 5, 145, 230, 422, 484—486.
Вильсон — 483.

Г.

- Газе — 18, 23, 77, 87, 119, 170—171, 181, 454, 491, 498.
Гайдамай — 13—14, 31—32, 35, 60, 77, 135—137, 143, 162—163, 200, 454, 480—481, 512.
Гамбетта — 222.
Гардени (В. Чернов) — 44, 146.
Гарibalди — 146.
Гармс — 151.
Фон-Гвиинер — 291.
Воздев — 217, 238, 390, 466, 479, 481.
Гегель — 143.
Гед — 13, 35, 41, 60, 77, 135—136, 161—163, 173, 196, 200—201, 206, 447.
Гейман — 248, 272—273.
Гейне — 115—117, 119.
Гейнинг — 290.
Гельфрих — 494.
Гендерсон — 178, 454, 480.
Гениш — 67, 163, 215.
Гизо — 71.
Гильдебранд — 318.
Гильом — 101.
Гильфердинг — 232, 245, 247, 271—272, 277, 279, 302, 313, 325, 353, 364, 471, 473.
Гинденбург — 87, 119, 215, 230, 236—237, 367, 407, 467.

Ярс — 386.
Гобсон — 243, 245, 296, 308, 314—318,
320, 322, 324, 471, 473.

Голэй — 182—189.

Гортер — 105, 169, 238, 424.

Э. Грей — 69.

Грейдих — 169, 498—499, 504, 507.

Р. Гrimm — 169, 206—207, 419, 491
501—509.

Грунвальд — 215.

Грюнберг — 418.

Губер — 504.

Гурович — 365.

Гучков — 26, 146, 390—391, 466,
484—485.

Губнер — 298.

Гюисман — 235, 393—395, 512.

Д.

Э. Давид — 82, 101, 128, 136, 163, 175,
229, 394, 399, 436—437, 447, 474.

Давыдов — 282.

Дебс — 511.

Дешаель — 287.

Джилитти — 193.

Дизраэли — 297.

Долгоруков — 26.

Дрио — 304.

Дункер — 435.

Дэлэзи — 138.

Ш. Дюма — 136.

Дюнинг — 365—367.

Е.

Ейдельс — 266—267, 270—271, 288,
290.

Ж.

Желябов — 146.

Жоффе — 87.

Жуо — 205.

З.

Зиновьев — 92.

Зорге — 475.

Зюдекум — 18, 31, 34—35, 37—42, 44,
87, 115, 119, 122, 141, 170—171,
178, 180, 182, 205, 229, 231, 235,
237—238, 394, 466.

И.

Ионов — 66, 85, 220.

Иорданский — 53.

К.

Кайо — 144.

Кальвер — 310.

Карпеджи — 319.

Каутский — 10, 13—15, 18—24, 32, 35,
41, 60—62, 64, 67, 69, 72, 77, 79, 81,
84, 87, 100—101, 105—106, 116—
117, 119—120, 128, 135, 138, 140—
165, 169—170, 172—174, 177—178,
180—181, 187—188, 194—197,
200—201, 204, 206, 222, 225, 231—
235, 238—239, 243, 245, 255, 306—
311, 323—326, 328, 330—330, 346,
353, 368, 392, 398, 424, 427—428,
436—437, 447, 450, 454, 456, 470—
471, 475—477, 483—484, 486—491,
498, 511—5. 2.

Кейр-Гарди — 13, 45—46, 57.

Керенский — 35, 111, 220, 485.

Кестнер — 254—255.

Киевский (Пятаков) — 340—385.

Клаузевитц — 97, 144—145.

Клемансо — 222.

Фон-Клюк — 23.

Кольб — 215, 232—233.

Коррадини — 191.

Коссовский — 58, 85, 134, 178, 196,
220.

Крестовников — 26.

Кричевский — 374.

Кропоткин — 26, 111, 195—196, 391,
513.

Крупп — 267, 287.

Кудашев — 114.

А. Кулишер — 430.

Кунов — 138—140, 147, 158, 181, 197,
309, 375, 411, 415.

Кутлер — 26.

Л.

Лабриола — 191—192.

О. Ланг — 504.

Лансбург — 281, 316, 324, 326—328.

Ларин — 30—31, 34, 52.

Лассаль — 28, 156, 444.

Левин — 249.

Левицкий — 196, 212.

Легин — 128, 164, 171, 174—177, 179,
229, 411, 436—437, 447, 454, 474,
480, 483, 486, 490.

Ледер — 14.

Ленч — 67, 101, 147, 163, 215, 375, 404,
411—412, 415, 434, 476.

В. Либкнехт — 38, 94, 102.

К. Либкнехт — 13, 91, 128, 175, 195,
227, 233, 396, 467, 489, 491, 493,
503, 508—509, 512.

Либман — 434.

Лизис — 277—278.

Линкольн — 323.

Лифман — 256—257, 270, 272, 294.

Лонгэ — 396, 454, 491, 498, 511—512.

Ллойд-Джордже — 144, 151, 480—481.

Р. Люксембург—137, 157, 161—162,
227, 381, 398, 4—5, 433.
Люкас—166.

Маевский—467.
Майерас—454.
Макдональд—13, 45—46, 454.
Макензи—119, 485.
В. Маклаков—464.
Маклин—503, 508.
Максимович (Литвинов)—45—46,
57—59.

Маньков—52, 220.
Манташев—291.
Манц-Шеппи—504.
Марков 2-й—208, 214.
Маркс—15, 18, 27—29, 38—40, 61,
63, 93, 97, 101—102, 106, 109,
135, 137, 146, 148, 160, 204,
206, 210, 215, 237, 218—249,
263, 320, 336, 366, 370, 401,
416—418, 443—446, 460, 467,
470, 474—475, 480.

Мартов—14, 22, 25, 34, 45, 52,
85—86, 128, 162, 165, 220, 223,
226, 231, 238, 364, 399, 407,
424, 434—435, 448, 454, 463,
465—467, 473, 487, 511.

Мартынов—220, 374.
П. Маслов—10, 13—14, 26, 33—34,
68, 73, 112, 212, 465, 467, 487.

Машинадзе—85.
Мергейм—205, 227, 510—512.

Меньшиков—26.
Мерлинг—13—14, 137, 157, 161,
435.

Мильеран—146, 206.
Милюков—230, 390—391, 485.
Михельсон—190—191, 193.
Морган—265.
Моррис—296.
Мурнов—54—55, 57, 115, 178.
Муссолини—33, 115.
Мэн—475.
Мюллер—504.

Н.

Наполеон III—210, 235—236.
А. Неймарк—282, 324.
Ненарокомов—114.
Нобель—290.
Вэн—498, 501—509.

О.

Оранский—217.
Ортодокс (Л. Аксельрод)—465, 467.

Н.

Паниекук—13, 24, 105, 139, 169.
Нарвус—215, 411.
Г. Петрович—467.
Петровский—53—56, 115.
Платтен—499, 508.
Плеханов—10, 13—14, 18, 25—26,
31—35, 37—38, 52, 60, 65—68, 77,
84—86, 88, 98, 101, 104—106,
116—117, 122, 126—128, 135, 137,
140, 142—145, 147, 161—163, 173,
181, 187—188, 191—193, 195—196,
200—201, 204, 209—212, 215, 220,
222, 225, 231—233, 235—236, 238,
345, 389—392, 394, 399, 434, 445,
447, 454, 467, 480, 483, 486—488,
512.

Потресов—38, 42, 61—64, 73, 112,
125, 179, 194, 196, 210, 238, 390—
391, 43—434, 448, 463, 465—467,
474, 479, 481, 487.

Прессман—234, 396, 454.
Прудон—40.
Пуанкаре—8, 422.
Пуришевич—27—28, 38—39, 193,
466.
Пфлюгер—504.

Р.

К. Радек—139, 406, 425.
Радищев—26.
Раковский—105.
Рениер—101, 484.
Ренодель—450—481, 512.
Риссер—265, 272, 330, 333.
Робесиер—146.
Родичев—26.
Родс—297—298, 302.
Рокфеллер—265, 290—292.
Роланд-Гольст—449.
Ропшин (Савинков)—44, 143.
Ротшильд—290.
Рубанович—26, 34, 45—46, 111, 202.
Рязанов—418.
Рюль—396, 436, 510—512.

С.

Саландра—146.
Самба—23, 45, 77, 115, 120, 170, 178,
447, 454, 512.
Сафаров—510—513.
Семковский—78—79, 81—82, 85—
86, 230, 383, 433—434.
Сен-Симон—3—6.
Сименс—273.
Сисмонди—470.
М. Скобелев—448, 467.

Э. Смирнов—10, 13, 26, 33—34.
Стайнинг—393.
Столыпин—230, 394—395, 426, 487.
Струве—147, 210, 411, 415.
Супан—295, 298.

Т.

Тальгеймер—435.
Тревес—234, 454.
Трир—395.

А. Тома—454, 483, 486.
Троцкий—79—80, 82, 86—88, 105,
127—129, 213—214, 225, 228, 238,
424, 434, 465, 473, 511.

Трульстра—75, 77, 120, 169, 459.
Турати—483, 486—487, 489—490.
Тверь—79.

Ф.

Фейсрбах—156.

Х.

Хвостов—214—215, 219, 230.
Хеглунд—120, 169, 503, 508—509.
Хейльман—394.
Хилл—330.
Хэйльз—475.

И.

К. Исткин—120, 435.

Ч.

Челюков—230.
Чембралэн—297.
Черевапин—42, 73, 112, 125, 196,
212, 467.
В. Чернов—44—46.

Чиршкин—262.
Чхеидзе—34, 52—53, 80, 85—86, 89,
113, 115, 125, 128, 196, 202, 209,
212, 222, 224—228, 234, 390, 399,
435, 448, 454, 462—468, 479, 481,
511.
Чхенкелли—128—129, 225, 390, 435,
448, 467, 474.

Ш.

Шейдеман—77, 119—120, 164, 171,
178—180, 454, 467, 480—481, 483,
486—488, 490.
Шильдер—301, 303.
Шнейдер—287.
Штребель—171, 435, 437.
Штургк—397.
Штурмер—386.
Шульц—151.
Шульце-Геверниц—259—260,
264—265, 270, 272, 303, 316, 318.

Э.

Эберт—508—509.
Эдуард VII—281.
Энгельс—20, 22, 27, 38, 97, 101—
102, 107, 109, 135, 146, 204, 320—
321, 357, 368, 370, 401, 417, 418,
427—428, 444, 460—461, 474—476,
479—482.
Эрве—13, 35.
Эшвеге—279—281, 324.

Ю.

Юниус (Р. Люксембург)—429, 435—
448.
Юркевич—433.

СОДЕРЖАНИЕ.

1914 год.

	<i>Стр.</i>
Война и Российская социал-демократия. («Социал-Демократ», № 33 от 1 ноября 1914 г.)	5
Положение и задачи социалистического Интернационала. («Социал-Демократ», № 33 от 1 ноября 1914 г.)	12
Один немецкий голос о войне. («Социал-Демократ», № 34 от 5 декабря 1914 г.)	17
Мертвый шовинизм и живой социализм. (Как восстанавливать Интернационал?). («Социал-Демократ», № 35 от 12 декабря 1914 г.)	19
О национальной гордости великороссов. («Социал-Демократ», № 35 от 12 декабря 1914 г.)	25
Что же дальше? (О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму). («Социал-Демократ», № 36 от 23 декабря 1914 г.)	29

1915 год.

Русские Зюдекумы. («Социал-Демократ», № 37 от 1 февраля 1915 г.)	37
Как поляция и реакционеры охраняют единство германской социал-демократии. («Социал-Демократ», № 39 от 3 марта 1915 г.)	42
О Лондонской конференции. («Социал-Демократ», № 39 от 3 марта 1915 г.)	45
Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. («Социал-Демократ», № 40 от 29 марта 1915 г.)	46
Что доказал суд на Р. С.-Д. Р. П. Фракцией? («Социал-Демократ», № 40 от 29 марта 1915 г.)	52
По поводу Лондонской конференции. («Социал-Демократ», № 40 от 29 марта 1915 г.)	57
К изложению лозунга гражданской войны. («Социал-Демократ» № 40 от 29 марта 1915 г.)	59
Софизмы социал-шовинистов. («Социал-Демократ», № 41 от 1 мая 1915 г.)	61
Вопрос об объединении интернационалистов. («Социал-Демократ», № 41 от 1 мая 1915 г.)	65
Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия («Социал-Демократ», № 41 от 1 мая 1915 г.)	68
Крах платонического интернационализма. («Социал-Демократ», № 42 от 21 мая 1915 г.)	70
О борьбе с социал-шовинизмом. (Приложение к № 42 «Социал-Демократа», от 1 июня 1915 г.)	74
О поражении своего правительства в империалистской войне. («Социал-Демократ», № 43 от 26 июля 1916 г.)	78

	<i>Стр</i>
О положении дел в Российской социал-демократии. («Социал-Демократ», № 43 от 26 июля 1915 г.)	84
Социализм и война (брошюра)	89—129
Предисловие	91
Гл. I. Принципы социализма и войны 1914—1915 г.	93
Гл. II. Классы и партии в России	110
Гл. III. Восстановление Интернационала	116
Гл. IV. История раскола и теперешнее положение с.-д. в России	123
О лозунге Соединенных Штатов Европы. («Социал-Демократ», № 44 от 23 августа 1915 г.)	130
Крах II Интернационала. («Коммунист», № 1—2 за 1915 г.)	133
Честный голос французского социалиста. («Коммунист», № 1—2 за 1915 г.)	182
Империализм и социализм в Италии (заметка). («Коммунист», № 1—2 за 1915 г.)	190
Первый шаг. («Социал-Демократ», № 45—46 от 11 октября 1915 г.)	198
Революционные марксисты на Международной Социалистической Конференции 5—8 сентября 1915 г. («Социал-Демократ», № 45—46 от 11 октября 1915 г.)	203
Несколько тезисов (От редакции). («Социал-Демократ», № 47 от 13 октября 1915 г.)	207
О двух линиях революции. («Социал-Демократ», № 48 от 20 ноября 1915 г.)	210
У последней черты. («Социал-Демократ», № 48 от 20 ноября 1915 г.)	214
Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистическими фразами. («Социал Демократ», № 49 от 21 декабря 1915 г.)	216
 1916 год.	
Есть ли своя линия у О. К. и фракции Чхеидзе? («Социал-Демократ», № 50 от 19 февраля 1916 г.)	224
О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах дня в России. («Социал-Демократ», № 51 от 29 февраля 1916 г.)	229
Вильгельм Кольб и Георгий Плеханов («Социал Демократ», № 51 от 29 февраля 1916 г.)	232
«О программе мира». («Социал-Демократ», № 52 от 25 марта 1916 г.)	233
Империализм как новейший этап капитализма (брошюра)	241—336
Предисловие	243
Новейший капитализм	245
1. Концентрация производства и монополия	246
2. Банки и их новая роль	258
3. Финансовый капитал и финансовая олигархия	271
4. Вывоз капитала	284
5. Раздел мира между союзами капиталистов	288
6. Раздел мира между великими державами	295
7. Империализм как особая стадия капитализма	304
8. Народничество и загнивание капитализма	313
9. Критика империализма	322
10. Историческое место империализма	331
О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»	337—385
1. Марксистское отношение к войнам и к «защите отечества»	341
2. «Наше понимание новой эпохи»	347
3. Что такое экономический анализ?	351
4. Пример Норвегии	358
5. О «монизме и дуализме»	364
6. Остальные политические вопросы, затронутые и извращенные П. Киевским	373
7. Заключение. Приемы Алексинского	385
О сепаратном мире. («Социал-Демократ», № 56 от 6 ноября 1916 г.)	386
Целый десяток «социалистических» министров («Социал-Демократ», № 56 от 6 ноября 1916 г.)	393

	Стр.
Речь на съезде швейцарской с.-д. партии 4—5/XI 1916 г.	395
Итоги дискуссии о самоопределении. («Сборник Социал-Демократа», № 1, октябрь 1916 г.)	396—434
1. Социализм и самоопределение наций	399
2. «Осуществима ли» демократия при империализме?	403
3. Что такое аннексия?	405
4. За аннексии или против аннексий	408
5. Почему социал-демократия против аннексий?	412
6. Можно ли противополагать колонии «Европе» в данном вопросе?	413
7. Марксизм или прудонизм	416
8. Особое и общее в позиции голландских и польских соц.-дем. ин-тернационалистов	423
9. Письмо Энгельса к Каутскому	427
10. Ирландское восстание 1916 г.	429
11. Заключение	433
О брошюре Юниуса. («Сборник Соц.-Демократа», № 1, октябрь 1916 г.)	435
О лозунге «разоружения» («Сборник Соц.-Демократа», № 2, декабрь 1916 г.)	449
«Интернационал Молодежи» (заметка). («Сборник Соц.-Демократа», № 2, де-кабрь 1916 г.)	458
Потуги обелить оппортунизм. («Сборник Соц.-Дем.», № 2, декабрь 1916 г.)	462
Фракция Чхеидзе и ее роль. («Сборник Соц.-Дем.», № 2, декабрь 1916 г.)	464
Империализм и раскол социализма. («Сборн. Соц.-Дем.», № 2, декабрь 1916 г.)	468
 1917 год.	
Поворот в мировой политике. («Социал-Демократ», № 58 от 31 января 1917 г.)	483
Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии. («Пролетар-ская Революция», № 4 за 1924 г.)	491
Открытое письмо к Шарлю Пэну. («Пролетарская Революция», № 4 за 1924 г.)	501
Добавление. О задачах оппозиции во Франции. (Письмо к т. Сафа-рову. От 10 февраля 1916 г.)	510
 —	
Примечания	515—530
Указатель	531
 —	

Гос. Техн. Текстильный Фабр. „Светоч“ мк